

Журнал входит в Перечень ВАК России ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Прежние названия: «Научный коммунизм» (1973–1990); «Социально-политические науки» (1990–1993); Социально-политический журнал» (1993–1998.); «Социально-гуманитарные знания» (с 1999)

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИОЛОГИЯ: ТЕОРИЯ, ОСНОВНЫЕ КОНЦЕПЦИИ, СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ

Плетнев А.В., Конанчук С.В. Изменение синестетических образов в массовой культуре под влиянием аномии неокapиTaлистического общества..... 5

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА. СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

Беликова Е.К., Попов Е.А. Современные проблемы соотношения естественного и искусственного интеллекта в парадигме культуры 9

Даниелян М.Г. Роль языка в современной языковой политике 14

Стебляк В.В., Чернов А.С., Лоткин И.В. Организационно-педагогические условия применения маркетинговых технологий в социально-культурной деятельности 18

Лутошкина В.Н. Лидерство как сценарий будущего в профессиональном самоопределении выпускников современной школы..... 22

Мартыненко В.В., Попов М.Ю., Мартыненко С.В., Каропова С.Г. Социальный порядок: социетальные аспекты, тенденции и динамика развития 26

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА. СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ. СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

Баландина Т.М., Болдырев А.Н. Управленческое конструирование организационной культуры воинского подразделения 32

Волков Ю.Г. Полиэтнический российский социум: этнические основания интеграционных процессов..... 36

Дашибалова И.Н., Ван И.Д. Цифровая трансформация общества в Республике Бурятия 42

Дзагурова Н.Х. Оценка семейных установок в студенческой среде: на примере Республики Северная Осетия – Алания 47

Канторов Н.Ю. Спорт и спортивная индустрия как социальный институт..... 50

Кемайкин Н.К., Жмыриков А.Н., Пикалов О.А. Повышение эффективности коммуникации собственников с управляющими компаниями..... 54

Кокорева М.Е., Юдина О.И. Роль специалистов социальной работы в здравоохранении 60

Учредитель: ООО «Издательство «КноРус»

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-83076

Выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 26.04.2022 г.

ISSN 0869-8120

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2

E-mail: shk_journal@mail.ru

Сайт: <http://socgum-journal.ru>

Журнал представлен в Научной электронной библиотеке elibrary.ru и зарегистрирован в наукометрической базе РИНЦ (Российский индекс научного цитирования)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

Миронов Анатолий Васильевич – доктор социологических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, почетный работник ВПО РФ, академик РАСН, РАЕН, Международной академии наук (русская секция), член Союза социологов, Союза журналистов, Союза писателей РФ (Москва)

Ответственный секретарь:

Миронова Елена Витальевна (Москва)

Аванесова Галина Алексеевна – доктор философских наук, профессор, эксперт центра «Гражданское общество и социальные коммуникации» (кафедра ЮНЕСКО)

РАНХиГС при Президенте РФ (Москва); **Балбеко Анатолий Михайлович** – доктор педагогических наук, профессор, почетный работник ВПО РФ (Москва); **Владимирова**

Татьяна Николаевна – доктор педагогических наук, проректор МПГУ, директор Института журналистики, коммуникаций и медиаобразования, член Союза журналистов

России (Москва); **Волков Юрий Григорьевич** – доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, научный руководитель Института социологии и регионалистики ЮФУ (Ростов-на-Дону); **Иванов Вилен Николаевич** – доктор философских

наук, профессор, чл.-корр. РАН, советник РАН (Москва); **Капицын Владимир Михайлович** – доктор политических наук, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва);

Кара-Мурза Сергей Георгиевич – доктор химических наук, профессор, главный научный сотрудник ИСПИ РАН (Москва); **Карпухин Олег Иванович** – доктор социологических наук, профессор Московского гуманитарного университета, Заслуженный деятель науки РФ; **Кефели Игорь Федорович** – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии и социологии Балтийского государственного

технического университета (Санкт-Петербург); **Козлова Оксана Николаевна** – доктор социологических наук, профессор, директор Института социологии (Щецин, Польша); **Кривошусов Виктор Владимирович** – доктор социологических наук, профессор Государственного университета управления (Москва); **Макаров Анатолий Васильевич** – кандидат философских наук, профессор, зав. кафедрой проектирования образовательных систем Республиканского института высшей школы (Беларусь, Минск);

Матюхин Андрей Викторович – доктор политических наук, профессор, зав. кафедрой философии и истории Московского финансово-промышленного университета (Москва); **Михайленко Олег Михайлович** – доктор политических наук, профессор, руководитель отдела исследования социально-политических отношений Центра политологии и политической социологии Института социологии ФНИСЦ РАН (Москва); **Ореховская**

Наталья Анатольевна – доктор философских наук, профессор департамента социологии Финансового университета при Правительстве РФ (Москва); **Панферова Валентина Васильевна** – зам. главного редактора, кандидат философских наук, профессор, почетный работник ВПО РФ, член Международной федерации журналистов, профессор кафедры коммуникационного менеджмента, рекламы и связи с общественностью Института журналистики, коммуникаций и медиаобразования МПГУ (Москва); **Пуляев**

Вячеслав Тихонович – доктор экономических наук, профессор, президент Академии гуманитарных наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург); **Скворцов Николай Генрихович** – доктор социологических наук, профессор, декан социологического факультета СПбГУ (Санкт-Петербург); **Субочев**

Николай Сергеевич – доктор социологических наук, профессор кафедры корпоративного управления РАНХиГС, почетный работник ВПО РФ (Волгоград); **Хазиев Валерий Семенович** – доктор философских наук, профессор, почетный работник ВПО РФ, заведующий кафедрой философии, социологии, политологии БГПУ им. М. Акмуллы, директор научно-исследовательского центра развития исламского образования БГПУ им. М. Акмуллы (Уфа, Башкирия)

Отпечатано в типографии ООО «Стромынка Принт», Москва, ул. Стромынка, д. 18

Тираж 300 экз. Формат А4. Подписано в печать: 30.11.2023 Цена свободная

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию.

Издание не подлежит маркировке согласно п. 2 ст. 1 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию».

<i>Лоскутова И.М., Тарченко В.С., Юдина Е.Н., Лимонова М.А.</i> Опыт практического применения метода интервью в эмпирической базе выпускных квалификационных работ	63
<i>Малышкина Д.А.</i> Вопросы организации практик общественного участия в процессе формирования комфортной городской среды	68
<i>Маханева Е.А.</i> Мультикультурная коммуникация в профессиональных коллективах: социальная безопасность	71
<i>Мухаметшина Г.Р.</i> Оценка рынка образовательных услуг как условие устойчивого социально-экономического развития региона	75
<i>Рябова Т.М., Мотылев А.К.</i> Поддержка предпринимательства как условие для личностной и профессиональной самореализации молодежи в России	80
<i>Середкина Е.В., Селеткова Г.И., Бутова О.А., Байдаров А.А., Асташина Н.Б.</i> Роботы-пациенты: новый уровень медицинского образования и подготовки врачей?	85
<i>Ушаков Е.В.</i> Эволюция концепции здоровых городов: обобщение международного опыта	88

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ. ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ. СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ. ФИЛОСОФИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

<i>Бельский В.Ю., Золкин А.Л.</i> Суперпозиция культурных моделей, цивилизационный синтез и особенности русского просвещения	92
<i>Бусов С.В.</i> Феноменология выбора в свете синергетической философии истории	99
<i>Гезалов А.А.</i> Социокультурный контекст трансформации российского общества	105
<i>Гилимханов Д.В., Сунагатова Э.М.</i> Отражение философской дилеммы «Машина ощущений» в современной культуре	111
<i>Михайлова А.О.</i> Научно-техническая революция XX–XXI веков как фактор суицидального поведения	114

<i>Белкин А.И., Мочалов Е.В.</i> Деятельность неправославных конфессий в Республике Мордовия во второй половине 80-х –90-е гг. XX века	117
<i>Пичугин В.Г.</i> Связь и взаимное влияние исторического и правового сознания общества	124
<i>Иоселиани А.Д., Соколов А.В.</i> Причины и последствия распространения «фейковых новостей» в глобальном техногенном мире: социально-философский анализ	130
<i>Ушаков Е.В.</i> Анализ концептов в политологии и социальных исследованиях: идеи Дж. Сартори и их развитие	134
<i>Федотова В.А., Черкасова Е.В.</i> Социокультурные факторы формирования гражданской и этнической идентичности россиян: к постановке проблемы	138
<i>Хачатрян А.А., Шафигуллин В.А.</i> Ключевые проблемы современной социальной философии	144

ФИЛОСОФСКИЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ. ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

<i>Аванесова Г.А., Миронов А.В.</i> Постигание России: прорывы и тупики в развитии отечественной гуманитарной мысли (XVIII – начала XXI вв.)	148
--	-----

ФИЛОСОФИЯ РЕЛИГИИ И РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

<i>Лонский Я.А.</i> Анализ философско-исторической траектории становления религиозного экстремизма в России в период с 862 по 1917 год	155
--	-----

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

<i>Лю Цзя.</i> Концепция «мягкой силы» во внешней политике Китая и России: особенности и перспективы	158
<i>Осипов Е.А.</i> Выход Франции из военной организации НАТО в 1966 г. Причины и последствия	163

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Осетрова М.Г., Чемоданова Е.Г.</i> Взаимодействие языка и мышления от ребенка к взрослому	166
--	-----

TABLE OF CONTENTS

SOCIOLOGY: THEORY, MAIN CONCEPTS, MODERN APPROACHES

Pletnev A.V., Konanchuk S.V. The change of synesthetic images in popular culture under the influence of the anomie of neocapitalist society 5

SOCIAL PROBLEMS OF SOCIETY DEVELOPMENT. SOCIOLOGY OF CULTURE

Belikova E.K., Popov E.A. Modern problems of the relationship of natural and artificial intelligence in the paradigm of culture..... 9

Danielyan M.G. The Role of Language in Contemporary Language Policy 14

Steblyak V.V., Chernov A.S., Lotkin I.V. Organizational and pedagogical conditions for the use of marketing technologies in socio-cultural activities 18

Lutoshkina V.N. Leadership as a scenario of the future in the professional self-determination of graduates of a modern school 22

Martynenko V.V., Popov M.Y., Martynenko S.V., Karepova S.G. Social order: threats and risks for modern civilization..... 26

SOCIAL STRUCTURE. SOCIOLOGY OF MANAGEMENT. SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES

Balandina T.M., Boldyrev A.N. Managerial design of the organizational culture of a military unit..... 32

Volkov Yu.G. Consolidation of the Russian regional community: risk and threat analysis 36

Dashibalova I.N., Van I.D. Digital transformation of society in the Republic of Buryatia..... 42

Dzagurova N. Kh. Assessment of family attitudes in the student environment: on the example of the Republic of North Ossetia – Alania 47

Kantorov N.Y. Sport and the sports industry as a social institution..... 50

Kemaykin N.K., Zhmyrikov A.N., Pikalov O.A. Improving the effectiveness of communication between owners and management companies 54

Kokoreva M.E., Yudina O.I. The role of social work specialists in healthcare..... 60

Loskutova I.M., Vera S.T., Yudina E.N., Limonova M.A. Experience in the practical application of the interview method in the empirical base of final qualification works 63

Malyshkina D.A. Issues of organizing the practice of public participation in the process of creating a comfortable urban environment..... 68

Makhaneva E.A. Multicultural communication in professional team: social security..... 71

Muhametshina G.R. Assessment of the educational services market as a condition for sustainable socio-economic development of the region..... 75

Founder: LLC Publishing House «KnoRus»

Mass media registration certificate PI No. FS 77-83076 Issued by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media on April 26, 2022.

ISSN 0869-8120

Editorial address: 117218, Moscow, st. Kedrova, d. 14, bldg. 2

E-mail: shk_journal@mail.ru

Website: <http://socgum-journal.ru>

The journal is presented in the Scientific Electronic Library elibrary.ru and registered in the scientometric database RSCI (Russian Science Citation Index)

EDITORIAL TEAM:

Chief Editor:

Mironov Anatoliy Vasilievich – Editor in Chief, Dr. Sci. (Soc.), Prof., Honored worker of higher school of Russia, Russian Federation honorary worker of higher education, member of Russian Academy of Social Sciences, member of Russian Academy of Natural Sciences and International Academy of Sciences (Russian section), member of Union of sociologists, the Union of journalists, the Union of writers of Russia (Moscow)

Secretary of the editorial staff:

Mironova Elena Vitalievna

Avanesova Galina Alekseevna – Dr. Sci. (Philos.), Prof., civil society expert and social communication (UNESCO Chair) Russian presidential (Moscow); **Balbeko Anatoliy Mikhailovich** – Dr. Sci. (Educ.), Prof., Russian Federation honorary worker of higher education (Moscow); **Vladimirova Tatyana Nikolaevna** – Dr. Sci. (Educ.), prorector of Moscow State Pedagogical University, Director of the Institute of journalism, communications and media education, member of the Union of journalists of Russia (Moscow); **Volkov Yury Grigorievich** – Dr. Sci. (Philos.), Prof., Honoured science worker of RF, supervisor of the Institute of Sociology and regional studies SFU (Rostov-on-Don); **Ivanov Vilen Nikolaevich** – Dr. Sci. (Philos.), Prof., Corresponding member of the RAS, Counsellor of the RAS (Moscow); **Kapicyn Vladimir Mikhailovich** – Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof. of Lomonosov Moscow State University (Moscow); **Kara-Murza Sergey Georgievich** – Dr. Sci. (Chemic.), Prof., Chief researcher of the ISPR RAS (Moscow); **Karpukhin Oleg Ivanovich** – Dr. Sci. (Soc.), Prof. of the Moscow University for the humanities, Honoured science worker of RF, (Moscow); **Kefeli Igor Fedorovich** – Dr. Sci. (Phil.), Prof., Head of the Department of cultural studies and sociology at Baltic State Technical University (St. Petersburg); **Kozlova Oksana Nikolaevna** – Dr. Sci. (Soc.), Prof., Director of the Institute of Sociology (Szczecin, Poland); **Krivopuskov Viktor Vladimirovich** – Dr. Sci. (Soc), Prof. of the State university governance (Moscow); **Makarov Anatoliy Vasilievich** – Cand. Sci. (Philos.), Prof., Head of the Department of the educational systems planning of the Republican Institute of Higher Education (Belarus, Minsk); **Matyukhin Andrey Victorovich** – Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof., Head of Department of philosophy and the history of the Moscow financial-industrial University (Moscow); **Mihajlenok Oleg Michailovich** – Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof., Head of Department research on the socio-political relations Centre of politics and political sociology, Institute of Sociology FRSC RAS (Moscow); **Orehovskaya Natalya Anatolievna** – Dr. Sci. (Philos.), Prof. Department of Sociology University of Finance under the Government of the Russian Federation (Moscow); **Panferova Valentyna Vasilievna** – Deputy Chief Editor, Cand. Sci. (Philos.), Prof., Russian Federation honorary worker of higher education, member of the International Federation of journalists, Prof. Department of communication management, advertising and public relations of the Institute of journalism, communications and media education of Moscow State Pedagogical University (Moscow); **Pulyaev Vyacheslav Tihonovich** – Dr. Sci. (Econ.), Prof., President of the Academy of Arts, Prof. of St. Petersburg State University (St. Petersburg); **Skvortsov Nikolay Genrikhovich** – Dr. Sci. (Soc.), Prof., Dean of the Sociology Department of St. Petersburg State University (St. Petersburg); **Subochev Nikolay Sergeevich** – Dr. Sci. (Soc.), Prof. of chair of the corporate governance at RANEPa, Russian Federation honorary worker of higher education (Volgograd); **Haziev Valeriy Semenovich** – Dr. Sci. (Philos.), Prof., Russian Federation honorary worker of higher education, Head of the Department of philosophy, sociology, political science, Director of the Research Centre for development of Islamic education Bashkir State Pedagogical University by the name of M. Akmullah (Ufa, Bashkortostan)

Former titles: «Scientific Communism» (1973–1990); «Socio-Political Sciences» (1990–1993); «Socio-Political Journal» (1993–1998); «Social and Humanitarian Knowledge» (since 1999)

Printed in the printing house of Stromynka Print LLC, Moscow, st. Stromynka, 18
Circulation 300 copies. A4 format. Signed in print: 30.11.2023. Free price

All materials published in the journal are subject to internal and external peer review.

The publication is not subject to labeling in accordance with paragraph 2 of Art. 1 of the Federal Law of December 29, 2010 No. 436-FZ "On the Protection of Children from Information Harmful to Their Health and Development".

<i>Ryabova T.M., Motylev A.K.</i> Support for entrepreneurship as a condition for personal and professional self-realization of youth in Russia	80
<i>Seredkina E.V., Seletkova G.I., Burova O.A., Baidarov A.A., Astashina N.B.</i> Patient simulator: a new level of medical education and training of doctors?	85
<i>Ushakov E.V.</i> Evolution of the concept of healthy cities: synthesis of international experience.....	88
PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY. PHILOSOPHY OF CULTURE. SOCIAL PHILOSOPHY. PHILOSOPHY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY	
<i>Belsky V.Y., Zolkin A.L.</i> Superposition of cultural models, civilizational synthesis and features of the Russian enlightenment	92
<i>Basov S.V.</i> The phenomenology of choice in the light of the synergetic philosophy of history.....	99
<i>Gezalov A.A.</i> Socio-cultural context of transformation of russian society.....	105
<i>Gilimkhanov D.V., Sunagatova E.M.</i> Reflection of the philosophical dilemma «The Machine of Sensations» in modern culture	111
<i>Mikhaylova A.O.</i> Scientific and technological revolution of the XX–XXI centuries as a factor in suicidal behavior	114
<i>Belkin A.I., Mochalov E.V.</i> Activities of non-Orthodox faiths in the Republic of Mordovia in the second half of the 80s-90s. XX century	117
<i>Pichugin V.G.</i> Connection and mutual influence of historical and legal consciousness of society	124

<i>Ioseliani A.D., Sokolov A.V.</i> Causes and consequences of the spread of “fake news” in the global technogenic world: socio-philosophical analysis	130
<i>Ushakov E.V.</i> Analysis of concepts in political science and social research: the ideas of G. Sartori and their development	134
<i>Fedotova V.A., Cherkasova E.A.</i> Socio-cultural factors forming civil and ethnic identity of russians: theoretical prerequisites1	138
<i>Khachatryan A.A., Shafigullin V.A.</i> Key issues of modern social philosophy.....	144

PHILOSOPHICAL WORLD VIEWS. ONTOLOGY AND THEORY OF KNOWLEDGE

<i>Avanesova G.A., Mironov A.V.</i> Understanding Russia: Breakthroughs and Dead Ends in the Development of Russian Humanitarian Thought (XVIII – early XXI centuries)	148
--	-----

PHILOSOPHY OF RELIGION AND RELIGIOUS STUDIES

<i>Lonskiy Y.A.</i> Analysis of the Philosophical and Historical Trajectory of the Formation of Religious Extremism in Russia in the Period from 862 to 1917	155
--	-----

INTERNATIONAL RELATIONSHIPS

<i>Liu Jia</i> The concept of «soft power» in the foreign policy of China and Russia: features and prospects.....	158
<i>Osipov E.A.</i> France’s withdrawal from the NATO military organization in 1966. Causes and consequences	163

INTERDISCIPLINARY AND APPLIED RESEARCH

<i>Osetrova M.G., Chemodanova E.G.</i> The interaction of language and thinking from child to adult.....	166
--	-----

Изменение синестетических образов в массовой культуре под влиянием аномии неокapиталистического общества

Плетнев Александр Владиславович,

кандидат социологических наук, доцент кафедры философии и социологии Санкт-Петербургского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации
E-mail: venger.vin@rambler.ru

Конанчук Светлана Витальевна,

кандидат философских наук, доцент кафедры управления социальной сферой Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы
E-mail: moskov_sveta@mail.ru

Развитие массовой культуры получает новый импульс в связи с появлением феномена цифровой коммуникации. Цифровизация становится в последние десятилетия определяющим трендом социологической интерпретации общества. Однако, как теоретические, так и эмпирические исследования свидетельствуют, что цифровизация не является определяющей детерминантой для современного общества. Качественную специфику общества на современном этапе определяет распространение практик символического потребления. В итоге массовая культура общества потребления переориентируется на удовлетворение не реальных, а символических потребностей. Представленное исследование раскрывает один из существенных аспектов этого процесса – формирование и изменение синестетических образов в массовой культуре. Цифровая коммуникация позволяет в процессе социальной интеракции использовать различные типы ощущений одновременно. При этом для передачи смыслов формируется целостный, синестетический образ. Это неизученный и крайне актуальный аспект общества потребления. Синестетичность как характеристика производства и потребления статусов не только интересна с теоретической точки зрения, но и может быть результативно использована в построении маркетинговых коммуникаций.

Ключевые слова: синестезия, цифровая коммуникация, аномия, общество потребления, неокapитализм.

Введение и методология

Общество потребления на сегодняшний день является укоренившейся концепцией социальных наук и даже словом обывденного языка. При этом несмотря на огромное количество концепций, объясняющих общество потребления, большое количество эмпирических и теоретических исследований всё ещё отсутствует целостная теория, которая могла бы в достаточной мере объяснить происходящие социальные и экономические процессы. В XXI веке характер экономики меняется, появляются процессы виртуализации социальных отношений, развитие экономики становится всё более динамичным и непредсказуемым. Указанные обстоятельства в совокупности делают актуальным изучение особенностей массовой культуры на современном этапе. Любое социологическое исследование в настоящее время сталкивается с проблемой мультипарадигмальности, необходимости выбора теоретического подхода. Существующие тенденции к метатеоретизированию в социологии по сути являются формой отказа от поиска истины. В данном исследовании будет предложена концептуализация специфики общества потребления на современном этапе с точки зрения строго определённой парадигмы.

Теоретической основой представленного исследования являются институциональная теория аномии Стивена Мессера и Ричарда Розенфельда, концепция Альтеркапитализма Дмитрия Владиславовича Иванова. Онтологической ориентацией исследования является социологический номинализм. Гносеологической ориентацией исследования является интерпретативизм. Исследование проводилось методом реконструкции концепции.

Степень разработанности проблемы

Влияние тенденций развития экономики на массовую культуру и феномен общества потребления в целом осмысливаются учеными более 100 лет. Существующая неклассическая модель потребительского поведения, которая предполагает рациональное поведение потребителя и владение им достаточной информацией о товаре, подвергается всё больше критике как противоречащая очевидным фактам. Реальное потребительское поведение не является рациональным, потребители руководствуются иными мотивами. Указанная модель «не дает представления о том, почему люди решают покупать одни продукты, а не другие. В ней ничего не говорится о том, почему некоторые потребители становятся постоянными покупателями» [13, с. 5]. В современной социологии существуют различные направления в изучении потребительского поведения. Часть исследователей делает акцент на демонстративном потреблении. Это направление восходит к Торстейну Веблену и сейчас в данной парадигме работают Ву [18], Мейсон [12], Франк и другие. Исследователи, работающие в указанной парадигме, нередко предлагают принять практические меры,

призванные «обуздать расточительство, возникающее в результате чрезмерных трат на демонстративное потребление» [8, с. 216]. Представители другого направления склоняются к идее, что в современном мире происходит чрезмерное потребление. Среди них Де Граф, Нейлор [7], Шор [14] и прочие. Существуют и другие направления, которые изучают потребительское поведение через призму зелёной идеологии, через идею о необходимости достижения в обществе социального равенства [6]. Из огромной массы источников мы выделим те, которые созвучны теме нашего исследования. На современном этапе общим знаменателем изменения экономики социологи считают переориентацию с производства товаров и услуг на производство образов, впечатлений, статусов и ощущений [9]. Наибольший вклад в изучение данного вопроса был внесен Дмитрием Ивановым, предложившим теоретические концепции «Глем капитализма» и «Альтер капитализма» [1]. В соответствии с этими концепциями материальное производство становится только алиби, носителем для символического производства. Схожей логики придерживается немецкий философ Гернот Бёме, утверждающий, что происходит «насыщение приватной сферы экономикой» [5, с. 14]. Согласно Бёме в современной экономике производители ищут возможности создания новых эстетических форм восприятия для коммуникации с потенциальными потребителями.

Изучение синестезии как комплексной научной проблемы является предметом интереса специалистов из разных отраслей знания. Синестезия понимается как смешение, взаимный переход друг в друга различных типов ощущений. В этом процессе индивид «посредством речи и воображения представляя изображения говорит, слушает, видит, обоняет, пробует на вкус, чувствует, анализирует, размышляет, удивляется, создает и генерирует мысленные образы одновременно» [17, с. 5]. Психологические и философские исследования синестезии получают неожиданную актуальность в социологии и маркетинге. На перенасыщенном рынком товаров и услуг синестезия становится своеобразным инструментом, способом привлечения внимания целевых аудиторий к тому, что ей стремятся предложить маркетологи.

Сверхновая экономика как контекст изменения массовой культуры

Одним из общих знаменателей, характеризующих состояние общества XXI века в научных публикациях экономистов и социологов, является увеличение скорости протекания социальных процессов [11]. Длительные процессы в социальной и экономической жизни становятся не так важны, как тренды – очень быстрые изменения, которые привлекают внимание массы потребителей [3]. Поскольку формирование брендов на перенасыщенном рынке приводит к массовой конкуренции одних брендов с другими, сама технология брендинга перестает приносить желаемый эффект и «капитализация актуальности становится возможной, когда происходит сдвиг в сознании стоимости от брендов к трендам» [1, с.267]. Способность быстро ориентироваться в массе происходящих процессов становится наиболее актуальным умением, которое может легко принести огромные прибыли компании.

Интенсификация процессов производства и потребления в условиях сверхновой экономики приводит к изменению маркетинговых коммуникаций. Огромное разнообразие предлагаемых потребителю товаров, образов, способов коммуникации для каждого производителя порождает необходимость выделить свой товар, наделить его уникальными свойствами, чтобы заинтере-

ресовать и привлечь потребителей. Здесь от классической концепции удовлетворения реальных потребностей производители переходят к созданию символических потребностей, которые и предлагается удовлетворить при помощи товаров и услуг. Этот феномен получил в литературе наименование товарного фетишизма [9, с.110–120]. Фетишизм в данном контексте означает наделение вещи не свойственными ей качествами. Если в классической концепции Макса товарный фетишизм означал овеществление производственных отношений, то в современном понимании наоборот физическая вещь наделяется социальными качествами. Это означает поворот в понимании товарного фетишизма от позитивистской парадигмы к феноменологической [15]. К примеру дорогой спортивный автомобиль наделяет владельца качествами сексуальности и респектабельности. Хотя фактически потребителем приобретает непрактичная вещь, которая в большинстве случаев ему не нужна.

В итоге формирование динамичной сверхновой экономики переориентирует массовую культуру на потребление статусов взамен потребления для удовлетворения реальных потребностей. Такие процессы как виртуализация появления новых технологий являются только средой для развития виртуальной коммуникации, но не причиной качественной специфики социальных процессов на данном этапе.

Синестетические образы в условиях неокapитализма

Развитие коммуникации в цифровом пространстве, а также технологий дополненной реальности «Web 4.0» приводит к изменению характера конструирования жизненного мира индивидами. По сути в процессе цифровой коммуникации акторы все чаще обмениваются синтетическими сообщениями, содержащими не только текст, но и изображения, звуки и иные чувственно воспринимаемые сообщения, которые объединяются в единый образ. Гернот Бёме называет совокупность подобных образов атмосферой, когда взаимодействие с миром «имеет две стороны: с одной стороны, окружающая среда или обстановка, излучающая определённого качества настроения, с другой стороны пребываю я, участвуя посредством некой аффективной, эмоциональной вовлеченности в этом настроении» [4, с. 96]. При этом все инструменты, которые обеспечивают цифровую коммуникацию, являются только средством. Большой интерес представляет суть социальных процессов, движущие причины общественной жизни. В предыдущих параграфах были описаны процессы статусного, символического потребления, которые определяют специфику сверхновой экономики. В настоящее время можно смело утверждать, что эти процессы не являются трендом или тенденцией, но являются главной движущей силой современного капитализма. В связи с этим Плетневым А.В. был предложен термин неокapитализм (от греч. neos. новый, лат. capitalis головной, отменный) – тип формации или экономической культуры, основой которого является символическое потребление.

Фактически создание стоимости товара происходит не в момент его материального производства, а в момент разработки маркетинговой концепции товара. Ценность самого физического носителя (товара) относительно невелика и по своим характеристикам любой товар на современном рынке мало отличается от товаров конкурентов. Однако принадлежность товара престижного бренду, соответствие его актуальным трендом вызывает у потребителя желание приобрести данный

товар. И заплатить большую цену за приобретение его символических качеств.

Символическое потребление давно стало той парадигмой, в рамках которой ведущие компании выстраивают свою маркетинговую стратегию. Это бизнес-модель, «примерами которой могут служить компании Nokia и Apple, быстро вышедшие, соответственно, в конце 1990-х и середине 2000-х в глобальные лидеры продаж за счет регулярного генерирования трендов на рынках мобильных устройств» [2, с. 21]. Для успешной компании создания качественного товара или вложения в исследование не столь важны как создание рыночных трендов. В итоге мы имеем символическое потребление как цель экономических процессов и цифровую коммуникацию как среду реализации данной цели. Производителю крайне выгодно создать целостную синестетическую картину предлагаемой продукции в сознании потребителя. Название компании или наименование бренда должны сразу вызывать у потребителя ассоциации с качествами успеха и престижа. В настоящее время в научной литературе отсутствуют масштабные исследования синтетического аспекта коммуникации производителя с потребителем.

Заключение и дискуссия

Представленные исследования обладают не только теоретической, но и существенной практической значимостью. Его результаты могут быть использованы компаниями для выстраивания маркетинговых коммуникаций. Субъекты экономики всегда более оперативно и чутко реагируют на изменения в обществе, чем представители научного сообщества. Рассмотренные в теоретической части исследования концепции общества потребления содержат верные, но фрагментарные представления о сути происходящих в социальных процессах. Концепция неокapитализма даёт целостное объяснение всем аспектам социальной и экономической жизни. Рассмотренный феномен синестезии в настоящий момент слабо описан в литературе по социологии и маркетингу. Это обстоятельство обуславливает огромную перспективность и актуальность изучения роли синестетических образов в формировании современной экономики.

Представленная автором позиция может быть подвергнута критике и концепция неокapитализма нуждается в дальнейшей институционализации. При этом процессы символического потребления уже достаточно хорошо описаны в научной литературе. Концепция неокapитализма же способна собрать эти разрозненные представления воедино в целостную теорию, исчерпывающе описывающую сверхновую экономику

Литература

1. Иванов Д.В. Время Че: альтер-капитализм в XXI веке. Петербургское Востоковедение. 2012. – 352 с.
2. Иванов, Д.В. Глэм-капитализм: общество потребления в XXI в. // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Т. 14. № 5. с. 9–28.
3. Плетнев А.В. Развитие социальной аномии как фактор изменения педагогических практик в условиях виртуализирующегося общества // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 3 (79). с. 190–193.
4. Böhme G. Atmosphäre. Frankfurt am Main. 1995. – 208 s.
5. Böhme G. Critique of Aesthetic Capitalism. Mimesis International. 2017. – 108 s.
6. Boreus K., Bradley K., Tornhill, S. Breaking through banal consumerism? Representations of postconsumerist perspectives in mainstream press media // Journal of Consumer Culture. 2023. Vol. 1. Iss. 1. Pp 1–7. <https://doi.org/10.1177/14695405231199294>
7. De Graaf J., Naylor T., Wann D. Affluenza: How Overconsumption Is Killing Us – And How to Fight Back. Berrett-Koehler Publishers. 2014. – 288 p.
8. Frank R. Luxury Fever: Why Money Fails to Satisfy in an Era of Excess. 1999. New York. Free Press. – 326 p.
9. Holm N. Advertising and Consumer Society. A Critical Introduction. Routledge. 2023. – 224 p.
10. Ivanov D. New Forms of Inequality and Structures of Glam-Capitalism // Social Evolution and History. – 2016. – Vol. 15, No. 2. – Pp. 25–49.
11. Kavanagh D., Lightfoot G., Lilley S. Are we living in a time of particularly rapid social change? And how might we know? // Technological Forecasting and Social Change. Vol. 169. Pp. 1–20. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2021.120856>
12. Mason R. Conspicuous consumption: a study of exceptional consumer behavior. New York. Martin's Press. 1981. – 156 p.
13. Roach B., Goodwin N., Nelson J. Consumption and the Consumer Society. Boston. Global Development Policy Center. – 33 p.
14. Schor J., The Overspent American: Upscaling, Downshifting, and the New Consumer. 1st edition. New York: Basic Books. 1998. – 272 p.
15. Skotnicki T. Commodity Fetishism as Semblance // Sociological Theory. 2020. Vol. 38., Iss. 4. Pp. 362–377. <https://doi.org/10.1177/0735275120968256>
16. Tolstikova I., Ignatjeva O., Kondratenko K., Pletnev A. Generation Z and Its Value Transformations: Digital Reality Vs. Phygital Interaction // Communications in Computer and Information Science. 2020. Vol. 1242. Pp. 47–60.
17. Wenger W., Poe R. The Einstein factor. Rocklin. 1995. – 332 p.
18. Wu F. An Examination of the Effects of Consumption Expenditures on Life Satisfaction in Australia // Journal of Happiness Studies. 2020. vol. 21. Iss. 8 Pp 2735–2771.

THE CHANGE OF SYNESTHETIC IMAGES IN POPULAR CULTURE UNDER THE INFLUENCE OF THE ANOMIE OF NEOCAPITALIST SOCIETY

Pletnev A.V., Konanchuk S.V.

Saint Petersburg University of Ministry of Internal Affairs of Russia;
St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work

The development of mass culture is receiving a new impetus due to the emergence of the phenomenon of digital communication. Digitalization has become a defining trend in the sociological interpretation of society in recent decades. However, both theoretical and empirical studies show that digitalization is not a defining determinant for modern society. The qualitative specificity of society at the present stage is determined by the spread of symbolic consumption practices. As a result, the mass culture of the consumer society is reoriented to meet not real, but symbolic needs. The presented research reveals one of the essential aspects of this process – the formation and change of synesthetic images in popular culture. Digital communication makes it possible to use different types of sensations simultaneously in the process of social interaction. At the same time, a holistic, synesthetic image is formed to convey meanings. This is an unexplored and extremely relevant aspect of consumer society. Synesthetics as a characteristic of the production and consumption of statuses is not only interesting from a theoretical point of view, but can also be effectively used in the construction of marketing communications.

Keywords: synesthesia, digital communication, anomie, consumer society, neocapitalism.

References

1. Ivanov D.V. Time Che: alter-capitalism in the XXI century. Petersburg Oriental Studies. 2012. – 352 p.
2. Ivanov, D.V. Glam-capitalism: consumer society in the XXI century. // Journal of Sociology and Social Anthropology. 2011. Vol. 14. No. 5. p. 9–28.
3. Pletnev A.V. The development of social anomie as a factor of changing pedagogical practices in a virtualizing society // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. № 3 (79). c. 190–193.
4. Böhme G. Atmosphäre. Frankfurt am Main. 1995. – 208 s.
5. Böhme G. Critique of Aesthetic Capitalism. Mimesis International. 2017. – 108 s.
6. Boreus K., Bradley K., Tornhill, S. Breaking through banal consumerism? Representations of postconsumerist perspectives in mainstream press media // Journal of Consumer Culture. 2023. Vol. 1. Iss. 1. Pp 1–7. <https://doi.org/10.1177/14695405231199294>
7. De Graaf J., Naylor T., Wann D. Affluenza: How Overconsumption Is Killing Us – And How to Fight Back. Berrett-Koehler Publishers. 2014. – 288 p.
8. Frank R. Luxury Fever: Why Money Fails to Satisfy in an Era of Excess. 1999. New York. Free Press. – 326 p.
9. Holm N. Advertising and Consumer Society. A Critical Introduction. Routledge. 2023. – 224 p.
10. Ivanov D. New Forms of Inequality and Structures of Glam-Capitalism // Social Evolution and History. – 2016. – Vol. 15, No. 2. – Pp. 25–49.
11. Kavanagh D., Lightfoot G., Lilley S. Are we living in a time of particularly rapid social change? And how might we know? // Technological Forecasting and Social Change. Vol. 169. Pp. 1–20. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2021.120856>
12. Mason R. Conspicuous consumption: a study of exceptional consumer behavior. New York. Martin's Press. 1981. – 156 p.
13. Roach B., Goodwin N., Nelson J. Consumption and the Consumer Society. Boston. Global Development Policy Center. – 33 p.
14. Schor J., The Overspent American: Upscaling, Downshifting, and the New Consumer. 1st edition. New York: Basic Books. 1998. – 272 p.
15. Skotnicki T. Commodity Fetishism as Semblance // Sociological Theory. 2020. Vol. 38., Iss. 4. Pp. 362–377. <https://doi.org/10.1177/0735275120968256>
16. Tolstikova I., Ignatjeva O., Kondratenko K., Pletnev A. Generation Z and Its Value Transformations: Digital Reality Vs. Phygital Interaction // Communications in Computer and Information Science. 2020. Vol. 1242. Pp. 47–60.
17. Wenger W., Poe R. The Einstein factor. Rocklin. 1995. – 332 p.
18. Wu F. An Examination of the Effects of Consumption Expenditures on Life Satisfaction in Australia // Journal of Happiness Studies. 2020. vol. 21. Iss. 8 Pp 2735–2771.

Современные проблемы соотношения естественного и искусственного интеллекта в парадигме культуры

Беликова Евгения Константиновна,

кандидат культурологии, доцент кафедры английского языка факультета ВМК Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова
E-mail: jbelikova@list.ru

Попов Евгений Александрович,

доктор философский наук, профессор кафедры социологии и конфликтологии Института гуманитарных наук Алтайского государственного университета
E-mail: asusocio@yandex.ru

Развитие искусственного интеллекта, освоение им тех областей, которые всегда были прерогативой человека, его способностей и возможностей, ставит перед человечеством целый ряд новых проблем применения искусственного интеллекта в специфически гуманитарных областях, из которых на первом месте стоит культура. Термины «машинное, компьютерное, диджитальное, цифровое искусство» зафиксировали реальность соответствующих фактов, которые можно лишь с натяжкой назвать культурными, поскольку культура – совокупность достижений человека и человечества. Нам все чаще приходится сталкиваться с тем, что современные нейронные сети могут создавать объекты, до сих пор считавшиеся достижениями творческой деятельности человека. В данной статье поставлена цель рассмотреть уровень результатов машинного искусства и в целом развития «машинного творчества», а также установить, можно ли представлять эти результаты продуктом творческой деятельности. Это требует анализа основных трактовок творчества в современной философии, психологии, социологии, искусствоведении. В работе представлена попытка проанализировать и выработать аргументированный подход к решению актуальных проблем соотношения естественного и искусственного интеллекта в области культуры.

Ключевые слова: искусственный интеллект, естественный интеллект, машинное искусство, культура, творческая деятельность, духовность.

Современные успехи в сфере искусственного интеллекта (далее – ИИ) воздействуют на сознание человека и на общественное сознание, тем более что сейчас, после некоторого кризиса ожиданий в 70–80-е годы двадцатого века, наблюдается стремительный рост исследований в области ИИ, рисующий фантастические перспективы.

Искусственный интеллект – это созданное с использованием определенных методов программное обеспечение, которое может для указанного человеком набора целей производить выходные параметры, такие, как контент, прогностические сценарии, предложения или решения, воздействующие на условия, с которыми они взаимодействуют. [11, с. 56]

Хотя в последнее время наблюдается тенденция к акцентированию принципиальных различий искусственных нейронных сетей (ИНС) и естественного интеллекта, искусственный интеллект обычно получает антропоморфные определения. Близость запрограммированных функций и возможностей искусственного интеллекта интеллекту естественному неизбежно приводит к сопоставлениям и конкуренции машин и человеческого естества.

Интеллект, или естественный интеллект, – это свойство психики, определяющее способность понимать новые положения вещей, способность к обучению на базе опыта, к пониманию и использованию в своей деятельности абстрактных знаний, к применению своих познаний для освоения окружающей среды. [6, с. 94]

Исторически представления о ИИ и достижения в этой области, воспринимаемые в той или иной корреляции с естественным интеллектом, существенно воздействуют на сознание человека. Историко-философские и научно-технологические представления перетекали различными путями в повседневную реальность и быденную культуру, где подвергались освоению. Один из этих источников – наука, достижения которой через практическое применение отражаются в общественном сознании и осваиваются обыденным сознанием.

Другой источник – мифологические представления, образы литературы и искусства, проникающие в массовое сознание. Обыденная культура аккумулирует привносимые из этих и других источников образы, понятия и идеи, подвергает их освоению и модификации, а затем они в виде социокультурных мыслительных оценок и стереотипов воздействуют на дальнейшие исследования ИИ. [3, с. 28]

Предпосылки для принятия современным общественным сознанием достижений искусственного интеллекта содержатся в художественной фантастике и мифологии, на которые опираются человеческое воображение и мечты. Одно из таких представлений – это робот, живой и покорный воле человека механизм, созданный как его подобие. Хотя слово «робот» было предложено у-

дождевиком Йозефом Чапеком и использовано его братом, писателем Карелом Чапеком, в 1920-м году, представления о таких искусственно созданных подобиях человека существовали с незапамятных времен.

Так, об отлитых из золота живых прислужницах рассказывается в «Илиаде», произведении Гомера, относящемся к древнейшему периоду древнегреческой литературы – к IX–VIII вв. до н.э. (XVIII, 411–421). Причем даже в древних легендах, воплотивших мечту, удивлению сопутствует опасение или даже страх перед роботами, поскольку те могут выйти из-под власти своего творца. У Лукиана в сатирическом диалоге «Любитель лжи, или Невер» мистически настроенный герой силой заклинания сумел вселить жизнь в пест, заставив его работать, подобно человеку, но утрачивает силу над ним. К этой легенде позже обращается Гете в стихотворении «Ученик чародея». [1, с. 10]

Из еврейской мифологии в литературу пришел образ голема, непомерно сильного антропоморфного существа, созданного пражским раввином. К этой теме неоднократно возвращалась мировая литература от романтиков XVIII в. до Томаса Манна и Станислава Лема. Основой для этих и других произведений послужили древние легенды о якобы живых существах, похожих на человека, созданных силой волшебного слова и руками человека. В известной книге Э. Накано «Введение в робототехнику» отмечается: «Если тщательно проанализировать легенды и мифы о рукотворных механических существах, то нетрудно заметить, что речь, по существу, идет либо о существах, наделенных фантастической физической силой, способных летать, жить под землей и под водой, либо о существах, беспрекословно подчиняющихся человеку и выполняющих за него самую тяжелую и изнурительную работу». Прообразом роботов стал не только глиняный Голем, но и медный великан Талое, упоминания о котором относятся к III веку до н.э.

С I в.н.э. зафиксированы в истории факты создания механических людей и других живых существ. Герон Александрийский, великий древнегреческий математик и механик, сконструировал для храма фигуры бога Дионисия и его жены Ариадны, которые были способны двигаться, а также кукольные театры с механическими куклами и множество других механизмов, используя силу гравитации, элементы гидравлики и пневматики. Точность и последовательность движений достигалась благодаря элементам программирования. Мастера Средневековья и более позднего времени также умели мастерски изготавливать подобные механизмы. Известны петух, машущий крыльями (XIII в.), «Порхающая утка» и механизм, играющий на флейте, французского механика Жака де Вокансона, автоматы-андроиды швейцарских часовщиков Пьер-Жака Дро и его сына Анри Дро: «Музыкант», «Художник», «Каллиграф» (XVIII в.). [5, с. 42]

В XVIII веке О. Ламетри философски осмыслил и представил достижения человечества в области механики и инженерного искусства в системе механистического материализма, представив в сочинении «Человек-машина» взгляд на человека как на самозаводящуюся машину, подобную часовому механизму. Это дало импульс для конструирования устройств, воспроизводящих функции человека, в том числе и искусственного интеллекта.

Приводя факты конструирования древних анроидов японскими мастерами (куклы «каракури»), Э. Накано в своем исследовании показывает, что сложные механизмы, создававшиеся в Европе и в Японии, были свидетельством самых совершенных технологий и сложнейшей техники своей эпохи.

Можно сделать вывод о том, что в древней инженерии и сопутствующих ей легендах, где представлены механизмы, воспроизводящие действия и функции живых организмов, речь идет не просто об изящных кунштюках, а о становлении и развитии основ концепции робототехники.

Искусственный интеллект как область научных знаний представляет собой целый комплекс направлений, находящихся применение в разных областях знаний и техники. С точки зрения типологии ИИ говорят о слабом ИИ, или ИИ узкого спектра, и общем ИИ, или ИИ широкого применения. Узкий ИИ предназначен для выполнения определенных задач, на которые он запрограммирован. Но в выполнении этих функций он может превосходить человеческие возможности. В наше время человек освоил производство и использование ИИ узкого спектра. Общий интеллект, по замыслу, должен работать в широком диапазоне когнитивных задач, достигая целей различными методами, без вмешательства оператора. Такой ИИ в настоящее время не создан. Некоторые ученые скептически относятся вообще к возможности его создания. Другие обращаются к понятию суперинтеллекта, которое предполагает за счет увеличения мощностей и рекурсивного автообучения ИИ повышать эффективность собственных алгоритмов и самовоспроизведения.

В рамках проблемы соотношения искусственного и естественного интеллекта особое значение приобретают усилия научного сообщества разработать принципы такого соотношения и перспективы развития науки в этом направлении. В январе 2017-го года прошла Асиломарская конференция по безопасности работы с ИИ (штат Калифорния США). В принципах, принятых на конференции, отмечается опасность недооценки возможностей ИИ и их верхнего порога в будущем. По сути, речь идет о вероятности и возможности объединить машинный суперинтеллект ИИ со сферой специфически человеческих, гуманитарных действий и представлений – требованиями морали и нравственности. [8, с. 103]

Область культуры и искусства до сих пор считалась сугубо человеческой сферой применения талантов. Но нам все чаще встречаются факты создания произведений машинного искусства. Это уже не только искусство игры в шахматы, в которой ИИ удалось обыграть чемпионов. Возможности нейронных сетей проникают в творческую деятельность, которая, как известно, является прерогативой человека. ИИ становится не только средством реализации человеческих идей, появилось и разрабатывается новое направление ИИ, получившее название вычислительного творчества. Но может ли ИИ стать самостоятельным творцом?

Чтобы ответить на этот вопрос, надо понять, что собой представляет произведение искусства и кем является его создатель, в чем сущность творчества. Ф. Шеллинг, сторонник идеи символической природы культуры, раскрывает ее в «Философии искусства» и представляет как одну из основных в немецком Просвещении, которое привело к становлению философии культуры.

Человек искусства, по Шеллингу, – это творец. Он не скован законами и правилами, а его творения концентрируют множество замыслов, допускают бесконечное число пониманий и интерпретаций. Причем, творчество предполагает сотворчество автора и тех людей, которые знакомятся с его творениями. Отдельные смыслы произведения искусства могут быть представлены явно, эксплицитно, другие – лишь намечены и предвосхищены, поскольку творец – это провидец, третьи – внесены извне и, возможно, субъективно теми, кто знакомится с произведением искусства. [12, с. 38]

Исходя из философии Ф. Шеллинга, заложившей основы понимания искусства и творчества, для оценки работ ИИ стоит решить две задачи: изучить ИИ как автора произведений, которые можно отнести к результатам творческой деятельности; понять и объяснить восприятие людьми этих произведений ИИ.

Анализируя современное состояние возможностей нейронных сетей, специалисты, занимающиеся исследованиями в области искусственного интеллекта, нейробиологи, философы обычно приходят к выводу, что ИИ – это инструмент деятельности человека, в том числе, творческой, его уровень – поддержка и расширение возможностей человеческих творческих способностей. ИИ, действуя на синтаксическом уровне, не переходит на глубинный уровень семантики, который остается в ведении человека. Однако в конце XXв. наметилась переоценка подобного подхода и сейчас перспективные исследования сосредоточились на использовании других методов – искусственных нейросетей, эволюционных алгоритмов. Поэтому нельзя исключать довольно скорого возникновения в будущем таких высокоорганизованных искусственных систем, в которых станет возможным творческое деятельностное начало.

Аргументом, доказывающим отсутствие сознательного начала в деятельности современных систем ИИ, можно считать то, что в лингвистических переводах, произведенных с помощью ИНС, есть существенные семантические ошибки и искажения: отдельные предложения лишены смысла, происходит смена темы высказывания, допускается непонимание полисемии и вербального контекстного значения, не фиксируются символические смыслы, основанные на ассоциациях, практически безграничных, например, в поэтической речи.

Таким образом, современный ИИ не принято считать творческим актором. Тексты как результат непосредственного порождения или перевода с одного языка на другой, музыкальные произведения, изображения, созданные с помощью ИНС, не предполагают глубинных смыслов, заложенных автором-творцом, по причине отсутствия у ИНС сознательных основ деятельности.

Что касается восприятия произведений ИИ людьми, то отсутствие авторского замысла в произведениях машинного искусства не препятствует слушателям, зрителям и читателям относиться к ним так же, как к произведениям, созданным людьми. [4, с. 143]

В целом перцепция произведений естественного и искусственного интеллекта – еще слабо представленная область научных поисков. Особенно важную, но не исследованную проблему представляет сравнительный анализ такого восприятия. Наиболее активно изучаются характеристики и оценки восприятия читателями и слушателями текстовых продуктов, генерируемых искусственным интеллектом. Как правило, в проведенных исследованиях испытуемые не могли провести различия между текстами, написанными журналистами, и материалами, генерируемыми нейросетями, когда предварительно не давалась информация об авторстве или приводилась различная, истинная и ложная информация. А. Велкер и Т. Пауэлл исследовали уровень доверия у читателей информационным материалам, созданным журналистами, искусственными сетями или в результате совместной их деятельности. Этот уровень оставался неизменным, хотя, учитывая качество текстов, отдавалось предпочтение комбинированным вариантам текстовой деятельности, что свидетельствует о перспективном в будущем направлении журналистики с использованием поддержки труда журналиста со стороны ИИ.

В настоящее время остаются почти не исследованными вопросы восприятия музыкальных произведений

и изображений, создаваемых нейронными сетями, а работы в этом направлении единичны. Исследователи Ф. Коломбо и В. Герстнер отмечают высокие оценки как рядовых слушателей, так и профессиональных музыкантов, которые были даны музыкальным композициям ИИ. [7, с. 245]

В 2019 году проведено исследование восприятия картин, созданных естественным и искусственным интеллектом, посредством двух методик – теории схем и парадигмы CASA, или «компьютеры – социальные акторы».

Теория схем исходит из того, что у людей формируются ментальные структуры, включающие накопленные в процессе жизни знания, опыт и предчувствия. Эти устойчивые ментальные формы, или стереотипы, позволяют быстро и эффективно схватывать и оценивать новую информацию, связывая ее с уже существующими знаниями и опытом. Среди прочих, есть ментальные формы со стереотипами об ИИ и возможностях его творчества. Исходя из теории схем, можно предположить занижение оценок произведений, генерированных ИИ, в силу уже сложившихся трактовок творчества как исключительно человеческой деятельности.

CASA, или «компьютеры – социальные акторы» – это парадигма, показывающая, что люди применяют те же устойчивые методики реакций и оценок, которые положительно зарекомендовали себя во взаимодействии с людьми, даже по отношению к искусственным нейронным сетям (компьютерам). Причем это делается с осознанием различий, только потому, что ИИ вызывает в памяти те же социальные качества, что и люди. В силу этого люди склонны оценивать произведения ИИ так же, как произведения человеческого интеллекта. Исследования показали значительные расхождения в оценках произведений естественного и искусственного интеллекта, особенно в части композиционных решений, экспрессии, эстетической ценности. Все это может быть свидетельством либо слабости машинного творчества ИИ, либо неготовности людей воспринимать и оценивать произведения, генерируемые ИНС. [9, с. 43]

Вероятно, высокие оценки, данные при восприятии созданий искусственного интеллекта людьми, неспособность различить естественные и искусственные произведения, объясняются не высоким уровнем развития и творческими возможностями ИИ, а особенностями самой человеческой перцепции. В разных науках неоднократно отмечалась психологическая и ментальная склонность человека искать закономерности и гармонию там, где в информационных потоках присутствовали лишь случайные наборы данных.

Резюмируя сказанное, следует признать, что сейчас ИИ и ИНС не являются настоящим и самостоятельным актором творческой деятельности и автором произведений искусства. Текстовые, музыкальные и изобразительные создания, генерируемые ИИ, не стоит трактовать как особую сферу так называемого машинного искусства. Это скорее способ для людей выйти за границы своих природных возможностей с помощью такого инструмента, как ИИ. Хотя технологии, лежащие в основе, подтолкнули людей к новым творческим исканиям, увеличивая возможности художников и делая простых любителей профессионалами. [2, с. 56]

Творческая деятельность ИНС сейчас ограничена прежде всего технологически. Эти ограничения можно свести к следующим основным.

Узкий ИИ, развитый уже сейчас, фокусируется на ограниченных задачах в определенной области (машинный перевод, шахматная игра и т.д.), а «проблема фреймов» не позволяет ему выйти за границы этих спец-

ифических задач или комбинировать разнопредметные задачи.

Искусственный интеллект не обладает ассоциативным мышлением, свойственным человеку и незаменимым в творческой деятельности, ИИ не понимает, зачем он обрабатывает данные и определяет закономерности, то есть за частными задачами ИИ не видит цели.

Неразрешимой для ИИ является проблема связи символа с его значением, для него не раскрывается характер этой связи, многозначность символа, условия выбора определенного значения в контексте и т.д.

Вряд ли что-то сможет остановить волну генерируемого ИИ контента. Здесь не затрагивается специально давно поднятый в обществе вопрос об использовании генерируемых искусственным интеллектом произведений с благородными целями или во зло человеку. Проблема творчества человека и возможностей искусства машин смыкается с проблемами нравственного выбора, который до сих пор расценивался как исключительное право человека.

Но наиболее проблемным представляется существование подлинного интеллекта, сравнимого с человеческой креативной творческой деятельностью, вне пределов биологического тела. Если учитывать, что интеллект – это качество психики, способность понимать и принимать новые ситуации на основе опыта, использовать знания для управления окружающей средой, а психика – это специфический аспект жизнедеятельности человека и животных в их взаимодействии со средой, то возникает вопрос о механизмах связи интеллекта и психики с биологической сущностью субъекта мыслительной деятельности. Естественный интеллект, имея основой свою биологическую природу, опирается на изменчивые, реагирующие на раздражители внешней среды рецепторы и анализаторы, позволяющие встретить, освоить и включить в свой мир новое, творить новое собственной целенаправленной деятельностью. Искусственный интеллект лишен такой природной основы. [10, с. 78]

ИНС вряд ли могут восприниматься человечеством как конкурирующий субъект в творчестве, как самостоятельный автор культурных производных результатов деятельности, потому что творчество направлено на постижение жизни человека, ее гуманитарного смысла, на достижения высших ее ценностей – земного счастья и личного бессмертия. Творчество – проявление духовности общества и собственного духа личности человека-творца. Утрата исключительности свободных творческих способностей человека чревата угрозой существованию всей человеческой цивилизации. Сейчас в связи с этим особенно остро встает вопрос сохранения человеческих ценностей. Устройство и функционирование систем ИИ должно быть согласовано с идеалами человеческого достоинства, прав, свобод и культурного существования, развития и разнообразия человечества.

Литература

1. Абабкова, С.Г. Междисциплинарное исследование естественного интеллекта в контексте проблемы искусственного интеллекта / С.Г. Абабкова // Уфа: ГОУ ВПО «Уфимский государственный авиационный технический университет», 2018. – С. 7–12.
2. Булычев, И.И. Естественный разум и искусственный интеллект: различие в единстве / И.И. Булычев // Ноосферные исследования. – 2020. – № 1. – С. 50–59.
3. Даровских, Д.В. Искусственный и естественный интеллект: вызовы и этика / Д.В. Даровских // Вестник

государственного университета Дубна. Серия: Науки о человеке и обществе. – 2021. – № 2. – С. 21–33.

4. Жуков, В.И. Естественный и искусственный интеллект: диалектика взаимодействия и правовые регуляторы девиаций / В.И. Жуков, Г.С. Жукова // Государство и право. – 2023. – № 6. – С. 136–148.
5. Леонов, А.В. Новая парадигма искусственного интеллекта / А.В. Леонов, А.Ю. Пронин // Компетентность. – 2023. – № 2. – С. 37–46.
6. Лепский, В.Е. Искусственный интеллект в субъектных парадигмах управления / В.Е. Лепский // Философские науки. – 2021. – Т. 64, № 1. – С. 88–101.
7. Лопатина, Т.М. Парадигма цифрового общества: этические риски применения искусственного интеллекта / Т.М. Лопатина // Казань: Издательство «Познание», 2022. – С. 242–248.
8. Разумов, В.И. Естественный и искусственный интеллект и их соотношение / В.И. Разумов, В.П. Сизиков // Вестник Омского университета. – 2019. – Т. 24, № 1. – С. 98–105.
9. Резаев, А. В. «Искусственный интеллект», «онлайн-культура», «искусственная социальность»: определение понятий / А.В. Резаев, Н.Д. Трегубова // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2019. – № 6(154). – С. 35–47.
10. Сидоренко, Т.В. Естественный интеллект и искусственный интеллект: дилемма современной философии / Т.В. Сидоренко // Новосибирск: Сибирский государственный университет путей сообщения, 2022. – С. 76–80.
11. Фабрус, И.В. Искусный интеллект как Интеграция естественного и искусственного интеллектов / И.В. Фабрус // Искусственный интеллект в решении актуальных социальных и экономических проблем XXI века: сборник статей по материалам Седьмой всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Пермь, 21–22 октября 2021 года. – Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2021. – С. 52–59.
12. Фунтова, Д.А. Искусственный интеллект в контексте культурологической парадигмы / Д.А. Фунтова // Художественное образование и наука. – 2020. – № 1(22). – С. 33–40.

MODERN PROBLEMS OF THE RELATIONSHIP OF NATURAL AND ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE PARADIGM OF CULTURE

Belikova E.K., Popov E.A.

Lomonosov Moscow State University, Altai State University

The development of artificial intelligence, the development of those areas that have always been the prerogative of man, his abilities and capabilities, poses a number of new problems for mankind to use artificial intelligence in specific humanitarian areas, of which culture is in the first place. The terms “machine, computer, digital, digital art” have fixed the reality of the relevant facts, which can only be called cultural with a stretch, since culture is the totality of the achievements of man and mankind. We are increasingly faced with the fact that modern neural networks can create objects that were still considered achievements of human creative activity. This article aims to consider the level of results of machine art and the development of “machine creativity” in general, and also to establish whether these results can be represented as a product of creative activity. This requires an analysis of the main interpretations of creativity in modern philosophy, psychology, sociology, and art history. The paper presents an attempt to analyze and develop a reasoned approach to solving urgent problems of the relationship between natural and artificial intelligence in the field of culture.

Keywords: artificial intelligence, natural intelligence, machine art, culture, creative activity, spirituality.

References

1. Ababkova, S.G. Interdisciplinary study of natural intelligence in the context of the problem of artificial intelligence / S.G. Ababkova // Ufa: State Educational Institution of Higher Professional Education "Ufa State Aviation Technical University", 2018. – P. 7–12.
2. Bulychev, I.I. Natural intelligence and artificial intelligence: the difference in unity / I.I. Bulychev // Noospheric research. – 2020. – No. 1. – P. 50–59.
3. Darovskikh, D.V. Artificial and natural intelligence: challenges and ethics / D.V. Darovskikh // Bulletin of the State University of Dubna. Series: Sciences about man and society. – 2021. – No. 2. – P. 21–33.
4. Zhukov, V.I. Natural and artificial intelligence: dialectics of interaction and legal regulators of deviations / V.I. Zhukov, G.S. Zhukova // State and Law. – 2023. – No. 6. – P. 136–148.
5. Leonov, A.V. New paradigm of artificial intelligence / A.V. Leonov, A. Yu. Pronin // Competence. – 2023. – No. 2. – P. 37–46.
6. Lepsky, V.E. Artificial intelligence in subject management paradigms / V.E. Lepsky // Philosophical Sciences. – 2021. – T. 64, No. 1. – P. 88–101.
7. Lopatina, T.M. The paradigm of digital society: ethical risks of using artificial intelligence / T.M. Lopatina // Kazan: Poznanie Publishing House, 2022. – P. 242–248.
8. Razumov, V.I. Natural and artificial intelligence and their relationship / V.I. Razumov, V.P. Sizikov // Bulletin of Omsk University. – 2019. – T. 24, No. 1. – P. 98–105.
9. Rezaev, A. V. "Artificial intelligence", "online culture", "artificial sociality": definition of concepts / A.V. Rezaev, N.D. Tregubova // Monitoring of public opinion: economic and social changes. – 2019. – No. 6(154). – P. 35–47.
10. Sidorenko, T.V. Natural intelligence and artificial intelligence: the dilemma of modern philosophy / T.V. Sidorenko // Novosibirsk: Siberian State Transport University, 2022. – P. 76–80.
11. Fabrus, I.V. Artificial intelligence as the Integration of natural and artificial intelligence / I.V. Fabrus // Artificial intelligence in solving current social and economic problems of the 21st century: a collection of articles based on the materials of the Seventh All-Russian scientific and practical conference with international participation, Perm, October 21–22, 2021. – Perm: Perm State National Research University, 2021. – pp. 52–59.
12. Funtova, D.A. Artificial intelligence in the context of the cultural paradigm / D.A. Funtova // Art education and science. – 2020. – No. 1(22). – P. 33–40.

Даниелян Мери Георгиевна,
к. филол.н., НИУ МГСУ
E-mail: daniel_mg@list.ru

Языковая политика регулирует функционирование в государстве распространение одного или более языков. Во многих странах, провозгласивших суверенитет, происходят изменения в национально-языковой политике и системе образования. Государственный язык как символ национального и социального единства консолидирует языковую общность, а в полиэтнических государствах язык межнационального общения играет интегрирующую роль. Консолидирующей функцией обладал русский язык в период существования Советского союза, когда малые этнические группы группировались вокруг одной крупной. При лояльной языковой политике язык межнационального общения способен не только упрочить объединенное полиэтническое общество, но и предотвратить этнические конфликты. Противоположностью консолидирующей функции языка предстает разобщающая функция, стремящаяся к доминированию одного из национальных языков в полиэтническом обществе. Для приобретения статуса языка-доминанта, наделенного всеми общественными функциями, необходимы не только принципиальные различия между этносами, но и сформированный язык, претендующий на роль самостоятельного. Однако выдвижение одного языка-доминанта в многонациональном государстве нередко приводит к обострению внутриэтнических отношений. Провозглашая национальный язык единственным функционирующим языком, редко учитывался факт ассимиляции нетитульного населения. В настоящее время при выборе языка-посредника обращают внимание на его нейтральность. Присутствие какого-либо иностранного языка, активно поддерживаемый политиками, нередко наделяется идеологическими и политическими аспектами. Таким образом, выбранный иностранный язык может представить равные возможности для жителей моноэтнической страны и не дает никому языковых преимуществ.

Ключевые слова: языковая политика, государственный язык, языковое планирование, моноэтнические страны, билингвизм.

Современная языковая политика представляется системой мер, регулирующей общественные функции и распространение одного или более языков в государстве. В социологическом аспекте языковая политика отражает идеологический аспект внешней и внутренней политики страны. Государственный язык является символом национального, социального единства языковой общности, средством социально-политической интеграции различных этнических групп. В случае проведения жестко регулируемой языковой политики, ущемляющей интересы малых языковых сообществ, может привести к протестным движениям за сохранение языковой идентичности. В многонациональных государствах функционирование языков находится под прямым регулированием государства. В таких странах языковая ситуация ориентирована на поддержание языкового баланса для предотвращения этнического противостояния.

В конце XX века в социально-политической жизни многих социалистических республиках бывшего Советского союза произошли кардинальные перемены, результатом которых стало образование новых независимых государств. С приобретением национального суверенитета руководители новых стран считали своей первоочередной задачей упрочить приобретенную независимость, что неизбежно влекло к смене существовавшей национально-языковой политики и системы образования.

Известно, что язык как часть государственной политической системы обладает консолидирующей, интегрирующей, символической, а также разобщающей функциями. Консолидирующая функция языка играет важную роль в тех странах, где разные немногочисленные этнические сообщества объединены в более крупную этническую единицу. Интегрирующая роль языка проявляется в полиэтнических государствах, в которых распространение одного языка необходимо для межэтнического общения. Консолидирующая и интегрирующая функции языка не являются абсолютными антиподами в условиях многонационального общества, в том аспекте, что интеграция одного языка может разобщить такое общество, напротив, формирование национально-политической общности может происходить одновременно на фоне национальной консолидации. Примером консолидации и интеграции общества посредством языка может служить языковая ситуация в Дагестане, где русский язык играет объединяющую роль среди представителей разных этносов. Консолидирующей функцией в полной мере обладал русский язык в период существования Советского союза, когда малые этнические группы группировались вокруг одной крупной. При лояльной языковой политики язык межнационального общения способен не только упрочить объединенное полиэтническое общество, но и предотвратить этнические конфликты.

Противоположностью консолидирующей функции языка предстает разобщающая функция, стремящаяся к доминированию одного из национальных языков в полиэтническом обществе. Для приобретения статуса языка-доминанта, наделенного всеми общественными функциями, необходимы не только принципиальные различия между этносами, но и сформированный язык, претендующий на роль самостоятельного. Разобщающая функция одного языка может проявляться в отно-

шении языка другой народности лишь в случае высокой внутриэтнической консолидации, лингвистической гомогенности и символической роли языка для этноса. Сложность языкового противостояния не одинакова и зависит от традиционно сложившихся экстралингвистических условий. Нередки случаи, когда в моноэтнических странах возникают языковые конфликты, хотя при этнической гомогенности и едином языке таких конфликтов быть не должно. Однако в таких регионах языковые противостояния возможны, если наряду с национальным языком в общественной жизни функционирует и другой язык, претендующий на больший функциональный спектр.

После распада Советского союза практически во всех вновь образовавшихся государствах была выдвинута формула «единое государство – единая нация – единый национальный язык». Согласно этому триединству стали выдвигаться сепаративные языковые лозунги, призывающие консолидироваться посредством национального языка. Язык титульной нации стал позиционироваться как наиважнейшая составляющая часть государственной системы, поскольку суверенитет страны ассоциировался с провозглашением государственного языка. Однако выдвижение одного языка-доминанта в многонациональном государстве нередко приводит к обострению внутриэтнических отношений. Политика новых руководителей была направлена на изменение языкового пространства, в котором не одно десятилетие сосуществовало национально-русское двуязычие. Повсеместно стали закрываться русские школы, а сам русский язык нередко называли языком «метрополии и колонизаторов». Языковая политика строилась главным образом на вытеснение русского языка из общественного поля, забывая при этом, что в их странах исторически проживали и представители других этносов, для которых русский язык был единственным языком общения. Провозглашая национальный язык единственным функционирующим языком, редко учитывался факт ассимиляции нетитульного населения. Так, для армян, проживающих в республиках Средней Азии, русский язык является, пожалуй, единственным языком межнационального общения, если не считать элементарное бытовое общение знанием языка, а для общения с соотечественниками говорят на армянском языке или на диалекте.

В советский период благодаря сбалансированной языковой политике языковой вопрос не вызывал столь резких противоречий. Еще в 1917 году советской властью было провозглашено равенство и суверенитет народов, их право на самоопределение, развитие национальных меньшинств и этнографических групп, входящих в союз, право получать образования на родном языке. В республиках Закавказья согласно Конституции 1925 года беспрепятственно функционировали национальные языки титульных народов [1].

Республика Армения, будучи моноэтнической страной, как в советский период, так и в постсоветский, одна из первых ввела в свою государственную политику формулу «единое государство – единая нация – единый национальный язык». Во время СССР 93% жителей республики являлись этническими армянами, а после выхода из Союза их численность возросла до 98%. Очевидно, что при такой гомогенности населения армянский язык обладал неоспоримой консолидирующей и символической силой и являлся доминирующим языком. Однако не следует забывать и тот немаловажный факт, что на протяжении более 70 лет среди городского населения республики был широко распространен русский язык, функционирующий во всех общественных сферах и нередко являющийся основным языком внутриэтнического общения.

После принятия независимости Армении вопрос о присутствии русского языка в стране стал предметом общественно-политической и идеологической полемики. Само существование языка нетитульной нации в границах моноэтнической страны воспринималось новым руководством страны неприемлемым и противозаконным, а принятые языковые законы были направлены на ущемление прав русскоговорящих. Говоря о статусе русского языка в Армении и его роли в общественной жизни, государственные деятели руководствуются тем фактом, что им пользуется небольшое число автохтонного населения, а это недостаточно для обеспечения непосредственного характера языкового общения, и поэтому нет необходимости в утверждении его официального статуса. Анализируя Закон о языке, принятый в 1993 году, а именно статью 2 «О языке образования» и статью 4 «О языковых правах и обязанностях», просматривается политическое давление и принципы самоутверждения. Если обратиться к истории, то еще в 1923 году армянский язык на территории республики имел статус государственного, но и языки проживающих этносов могли использоваться в республиканских государственных учреждениях [3].

В Конституции 1972 года в статье 72 армянский язык признан государственным на территории АрмССР, он функционировал в государственных и общественных органах, учреждениях культуры и просвещения и др. В той же статье говорится и о свободном употреблении во всех государственных учреждениях русского и других языков, которыми пользуется население, а также о недопущении каких-либо привилегий или ограничений в употреблении иных языков [4].

В Республике Армения присутствие русского языка в коммуникативной сфере непосредственно связано со сложившейся языковой ситуацией. В эпоху СССР в городах был сформирован устойчивый билингвизм, русский язык для многих жителей страны являлся доминирующим, однако это не означает, что эта же категория граждан признает русский язык родным, а армянским языком не владела. В 50–60-х годах XX века в крупных городах республики языковая ситуация характеризовалась функциональной дифференциацией русского и армянского языков и их иерархией. Эта ситуация объясняется тем, что на территории многонационального Советского союза русский язык как макроязык обладал наибольшим числом общественных функций.

В первые годы после принятия независимости в Армении резко изменился вектор языковой политики. Пропагандировалось не только «негативное» влияние русского языка, но и значимость армянского. Казалось бы, какие вопросы могут возникнуть о статусе единого языка единой нации, проживающей на единой территории? Однако в Республике Армения, где подавляющее большинство жителей являются этнические армяне и все владеют национальным языком, используют его во всех без исключения сферах общения, остро обсуждается статус русского языка, который, не имея статуса даже языка-посредника, присутствует на протяжении десятилетий. В эпоху Советского союза в городах республики русский язык был популярен, но это не означает, что армянский язык был забыт или каким-то образом ущемлялся. Сильное пуристическое движение в Армении было вызвано желанием освободиться от так называемой «языковой колонизации» восстановить «в правах» национальный язык, культуру и самобытность. Языковая политика в республике строилась на патриотических чувствах граждан, которым пытались навязать антирусскую идею. Складывающаяся языковая ситуация породила недовольство русскоязычных граждан, а также пе-

реселенцев из городов бывшего СССР, которые владели тем или иным диалектом, но не могли свободно говорить на литературном армянском языке. С одной стороны, государство, принимающее репатриантов, позиционирует себя демократическим, свободным и открытым, с другой стороны – запрет на выбор языка образования и общения.

В условиях массового русско-армянское двуязычия не было языковой конкуренции, два языка обладали одинаковым статусом. Однако с принятием независимости начались мероприятия по возрождению и развитию национального языка, который никоим образом не был забыт. Но идея возрождения национального самосознания началась реализовываться путем принудительного искоренения русского языка. Наряду с «запретительными мероприятиями» по отношению к русскому языку в то же самое время активно «продвигали» европейские языки. Языковая политика выглядела парадоксально, с одной стороны, языковая политика направлена на возрождение национального языка, с другой – замена русского языка на английский. Принесет ли положительные результаты проводимая деструктивная языковая политика в ситуации, когда русский язык для многих был доминирующим, а английским языком владеет малый процент населения? По мнению новых «демократических» политиков изъятие русского языка из общественной жизни приведет к внутригосударственной консолидации, а английский язык будет способствовать консолидации и без того сплоченного общества? Плоды этой недальновидной языковой политики пожинают уже в настоящее время, когда армяне, оказавшись вне своего языкового поля, испытывают большие трудности даже в повседневном общении.

В моноэтнической стране язык бывшей «метрополи» стал для большей части интеллигенции доминирующим языком. Это явление объясняется и тем, что русский язык, будучи языком образования в широком смысле этого понятия, оказывал большое влияние на развитие и становление личности. Следует отметить, что на русском языке знакомились с произведениями не только русских, но и армянских классиков, а научная и техническая литература преимущественно была на русском языке.

Вопрос о статусе русского языка в современной Армении так и не решен. Продолжаются мероприятия по вытеснению русского языка из общественной жизни, объясняя тем, что русский язык не выполняет общественных функций и, как следствие, не может иметь какой-либо статус, кроме иностранного языка. В 2012 году официально русский язык внесен в список иностранных языков наряду с английским, французским, фарси и др.

В настоящее время при выборе языка-посредника обращают внимание на его нейтральность, то есть выбранный английский язык представляет равные возможности для жителей моноэтнической страны и не дает никому языковых преимуществ. В постсоветской Армении на официальном уровне сложилось толерантное отношение к английскому языку, который обеспечивает коммуникацию с внешним миром, межнациональное общение и служит языком науки. Очевидно, что такой вектор языковой политики не более чем паллиатив. Обращение к английскому языку не решит, а скорее, усложнит языковую проблему. Сложность заключается не только в распространении английского языка среди всех слоев населения, которое сможет им овладеть лишь через несколько десятилетий, учитывая нехватку специалистов, но и слабое развитие средств массовой информации.

Сравнивая степень знания иностранных языков, представленных в республике, можно сказать, что рус-

ский язык занимает лидирующее положение. Старшее поколение городских жителей владеет русским языком на высоком уровне и не воспринимает его как иностранный. Молодое поколение тяготеет к изучению английского языка, но это отнюдь не означает, что их знание английского языка позволяет свободно изъясняться даже на бытовые темы. Очевидно и то, что в сложившихся условиях вскоре число говорящих на русском языке будет сокращаться.

Нельзя не отметить и тот факт, что присутствие какого-либо иностранного языка, активно поддерживаемый политиками, наделяется идеологическими и политическими аспектами. Активное продвижение английского языка может повлечь за собой углубление социальной дифференциации общества, создать пропасть между жителями городов и сельской местностью. Таким образом создастся похожая ситуация, какая наблюдалась в 70-е года XX века: интеллигенция стала русскоговорящей, армянские школы не могли конкурировать с русскими, и как результат – русский язык стал доминирующим, а армянский для русскоязычных – языком бытового общения.

В современной Армении армянский литературный язык, являясь государственным, функционирует во общественных сферах. Для армянского языкового социума характерно противопоставление армянского литературного языка с резко различающимися разговорным языком, а также ярко выраженной диглоссией. Для армянобилингвов русский язык является языком межэтнического общения как в стране, так и за ее пределами. Очевиден и тот факт, что в существующих политических, социально-экономических и культурных условиях русский язык остается самым востребованным иностранным языком. Отказ от русского языка и ценностей русской культуры не способствует консолидации этноса, а национальная независимость не предполагает «закрытость» страны, в которой не может быть места другому языку.

Литература

1. Договор об образовании Союза Советских Социалистических Республик принят в г. Москве 30.12.1922 г. на I Съезде Советов СССР // Съезды Советов в документах. 1917–1936. Т. III. М., 1960. С. 18–22;
2. Постановление II Съезда Советов СССР от 31.01.1924 г. «Об утверждении Основного закона (Конституции) Союза Советских Социалистических Республик // Вестник ЦИК, СНК и СТО СССР. 1924. N 2. Ст. 24.
3. Конституция ССР Армении от 22.06.1926 г.
4. Конституция АрмССР от 14 апреля 1978 года; принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета АрмССР девятого созыва).
5. Айвазян К.В. О дате поселения армян на Руси по данным средневековых армянских и русских авторов. – В кн.: Армения и Русь /XI–XVI вв./ – Ереван: Зангак-97, 2003. с. 24–80.
6. Григорян Э.А., Даниелян М.Г. Русский язык в Республике Армения: Общественные функции. – М., 2006.
7. Груздева Е.Ю., Кибрик А.А., Шлуинский А.Б. Программа сохранения языкового разнообразия России. XIV Конгресс антропологов и этнологов России. 6–9 июля Томск, 2021. С. 537.

THE ROLE OF LANGUAGE IN CONTEMPORARY LANGUAGE POLICY

Danielyan M.G.
National Research University MGSU

Language policy regulates the spread of one or more languages in a state. In many countries that have proclaimed sovereignty, changes in national language policy and education system are taking place. The state language as a symbol of national and social unity consolidates the linguistic community. However, in multi-ethnic states the language of interethnic communication also plays an integrating role. The Russian language had a consolidating function in the Soviet Union, when small ethnic groups were grouped around the large one. With a loyal language policy, the language of interethnic communication can not only consolidate a united multi-ethnic society, but also prevent ethnic conflicts. The opposite of the consolidating function of a language is the divisive function, which tends to dominate one of the national languages in a multi-ethnic society. In order to acquire the status of a dominant language endowed with all social functions, not only fundamental differences between ethnic groups, but also a formed language claiming to be independent are necessary. However, the nomination of one dominant language in a multinational state often leads to the aggravation of intra-ethnic relations. When proclaiming the national language as the only functioning language, the fact of assimilation of the non-titular population was rarely taken into account. Nowadays, when choosing an intermediary language, attention is paid to its neutrality. The presence of a foreign language, actively supported by politicians, is often endowed with ideological and political aspects. Thus, the chosen foreign language can present equal opportunities for the inhabitants of a mono-ethnic country and does not give anyone a linguistic advantage.

Keywords: language policy, state language, language planning, mono-ethnic countries, bilingualism.

References

1. The Declaration and Treaty on the Formation of the Union of Soviet Socialist Republics were confirmed in Moscow on 30 December 1922 by the First All-Union Congress of Soviets and signed by heads of delegations // Congresses of Soviets in documents. 1917–1936. VOL. III. M., 1960. pp. 18–22;
2. Resolution of the II Congress of Soviets of the USSR of 31.01.1924 "On Approval of the Basic Law (Constitution) of the Union of Soviet Socialist Republics // Bulletin of the Central Executive Committee, Council of People's Commissars of the Soviet Union and Council of Labor and Defense of the USSR. 1924. No 2. Art. 24.
3. The Constitution of the Armenian SSR dated 22.06.1926.
4. The Constitution of the Armenian SSR of April 14, 1978; adopted at the 7th session of the Supreme Council of the Armenian SSR of the ninth convocation.
5. Ayzazyan K.V. On the date of settlement of Armenians in Russia according to medieval Armenian and Russian authors. – In the book: Armenia and Russia /XI–XVI centuries/. – Yerevan: Zangak-97, 2003. pp. 24–80.
6. Grigoryan E.A., Danielyan M.G. Russian language in the Republic of Armenia: Public functions. – M., 2006.
7. Gruzdeva E. Yu., Kibrick A.A., Shluinsky A.B. A Program for the Preservation and Revitalization of the Languages of Russia. XIV Congress of Anthropologists and Ethnologists of Russia. July 6–9, Tomsk, 2021. p. 537.

Организационно-педагогические условия применения маркетинговых технологий в социально-культурной деятельности

Стебляк Виктор Вадимович,

кандидат искусствоведения, доцент; Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
E-mail: steblyakvv@list.ru

Чернов Алексей Сергеевич,

кандидат педагогических наук, доцент, кафедры Социально-культурной деятельности, Московский государственный институт культуры
E-mail: Chernov82@mail.ru

Лоткин Илья Викторович,

доктор исторических наук, профессор, ОМГУПС ФГБОУ ВПО «Омский государственный университет путей сообщения»
E-mail: lotkin1917@rambler.ru/

Реализация потенциала маркетинговых технологий в деятельности современных социально-культурных учреждений демонстрирует обширные возможности для специалистов сферы культуры и досуга. Особенную ценность имеет обращение к маркетингу и сопутствующим прикладным наукам в одном из ключевых с точки зрения реализуемой в стране государственной культурной политики направлений – творческом развитии личности специалиста культуры, развитии его личностных, а также, профессиональных и деловых качеств. Максимально возможная результативность от использования различных практик маркетинга будет наблюдаться при создании соответствующих организационно-педагогических условий. Специально сформированные условия позволят учреждениям культуры осуществлять свою деятельность на принципиально новом – инновационном уровне. В свою очередь инновационные активности благоприятно скажутся на развитии как самого учреждения, так и личности потребителя социокультурных услуг и общества в целом.

Ключевые слова: маркетинговые технологии в социально-культурной сфере, организационно-педагогические условия, социально-культурная деятельность, развитие личности специалиста культуры, профессиональные компетенции, организации социально-культурной сферы, управление маркетингом.

Введение

В современном мире, независимо от сферы деятельности, применение маркетинговых технологий является важным условием для успешного развития и расширения бизнеса любой природы. Социально-культурная деятельность в России не исключение. Организационно-педагогические условия при применении маркетинговых технологий в социально-культурной сфере включают в себя несколько ключевых моментов.

Первым из них является организация системы управления маркетингом в организации социально-культурной сферы. Необходимо определить цели и задачи маркетинговой деятельности, разработать стратегию маркетинга и определить механизмы её реализации.

Вторым важным условием является учет потребностей и ожиданий целевой аудитории. Для этого необходимо проводить регулярный маркетинговый анализ, который позволит определить потребности и предпочтения клиентов. Определение ценности продукта, устойчивость к изменениям и конкурентоспособность так же является важными факторами в процессе маркетинга.

Третьим условием являются ресурсы организации. Необходимо иметь команду профессионалов, которые будут заниматься реализацией маркетинговых идей и созданием имиджа организации. Ключевым фактором при этом является качество аналитических и исследовательских работ, которые позволят определить сильные и слабые стороны организации социально-культурной сферы и её продуктов (услуг).

Наконец, последним, но не менее важным условием, является обучение персонала, привлечение новых кадров и постоянное совершенствование маркетинговых технологий. Обучения персонала, специализированные курсы и занятия по маркетингу и управлению процессами помогут создать продукт, который будет отвечать запросам клиентов- потребителей учреждений социально-культурной сферы.

Основная часть

В целом, применение маркетинговых технологий в социально-культурной сфере является эффективной практикой для успешного развития организаций. Однако для этого необходимо создать определённые организационно-педагогические условия, которые позволят достичь поставленных целей и задач. В условиях изменившихся социально-экономических условий в стране учреждения культуры и специалисты социально-культурной сферы играют важную роль в развитии культуры, образования и досуга населения. Они не только сохраняют и продвигают национальное культурное наследие, но и содействуют формированию новых творческих процессов и продвижению современного искусства. [1]

Назначения и роли учреждений культуры и специалистов социально-культурной сферы в новых условиях:

1. Сохранение и развитие культурного наследия. В условиях социально-экономических изменений особенно важно сохранять и продвигать культурное наследие страны.

2. Развитие новых социокультурных проектов. Сфера культуры и искусства является динамичной и творческой. Необходимо создавать новые проекты, которые будут соответствовать развивающимся тенденциям в обществе. Учреждения и специалисты социально-культурной сферы должны не только показывать традиционные формы искусства, но и развивать современные стили и направления.

3. Формирование культурного ландшафта. Учреждения культуры и специалисты социально-культурной сферы являются центром культурного разнообразия. Они помогают формировать культурное окружение, которое включает в себя места для отдыха и развлечения, культурную жизнь, традиции и обычаи.

4. Развитие образования и интеллектуального потенциала. Учреждения культуры и специалисты социально-культурной сферы играют важную роль в формировании образовательной среды. Они поддерживают различные формы образования, популяризируют знания об искусстве и культуре, создают условия для развития творческой деятельности.

5. Поддержка развития местной экономики. Развитие культуры и искусства является важным фактором в экономическом развитии региона. Учреждения культуры и специалисты социально-культурной сферы, помимо своих основных функций, также оказывают влияние на развитие местной экономики, стимулируя туризм и рост спроса на услуги в сфере культуры и искусства.

Комплексный подход к маркетингу позволяет организациям социально-культурной сферы, в частности учреждениям культуры и искусства находить эффективные способы привлечения новых клиентов, удерживать существующих и повышать их лояльность, разрабатывать конкурентоспособные продукты и услуги, определять оптимальные цены и методы продажи, а также эффективно продвигать свою деятельность. Специалистов способных эффективно реализовывать эту деятельность предельно мало, несмотря на опыт внедрения рыночных технологий менеджмента и маркетинга в социально-культурную сферу. [2, с. 112]

При этом необходимо учитывать особенности социально-культурной сферы и ее потребителей. Важным элементом маркетингового комплекса в данной области является формирование имиджа учреждений культуры и искусства, который основывается на качестве предлагаемых услуг, компетентности персонала, уникальности культурного наследия и привлекательности внешнего вида.

Также необходимо активно использовать современные информационные технологии для продвижения своей деятельности и взаимодействия с «клиентами» организаций социально-культурной сферы. Это может быть создание сайта учреждения культуры, продвижение в социальных сетях, проведение онлайн-мероприятий и т.д.

Важной задачей является установление диалога и взаимодействия с аудиторией, чтобы организация могла учитывать ее потребности и предъявляемые требования. Это позволяет успешно адаптироваться к изменяющимся условиям и повышать качество предоставляемых услуг.

Таким образом, разработка и внедрение маркетинговых комплексов в социально-культурной сфере является необходимой и важной задачей для ее развития и современного функционирования.

Маркетинговые исследования социально-культурного рынка позволяют определить потребности и предпочтения потенциальных потребителей, выявить сильные и слабые стороны конкурентов, определить свою уникальность и разработать стратегию продвижения на рынке. [3, с. 75–76]

Сегментация рынка позволяет разбить его на группы потребителей с общими характеристиками и потребностями. Это позволяет разработать более эффективную маркетинговую стратегию для каждой группы, увеличить узнаваемость бренда и увеличить продажи.

Позиционирование – это определение места на рынке, которое занимает конкретный продукт или услуга в сознании потенциальных потребителей. Это позволяет выделиться на фоне конкурентов и создать уникальное предложение для потребителей.

Одним из важных направлений маркетинга в социокультурной сфере является формирование целевой аудитории. Для этого проводятся маркетинговые исследования, анализ потребностей и интересов потенциальных клиентов, разработка сегментации и позиционирования культурных продуктов. [4, с. 63]

Таким образом, маркетинговые технологии играют важную роль в социокультурной сфере, позволяя учреждениям культуры и специалистам развивать культуру, привлекать новых зрителей и поклонников и улучшать свои результаты.

Необходимо учитывать изменения в потребительском поведении и ориентироваться на новые показатели успеха социально-культурных проектов. Для этого важно проводить мониторинг рынка и потребительских предпочтений, определять целевую аудиторию и использовать маркетинговые инструменты для привлечения её внимания и участия в проектах. Также важно обратить внимание на развитие цифровых технологий и использование социальных сетей для продвижения культурных и социальных событий. Наконец, необходимо учитывать роль общественности и медиа в социально-культурной деятельности и использовать их как платформу для информирования и привлечения новых участников и спонсоров. Поэтому необходимо продолжать и развивать научно-исследовательские работы в области маркетинга социально-культурной сферы, учитывая специфику этой сферы и особенности ее объектов. Важно также проводить экспериментальную работу и апробировать маркетинговые технологии в практике социально-культурной деятельности, чтобы доказать их эффективность и применимость. Кроме того, необходимо уделять большее внимание развитию социальных, психологических и, конечно, педагогических аспектов маркетинга в социально-культурной сфере. Это необходимо для повышения качества предоставляемых населению услуг и полноценного удовлетворения общественных потребностей. [5, с. 157–158]

В связи с изложенным выше, наблюдается существенный ряд противоречий:

- между возможностью и потребностью в непрерывном самообразовании, саморазвитии и, конечно, самовоспитания специалиста культуры на принципах маркетинговых технологий и отсутствием готовности специалиста выстраивать на маркетинговых принципах ежедневную профессиональную деятельность, а также стратегию личного и профессионального развития и креативной самореализации, как фундамента профессиональной адаптации.
- между довольно острой потребностью повсеместно применимых технологиях рыночной стабильности и результативной работы в условиях рынка услуг и недостаточной эластичностью всех элементов и специалистов социально-культурной сферы к эффективному бытованию в коммерческом сегменте культуры и в системе разработки товаров и реализации своих услуг;
- между возрастанием современных требований к: 1) реализации продукта социально-культурной деятельности на культурном рынке;

2) процессу создания и оперативного управления его структурной подвижностью;

3) процессу объективной оценки эффективности;

4) процессу создания его новых видов;

5) процессу адаптации новых потребителей;

6) процессу формирования инновационных социальных институтов и их роли в удовлетворении социально-культурных запросов людей;

7) процессу коммерциализации всех процессов, связанных с разработкой товара (услуг) социально-культурного спектра;

В связи с этим необходимо разработать систему организации дополнительного образования специалистов сферы культуры, в которой будут отражены все его составляющие:

1) профессиональное образование в области маркетинга;

2) дополнительное образование (повышение квалификации, профессиональная переподготовка, стажировка, курсовое обучение) в области маркетинга и других смежных дисциплин;

3) повышение квалификации в области управления персоналом, психологии;

Сущность проблемной ситуации, связанной с удовлетворением социально-культурных потребностей людей, общества, хозяйствующих субъектов и государства проявляется в следующих противоречиях, требующих своего исследования и разрешения: – противоречие между потребностью учреждений социально-культурной сферы в повышении качества культурных услуг в условиях рынка и сложившейся в годы административно-командной системы социокультурного менеджмента, ориентированной на выполнение директивных задач; – противоречие, обусловленное различием представлений о целях и задачах социокультурного менеджмента в России и за рубежом; · противоречие потребностей населения в сфере досуга и досуга в учреждениях социально-культурного назначения и существующими возможностями удовлетворения данных потребностей; · противоречия между объективными потребностями учреждений социально- культурной сферы в расширении сферы предоставления услуг и существующими в них организационными и экономическими условиями;

Сущность сложившейся непростой ситуации, проявляется в конкретных противоречиях, которые следует исследовать и найти их разрешение:

- противоречие между реальным рынком социокультурных услуг и недостаточным уровнем доверия, осмысления и реализации руководителями учреждений социально-культурной сферы маркетинга как системной деятельности, направленной на предельно возможное удовлетворение потребностей людей в качественных социально-культурных услугах;
- между современными нормами к качеству социально-культурного продукта и отсутствием у сотрудников социально-культурных учреждений опыта его производства;
- между потребностью повышения продуктивности деятельности учреждений культуры и недостаточно интенсивным внедрением в практику современных технологий и инновационных наработок;
- противоречием между постоянно растущей конкуренцией, дефицитом ресурсов и возможностью бытования рыночных отношений в сфере социально-культурной деятельности;
- противоречие между мобильностью макросреды и отсутствием в «наборе» компетентности социально-культурных управленцев средств и методов внедрения и реализации механизмов стабильно-

го взаимодействия с целевыми группами потребителей социокультурных услуг;

- противоречие между остаточным принципом бюджетного финансирования и малым опытом использования маркетинга в формировании разноразмерной системы финансирования учреждений социально-культурной сферы.[6, с. 34]

Разрешение озвученных противоречий возможно путем реализации подхода, основанного в управлении социально-культурной сферой на сочетании коммерческого и непрофитного маркетинга, дающего средства анализа и технологии достижения поставленных целей в условиях непрекращающейся конкуренции на социокультурном рынке.

Очевидная необходимость разрешения приведенных противоречий определяет основную проблему, связанную, в первую очередь, с научным осмыслением сущности и специфики функционирования системы социально-культурной деятельности на маркетинговых основаниях, а также организационных, содержательных, психологических и социально-культурных условий маркетингового переосмысления социально-культурных технологий. [5, с. 135–136]

Через призму социально-экономических изменений, происходящих в последнее время, а нашем обществе и государстве, значимое место в деятельности социально-культурных учреждения приобретает подход, несущий в себе широкое использование технологий коммерческого и непрофитного маркетинга.

Маркетинговая парадигма эффективной рыночной деятельности на различных рынках, на сегодняшний день, достаточно прочно вошла в практику производственной, бытовой, коммерческой и других предпринимательских сфер, где она решает задачу максимизации эффекта от реализации технологий социально-культурной деятельности. Одновременно с этим использование в социально-культурной сфере инструментов маркетинга происходит эпизодически, чаще на интуитивно-эмпирическом уровне.

Таким образом возникает достаточно актуальная практико-ориентированная проблема: какие организационно-педагогические условия приоритетно создать для совершенствования социально-культурных технологий и менеджмента учреждений социально-культурной сферы, реализующих технологии маркетинга как систему деятельности. Именно эта система необходима для разрешения выявленных противоречий и повышения уровня качественных критериев социокультурных услуг.

По моему мнению, приблизить нас к решению данной проблемы может следующее:

1) Роль и место подхода на основе маркетинга в управлении социально-культурным учреждением определяется тем, что он является системой деятельности, где управление учреждением направлено на максимальное возможное удовлетворение культурных и духовных потребностей людей и, конечно, в целом общества, государства и социальных партнеров на принципах анализа маркетинговой среды, сегментации рынка услуг, позиционирования в окружающей учреждении среде.

2) жизнеспособная модель организационно-педагогических условий маркетингового подхода в деятельности учреждения социально-культурной сферы включает в себя конкретные процессы:

- окончательная переориентация персонала учреждения на маркетинг;
- разработка учебно-программных документов, отражающих актуальные желания имеющихся и потенциальных потребителей;

- реализация информационно-коммуникативных технологий в обучении и управлении;
- создание подвижной организационно-педагогической структуры, способствующей реализации индивидуальных траекторий развития личности;
- учет и анализ факторов макросреды.

3) управление маркетингом в условиях самостоятельности, инновационности и максимальной эффективности социально-культурными учреждениями базируется на основе реализации единого комплекса взаимозависимых мотивационно-образовательных, правовых, функциональных, организационно-деятельностных, программно-целевых, структурных, аналитических и финансово-экономических механизмов. [4, с. 142–143]

В итоге мы приходим к мысли что маркетинговый подход должен рассматриваться как фундаментальный организационный механизм управления социально-культурными учреждениями, интегрирующий деятельность различного персонала, направленную на удовлетворение потребностей индивидуумов, различных социальных групп и, конечно, государства в различного типа и видах социокультурных услуг.

- целесообразно сформировать структуру, определяющую поле маркетинговой деятельности в управленческой системе каждого конкретного учреждения социально-культурной сферы. Она позволит проводить анализ угроз и возможностей в макросреде, выделять сильные и слабые стороны учреждения, осуществлять сегментацию рынков услуг, организовывать и осуществлять маркетинговые мероприятия.
- кроме того, есть потребность в обосновании комплекса тех организационных механизмов, которые способствуют эффективному управлению маркетингом социокультурных услуг.

Литература

1. Генова Н. М., Камнев А.В., Стебляк В.В. Формирование модели культурно-образовательного кластера в условиях инновационной деятельности: маркетинговые аспекты / Н.М. Генова, А.В. Камнев, В.В. Стебляк // Научный журнал «Современное педагогическое образование». – 2022. – № 10. – С. 14–18.
2. Маркетинг менеджмент. 11-е изд./ Ф. Котлер. – СПб.: Питер, 2005. – 800 с.: ил. – (Серия «Теория и практика менеджмента»).
3. Новаторов, В.Е. Маркетинг: Учебное пособие для прикладного бакалавриата / В.Е. Новаторов. – СПб.: СПбГИКиТ, 2016. – 140 с.
4. Новаторов, В.Е. Социально-культурный маркетинг: история, теория, технология: Учебное пособие / В.Е. Новаторов. – СПб.: Издательство «Лань»; Издательство «Планета музыки», 2014. – 384 с.
5. Новаторов, В.Е. Маркетинг в социально-культурной сфере / В.Е. Новаторов. – Омск: Омич, 2000. – 288 с.
6. Пономарев, В. Д., Устимова, О.В. Культурно-образовательный кластер как фактор повышения качества подготовки специалистов сферы культуры

в условиях реализации государственной культурной политики // Педагогический журнал. 2020. Т. 10. № 5А. С. 215–223.

7. Стебляк В.В. Специфика социокультурного проектирования в современной России// Культура и цивилизация. 2018. – № 6 с. 77–86
8. Стебляк В.В. Ценностные модели современной российской цивилизации // Культура и цивилизация. 2018. № 6 с. 86–95

ORGANIZATIONAL AND PEDAGOGICAL CONDITIONS FOR THE USE OF MARKETING TECHNOLOGIES IN SOCIO-CULTURAL ACTIVITIES

Steblyak V.V., Chernov A.S., Lotkin I.V.

Omsk State University F.M. Dostoevsky, Moscow State Institute of Culture, Omsk state transport University

The realization of the potential of marketing technologies in the activities of modern socio-cultural institutions demonstrates extensive opportunities for specialists in the field of culture and leisure. Of particular value is the appeal to marketing and related applied sciences in one of the key areas from the point of view of the state cultural policy implemented in the country – the creative development of the personality of a cultural specialist, the development of his personal, as well as professional and business qualities. The maximum possible effectiveness from the use of various marketing practices will be possible with the creation of appropriate organizational and pedagogical conditions. Specially formed environmental conditions in culture develop their activities at a fundamentally new – innovative level. In turn, innovative activities will have a positive impact on the development of both the institution itself and the personality of the consumer of sociocultural services and society as a whole.

Keywords: marketing technologies in the socio-cultural sphere, organizational and pedagogical conditions, socio-cultural activities, personality development of a cultural specialist, professional competencies, organizations of the socio-cultural sphere, marketing management.

References

1. Genova N. M., Kamnev A.V., Steblyak V.V. Formation of a model of cultural and educational cluster in the conditions of innovative activity: marketing aspects / N.M. Genova, A.V. Kamnev, V.V. Steblyak // Scientific journal "Modern pedagogical education". – 2022. – No. 10. – P. 14–18.
2. Marketing management. 11th ed. / F. Kotler. – St. Petersburg: Peter, 2005. – 800 pp.: ill. – (Series "Theory and Practice of Management").
3. Innovatorov, V.E. Marketing: Textbook for applied bachelor's degree / V.E. Innovators. – St. Petersburg: SPbGIKIT, 2016. – 140 p.
4. Innovatorov, V.E. Socio-cultural marketing: history, theory, technology: Textbook / V.E. Innovators. – St. Petersburg: Publishing House "Lan"; Publishing house "Planet of Music", 2014. – 384 p.
5. Innovatorov, V.E. Marketing in the social and cultural sphere / V.E. Innovators. – Omsk: Omich, 2000. – 288 p.
6. Ponomarev, V. D., Ustimova, O.V. Cultural and educational cluster as a factor in improving the quality of training of cultural specialists in the context of the implementation of state cultural policy // Pedagogical Journal. 2020. Т. 10. No. 5А. pp. 215–223.
7. Steblyak V.V. Specifics of socio-cultural design in modern Russia// Culture and civilization. 2018. – no. 6 p. 77–86
8. Steblyak V.V. Anastasia models of modern Russian civilizationally and civilization. // Culture and civilization.2018. – no. 6 p. 86–95

Лидерство как сценарий будущего в профессиональном самоопределении выпускников современной школы

Лутошкина Виктория Николаевна

кандидат педагогических наук, доцент, кафедра общей и социальной педагогики, Институт педагогики, психологии и социологии, Сибирский федеральный университет
E-mail: vikkilu@yandex.ru

В статье рассматривается профессиональное самоопределение современной молодежи как одна из актуальных проблем 21 века. Представлены результаты исследования самоопределения выпускников современной школы через понимание сценариев будущего, на которые ориентированы учащиеся старших классов. Дается характеристика лидерства как сценария будущего. Показана взаимосвязь выбора лидерства как сценария будущего с опасениями большинства выпускников быть не конкурентоспособным на рынке профессий. В статье рассматриваются траектории самоопределения современной молодежи. Показано отличие и характеристики двух сценарии профессионального самоопределения: «жить работой» и «жить». Обсуждается проблема декавалификации, обесценивания труда и профессий, требующих полной включенности в деятельность. Поднимается тема «инфляции» диплома. Показано как эти тенденции влияют на профессиональное самоопределение выпускника современной школы. Определяется компенсаторный характер лидерского сценария будущего. Исследуются негативные и позитивные аспекты данного сценария. Показаны психологические синдромы и механизмы запуска дилерского сценария будущего.

Ключевые слова: профессиональное самоопределение, молодежь, сценарий будущего, выбор профессии, стиль жизни, траектория самоопределения, лидерство, декавалификация дипломов.

Профессиональное самоопределение выпускника современной школы является одной из актуальных проблем 21 века, характеризующегося подвижной социальной средой, в которой современный рынок труда подвержен постоянным колебаниям и изменениям спроса на востребованные профессии.

Одни профессии, как и технологии, появляются и развиваются, а другие – уходят в прошлое, уступая место новым профессиям.

В середине прошлого столетия в нашей стране самой востребованной профессией была профессия инженера; десятилетие спустя появился спрос на специалистов в сфере электроники и атомной промышленности; в конце 20 века самой популярной стала профессия менеджера. Сейчас на рынке труда есть спрос на специалистов в сфере высоких технологий, молекулярной биологии, нефтегазовой отрасли и др. Но в наше нестабильное время никто не может гарантировать, что эти профессии и дальше останутся востребованными на стремительно меняющемся рынке труда.

Невозможность прогнозировать будущее, являясь ключевой характеристикой 21 века, затрудняет профессиональное самоопределение выпускника современной школы, которому невероятно сложно выбрать будущую сферу деятельности.

Именно поэтому важно понять, как должно строиться профессиональное самоопределение выпускника современной школы, на какие сценарии будущего он ориентирован.

Все вышесказанное определяет контекст исследования профессионального самоопределения современной молодежи: рассмотреть профессиональное самоопределение выпускника современной школы через понимание сценариев будущего, на которые ориентированы учащиеся 11-ых классов. В онлайн опросах приняли участие 106 выпускников ведущих школ г. Красноярск.

Исследование показало, что одной из ключевых тенденций самоопределения старшеклассников является тот факт, что они чаще всего выбирает не профессию, а ВУЗ. Это подтверждают данные опроса. Среди ряда вопросов, старшеклассников спрашивали, чем они хотели бы заниматься по окончании школы. При этом допускался множественный выбор, который показал следующие варианты выбора будущего, предпочитаемые выпускниками школ:

- поступить в вуз – 102 выбора
- отдохнуть и определиться – 21 выбор
- создать семью – 11 выборов
- работать – 37 выборов
- служить в армии – 3 выбора

Как видно из результатов опроса большинство старшеклассников планируют после окончания школы поступить в ВУЗ.

Однако особого внимания заслуживает тот факт, что только 47% из них смогли указать профессию, которую они выбрали. Становится очевидным, что более половины опрошенных старшеклассников выбирают ВУЗ, не связывая его с будущей профессией.

Это позволяет отметить еще одну актуальную тенденцию профессионального самоопределения молодежи

жи – самоопределение выпускника современной школы чаще всего не связано с выбором определенного вида трудовой деятельности.

Анализ результатов исследования позволил предположить, что послужило первопричиной данной тенденции.

Отчасти это происходит не столько из-за трудности выбора профессии, востребованной на стремительно меняющемся рынке труда, сколько из-за недостаточной информированности выпускников о многообразии профессий 21 века.

В такой ситуации профессиональное самоопределение школьника должно строиться на принципе восполнения имеющихся дефицитов, включающих: знакомство с миром профессий; предоставление выпускникам возможностей для осуществления реальных проб в новой профессиональной деятельности; встречи и взаимодействия с работодателями, определяющими перспективы развития рынка труда в меняющемся мире.

Другая первопричина, порождающая трудности профессионального самоопределения, может заключаться в сценариях будущего, в которых выпускник современной школы отражает свое видение взрослости.

На наш взгляд эта проблема заслуживает особого осмысления, так как в ряде исследований отмечается, что переход от детства к взрослой жизни характеризуется неравномерностью физического и социального созревания [9]. Период формирования социальной зрелости связан с проявлениями у современной молодежи неуверенности в своем будущем, что затрудняет профессиональное самоопределение, порождая разные сценарии будущего.

В такой ситуации профессиональное самоопределение, основанное на знакомстве с миром профессий, становится малоэффективной и не решает проблему разрывов социального созревания выпускника.

Становится понятным, что профессионального самоопределения должно строиться с учетом того сценария будущего, который сложился у выпускника современной школы.

Подтверждением данной версии являются результаты опроса, которые показали, что большинство старшеклассников негативно относится к профессиональным сценариям родителей, так как работа, по мнению учащихся, «поглотила всю жизнь родителей, не приведя к желаемому результату».

Более 70% опрошенных старшеклассников считают родителей неудачниками, которые так и не добились успеха в жизни. Это во многом определило контекст самоопределения современной молодежи, который можно условно назвать «Работа или жизнь».

Участники опроса считают, что работа, профессиональная деятельность, в том понимании, которое закладывают в нее родители, педагоги, общество, забирает все время и силы, не давая возможности для самореализации и проявления собственного «Я».

В таком контексте профессиональное самоопределение выпускника, выбор им будущей профессии становится экзистенциальным выбором между работой и жизнью.

Для современной молодежи выбор будущей профессии ассоциируется с выбором стиля жизни, который можно условно обозначить как – «жить работой», а отказ от выбора работы означает – «выбрать жизнь».

Таким образом, профессиональное самоопределение молодежи превращается в выбор между двумя жизненными траекториями:

– С одной стороны, траектория самоопределения «работа» – это выбор стиля жизни «жить работой», оз-

начающий отказ от успешной жизни, исполнения мечты и самореализации;

– С другой стороны, траектория самоопределения, названная большинством опрошенных как «жизнь», связана с совершенно другим сценарием будущего, в котором не нужно выбирать профессию, работу; в котором они живут «как хочется, как нравится».

Данную версию подтверждают следующие результаты опроса:

– Отвечая на вопрос: «Какой объект деятельности вас привлекает?», большинство старшеклассников выбрали в качестве объекта «человека».

– Категорию «искусство» выбрало более половины опрошенных.

– Третье место в рейтинге объектов привлекательных для школьников заняла категория «информация».

Комментируя ответы, школьники пояснили свой интерес к категориям человек-искусство-информация желанием «понимать себя как человека», «освоить искусство самовыражения и передачи информации».

Такой выбор не связан с профессиональным самоопределением, а отражает повышенный интерес выпускников к своей личности, их потребность в понимании и самовыражении.

Анализ результатов опроса, направленного на определение вида деятельности, который предпочитают выпускники, показал, что большинство школьников выбирают виды деятельности, связанные с творчеством – 55 выборов и контролем – 42 выбора.

При этом в комментариях учащиеся пояснили, что не планируют осваивать творческие профессии, а скорее ориентированы на «свободный, творческий стиль жизни», не связанный с выбором профессии.

Выбор вида деятельности «контроль» – означает избегание внешнего контроля; желание заниматься неподконтрольной деятельностью, в которой они будут чувствовать свободу; желание избежать контроля в выборе профессии со стороны взрослых. Подобный выбор может интерпретироваться как не готовность большинства опрошенных старшеклассников к выбору профессии.

Отказываясь повторять сценарии профессионального самоопределения, которые были у их родителей, старшеклассники выбирают лидерство как сценарий будущего. Учитывая выше представленные характеристики, данный сценарий будущего может быть определен как «Лидерство». Лидерство как сценарий будущего прослеживается у большинства опрошенных старшеклассников.

В индивидуальных опросах и в ходе конструирования сценария будущего, лидерство характеризовалось выпускниками, как: быть лидером, быть успешным, быть блогером, иметь популярный канал, быть популярным, быть в тренде, быть самостоятельным, самому планировать жизнь, иметь много свободного времени.

При этом «Лидерство» как сценарий будущего у большинства опрошенных старшеклассников не был связан с лидерством в профессии или в освоении технологии.

Определяя сущность и характеристики лидерства как сценария будущего, обратимся к сущности понятия лидерства.

В теоретической психологии [7] лидер – это тот, кто может взять на себя наиболее важные решения, которые касаются интересов остальных членов группы [1]. Большинство исследователей рассматривают лидерство в контексте степени влияния на группу в ходе оптимизации задач, решаемых группой.

Следует признать, что лидерству в среде современной молодежи уделяется особое внимание. Со стороны государства и образования это связано с задачей фор-

мирования лидерской позиции у подрастающего поколения. В контексте современных вызовов лидерство наполняется новыми характеристиками, такими как: готовность к развитию, способность генерировать инновационные идеи и технологии, актуализировать и поддерживать творческий потенциал, внутреннее равновесие и устойчивость в группе.

Со стороны молодежи, как показало наше исследование, также существует запрос на лидерство, лидерскую позицию. Однако, лидерство как сценарий будущего большинства участников исследования не коррелируется с запросом со стороны государства и образования на формирование лидерской позиции у подрастающего поколения.

Сущность лидерства, как сценария будущего опрашиваемых старшеклассников, лучше всего отражают такие характеристики, как:

- лидер – член группы, чью власть беспрекословно принимают другие члены группы, готовые следовать за ним [1].
- лидер – тот, кто обладает наибольшей активностью, харизматичностью, является центром психологического притяжения других людей.

При этом лидерство рассматривается выпускниками в большей степени как инструмент влияния, доминирования, получения желаемых благ.

Выпускники школы, чье самоопределение основывается на лидерстве как на сценарии будущего, выбирают не профессию, а престижный ВУЗ, который, по их мнению, может стать наиболее подходящей стартовой площадкой для будущей жизни.

Именно поэтому большинство выпускников ведущих гимназий г. Красноярск ориентировано на поступление в высокорейтинговые столичные вузы. Большинство опрошенных выпускников выбирает ВУЗ как возможность отложить профессиональное самоопределение еще на 4–5 лет.

При этом лишь 19,8% старшеклассников осознают свою неготовность к выбору профессии. В такой ситуации поступление в ВУЗ становится для старшеклассника некой «буферной зоной» между школой и необходимостью сделать профессиональный выбор, а получение диплома о высшем образовании – это ответ сложившемуся в обществе стереотипу успешности.

Когда сценарии будущего выпускников современной школы не соответствуют потребностям общества в кадрах, можно говорить о профессиональной диспропорции, декавалификации и даже об инфляции дипломов[3]. Профессиональные диспропорции связаны с диссонансом между предложениями образовательных услуг, потребностями работодателей и имеющимся спросом современной молодежи на труд и образование. Деквалификация в таком случае понимается не столько как утрата навыков профессии, ухудшение профессионализма, а скорее всего как деградация труда, когда труд становится более фрагментарным, утрачивает свое самостоятельное содержание, в том числе в сознании современной молодежи.

В таком контексте декавалификация означает деградацию, обесценивание труда, тех или иных профессий в глазах молодежи, общества. Профессии, декавалифицированные общественным мнением, не пользуются популярностью среди молодежи.

Становится очевидным, что лидерство как сценарий будущего современных выпускников связан с избеганием тех профессий, в отношении которых у старшеклассников сложился стереотип декавалификации профессии. Это профессии, в которых нужно: работать по заданному графику; соподчинять свои действия требовани-

ям профессиональной организации и руководства; производить продукт, обладающий конкретными характеристиками; соподчинять свои действия корпоративной культуре компании. Данные характеристики будущего профессионального труда рассматриваются выпускниками школ только в негативном контексте.

Поэтому большинство опрошенных старшеклассников в лидерском сценарии будущего выбирают: свободный график, работу в формате коворкинга, современный дизайн и комфортный офис, возможность самореализации, молодежный коллектив, работу в проектном режиме, свободное общение, общественное признание значимости их мнения, но не деятельности, финансовое подтверждение их лидерства.

Очевидно, что выпускников современных школ пугает рост требований со стороны работодателей к образованию и уровню развития будущих сотрудников; высокий уровень конкуренции среди молодежи, получающей образование все более высокого уровня. В такой ситуации выбор старшеклассниками лидерства как сценария будущего говорит о страхе большинства выпускников быть не конкурентоспособным на рынке профессий.

Поэтому лидерство как сценарий будущего – это скорее признак синдрома отложенного действия, временный отказ старшеклассника от решения задачи профессионального самоопределения. Выбирая ВУЗ вне связи с будущей профессией, выпускник как бы откладывает принятие решения о выборе своей будущей профессиональной деятельности на неопределенное время.

Проведенное исследование также позволило выделить у опрашиваемых ряд личностных характеристик, затрудняющих профессиональное самоопределение, таких как: низкая самооценка, приводящая к неуверенности в будущем; низкая мотивация, которая становится существенным препятствием к профессиональному выбору; наличие негативного опыта взаимодействия с родителями и педагогами в решении задач профессионального самоопределения.

Все это приводит к формированию у старшеклассника устойчивого избегания темы выбора профессии, пассивности и категорическому отказу от обращения за помощью в преодолении своих страхов и трудностей.

Выше названные трудности профессионального самоопределения порождаются низким уровнем развития произвольности и определяющей рефлексии, неготовностью к поиску продуктивного решения при встрече с новой задачей, заставляя выпускника создавать компенсаторный сценарий будущего лидерства, построенного на идее успеха без привязки к трудовой деятельности.

Выбор большинством старшеклассников лидерства как сценария будущего означает не готовность старшеклассников к профессиональному самоопределению по тому сценарию, который предлагает школа, педагоги и родители. Сценарий лидерства в таком контексте является компенсаторным механизмом, который запускается в ответ на требования со стороны общества – определиться со сценарием будущего уже на этапе окончания школы.

Следует признать, что лидерство как сценарий будущего обладает потенциалом развития профессионального самоопределения старшеклассников, если оно будет строиться как проектирование карьеры в условиях меняющегося рынка труда, примиряя между собой траектории будущего «жить работой» и «жить успешно». Такой сценарий позволит старшекласснику занять лидерскую позицию в проектировании своего профессионального будущего, а лидерство как сценарий будущего наполнится новым смыслом, делая жизнь выпускника современной школы целенаправленной и перспективной.

Литература

1. Гакельберг, Т. Б. К вопросу о сущности лидерства / Т.Б. Гакельберг, Т.П. Ковшова, З.Ш. Мустафина // Образование и проблемы развития общества. – 2020. – № 2(11). – С. 39–46.
2. Дидковская, Я.Д. Профессиональные стратегии студентов в контексте образа социального будущего / Я.Д. Дидковская, Д.В. Трынов, П.А. Чистяков // Социологические исследования. – 2023. – № 9. – С. 63–77.
3. Коллинз Р. Технологическое замещение и кризис капитализма: Выходы и тупики // Политическая концептология. – 2010. – № 1. – С. 35–50.
4. Комаров, В.В. Психоаналитические идеи лидерства и современные представления о его природе / В.В. Комаров // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2023. – Т. 23, № 2. – С. 198–202.
5. Немов Р.С. Общая психология в 3х тт. том: психология личности: Учебник и практикум для академического бакалавриата [Текст]: / Р.С. Немов. – Люберцы: Юрайт, 2015. – 739 с.
6. Особенности образа будущего современных подростков / А.К. Лукина, М.А. Волкова, С.Л. Богомаз, В.А. Каратерзи // Право. Экономика. Психология. – 2023. – № 1(29). – С. 77–82.
7. Петровский А.В. Основы теоретической психологии: учебное пособие [Текст]: / А.В. Петровский, М.Г. Ярошевский. Москва: ИНФРА-М, 2015. – 528 с.
8. Ярлыкова О.В. Опыт профессиональной ориентации населения за рубежом и в России / Ярлыкова О.В., Ипанова Т.С., Крахмалева А.С. // Профессиональная ориентация 2017. – № 1. – С. 217–221.
9. Petrova, M., & Schwartz, S.J. (2017). Developmental and Cross-Cultural Considerations in the Study of Well-Being Among Young People. In Dimitrova, R. (Ed.). Well-being of youth and emerging adults across cultures: novel approaches and findings from Europe, Asia, Africa and America. Cross Cultural Advancements in Positive Psychology, 1, 3–18.

LEADERSHIP AS A SCENARIO OF THE FUTURE IN THE PROFESSIONAL SELF-DETERMINATION OF GRADUATES OF A MODERN SCHOOL

Lutoshkina V.N.

Siberian Federal University

The article considers professional self-determination of modern youth as one of the urgent problems of the 21st century. The results of a study of the self-determination of graduates of a modern school through understanding the scenarios of the future that high school

students are focused on are presented. The characteristic of leadership as a scenario of the future is given. The interrelation of the choice of leadership as a future scenario with the fears of the majority of graduates to be not competitive in the market of professions is shown. The article examines the trajectories of self-determination of modern youth. The difference and characteristics of two scenarios of professional self-determination are shown: «to live by work» and «to live». The problem of dequalification, depreciation of labor and professions requiring full involvement in activities is discussed. The topic of «inflation» of the diploma is raised. It is shown how these trends affect the professional self-determination of a graduate of a modern school. The compensatory nature of the leadership scenario of the future is determined. Negative and positive aspects of this scenario are investigated. Psychological syndromes and mechanisms of launching the dealer scenario of the future are shown.

Keywords: Professional self-determination, youth, future scenario, choice of profession, lifestyle, trajectory of self-determination, leadership, diploma dequalification.

References

1. Gakelberg, T.B. On the question of the essence of leadership / T.B. Gakelberg, T.P. Kovshova, Z. Sh. Mustafina // Education and problems of society development. – 2020. – № 2(11). – Pp. 39–46.
2. Didkovskaya, Ya.D. Professional strategies of students in the context of the image of the social future / Ya.D. Didkovskaya, D.V. Trynov, P.A. Chistyakov // Sociological research. – 2023. – No. 9. – pp. 63–77.
3. Collins R. Technological substitution and the crisis of capitalism: Exits and dead ends // Political Conceptology. – 2010. – No. 1. – pp. 35–50.
4. Komarov, V.V. Psychoanalytic ideas of leadership and modern ideas about its nature / V.V. Komarov // Izvestiya Saratov University. A new series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy. – 2023. – Vol. 23, No. 2. – pp. 198–202.
5. Nemov R.S. General psychology in 3 volumes. volume: Psychology of personality: Textbook and workshop for academic bachelor's degree [Text]: / R.S. Nemov. – Lyubertsy: Yurayt, 2015. – 739 p.
6. Features of the image of the future of modern teenagers / A.K. Lukina, M.A. Volkova, S.L. Bogomaz, V.A. Karaterzi // Right. Economy. Psychology. – 2023. – № 1(29). – Pp. 77–82.
7. Petrovsky A.V. Fundamentals of theoretical psychology: textbook [Text]: / A.V. Petrovsky, M.G. Yaroshevsky. Moscow: INFRA-M, 2015. – 528 p.
8. Labelkova O.V. Experience of professional orientation of the population abroad and in Russia / Labelkova O.V., Ipanova T.S., Krakhmaleva A.S. // Professional orientation 2017. – No. 1. – pp.217–221.
9. Petrova, M., and Schwartz, S.J. (2017). Development aspects and cross-cultural aspects in the study of youth well-being. In the book Dimitrova R. (ed.). The well-being of youth and emerging adults in different cultures: new approaches and conclusions from Europe, Asia, Africa and America. Intercultural Achievements in Positive Psychology, 1, 3–18.

Мартыненко Владимир Владимирович,

д.п.н., профессор, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН
E-mail: rptb@mail.ru

Попов Михаил Юрьевич,

д.с.н., профессор, директор издательства «Наука и образование»
E-mail: popov-52@mail.ru

Мартыненко Сергей Владимирович,

д.п.н., ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН
E-mail: rptb@mail.ru

Кареева Светлана Геннадьевна,

к.с.н., ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН
E-mail: svetfran@mail.ru

Актуальность данного исследования заключается в том, что его авторы проводят системный анализ процесса формирования нового социального порядка, детерминирующих его социетальных (социокультурных, политических, идеологических и др.) факторов, тенденций и динамики развития, как в нашей стране, так и в глобальном контексте. Цель исследования: систематизировать доминирующие представления у современных исследователей о социетальной структуре нового социального порядка. Задача исследования: выявить тенденции в трансформации социального порядка в постсоветский период отечественной истории в контексте трансформации мирового порядка от однополярного через многополярный мир к полицентричному мироустройству. Методы исследования: сравнительный исторический анализ, междисциплинарный комплексный подход, метод логического анализа. В результате проведенного исследования, авторы пришли к выводу о том, что процесс формирования нового социального порядка в нашей стране развивается синхронно с трансформацией мирового порядка.

Ключевые слова: социальный порядок, социетальный, социокультурный, структура социального порядка, гражданское общество, новый социальный порядок, избирательные правоотношения, коллективный Запад, однополярный мир, многополярный мир, полицентричное мироустройство.

Во вступительной части исследования мы приводим мнение одного из известных отечественных философов, специалистов в области социологии культуры Э.М. Андреева¹, заявившего, что лидеры коллективного Запада игнорируют нормы международного права и навязывают мировому сообществу идеологию однополярного мира, в соответствии с которой, оно должно функционировать по ими установленным правилам в ущерб своим национальным интересам ради того, чтобы ощущать свою принадлежность к «цивилизованному миру» [1]. И, как свидетельствуют события прошедших десятилетий, попытка мировых элит продолжать «пичкать» мировое массовое сознание этими, якобы, эталонными образцами мироустройства, всё чаще вызывает реакцию отчуждения у тех лидеров государств, которые осознают бесперспективность и ущербность для своих народов, навязываемой им лидерами, в первую очередь, англосаксонского мира, неокOLONIALной стратегии однополярного миропорядка.

В контексте вышесказанного, мы должны отметить актуальность выбранной нами темы исследования, потому что оно посвящено сложному периоду в новейшей истории человечества, в котором сделана попытка системного анализа процесса формирования нового социального порядка, детерминирующих его социетальных (социокультурных, политических, идеологических и др.) факторов, тенденций и динамики развития, как в нашей стране, так и в глобальном контексте.

Обсуждение

В структуре гуманитарного знания, тема социального порядка занимала умы его представителей на протяжении всей человеческой истории в силу объективных причин, потому что развитие человеческой цивилизации перманентно сопровождалось кризисными процессами, нередко принимавшими катастрофические масштабы и приводившими к крушению древних цивилизаций с богатой многовековой историей. И, как мы полагаем, процессы, протекающие в современном мировом пространстве, содержат высокий кризисный потенциал, который стал накапливаться в мире, начиная с XX века, ознаменовавшегося не только многочисленными революционными достижениями в области науки и техники, но и мировыми войнами, приведшими к глубинным системным трансформациям в структуре мирового политического и социального порядка. Напоминаем, что в результате Первой мировой войны не только прекратили существование европейские империи, но и в истории мировой цивилизации произошло такое грандиозное по своим масштабам событие, как Октябрьская революция в России, вызвавшая, вероятнее всего, впервые в новейшей мировой истории наиболее глубокие по своим последствиям перемены,

¹ Эдуард Михайлович Андреев, доктор философских наук, профессор. На протяжении многих лет он являлся главным научным сотрудником, заместителем руководителя Центра исследования процессов Евразийской интеграции Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН. Ушел из жизни в августе 2022 год. 08 октября 2023 г. ему бы исполнилось 85 лет.

более значительные, по нашему мнению, чем результаты Первой мировой войны, потому что привели к изменениям не только на политической карте Европы, но и в структуре мировой экономики, в которой Российская империя занимала одну из лидирующих позиций. Не менее серьезные потрясения испытали на себе европейские государства, пережившие всплеск протестных настроений в рабочем движении в защиту своих трудовых, социальных прав и демократических свобод, который вынудил ведущие мировые капиталистические державы внести изменения не только в трудовое законодательство, а в будущем – и в государственную социальную политику.

В результате Второй мировой войны произошли не менее грандиозные перемены в мировой политике и экономике, приведшие:

- к поляризации мировых социально-экономических систем на капиталистическую во главе с Соединенными Штатами Америки (США) и социалистическую, лидирующую позицию в которой занял Союз Советских Социалистических республик (СССР), получившей в мировой политике название двухполярного мира;
- к крушению мировой колониальной системы, приведшей к появлению на политической карте мира так называемого, третьего мира или развивающихся государств, избравших путь независимого развития, лидеры которых сделали выбор в пользу одного из указанных выше полюсов.

Завершающим аккордом в мировом распределении политических сил стал конец XX века, ознаменовавшийся распадом мировой системы социализма, а вместе с ней, военно-политического и экономического союза стран Восточной Европы во главе с СССР, прекратившем свое существование в 1991 году. Вследствие этих глобальных перемен, доминирующие позиции в мире заняли США и их союзники – коллективный Запад, утвердившие на несколько десятилетий, так называемый, однополярный мировой порядок.

Таким образом, на рубеже тысячелетий мировая цивилизация вступила в новый этап своего развития, но как показал исторический опыт, надежды коллективного Запада на безоговорочное доминирование в планетарном масштабе на все времена оказались безосновательными, благодаря формированию в мировом политико-экономическом пространстве в первой четверти XXI века новых полюсов силы, представленных рядом государств не только с бурно развивающейся экономикой, но и избравших путь независимого развития, приоритетной идеологией которого является национальный суверенитет, международное экономическое и политическое сотрудничество на равноправных и взаимовыгодных условиях. К таким новым полюсам силы мы относим КНР, Индию, демонстрирующих высокие темпы экономического развития и рост военно-оборонительного потенциала, а также Российскую Федерацию, руководство которой, спустя десятилетия прозападной ориентации в своей внутренней и внешней политике, пришло к осознанию того, что наша страна не только не стала равноправной частью «цивилизированного Запада», но и в результате такой политики оказалась в состоянии глубокого системного кризиса, единственно возможным выходом из которого должен был выбор пути независимого экономического развития, отказа от либеральной идеологии в социально-экономической и политической сферах, ориентации на обеспечение национальной безопасности, суверенной внешней и внутренней политики, равноправного сотрудничества с государствами, также сделавшими свой выбор в пользу своих национальных интересов.

На отказ от подчинения идеологии однополярного мира, помимо вышеназванных государств, также ориентируются многие лидеры стран Азии, Африки и Латинской Америки, реализующие своё стремление к национальному суверенитету через объединение в рамках БРИКС, ШОС, ЕАЭС и др.

Таким образом, первая четверть XXI века знаменуется ярко выраженными тенденциями в изменении мироустройства в пользу многополярности, обретающей глобальные масштабы, которые сопровождаются процессом, охарактеризованным его многочисленными исследователями таким понятием, как «новый социальный порядок».

Его структурными элементами, как нам представляется, должны стать:

- идеология гуманизма, ориентированная на социальную и разумно организованную легитимную власть;
- новые идеи и знания, соответствующие новым реалиям, эффективным политическим, правовым решениям и действиям [1].

Исходя из выше изложенного, мы разделяем точку зрения тех представителей гуманитарных, социально-экономических и общественных наук, по мнению которых, основополагающими элементами нового социального порядка являются социокультурная составляющая и политико-правовая культура как фундаментальная основа всех социальных изменений, в том числе и в самой политике, и в стратегии гуманизма, благодаря чему, в структуре нового социального порядка существенно возрастает роль культуры, гармонично сосуществующей с правовым порядком [1].

В контексте нашего исследования, заслуживает внимания позиция Р. Парка, отметившего, что общество представляет собой организм, который постоянно развивается, эволюционирует и упорядочивается на четырёх уровнях порядка: экологическом, экономическом, политическом и культурном [2; 3].

Наши размышления о новом социальном порядке дополняются рассуждениями ряда исследователей в отношении тех его форм, которые представляют для него реальную угрозу, в частности, национального порядка, ориентированного его идеологами на «духовную аристократию», власть меньшинства в интересах управления «незрелым меньшинством», проходящим школу националистического воспитания и верующим в нацию как субъект исторического процесса [4; 5].

Определенную угрозу новому социальному порядку несут и такие элементы социального порядка, как социально-гражданский, социально-политический, социально-экономический или социально-духовный порядок, когда основным ориентиром стратегии государственного развития территорий, ранее входивших в, так называемое, социалистическое сообщество, а также – в состав СССР, их политическими элитами под прикрытием лозунгов о национальной независимости, фактически, были выбраны не национальные интересы, а стремление государственной элиты и олигархата «подстроиться» под новый «демократический порядок» по западным стандартам, избавившись от протектората империи зла, к которой, как известно, был отнесен Советский Союз, и избрать для себя новую, казавшуюся им более перспективной, модель социально-экономического и политического развития. Только, как показал опыт прошедших десятилетий, эти государства, в подавляющем большинстве, фактически, потеряли свой экономический суверенитет, а в политической сфере оказались в русле антироссийской и русофобской политики Евросоюза, что, в первую очередь, крайне негативно отразилось на положении той части

населения этих государств, ранее входивших в состав СССР, которое не относилось к категории титульной нации или национальности, хотя именно она на рубеже 1980–1990-х гг. выступала наиболее активными сторонниками выбора в пользу суверенного развития, выхода из состава СССР. Наиболее яркими свидетельствами их реального бесправия служит политика руководства стран Балтии и, конечно же, Украины, выдавливающих из своей политической и культурной жизни все то, что, каким-то образом, связано с русской культурой и русским языком.

В контексте вышеизложенного, мы обращаемся к творческому наследию Питирима Сорокина, акцентируя внимание читателей на ряде причин, которые, по его мнению, могут нести угрозу нарушению социального порядка: политические, социально-политические, национальные и сепаратистские, религиозные и смешанные; они могут иметь место на индивидуальном, групповом, институциональном, социальном и суперсистемном (мировом) уровнях [6]. Справедливость этой точки зрения, как раз, и, как раз, и подтверждается событиями на советском и постсоветском пространстве на рубеже 1980–1990-х гг.

Возвращаясь к теме факторов, способствующих формированию и устойчивому функционированию социального порядка в новых исторических условиях, мы цитируем одного из разработчиков этого направления в российском социально-философском знании в начале 2000-х гг. Ю.А. Агафонова: «Социальный порядок не возникает сам собой, его необходимо «строить»: создавать и поддерживать. В этом – одна из наиболее важных и ответственных задач политических элит. Порядок не может устанавливаться исключительно государственным воздействием, он (по определению) поддерживается самим обществом, а для этого должен быть понят, принят и воспроизведен» [7, с. 3].

Ю.А. Жданов, один из выдающихся представителей философии гуманизма в нашей стране, высказал солидарность с мнением Н. Вайнера, заявившем о насущной необходимости «построить общество на человеческих ценностях, отличных от купли-продажи» [8, с. 7]. Решить же проблему существующего мирового социального порядка, ориентированного по инициативе идеологов однополярного мира на несанкционированное нарушение суверенитета, презумпции невиновности, провоцирующих только насилие, по мнению Ю.А. Жданова, поможет только понимание истоков современного социального беспорядка [8, с. 7].

Вне всякого сомнения, заслуживает пристального внимания его характеристика гражданского общества, основанного на инициативе, и целью которого является формирование в нём и нравственности, и права, и других сторон общечеловеческого бытия. В этом контексте, он отметил необходимость крепкой, прочной, но не жестокой и террористической государственной власти, утверждая, что «мир держится на устойчивости государств, которые обладают прочной государственной традицией. Слабых в мире не уважают. Не просто не боятся, а не уважают. С ними пытаются обойтись самым беспардонным образом. Это надо иметь в виду. Поэтому гражданское общество, несомненно, должно реализовать свои потенции в союзе с государственной властью» [8, с. 7–8].

Только, по мнению Ю.А. Жданова, гражданское общество – необходимый, но не высший уровень развития человечества, на смену которому должно будет прийти более высокий цивилизационный уровень развития, которому он дал определение человеческого общества [8, с. 7–8].

Результаты

В результате обсуждения сущности и тенденций, проявляющихся в процессе функционирования и трансформации социального порядка в новейшей истории человечества, мы пришли к осознанию того, что тема нового социального порядка приобретает в современном социологическом и социально-философском знании перманентно возрастающее значение.

Предметом же наиболее активных дискуссий она стала на рубеже второго и третьего тысячелетий в период очередных глобальных потрясений, вызванных не только распадом системы двухполярного мироустройства, но и формированием новых центров силы вокруг Китая, Индии, России, вышедших в новый высококачественный уровень своего развития, а также групп арабских, африканских и латиноамериканских стран, отстаивающих свое историческое право на независимость, в основе которой заложена идеология приоритета национальных интересов, равноправия и взаимовыгодного сотрудничества во внешней политике; их субъекты подвергают ревизии ценности западной либеральной демократии, пропагандирующей идеи толерантности и мультикультурализма, общества потребления, содержащих, в своей основе, стремление коллективного Запада разрушить многовековой уклад этих государств, чей цивилизационный путь развития формировался и продолжается с ориентацией на свой богатый исторический опыт, уникальную культуру и традиции. И, по объективным причинам, стратегия цивилизационного развития, навязываемого остальному миру коллективным Западом, отстаивающим идею однополярного мироустройства, вступает, по нашему убеждению, в непримиримое противоречие с коллективным мировоззрением, названных нами новых центров силы, принципиально отличающихся от ценностей западной цивилизации, в развитии которой все ярче проявляются тенденции деградации и упадка.

Кстати, об обществе потребления с позиций формирования его идеологии в нашей стране, историю которого мы предлагаем отсчитывать, например, с Программы КПСС, принятой на её XXII съезде, названной Программой построения коммунизма и провозгласившей лозунг «От каждого по способностям, каждому по потребностям». Утопичность этого принципа, реализация которого, по мнению разработчиков программы построения коммунизма в отдельно взятой стране, да еще за столь короткий двадцатилетний период, для наших современников является очевидной, как и утверждение о том, что в результате победы коммунизма в нашей стране, «изобилие польется рекой, и восторжествует принцип от каждого по способностям, каждому по потребностям» [9]. Кстати, эта фраза была позже подвергнута редакции, как мы полагаем, из-за осознания руководством СССР утопичности этой идеи, но потребительская мораль постепенно проникала в массовое сознание советских людей, тем более, в условиях тотального дефицита в экономике, ориентированной на военно-идеологическое противостояние с капиталистическим миром в ущерб развитию рынка товаров народного потребления.

Исходя из выше изложенного, следует отметить, что процесс формирования нового социального порядка находится в состоянии взаимозависимости, как от внутренних, так и от внешних факторов. Подтверждением данного тезиса может служить пример нашей страны, которая под давлением этих факторов за короткий, по историческим меркам период времени, превратилась из лидера двухполярного мира, сформировавшегося после завершения Второй мировой войны (под давлением дезинтеграционных процессов, приведших к самороспу-

ску в Восточной Европе Совета экономической взаимопомощи (СЭВ), военно-политического союза (Варшавского договора), а затем – и к распаду СССР), по утверждению западных политиков – в мировую бензоколонку или, в лучшем случае, в региональную державу. Эти изменения, фактически, завершили процесс противостояния социалистической и капиталистической систем, что привело к формированию однополярного мира с лидирующими позициями в нем США, заявившего о своей победе над СССР в результате идеологического и экономического противостояния.

Только следует ли именно США приписывать заслугу в ликвидации этого противостояния между социалистической и капиталистической системами? По нашему убеждению, нет, потому что она стала следствием капитуляции руководства Советского Союза в этом, так называемом, соревновании систем, оказавшегося не в состоянии выработать научную программу перспективного развития советского общества после принятия в 1977 году новой Конституции СССР, провозгласившей окончательную победу социализма в нашей стране, когда уже очевидным стал провал проекта построения коммунизма в нём к 1980 г. А проект под названием «Перестройка», провозгласивший ускорение социально-экономического развития, демократизацию общественно-политической жизни в стране в контексте «общечеловеческих ценностей» при возрастании руководящей роли КПСС и охарактеризованный как новое достижение марксистко-ленинской теории, получил закрепление в документах XXVI съезда партии [10]. Но уже на завершающем этапе перестройки из программных документов партии и Конституции страны был изъят тезис о КПСС как о руководящей и направляющей силе советского общества, и была провозглашена идея политического плюрализма, многопартийности, что на начальном этапе стало фактором, стимулировавшим демократизацию общественно-политической жизни в стране. Но, в совокупности, из-за отсутствия у руководства СССР научно обоснованной программы развития советского общества, этот процесс привел к глубокому политическому и социально-экономическому кризису, спровоцировавшему в 1991 году в СССР «парад суверенитетов» и последующий его распад из-за утраты руководством Советского Союза контроля за ситуацией в стране, фактически капитулировавшим под давлением центробежных процессов в союзных республиках и, в первую очередь, в РСФСР, руководство которой, возглавляемое Б. Ельциным, 21 июня 1991 года провозгласило её независимость, а почти год спустя, 17 июня 1992 года Конгресс США рукоплескал первому президенту Российской Федерации Б. Ельцину, заявившему, что впервые за тысячелетнюю историю он имеет честь выступить в Конгрессе США как президент великой державы, сделавшей выбор в пользу свободы и демократии. И как он заявил: «Мир может вздохнуть спокойно, когда коммунистический идол, который сеял на земле социальную рознь, вражду и беспримерную жестокость, который наводил страх на человеческое сообщество, рухнул, рухнул навсегда», заверив конгрессменов в том, что «на нашей земле мы не дадим ему воскреснуть». Завершил же он свое выступление известной фразой: Господи, благослови Америку и добавлю к этому, и Россию [11].

Таким образом, коллективный Запад, если и приложил, то минимум усилий для крушения части социалистической системы в границах Восточной Европы и СССР, потому что основная вина за произошедшее лежит на её лидерах и, в первую очередь, на руководстве Советского Союза, фактически, предавшего национальные интересы в наивной надежде на процветание нашей

страны в новых исторических условиях, на равноправное сотрудничество с коллективным Западом, приложившим уже на этом этапе постсоветской истории России, максимум усилий для её превращения в мировой сырьевой придаток. События же 1990-х – начала 2000-х гг. свидетельствуют о том, что нашей стране им была уготована еще более печальная судьба: статус региональной державы, а фактически, аутсайдера мировой политики с тенденцией дальнейшего её распада под прикрытием демократических лозунгов.

Новому российскому руководству, начиная с первого десятилетия XXI в., удалось не только купировать эти процессы, но и начать процесс вывода страны из глубокого системного кризиса, как во внутренней, так и во внешней социальной, культурной, правовой политике, направленной на экономическое возрождение, укрепление её обороноспособности и возвращение России статуса великой державы.

По нашему глубокому убеждению, именно эти позиции являются основополагающими факторами, создавшими благоприятные условия для обеспечения процесса устойчивого формирования в нашей стране нового социального порядка, потому что как бы не были мы обеспечены внутренними ресурсами, как показал опыт попыток со стороны постсоветского руководства России её встраивания в однополярный мировой порядок, негативные внешние факторы несут в себе реальную угрозу её национальной безопасности.

Свидетельством же того, что после отставки Б. Ельцина, новому руководству страны стала очевидной необходимость выработки новой стратегии развития, является следующее.

1. Речь В. Путина, в которой, а также в ответах на вопросы участников Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности 10 февраля 2007 г., он отметил приверженность руководства страны к развитию гражданского общества [12, с. 13], к её активной роли в мировой политике на правах страны с тысячелетней историей, которая практически всегда пользовалась привилегией проводить независимую внешнюю политику [12, с. 7], не забывая об обеспечении собственной обороноспособности [12, с. 12].

2. Доклад международного дискуссионного клуба «Валдай», в котором авторами делается акцент на анализе перемен, происходящих в мире на фоне уходящего Ялтинско-Потсдамского мирового порядка, сформировавшегося после окончания Второй мировой войны в связи с тем, что разные культуры и народы стремятся всё больше подчёркивать свою идентичность и самобытность, не укладывающуюся, том числе и в иерархию однополярного мира [13, с. 4]. Российская позиция, в этом контексте, выражается в отрицании нормативно-правовых ценностных императивов, которые постулировались странами Запада как основные ограничители в структуре международной (да и внутренней) политики [13, с. 11]. В докладе отражается и видение будущего многополярного мира независимо от каких-либо желаний, потому что многополярность, рано или поздно, пройдёт себе дорогу, поскольку мировая система стремится к равновесию сил.

Стратегической же целью Москвы является создание общего экономического и человеческого пространства от Атлантики до Тихого океана, которое будет способствовать объединению усилий четырех «атлантов»: США, ЕС, России и Китая [13, с. 16].

В качестве перспективы процесса формирования нового мирового порядка, по мнению авторов доклада, должна сложиться «плюралистическая многополярность», когда важнейшим фактором международной

жизни станет внутренняя устойчивость её участников – суверенных государств, вне зависимости от того, какими способами она достигается. Речь идет, прежде всего, об устойчивости к вызовам внутреннего происхождения; способность сопротивляться давлению извне – на втором месте. Стрессоустойчивость государств – это показатель качества государственного строительства и общественного устройства каждой страны [13, с. 31].

Выражая авторскую точку зрения в отношении перехода современной цивилизации к глобальному мировому порядку, мы хотим отметить, что траектория его трансформации должна пройти в направлении отказа от идеологии однополярного мира, выстроенного за прошедшее тридцатилетие по иерархическому принципу, к многополярному миру. Его формирование, как мы полагаем, будет проходить в условиях напряжённого, нередко конфликтного противостояния между коллективным Западом, представленным США и ЕС, и новыми центрами мирового развития, включающими, в частности, ШОС, ЕАЭС, БРИКС, а также страны Арабского мира, Африки и Латинской Америки. И, как заявил В. Путин на совещании с членами Совета безопасности, Правительства и силовых структур 30 октября 2023 г. в Ново-Огарёво: «Сегодня Россия не просто активно участвует в формировании нового, более справедливого, многополярного мира с равными правами и возможностями для всех стран и цивилизаций. Мы не только являемся одним из лидеров этого объективного исторического процесса, но скажу больше, и это всем известно: за наше будущее, за принципы справедливого мироустройства; за свободу стран и народов Россия сражается на поле боя. Сражаемся последовательно, и сражаются, теряют своих боевых товарищей наши солдаты и офицеры, наши герои» [14].

Завершиться же этот процесс должен формированием полицентричного миропорядка. Этот термин был озвучен С. Лавровым в одном из своих брифингов еще в ноябре 2017 г., содержание которого он изложил 11 августа 2023 г. на встрече с участниками Всероссийского образовательного форума «Территория смыслов на Клязьме», заявив, что это – объективный процесс, и идет он непросто по нескольким причинам:

во-первых, смена эпох – длительный период;

во-вторых, помимо объективных причин, этому процессу пытаются активно препятствовать, препятствуют, прежде всего, те, кто ранее доминировал в мире, кто хочет сохранить свое доминирование и в новых условиях, а по большому счету, навечно» [15].

Таким образом, трансформация мирового порядка за время, прошедшее после окончания Второй мировой войны, прошла путь от двухполярного к однополярному миру, но этот процесс закономерно идет в направлении от многополярного к полицентричному миропорядку.

Если же коснуться темы культурного многообразия в современном мире, то мы обратимся к выступлению В.В. Путина на Форуме объединенных культур 17.11.2023, который высказал убежденность в том, что будущее – за свободным миром, многолинейным и многообразным развитием культур, за самым широким диалогом гуманитарных сообществ многополярного мира, который сегодня рождается. Мы верим в стремление творчески мыслящих, просвещённых людей строить справедливый, устойчивый и безопасный мир [16].

Заключение

Подводя итог нашему исследованию, мы пришли к пониманию того, что процесс формирования нового социального порядка (и не только в нашей стране) со вре-

мени после окончания Второй мировой войны прошел извилистый путь от противостояния социалистической и капиталистической моделей общественного развития, тридцатилетнего доминирования модели однополярного мира, в противовес которому вступили новые центры мирового развития: Россия, возвращающая себе статус великой державы, Китай, Индия, страны Африки и Латинской Америки, Арабский мир.

В качестве перспективы развития этого сложного, но динамичного процесса, мы определили формирование нового многополярного мира параллельно с закономерными изменениями, происходящими в социальном порядке на государственном уровне в соответствии с реалиями своего времени, а также – идеологическими, культурными и другими установками правящих элит, которые в XXI в. привели к формированию и становлению в нашей стране нового социального порядка, основанного на внешней политике, ориентированной на равноправное и взаимовыгодное сотрудничество между государствами, а во внутренней сфере – на приоритете национальных интересов, демократических принципов общественного устройства, развитии национальной культуры и защиты исторической памяти в контексте государственной стратегии национальной безопасности.

Закономерным, по нашему мнению, этапом развития многополярного мира, формирование которого происходит на фоне весьма жесткого противостояния между новыми мировыми центрами развития и апологетами однополярного мира, представленного коллективным Западом, должен стать переход мировой цивилизации на новый качественный уровень, который мы определяем как полицентрический миропорядок, организованный на принципах равноправного и взаимовыгодного сотрудничества (с учетом национальных интересов) между центрами мировой политики.

Литература

1. Терещенко О.Ю. Криминализация и социальный порядок российского общества в условиях глобализационных процессов современности. Дисс. соиск. уч. степ. канд. филос.н. Краснодар, 2020.
2. Структура социального порядка по Р. Парку: почему экологический порядок является основным? Общество // psihdoks.ru>struktura-socialenogo-poryadka- R. Park (дата: 04.10.2022).
3. Парк Р. Город как социальная лаборатория // Социологическое обозрение, Том 2. № 3. 2002.
4. Дегтярев А.К. Социальный порядок в идеологии национализма//Материалы «Второй всероссийской научной конференции «Социальный порядок – гуманистическому развитию общества». 25–26 октября 2001 г. Часть 1. Краснодар, 2001.
5. Тугов Р.Г. Гражданский социальный порядок в государстве//Материалы «Второй всероссийской научной конференции «Социальный порядок – гуманистическому развитию общества». 25–26 октября 2001 г. Часть 1. Краснодар, 2001.
6. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. – СПб., 2000.
7. Агафонов Ю.А. Новый социальный порядок в России: институциональные и нормативно-правовые аспекты // Материалы Первой всероссийской межвузовской научной конференции «Становление нового социального порядка в России. 11–12 ноября 2000 г. Краснодар, 2000.
8. Жданов Ю.А. Вступительное слово на пленарном заседании Второй всероссийской научной конференции «Социальный порядок – гуманистическому

развитию общества». 25–26 октября 2001 г. Часть 1. Краснодар, 2001.

9. Программа КПСС. – М.: Политиздат, 1961.
10. Материалы XXVI съезда КПСС. – М.: Политиздат, 1986.
11. Из выступления Б. Ельцина в Конгрессе США 17 июня 1992 г. // [youtube.com>watch](https://youtube.com/watch)
12. Выступление В. Путина и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности. Мюнхен. 10 февраля 2007 г. // [http://kremlin.ru>events/president/transcripts/24034](http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24034)
13. Аттестат зрелости, или порядок, какого ещё не было. Фантазия о будущем без иерархии//Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». Октябрь, 2023.
14. Из выступления В. Путина 30 октября 2023 г. в Ново-Огарёво на совещании с членами Совета Безопасности, Правительства и силовых ведомств // [http://kremlin.ru>events/president/news/72618/videos](http://kremlin.ru/events/president/news/72618/videos)
15. Из выступления С. Лаврова на Всероссийском образовательном форуме «Территория смыслов на Клязьме» 11 августа 2023 г. // [tass.ru>politika/447015](https://tass.ru/politika/447015)
16. Пленарное заседание Форума объединённых культур. 17.11.2023 г. // <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/72757>

SOCIAL ORDER: THREATS AND RISKS FOR MODERN CIVILIZATION

Martynenko V.V., Popov M.Y., Martynenko S.V., Karepova S.G.
Russian Academy of Sciences, Publishing house LLC “Science and Education”

The relevance of this study lies in the fact that in it the authors conduct a systematic analysis of the existing social order, trends and dynamics of its development, both in our country and in the global context. The purpose of the research is to systematize the dominant ideas of modern researchers about the structure of social order. The objective of the study is to identify trends in the transformation of the social order in the post-Soviet period of Russian history in the context of the transformation of the world order from a unipolar one through a multipolar world to a polycentric world order. Research methods: comparative historical analysis, interdisciplinary complex approach, method of logical analysis. As a result of the study, the authors came to the conclusion that the process of forming a new social order in our country is developing synchronously with the transformation of the world order.

Keywords: social order, structure of social order, civil society, new social order, electoral legal relations, collective West, unipolar world, multipolar world, polycentric world order.

References

1. Tereshchenko O.Y. Criminalization and Social Order of Russian Society in the Context of Globalization Processes of Modernity. Diss. Soisk.uch. step.kand. Filos.n.Krasnodar, 2020.
2. The structure of the social order according to R. Park: why is the ecological order the main one? Society//psihdoks.ru>struktura-socialenogo-poryadka-po- R. Park (date: 04.10.2022).
3. Park R. Gorod kak sotsial'noy laboratoriya [City as a social laboratory]. Volume 2. № 3. 2002.
4. Degtyarev A.K. Social Order in the Ideology of Nationalism // Materials of the Second All-Russian Scientific Conference “Social Order for the Humanistic Development of Society”. October 25–26, 2001 Part 1. Krasnodar, 2001.
5. Tugov R.G. Grazhdanskiy sotsial'nyy poryad v gosudarstvo [Civil Social Order in the State]. October 25–26, 2001 Part 1. Krasnodar, 2001.
6. Sorokin P.A. Sotsial'naya i kul'turnaya dinamika [Social and cultural dynamics]. – St. Petersburg, 2000.
7. Agafonov Y.A. Novyi sotsial'noy ryad v Rossii: institutsional'nye i normativno-pravovye aspekty [New social order in Russia: institutional and normative-legal aspects]. November 11–12, 2000, Krasnodar, 2000.
8. Zhdanov Y.A. Introductory speech at the plenary session of the Second All-Russian Scientific Conference “Social Order for Humanistic Development of Society”. October 25–26, 2001 Part 1. Krasnodar, 2001.
9. Program of the Communist Party of the Soviet Union. – М.: Politizdat, 1961.
10. Proceedings of the XXVI Congress of the Communist Party of the Soviet Union. – М.: Politizdat, 1986.
11. From B. Yeltsin's speech to the U.S. Congress on June 17, 1992 // [youtube.com > watch](https://youtube.com/watch)
12. Vladimir Putin's speech and discussion at the Munich Security Conference. Munich. February 10, 2007 // [http://kremlin.ru>events/president/transcripts/24034](http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24034)
13. A matriculation certificate, or an order that has never existed before. Fantasy of a Future Without Hierarchy // Report of the Valdai Discussion Club. October, 2023.
14. Vladimir Putin's speech on October 30, 2023 in Novo-Ogaryovo at a meeting with members of the Security Council, the Government and law enforcement agencies // [http://kremlin.ru >events/president/news/72618/videos](http://kremlin.ru/events/president/news/72618/videos)
15. From Sergey Lavrov's speech at the All-Russian Educational Forum “Territory of Meanings on the Klyazma” on August 11, 2023 // [tass.ru > policy/447015](https://tass.ru/policy/447015)
16. Plenary session of the United Cultures Forum. 17.11.2023 // <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/72757>

Управленческое конструирование организационной культуры воинского подразделения

Баландина Таисия Михайловна,

д.с.н., профессор, профессор кафедры гуманитарных и социальных наук Саратовского военного ордена Жукова Краснознаменного института войск национальной гвардии Российской Федерации
E-mail: baltm777@yandex.ru

Болдырев Алексей Николаевич,

преподаватель, адъюнкт Саратовского военного ордена Жукова Краснознаменного института войск национальной гвардии Российской Федерации
E-mail: boldirev78@list.ru

В статье обоснованы управленческие технологии конструирования организационной культуры воинского подразделения как специфического процесса обновления формальных, а также неформальных ценностей, социальных норм, принятых правил взаимодействия, моделей управленческого действия и воздействия военных акторов. Доказывается, что в современных условиях управленческое совершенствование организационной культуры воинского подразделения определяет процесс разработки и реализации проектов, направленных на насыщение и обогащение не только традиционной военной организационной культуры (ценностей дисциплины, порядка, беспрекословного подчинения начальникам-командирам), но и развитие инновационной культуры военнослужащих (ценностей разумной творческой инициативы, научно-аналитического действия, социальной ответственности, патриотизма). Раскрыты новые управленческие проектные функции, связанные с целевым совершенствованием формальной, а также неформальной организационной культуры воинских подразделений: 1) развитие новаторских ценностей, норм, принципов (образовательная и культурно-досуговая работа с военнослужащими должны приоритетно направляться на формирование новаторских культурных ценностей, активизацию разумной инициативы, научно-аналитических способностей, социальной ответственности, патриотизма); 2) формирование относительно самостоятельной системы контроля и стимулирования новаторства, разумной инициативы, поощрение практик оптимизации процессов выполнения поставленных служебно-трудовых задач; 3) целевое проектное развитие системы самоуправленческого взаимодействия начальников и подчиненных в комплексе профессионального образования и культурно-досуговой работы.

Ключевые слова: воинское подразделение, организационная культура, военнослужащие, ценности, принципы поведения, патриотизм, новаторство.

Трансформации в структурах военной организации России приводят к необходимости обновления организационной культуры современного воинского подразделения. В период глубокой модернизации гражданско-военных отношений, кардинально изменяется не только роль, миссия, функции Вооруженных сил, но и качественно трансформируется потребность в социокультурной среде функционирования воинской организации. Социальным государственным заказом социума в условиях обострения напряженности в мире является новая социокультурная модель функционирования военнослужащего, имеющего высокий уровень культурного профессионального потенциала, умеющего не только управлять воинскими группами, но и адаптироваться к действиям в условиях неопределенности. В новых условиях обеспечение роста культурного уровня военнослужащих, организационной культуры воинских коллективов в целом – это объективное условие и одновременно механизм ускорения роста военного профессионального потенциала военной организации. Рост культурного уровня военнослужащих является в настоящее время базовым компонентом их профессиональной подготовки.

Таким образом, в условиях глубоких социальных и военных реформ в российском обществе возрастает необходимость не только оценки организационной культуры воинских частей, но и уточнение путей ее совершенствования.

Теоретические основы

Теоретические основы исследования организационной культуры воинского подразделения. В рамках социально-управленческих исследований организационная культура рассматривается двойственно, с одной стороны, это фактор роста функциональной эффективности организации, с другой стороны, это среда, где осуществляются разработка и реализация управленческих проектов, направленных на активизацию деятельности служебно-трудового коллектива.

Методологические основы исследования организационной культуры как управленческого механизма в научных источниках рассматриваются по-разному. Социально-управленческие традиции исследования совершенствования организационной культуры условно можно представить в виде двух относительно независимых блоков: общего теоретического (представляет общие теоретико-методологические основы исследования совершенствования организационной культуры) и социально-специализированного (осуществление специфических исследований отдельных организационных структур, описание закономерностей и тенденций совершенствования организационной культуры в организациях различного типа).

Основная группа ученых представляет подход, согласно которому культура организации в управленческом контексте прежде всего проявляется как набор социально-управленческих символов, ценностей и артефактов [1]. Здесь организационная культура рассматривается как комплекс норм, преобладающих ценностей, символов, а также манер управленческих и самоуправленческих действий, характеризующих модель трудовых отношений, сотрудничества, взаимодействия групп, отдельных акторов организации. Авторы представляют методологические подходы, где совершенствование организационной культуры представляет собой процесс отражающий, с одной стороны, модернизацию управленческой системы, с другой – формирование новых качеств, ценностей персонала, новых символов, некоторых знаков, определяющих единообразные действия и типовую реакцию субъектов и объектов управления [2]. Конкретизируется сущность эволюционного обновления организационной культуры как процесса преобразования в системе социального климата организации, трансформации качественных характеристик физического состава трудовых групп [3], характерных манер взаимодействия субъекта и объекта управления, непосредственного персонала друг с другом, внешней средой, иными сторонними субъектами организации [4].

Таким образом, в рамках общесоциологического подхода совершенствование организационной культуры представляет собой процесс прогрессивного обновления формальных и неформальных ценностей, норм, правил и общепринятых процедур взаимодействия, стиля управленческого воздействия на персонал со стороны администрации.

Рассмотрим специфические разработки исследователей, рассматривающих процесс совершенствования организационной культуры в военных организациях. М. Магомедов, обобщая исследования военных социологов, приходит к выводу о том, что совершенствование организационной культуры военной организации представляет, с одной стороны, процесс реализации военных, экономических и социальных программ, с другой – это результат обновления и трансформации комплексных характеристик культурного потенциала военнослужащих [5]. Ряд исследователей конкретизирует и дополняет данный подход. Они обосновывают необходимость связывать процессы обновления отношений контроля, управления и организационной культуры [6]. Представляются разработки, согласно которым совершенствование организационной культуры – это, с одной стороны, локальный и управляемый процесс [7], направленный на усвоение акторами принятых в воинских коллективах ценностей, управленческих норм, правил поведения, с другой – это процесс создания и развития способностей военных акторов адекватно реагировать на трансформации в социокультурной среде военной организации, формирования способности адаптироваться к существующему жёсткому распорядку воинского коллектива [8].

Таким образом, управленческое конструирование организационной культуры военной организации выступает как двойственный процесс. Во-первых, оно является результатом социального проектирования ценностей и норм управленческого взаимодействия. Во-вторых, отражает формирование адаптационного потенциала военных акторов, их способности функционирования в рамках всеобщего административного управленческого регламентирования, реализации потенциала действия в контексте социальных ожиданий администрации, реализации адаптивных способностей выполнять требования и положения уставов, приказов, положений. Управленческое совершенствование организационной

культуры военной организации необходимо исследовать в рамках комплексного подхода.

Эмпирические данные и их обсуждение

Для подтверждения полученных теоретических выводов проанализируем некоторые данные социологического эмпирического исследования, проведенного в 2022 году, в виде полуструктурированного интервью со специалистами-экспертами (n = 17) по развитию организационной культуры и проведению культурно-досуговой работы с военнослужащими.

В процессе проведенного интервью выявлено общее понимание организационной культуры респондентами. Опрашиваемые отмечают, что сегодня имеется четкое понимание организационной культуры воинских подразделений. Формирование организационной культуры военной администрацией связывается с совершенствованием общепринятых процедур взаимодействия, обновлением стиля управленческого воздействия на военнослужащих. Эксперт Д.А. (43 года, полковник) в этой связи отмечает, что совершенствование организационной культуры на практике связывают с «...процессом обновления формальных (закрепленных в правовых документах) и неформальных (принятых в практике деятельности военнослужащих) социально-правовых норм поведения, ценностных ориентаций, правил военно-профессионального действия, поведения и традиций». Совершенствование организационной культуры призвано фиксировать трансформацию культурной принадлежности воинского подразделения относительно развития общей культуры военной организации России в целом. В этой связи респондент Л.В. (38 лет, подполковник) указывает на необходимость постоянного совершенствования организационной культуры в связи с процессами общего культурного развития военной организации России. «Процесс культурного совершенствования необходимо рассматривать как движение от традиционной (бюрократической) к новой совершенной (новаторской) военной организационной культуры». Несложно заметить, что традиционную организационную культуру эксперты отождествляют с системой традиционных ценностей, ориентирующих военнослужащего на строгое соблюдение дисциплины, поддержание порядка, подчинения, а также механическое выполнение поставленных служебно-трудовых задач. В данном контексте для нас важна позиция следующего эксперта М.В. (40 лет, подполковник), который подчеркивает, что «...совершенствование организационной культуры воинского подразделения – это прежде всего процесс насыщения и обогащения классических принципов военной организационной культуры: ценностей, норм и принципов взаимодействия. Последнее означает, что в процессе реализации данного совершенствования необходимо сохранение базовых основ организационной культуры: государственных военных традиций, ценности дисциплины и порядка, беспрекословного подчинения вышестоящим начальникам». Эксперт А.Д. (42 года, полковник) развивает данный подход. Он констатирует, что «...традиционные военные культурные ценности в современных условиях необходимо наполнить новыми символами и ценностями, такими как: служебная инициатива и новаторство, командная творческая инициатива, социальная ответственность, патриотизм». Несложно заметить, что в рамках новой модели военной организационной культуры важным становится создание благоприятного климата для саморазвития не только узкопрофессионального, но и культурно-аналитического потенциала военнослужащих, привлечение рядовых военнослужащих к уточ-

нению путей решения поставленных тактических задач. Отметим в этой связи позицию эксперта К.А. (36 лет, подполковник), который четко формулирует цели современного процесса совершенствования организационной культуры воинского подразделения: «Укрепление дисциплины и порядка при развитии новаторского творческого отношения к выполнению поставленных задач, декларация, а также усвоение созидательной миссии военного, рост профессиональной адаптивности, преданности государству, патриотизм». Эксперты отмечают, что в современных условиях культурно-досуговая и образовательная деятельность военнослужащих должна включать развитие демократических принципов управленческого взаимодействия, эффективных технологий оптимизации культурного накопления профессионального потенциала военнослужащего, формирование новаторских форм служебно-трудового действия военных акторов.

Обобщения и выводы

Управленческие технологии конструирования организационной культуры воинского подразделения – это набор методов и управленческих приемов, направленных на совершенствование культуры воинского коллектива в целом, а также его отдельных подразделений. Этот процесс направлен на прогрессивное обновление не только формальных, но и неформальных ценностей, социальных норм, принятых правил взаимодействия, моделей управленческого действия и воздействия военных акторов. При этом подходе обновление социокультурных ценностей необходимо рассматривать как основную подсистему процесса управленческого конструирования организационной культуры воинского коллектива. По сути, совершенствование организационной культуры военной организации представляет собой двойственный процесс. С одной стороны, это трансформация групповых и коллективных ценностей, социальных норм, управленческих принципов и правил, действующих в воинских подразделениях, обретаемых военнослужащими в процессе развития формальных, а также неформальных управленческих отношений. Данное совершенствование определяет существенное обогащение базовых классических основ военной культуры (укрепление государственных военных ценностей дисциплины, порядка, беспрекословного подчинения начальникам и командирам). С другой стороны, совершенствование организационной культуры воинского подразделения в современных условиях предусматривает развитие инновационной культурной составляющей военных организаций: ценности разумной и уместной творческой служебной инициативы, научно-аналитической деятельности, социальной ответственности, патриотизма.

Совершенствование организационной культуры воинских подразделений должно стать ключевой целью современного управления воинским коллективом. Военное управление должно постепенно отойти от механических традиционных принципов и реализовывать новые проектные функции, связанные с целевым совершенствованием формальной, а также неформальной организационной культуры подразделений. Реализация данного управления предусматривает решение следующих первоочередных задач: 1) образовательная и культурно-досуговая работа с военнослужащими должны направляться на формирование инновационных культурных ценностей: активизацию разумной инициативы, научно-аналитической способностей, социальной ответственности, патриотизма; 2) становление относительно самостоятельной системы управления творче-

ской, новаторской, военно-аналитической деятельности военных акторов, поощрение новых идей, направленных на оптимизацию процессов выполнения поставленных служебно-трудовых задач; 3) развитие системы самоуправленческого взаимодействия начальников и подчиненных преимущественно в комплексе профессионального образования и культурно-досуговой работы.

Литература

1. Болдырев, А.Н. Организационная культура: структура и уровни проявления // Социально-гуманитарные знания. – 2021. – № 6. – С. 97–103.
2. Schneider B. (ed.). Organizational Climate and Culture. San Francisco: Jossey-Bass, 1990; Argyris C. Integrating the Individual and the Organization. – New York: Wiley, 1964; Спивак В.А. Корпоративная культура. – СПб.: Питер, 2001. – 352 с.
3. Квагинидзе, В.С. Совершенствование организационной культуры компании как фактор ее эффективного и безопасного развития / В.С. Квагинидзе, В.С. Смирнов // ГИАБ (нтж). – 2012. – № 2. – С. 125–131. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovershenstvovanie-organizatsionnoy-kultury-kompanii-kak-faktor-ee-effektivnogo-i-bezopasnogo-razvitiya> (дата обращения: 18.10.2023).
4. Schneider B. (ed.). Organizational Climate and Culture. – San Francisco: Jossey-Bass, 1990.
5. Магомедов, М.К. Организационная культура военной организации: сущность, компоненты, специфические характеристики / М.К. Магомедов // Вестник Поволжского института управления, Саратов. – 2018. – Т. 18. – № 6. – С. 115–122.
6. Быченко, Ю.Г. Социальный контроль как функция управления / Ю.Г. Быченко // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. – 2023. – Т. 23. – № 1. – С. 39–43с.
7. Баландина, Т.М. Организационная культура военной организации: сущность и специфические проявления / Баландина Т.М., Гильфанова М.Г. // Известия Саратовского военного института войск национальной гвардии. – 2022. – № 2 (7). – С. 70–74.
8. Кузнецов, Н.И. Военный институт как самообучающаяся социальная организация / Н.И. Кузнецов // Вестник Поволжского института управления. – 2018. – Т. 18. – № 6. – С. 107–114.

MANAGERIAL DESIGN OF THE ORGANIZATIONAL CULTURE OF A MILITARY UNIT

Balandina T.M., Boldyrev A.N.

Saratov Military Order of Zhukov of the Red Banner Institute of the National Guard of the Russian Federation

The article substantiates management technologies for constructing the organizational culture of a military unit as a specific process of updating formal as well as informal values, social norms, accepted rules of interaction, models of management action and the influence of military actors are substantiated. It is proved that in modern conditions, managerial improvement of the organizational culture of a military unit determines the process of developing and implementing projects aimed at saturating and enriching not only the traditional military organizational culture (values of discipline, order, unquestioning subordination to superiors-commanders), but also the development of innovative culture of military personnel (values of reasonable creative initiative, scientific and analytical action, social responsibility, patriotism). New managerial project functions related to the targeted improvement of formal, as well as informal organizational culture of military units are disclosed: 1) the development of innovative values, norms of principles (educational and cultural and leisure work with military personnel should be prioritized towards the formation of innovative cultural values, the activation of reason-

able initiative, scientific and analytical abilities, social responsibility, patriotism); 2) formation of a relatively independent system of control and stimulation of innovation, reasonable initiative, encouragement of practices for optimizing the processes of performance of assigned service and labor tasks; 3) targeted development of a system of self-governing interaction of superiors and subordinates in the complex of vocational education and cultural and leisure work.

Keywords: military unit, organizational culture, military personnel, values, principles of behavior, patriotism, innovation.

References

1. Boldyrev, A.N. Organizational culture: structure and levels of manifestation / A.N. Boldyrev // *Social and humanitarian knowledge*. – 2021. – No. 6. – P. 97–103.
2. Schneider B. (ed.). *Organizational Climate and Culture*. San Francisco: Jossey-Bass, 1990; Argyris C. *Integrating the Individual and the Organization*. – New York: Wiley, 1964; Spivak V.A. *Corporate culture*. – St. Petersburg: Peter, 2001. – 352 p.
3. Kvaginidze, V.S. Improving the organizational culture of a company as a factor in its effective and safe development / V.S. Kvaginidze, V.S. Smirnov // *GIAB (ntzh)*. – 2012. – No. 2. – P. 125–131. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovershenstvovanie-organizatsionnoy-kultury-kompanii-kak-faktor-ee-effektivnogo-i-bezopasnogo-razvitiya> (access date: 10/18/2023).
4. Schneider B. (ed.). *Organizational Climate and Culture*. – San Francisco: Jossey-Bass, 1990.
5. Magomedov, M.K. Organizational culture of a military organization: essence, components, specific characteristics / M.K. Magomedov // *Bulletin of the Volga Region Institute of Management, Saratov*. – 2018. – T. 18. – No. 6. – P. 115–122.
6. Bychenko, Yu.G. Social control as a management function / Yu.G. Bychenko // *News of Saratov University. New episode. Series: Sociology. Political science*. – 2023. – T. 23. – No. 1. – P. 39–43.
7. Balandina, T.M. Organizational culture of a military organization: essence and specific manifestations / Balandina T.M., Gilfanova M.G. // *News of the Saratov Military Institute of National Guard Troops*. – 2022. – No. 2 (7). – P. 70–74.
8. Kuznetsov, N.I. Military Institute as a self-learning social organization / N.I. Kuznetsov // *Bulletin of the Volga Region Institute of Management*. – 2018. – T. 18. – No. 6. – P. 107–114.

Полиэтнический российский социум: этнические основания интеграционных процессов

Волков Юрий Григорьевич,

заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической социологии и методологии региональных исследований, научный руководитель Института социологии и регионоведения Южного федерального университета
E-mail: ugvolkov@sfedu.ru

Цель исследования – рассмотреть этническую идентичность как основание интеграционных процессов в специфических условиях полиэтничности российского социума. Методологическая база исследования строится на конструктивистской, инструменталистской и интеграционной концепциях этнической идентичности; этническая интеграция рассмотрена как часть социальной в рамках структурно-функционального и культурологических подходов; подходе Дж. Ротшильда к политизированной этничности; теории идентичности Э. Эриксона. Результаты исследования. Проанализирована специфика этнической идентичности, ее связь с этническим самосознанием, раскрыты особенности интегративных процессов, определяемые полиэтничностью социума, раскрыта мобилизационная роль этнической интеграции и ее конфликтогенность, рассмотрены проблемные аспекты интеграции мигрантов в российском полиэтничном обществе, предпринята попытка оценить направленность интегративных процессов для мигрантов в Ростовской области. Перспективы исследования связаны с анализом этносоциальной политики и ее инструментов в срезе социокультурной и политической безопасности полиэтничного российского социума.

Ключевые слова: полиэтничность, полиэтничный регион, полиэтничный социум, этническая идентичность, этническая интеграция.

На данном этапе развития значительно актуализировались вопросы, связанные с полиэтничностью, этническим возрождением и этническими основаниями интеграционных процессов как ключевых черт развития российского общества конца XX – начала XXI веков.

Россия, являясь многонациональным государством, что закреплено в Конституции Российской Федерации¹, включает в свой состав 196 различных народностей², образующих полиэтничный социум. При этом полиэтничность можно рассматривать как характеристику всего государства, в границах которого расположены и взаимодействуют национальные, моноэтнические и полиэтнические регионы, а также специфику конкретно взятых полиэтничных регионов. В каждом российском социуме складывается собственная «уникальная ситуация в сфере межэтнических отношений, своя зона напряженности с набором причин и факторов».

В зависимости от этого мы можем говорить о разных направлениях интеграционных процессов: интеграция регионов в государство, интеграция отдельных этносов в региональное сообщество, внешняя интеграция, обусловленная, например, притоком трудовых мигрантов.

Современные этнические миграции усиливают уровень полиэтничности российского социума.

Текущие условия актуализируют потребность российского общества в интеграции для повышения уровня социокультурной, экономической и политической безопасности государства и отдельных регионов.

Говоря о полиэтничном социуме и интеграции, прежде всего, необходимо определить, что такое этнос, и выделить важные черты этничности.

Стоит отметить важность разграничения понятий «этнос» и «нация».

Нация в мировой истории формируется гораздо позже, чем этносы, а также является более сложным понятием.

«Этнос» – более узкое понятие. Общность генетических характеристик и природных условий бытия выступает главным источником этнической связи и основаниями для этнической дифференциации [7].

Мы будем придерживаться следующей трактовки понятия «этнос», согласно определению А.М. Гафта: этнос – это «исторически сложившаяся группа индивидов, которые при всех их индивидуальных различиях имеют и ряд общих характеристик, делающих их людьми определенной этнической принадлежности, а саму их группу отдельным этносом, отличным от других этносов. Любой этнос имеет свой демографический корпус, установленную численность этнических индивидов, проживающих на определенных территориях обитания в определенное время» [7, С. 59]. Индивиды, формирующие этнос, находятся в социально-экономических отношениях, говорят на понятном всем участникам коммуникации языке, сохраняют свою специфическую культуру. Размеры группы и плотность расселения по территории может варьироваться от маленьких до больших показателей для

¹ Конституция Российской Федерации http://kremlin.ru/acts/constitution/item#chapter_start

² Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года https://rosstat.gov.ru/vpn_popul

Статья подготовлена в рамках выполнения программы фундаментальных и прикладных научных исследований по теме «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» 2023–2025 гг. по проекту «Государственно-гражданская интеграция российского поликультурного общества и адаптационные практики населения в условиях новой территориальности и национальной политики восстановления исторической справедливости» (государственное задание Минобрнауки, внутренний номер Г30110/23–14-РГ).

каждого этноса. Поскольку этнос, как и любая другая социальная система, является открытой системой, его характеристики определяются и меняются под влиянием меняющихся исторических условий. Этнос всегда характеризуется проживанием в моноэтническом коллективе [10]. Однако несколько этносов могут соседствовать в одном регионе, взаимодействуя между собой и формируя таким образом полиэтнические регионы.

Этничность же – это набор характеристик, позволяющих отличать один этнос от другого, а также дает возможность для этнической самоидентификации, что является довольно важным фактором для интеграционных процессов. Кроме самоидентификации этнические признаки формируют этническое самосознание, которое, в свою очередь, взаимосвязано с процессами образования, сохранения и модификации этноса [18].

Таким образом, этничность базируется на следующих важных признаках [21]:

- владение языком того или иного этноса;
- усвоение и использование культуры этноса, в том числе использование традиций поведения и образа жизни;
- самосознание и самоидентификация в качестве члена определенного этноса.

В рамках данной статьи мы будем рассматривать этническую идентичность, однако ее структура требует пояснений и относительно самосознания и самоидентификации.

В этносоциологии и междисциплинарных исследованиях понятие идентичности базировалось на работах Э. Эриксона, в которых оно рассматривалось в индивидуальном – через осознание собственного образа – аспекте и социальном аспекте – через причастность, инкорпорированность индивида в те или иные социальные процессы [22].

Если же говорить об актуальности понятия идентичности в отечественной социальной науке, то она возросла в 1990-х гг. и была связана с проблемами этнической идентификации.

Важным процессом формирования идентичности является выстраивание собственного поведения в соответствии с социальными образцами поведения, социальными ожиданиями и взаимными притязаниями.

В этом моменте находится точка пересечения с этническим самосознанием, которое связано не только с соотношением социальных связей, на которых основывается этническая общность, и осознанием себя в качестве части этноса, но, как отмечает Ю.В. Бромлей [4, С. 97], и с формированием автостереотипов. Т.е. идет осознание поведения своей этнической группы и оно связано с суждениями о других этносах, что проходит более интенсивно в условиях полиэтничности регионального сообщества или государства.

Обобщая, стоит подчеркнуть позицию Л.Н. Гумилева, разработавшего пассионарную теорию этногенеза. В рамках этой теории [8] этнос рассматривается в качестве некоего социального коллектива, естественно сформированного, опирающегося на особый, уникальный и оригинальный стереотип коллективного поведения. Причем данный этнос функционирует как социальная система, отличная от других систем (коллективов), основывающаяся в своем поведении на ощущении плементарности.

Многие социально-политические процессы нельзя анализировать без исследования этноса, поскольку этнос является одной из форм общества, которая возникает до формирования нации, народа и гражданственности и является формой коллективной идентичности.

По мнению Е.А. Пеньковой, этническая идентичность – «это субъективно-символическая сторона этничности, состоящая в том, что люди причисляют себя к какой-либо этнической общности, соотнося черты собственной определенности с рядом объективных характеристик этой общности» [15, С. 129].

Анализируя различные трактовки этнической идентичности, необходимо отметить три базовых подхода к пониманию этничности и этнической идентичности:

- примордиалистский (Л.Н. Гумилев, П. Ван ден Берге, К. Гирц), в рамках которого этнос рассматривается как нечто естественное, характеризующееся общими происхождением и культурой;
- конструктивистский (Б. Андерсон, Т. Эрикссон, В.А. Тишков), согласно которому этничность является социально конструируемым явлением, постоянно подтверждаемым или перестраиваемым [1]. Этничность и этническая идентичность формируется окружающей средой в соответствии с возможностями и рисками [17];
- инструменталистский (Дж. Ротшильд, К. Янг, К. Энлоу), в рамках которого этничность считается основой социальной интеграции и инструментом, исходящим из экономических и политических интересов групп [12].

В рамках отечественной науки, этничность рассматривается с позиций следующих подходов [20]:

- алармистский, связанный с ситуацией реальной угрозы существованию этнической группы в рамках актуальных границ;
- лоялистский, основанный на стремлении сохранить полиэтничность и дружественные отношения между разными этносами;
- интеграционистский, провозглашающий необходимость консолидации как главного фактора укрепления российской идентичности.

Полиэтнический социум сочетает в себе универсальные и специфические свойства и черты общественных взаимоотношений [19]. С одной стороны, это универсальная форма организации социального пространства. С другой стороны, отношения, которые формируются под действием быта, между членами этнических и региональных сообществ, протекают в специфических системных (исторических, политических, социокультурных, экономических, политических и т.д.) условиях.

Интеграцию, имеющую в основании этничность, рационально рассматривать с точки зрения двух подходов:

- структурно-функционального – согласно Т. Парсонсу, интеграция является фундаментальным свойством социальной системы: есть определенный набор ролей и статусов, определенный уровень лояльности социетальному коллективу, которые определяют социальные обязательства по отношению к этому коллективу [14];
- культурологический – социокультурные аспекты интеграционных процессов в условиях полиэтничности становятся одними из основополагающих, выводя на передний план культурные ориентиры, необходимые для соблюдения баланса между этническим многообразием и необходимым единством.

Мобилизационная роль этничности выступает необходимым условием сплачивания групп и восстановления национальной гордости [1]. Политизация этничности укладывается в основу мобилизации и осуществляется в результате пропаганды политических или этнических субъектов. Способность к мобилизации, которой группа может обладать на основе этнической идентичности, позволяет ей отстаивать свои политические и экономические интересы, становясь ресурсом для этих целей.

Таким образом, происходит политизация этничности, что предоставляет возможности также для сохранения этнокультурных ценностей, которые могут попадать под риски потери или уничтожения. Мобилизация этнического или регионального сообщества в таком случае будет основана на этническом самосознании, уровень которого возрастает в ситуациях угрозы собственной социальной, политической, экономической или культурной безопасности.

Этническая мобилизация, в зависимости от наличия реальной ситуации ущемления прав, может быть двух видов:

- оборонной, т.е. ответной в ситуации нарушения интересов: когда ресурсы мобилизуются для конкретных действий по защите прав и интересов группы;
- наступательной, т.е. использование уже имеющихся и используемых ресурсов для достижения дополнительных целей по развитию и получению выгоды [23].

Этничность, будучи многомерным социальным и культурным явлением, служит инструментальным механизмом интеграции. Российский исследователь В.А. Тишков определяет проявления этничности таким образом: «...вызывается к жизни и используется в целях социальной мобилизации, преодоления доминирования и подчинения, социального контроля, осуществления взаимных услуг и солидарного поведения, стремления к гармонии» [17].

При этом, ситуативность возникновения или усиления этнической идентичности в условиях рисков и угроз для собственной безопасности позволяет рассматривать ее одновременно с трех подходов: инструменталистского, конструктивистского и интеграционного. А также можно выделить направленность этнической идентичности на усиление сплоченности внутри этнического или регионального сообщества и одновременное выстраивание социальных и культурных барьеров по отношению к тем, кто не входит в сообщество.

Это в некоторой степени определяет и конфликтогенный потенциал этнической идентичности. Так, специалисты в области этнической идентичности Ю.В. Арутюнян и Л.М. Дробижева [2] указывают на тот факт, что этническая идентичность занимает доминирующее положение, в то время как гражданская идентичность занимает поддоминантную позицию. Причем преобладающая позиция этнической идентичности является маркером достаточно сложных этноконфликтных ситуаций, в которых усиливается сепаратистский потенциал.

Однако полиэтничная среда способствует вариативности поведения и повышению уровня толерантности, что в принципе способствует более мягкому разрешению конфликтов и их профилактике. Достигается это, например, за счет формирования этнической осведомленности: «у индивидов, живущих в условиях, сильно отличающихся по своим этническим признакам культуры, этническая идентичность выражена наиболее сильно, а у индивидов, живущих среди групп, близких в культурном отношении, осознание собственной этничности не становится жизненно важной проблемой» [9]. Однако нельзя избежать конфликтов полностью и даже при множестве благоприятных проявлений и реализации лоялистского подхода при выстраивании отношений в полиэтничном социуме будет наблюдаться межгрупповая напряженность, в том числе, в латентной форме [16].

Курс, взятый ранее на процессы глобализации, оказывает существенное влияние и на процессы этнической интеграции мигрантов в российское полиэтничное общество.

А.В. Носкова указывает, что интеграция мигрантов в российском полиэтничном обществе приводит к возникновению проблем, имеющих отношение к территориальной и социальной целостности этнографических групп в силу того, что: с одной стороны, возникают сложности в процессах адаптации к молниеносно изменяющейся этнокультурной ситуации в российских регионах; с другой стороны – происходит утрата самобытности и монолитности российского регионального социума и его консолидирующая функция.

Кроме того, особой угрозой для полиэтничного российского общества является риск социокультурного раскола «на этнической почве, подобно тем, что случились в Косово. Алгоритм развития событий, приводящий к социальным катаклизмам с этнической окраской, сегодня четко прослеживается» [11, С. 115].

Как известно, этнические мигранты не всегда стремятся интегрироваться в новое (или) социокультурное пространство, напротив, они «конструируют и поддерживают свою этническую идентичность, создают свои поселенческие, хозяйственно-экономические и культурные ареалы, формируются этнические анклав» [11, С. 114]. Как подчеркивает А.В. Носкова, «одновременно с территориальной локализацией этнических групп по этническому признаку дифференцируются сферы экономической деятельности, сферы бизнеса. Происходит монополизация торговли, рынков, индустрии развлечения и т.д., отдельными этническими группами» [11, С. 114].

В этой связи А.В. Носкова предполагает, что в будущем вероятно возникнет конфликтное противостояние между коренным населением и этническими мигрантами. Это может объясняться противоположными репродуктивными установками, и установками на трудоустройство в ситуации дефицита рабочих ресурсов [11, С. 116].

Миграционные процессы, протекающие в российском региональном социуме, по мнению исследователей Юга России, это – «результат неоднозначных, трудно прогнозируемых социально-политических, экономических и социокультурных процессов, которые происходят в стране и в мире» [6, С. 67].

Проблемные аспекты этнической миграции затрагивают практически все сферы социальной жизнедеятельности российского социума:

- политическую (возникновение конфликтов между титульным этносом и мигрантами);
- экономическую (обострение экономической конкуренции в сфере бизнеса и рынка труда), демографическую (утрата генофонда);
- культурную (снижение культурного уровня этноса, навязывание иной культуры на фоне частичной утраты собственной культуры);
- социальную сферу (углубление проблемы социальной безработицы, нарастание жилищной проблемы, появление новых заболеваний социального генеза, уменьшение уровня образования, эскалация межэтнического конфликтогенного потенциала) [6, С. 67].

Однако стоит заметить, что в условиях депопуляции коренного населения этническая миграция выполняет весьма важные функции – компенсирует дефицит рабочей силы, способствует решению демографических и экономических проблем.

Российские ученые Ю.Г. Волков, В.И. Курбатов и Р.Д. Хунагов выделяют четыре современных тренда этнической интеграции: ускорение, носящее массовый характер; многообразие форм, для которого характерно многообразие типов миграции; глобализация миграционных процессов; феминизация, которой присущ рост мигрантов среди лиц женского пола [5, С. 376].

Интеграционные процессы в полиэтническом социуме, таким образом, носят амбивалентный характер:

- с одной стороны, полиэтничность приводит к развитию социокультурных отношений и формированию социокультурного капитала в результате совместной этнокультурной, социально-экономической деятельности различных этносов;
- с другой стороны, полиэтничность российского социума может инициировать различные этнические анклавности в российском социуме «к этническому сепаратизму, росту напряженности, межэтническим конфликтам и ухудшению экономических условий» в обществе [5, С. 378].

Как подчеркивают Ю.Г. Волков, В.И. Курбатов, Р.Д. Хунагов, «интеграция в полиэтническом пространстве приводит исследователей к новому проблемной узлу» [5, С. 378]. В частности, в условиях внешнеэкономического санкционного давления и проведения специальной военной операции возможность принимать мигрантов актуализируется наиболее остро и необходим своевременный мониторинг миграционных процессов и уровня интеграции мигрантов в российское общество. Эти процессы, конечно, могут усложняться полиэтничностью российского социума.

Полиэтничность, будучи сложноорганизованным явлением и отражением внешних миграционных процессов, воздействует на внутренние процессы развития всякого полиэтнического общества «такими способами, как социальное и социокультурное взаимодействие, которое характеризуется конкретными социальными отношениями, относительной социальной близостью и конкретным практическим взаимодействием людей из разных этнических групп» [5, С. 378].

В случае интеграции мигрантов можно наблюдать субъект-субъектные отношения, в рамках которых ее уровень зависит и от принимающей стороны, и от самих мигрантов.

Одним из способов провести оценку уровня интеграции и выявить возможные проблемы, сопровождающие миграционные процессы, является анализ сообщений в СМИ о мигрантах: их количество, тональность и формирующийся образ мигрантов. В этой статье будут рассмотрены данные контент-анализа интернет-изданий Ростовской области, которые были получены в ходе исследования СМИ коллективом ЮРФ ФНИСЦ РАН в апреле-мае 2022 года.

Были выявлены следующие категории мигрантов: беженцы и вынужденные переселенцы; иностранные студенты; иностранные туристы; нелегальные мигранты; трудовые мигранты; без указания категории. Период отбора сообщений продолжался с 2019 года по первый квартал 2022 года. Массив отобранных сообщений составил 756 единиц [3]. Их распределение показано на рис. 1.

Рис. 1. Распределение категорий мигрантов в сообщениях СМИ

Кроме того, авторами исследования был проведен анализ тональности сообщений о мигрантах. На рис. 2

и 3 они разбиты на 2 категории – негативная (рис. 2) и положительная (рис. 3) тональности.

Авторы исследования отмечают, что появление сообщений о мигрантах довольно сильно зависит от событий, что привело к всплеску публикационной активности в феврале-марте 2022 г. и преваляированию категории беженцев среди других категорий мигрантов на территории Ростовской области.

Нет серьезной разницы между количеством положительных и негативных сообщений о мигрантах, поэтому можно предположить, что нет специальной направленности в формировании образа мигранта в СМИ Ростовской области [13]. Однако это позволяет сделать вывод о том, что нет внутренней интеграции, направленной против мигрантов. Этот факт, на наш взгляд, свидетельствует в пользу принятия этнических мигрантов на социальном и психоэмоциональном уровнях сознания коренного населения как неизбежность.

Рис. 2. Тематика негативных сообщений о мигрантах в СМИ

Рис. 3. Тематика позитивных сообщений о мигрантах в СМИ

Также этот вывод подтверждают и две основные темы позитивных сообщений о мигрантах: оказание государственной поддержки мигрантам, размещение беженцев, помощь волонтеров и описание примеров положительного поведения представителей принимающей стороны по отношению к мигрантам, т.е. действия, направленные на как можно более интенсивную и комфортную интеграцию мигрантов в региональный социум.

Российское общество, как на общегосударственном уровне, так и на уровне отдельных регионов, безусловно, представляет собой полиэтнический социум. Формирование российской идентичности «в контексте интеграции (федеральный центр – регионы) предполагает рассмотрение этничности как культурной идентичности и культурного многообразия общества». Это накладывает специфику на социальные взаимодействия внутри полиэтнических регионов, между регионами и в рамках федерального центра и целого государства. Среди прочих видов интеграции, в условиях полиэтничности и текущей экономической, социальной и политической ситуации, этническая интеграция обладает особой значимостью, по-

сколькo она адаптивна под изменяющуюся окружающую среду, может использоваться в качестве инструмента по защите своих социальных, политических и культурных прав и служит ресурсом для социальной мобилизации.

Литература

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Кучково поле. 2016. 416 с.
2. Арутюнян Ю.В., Дробизева Л.М. Этносоциология перед вызовами времени // Тощенко Ж.Т., Романовский Н.В. Вехи российской социологии 1950–2000-е годы. СПб.: Алетейя, 2010. С. 195–212.
3. Бедрик А.В., Бинеева Н.К., Пантелеев В.Г. Отражение категорий мигрантов в региональных СМИ и возможность его влияния на их интеграцию в принимающее общество: по материалам контент-анализа Интернет-изданий Ростовской области // Гуманитарий Юга России. 2022. № 6. С. 112–127.
4. Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. М. 1973.
5. Волков Ю.Г., Курбатов В.И., Хунагов Р.Д. Интеграция в полиэтничном обществе: пути, современные тренды и проблемные узлы // Социология. 2022. № 1. С. 373–388.
6. Гафиатулина Н.Х., Самыгин С.И., Рачипа А.В. Социальное здоровье российской молодежи в контексте региональных миграционных процессов: угрозы национальной безопасности // Гуманитарий Юга России. 2016. Т. 19. № 3. С. 59–71.
7. Гафт А.М. Полиэтничность современной России // Вестник Югорского государственного университета. 2016. № 1(40). С. 58–64.
8. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли. Л.: Гидрометеиздат, 1990.
9. Гуриева С.Д. Установка и межэтнические отношения. СПб.: Нестор-История. 2008. 272 с.
10. Ешич М.Б. Этничность и этнос как феномены различия и феномены развития // Мир психологии. 2004. № 3 (39). С. 24–37.
11. Носкова А.В. Современные демографические тенденции и этнические процессы: специфика столичного мегаполиса // Социальная политика и социология. 2008. № 2 (38). С. 109–117.
12. Омелаенко Н.В. Теоретические парадигмы этничности // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. № 2. 2015. С. 95–98.
13. Пантелеев В.Г. Воздействие образа мигрантов в региональных СМИ на возможности их интеграции в принимающее общество: на примере Ростовской области // Социально-гуманитарные знания. 2022. № 6. С. 54–59.
14. Парсонс Т. Система современных обществ / пер. с англ. Л.А. Седова, А.Д. Ковалева; под ред. М.С. Ковалевой. Москва: Аспект Пресс. 1998. 270 с.
15. Пенькова Е.А. Русские: к вопросу об этнической идентичности // Социальная политика и социология. 2008. № 2 (38). С. 128–135.
16. Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл. 1998. 389 с.
17. Тишков В.А. О феномене этничности // Этнографическое обозрение. 1997. № 3. С. 3–21.
18. Чебоксаров Н.Н. Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых [Текст] / Н.Н. Чебоксаров // Советская этнография. 1967. № 4. С. 94–110.
19. Чигрин В.А. Особенности интеграции этносов Крыма в Российский полиэтничный социум / Гуманитарий Юга России. 2016. Том. 20. № 4. С. 84–94.
20. Шабаяев Ю.П., Садохин А.П. Дискурс этнической и гражданской идентичности. Финноугорский мир России в материалах переписи 2010 г. // ПОЛИС (Политические исследования). 2013. № 3. С. 113–125.
21. Широкогоров С.М. Этнос: Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. Шанхай – Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета, 2002.
22. Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис. М. 1996. 342 с.
23. Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий: сб. ст. / под ред. Ф. Барта; пер. с англ. И. Пильщикова. М.: Новое изд-во. 2006. 198 с.

CONSOLIDATION OF THE RUSSIAN REGIONAL COMMUNITY: RISK AND THREAT ANALYSIS

Volkov Yu.G.

Southern Federal University

The purpose of the study: to consider ethnic identity as the basis of integration processes in the specific conditions of polyethnicity of Russian society. The methodological basis of the research is based on the constructivist, instrumentalist and integration concepts of ethnic identity; ethnic integration is considered as part of the social within the framework of structural-functional and cultural approaches; J. Rothschild's approach to politicized ethnicity; E. Erickson's theory of identity. Research results. The specifics of ethnic identity, its connection with ethnic identity are analyzed, the features of integrative processes determined by the polyethnicity of society are revealed, the mobilization role of ethnic integration and its conflictogenicity are revealed, the problematic aspects of the integration of migrants in the Russian multi-ethnic society are considered, an attempt is made to assess the direction of integrative processes for migrants in the Rostov region. Prospects of the study relate to the analysis of ethnosocial policy and its tools in the context of socio-cultural and political security of the multiethnic Russian society.

Keywords: polyethnicity, polyethnic region, polyethnic society, ethnic identity, ethnic integration.

References

1. Anderson B. Imagined communities. Reflections on the origins and spread of nationalism. M.: Kuchkovo field. 2016. 416 p.
2. Arutyunyan Yu.V., Drobizheva L.M. Ethnology before the challenges of time // Toshchenko Zh.T., Romanovsky N.V. Milestones of Russian sociology 1950–2000s. St. Petersburg: Aletheia, 2010. pp. 195–212.
3. Bedrik A.V., Bineeva N.K., Panteleev V.G. Reflection of categories of migrants in regional media and the possibility of its influence on their integration into the host society: based on content analysis of Internet publications in the Rostov region // Humanitarian of the South of Russia. 2022. No. 6. pp. 112–127.
4. Bromley Yu.V. Ethnicity and ethnography. M. 1973.
5. Volkov Yu.G., Kurbatov V.I., Khunagov R.D. Integration in a multiethnic society: paths, modern trends and problem areas // Sociology. 2022. No. 1. pp. 373–388.
6. Gafiatulina N. Kh., Samygin S.I., Rachipa A.V. Social health of Russian youth in the context of regional migration processes: threats to national security // Humanitarian of the South of Russia. 2016. T. 19. No. 3. P. 59–71.
7. Gaft A.M. Polyethnicity of modern Russia // Bulletin of Ugra State University. 2016. No. 1(40). pp. 58–64.
8. Gumilyov L.N. Ethnogenesis and biosphere of the earth. L.: Gidrometeoizdat, 1990.
9. Gurieva S.D. Attitude and interethnic relations. St. Petersburg: Nestor-History. 2008. 272 p.
10. Esic M.B. Ethnicity and ethnicity as phenomena of difference and phenomena of development // World of Psychology. 2004. No. 3 (39). pp. 24–37.
11. Noskova A.V. Modern demographic trends and ethnic processes: specifics of the capital metropolis // Social policy and sociology. 2008. No. 2 (38). pp. 109–117.

12. Omelaenko N.V. Theoretical paradigms of ethnicity // News of higher educational institutions. Sociology. Economy. Policy. No. 2. 2015. pp. 95–98.
13. Pantelev V.G. The impact of the image of migrants in regional media on the possibilities of their integration into the host society: the example of the Rostov region // Social and humanitarian knowledge. 2022. No. 6. P. 54–59.
14. Parsons T. System of modern societies / trans. from English L.A. Sedova, A.D. Kovaleva; edited by M.S. Kovaleva. Moscow: Aspect Press. 1998. 270 p.
15. Penkova E.A. Russians: on the issue of ethnic identity // Social politics and sociology. 2008. No. 2 (38). pp. 128–135.
16. Soldatova G.U. Psychology of interethnic tension. M.: Meaning. 1998. 389 p.
17. Tishkov V.A. On the phenomenon of ethnicity // Ethnographic Review. 1997. No. 3. P. 3–21.
18. Cheboksarov N.N. Problems of the typology of ethnic communities in the works of Soviet scientists [Text] / N.N. Cheboksarov // Soviet ethnography. 1967. No. 4. P. 94–110.
19. Chigrin V.A. Features of the integration of Crimean ethnic groups into the Russian multiethnic society / Humanitarian of the South of Russia. 2016. Vol. 20. No. 4. pp. 84–94.
20. Shabaev Yu.P., Sadokhin A.P. Discourse of ethnic and civic identity. Finno-Ugric world of Russia in the materials of the 2010 census // POLIS (Political Research). 2013. No. 3. P. 113–125.
21. Shirokogorov S.M. Ethnicity: Study of the basic principles of change in ethnic and ethnographic phenomena. Shanghai – Vladivostok: Far Eastern University Publishing House, 2002.
22. Erickson E. Identity: youth and crisis. M. 1996. 342 p.
23. Ethnic groups and social boundaries. Social organization of cultural differences: collection. Art. / ed. F. Barta; lane from English I. Pilshchikova. M.: New publishing house. 2006. 198 p.

Цифровая трансформация общества в Республике Бурятия

Дашибалова Ирина Николаевна,

к.ф.н., старший научный сотрудник, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
E-mail: dashibalonirina@gmail.com

Ван Ирина Доржиевна,

младший научный сотрудник, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
E-mail: irdon@yandex.ru

В статье рассматривается роль цифровых процессов и информационных решений в регионе Бурятия. Цифровизация наряду с доступностью образования, медицины и сферы услуг, имеет ограничения и риски, демонстрирует цифровое неравенство регионов. Платформенная занятость в регионе формирует рынок цифровых профессий, включает активных пользователей в новые виды социальных практик, предполагает самообучение и рост профессиональных компетенций. Вместе с тем, ввиду сложившейся структуры рынка труда, неустойчивости правового статуса цифровых профессий, цифрового бизнеса обнаруживаются проблемы легализации, налогообложения, пенсионных страховых отчислений.

Ключевые слова: цифровизация, самозанятость, платформенная занятость, мобильные приложения, мессенджеры, информационные технологии, инновации.

Цифровая трансформация общества в последнее десятилетие XXI в. преобразует различные сферы социальной жизни, включая бизнес, образование, здравоохранение, государственное управление и т.д. Процессы ускоренной передачи информации привели к автоматизации бизнес-процессов с использованием программного обеспечения, искусственного интеллекта и роботов, онлайн-банкинга, развитию электронной коммерции и появлению новых форм экономики [1].

По мнению Ю.И. Грибанова, «происходит неуклонная сервисизация всей хозяйственной деятельности за счет постепенного отхода от модели удовлетворения потребностей за счет поставки товаров к модели их удовлетворения за счет оказания все более персонализированных услуг, техническую основу для чего создает именно цифровая экономика» [2, с. 37]. Диджитализация и внедрение цифровых платформ постепенно внедряется в государственном секторе (в сфере госзакупок и проведения тендеров, в Налоговой службе, появление и развитие российского портала Госуслуги). Примеры цифровизации включают в себя переход от бумажной документации и электронным системам учета и хранения данных, автоматизацию процессов с использованием роботов, чат-ботов. Цифровые процессы вносят изменения в трудовые рынки и требуют новых навыков и знаний у работников. В системе образования вводятся инновационные методы преподавания, электронные материалы, интерактивные учебники, мультимедиа и повышается доступность образовательных ресурсов, также происходит индивидуализация обучения с ростом образовательных платформ, онлайн курсов, репетиторских услуг.

Цифровизация сферы услуг внедряет массовые коммуникационные технологии для улучшения процессов продаж. Эффективности торговых операций способствует управление клиентской базой данных через платформенные решения. Платформенная торговля расширяет географию продаж, сокращает время на обработку заказов с помощью интернет-магазинов на международном уровне, и соответственно, увеличивает емкость рынка и повышение качества обслуживания [3].

Диджитализация транспортных услуг проявляется в использовании мобильных приложений, веб-порталов «Умный город», «Умный транспорт», «2 ГИС», сервисы заказа такси, сайты и чаты поиска попутчиков, каршеринг для поиска общественных видов транспорта и аренды автомобилей. Клиенты могут найти, заказать, арендовать транспорт или купить билеты. На уровне муниципальных служб умные системы управления регулируют транспортные потоки, снижают «пробки» и оптимизируют движение. Удобство обслуживания и уже привычный режим для пассажиров представляют электронные билетные системы и безналичный расчет для оплаты проезда всех видов транспорта, включая маршруты дальнего следования.

Использование цифровых технологий в ресторанном бизнесе включает автоматизацию бизнес-процессов для заказов и доставки, и самое главное, управление и аналитику информации о предпочтениях клиентов. Преимуществом цифровизации общепита является его высокая производительность, совершенствование сервиса для клиентов, управление кадрами, учет товарооборота [4].

В период пандемии 2020 г. трудовая сфера столкнулась с режимом дистанционной занятости. С одной сто-

роны, ряд профессий предполагают удаленный, творческий характер деятельности, поэтому до, во время и после пандемии работники данного направления изменений не почувствовали. С другой стороны, многим оффлайн работникам пришлось психологически и организационно перестраивать свои стили взаимодействия с работодателями и формировать свой «виртуальный офис». Формат видеоконференций, облачных сервисов, онлайн-платформ, электронный документооборот стал для части населения новой реальностью и новым видом труда. Цифровизация трудовой сферы открыла много преимуществ, таких как сокращение времени на поездку на работу, увеличила производительность, внесла гибкость и мобильность. Одновременно цифровые процессы являются вызовом для рабочих мест и информационной безопасности, требуют переобучения персонала.

В цифровой экономике складываются новые нетрадиционные виды занятости. Первыми, кто освоил возможности цифровых платформ стали фрилансеры. Сервисы HeadHunter, Авито и т.д. предоставляют возможности и широкий диапазон вакансий. Специализированные профессиональные платформы позволяют людям работать удаленно и предоставлять услуги по разработке сайтов, программного обеспечения, приложений, веб-дизайну, написанию контента. Следующей обширной группой работников онлайн являются сотрудники и самозанятые на дому. Они предлагают свои услуги через интернет, это могут быть контент-менеджеры, маркетологи, SMM-специалисты, блогеры, администраторы интернет-магазинов и т.д. Онлайн занятость включает партнерский маркетинг. С помощью рекламы продуктов и услуг, комиссий за продажи, взаимные ссылки происходит взаимовыгодное партнерство. Ряд творческих профессий подразумевает создание цифровых продуктов: написание текстов, музыки, редактирование фотографий и киноизображений и очень популярное продвижение онлайн-курсов, коучинг. В банковской системе, телекоммуникационных системах сформировалась практика виртуального ассистента для административной поддержки и помощи клиентам через интернет. Это лишь некоторые примеры нетрадиционной занятости в цифровой экономике, количество которых будет расти с постоянным развитием интернета.

Наряду с перспективными и наглядными факторами цифровизации общества увеличиваются проблемы поиска работы для некоторых слоев населения в связи роботизацией. Как утверждают Фомичева Т.В., Катаева В.И.: «В группу риска попадают следующие категории населения: трудоспособное население, занятое на временной работе; население, работающее неполный рабочий день и имеющее случайные (несистематические) заработки; работники фриланса и заёмного труда; мигранты; стажёры и студенты. В качестве социального последствия цифровизации, внедрения цифровой экономики, можно назвать комплексную дегуманизацию человеческих отношений, вследствие конкуренции за рабочие места между роботами и людьми» [5, с. 83].

Д.О. Стребков указывает, опираясь на данные проведенного эмпирического исследования, что дополнительными ограничениями для фрилансеров и сходных групп на дистанционном режиме работы стали приостановка работы глобальных фриланс-бирж в 2022 г., добровольная или вынужденная миграция IT-специалистов, ограничения, наложенные на российские банки для межграничных переводов, закрытие доступа к зарубежным лицензионным программным продуктам, колебания валютного курса [6, с. 30–31]. Несмотря на потрясения и колебания, поляризационные процессы, рынок фриланс-услуг

будет расти, так как в России он далеко не исчерпан. Замещение Amazon, Али-экспресс успешно совершается Wildberris, Ozon. Активным российским комбосервисом и экосистемой становится Яндекс от службы доставки еды до такси.

Цифровая занятость имеет значительное влияние на российскую экономику, так как создаются новые рабочие места, новые отрасли, связанные с кибербезопасностью, искусственным интеллектом, блокчейном, телемедициной, информационными технологиями и программированием. Это способствует увеличению занятости и снижению безработицы. Инновационные компании и стартапы могут стать движущей силой экономического роста. Расширение бизнеса за счет онлайн торговли, маркетплейсы и другие цифровые платформы предоставляют доступ к международным рынкам и увеличивают объемы торговли. Цифровые решения открывают доступ для различных слоев населения и особенно групп с ОВЗ, женщин в декретном отпуске, лиц предпенсионного и пенсионного возраста, а также жители отдаленных от центра регионов, тем самым устраняя цифровое неравенство.

Одним из следствий развития онлайн платформ является появление и активный рост числа лиц самозанятых. По данным Федеральной налоговой службы в 2023 г. зарегистрированы 8,1 млн человек. Для сравнения – в 2021 г. зафиксированы 1,6 млн в 2022 г. – 6 млн человек¹.

Новый вид самозанятости представляет свободу и гибкость графика работы. Возможность устанавливать свое рабочее время, так как удобно самозанятому, выбирать проекты и клиентов позволяет адаптировать работу под свои потребности. С самозанятостью возможно увеличение дохода, собственное определение цены за услуги, параллельная работа над несколькими проектами одновременно. Так как самозанятый работает независимо, он является ответственным за свой успех или неудачу. Это развивает в нем навыки самодисциплины и лидерства. В процессе самозанятости происходит постоянное столкновение с вызовами получения все новых и новых навыков, т.е. регулярное получение знаний и опыта. Самозанятый имеет возможность работать из любого места и не ограничен одной компанией или организацией, выбирает разных партнеров для ведения бизнеса.

Как и любая сфера деятельности, цифровизация труда, имеет проблемы и риски. Быстрый темп развития и внедрения цифровых решений требует обучения новым навыкам и последним тенденциям. Введение автоматизации приведет к исчезновению определенных традиционных видов профессий. С увеличением информационных технологий повышается риск киберпреступлений и утечки персональных данных. Удаленный режим может способствовать проблемам здоровья, изоляции, отсутствия личного общения и нарушения баланса работы – личная жизнь.

Наряду с интенсивным процессом цифровизации, предлагающим новые возможности для самореализации, самообучения гибким навыкам, благодаря высокой скорости передачи информации, низкому порогу вхождения в цифровые сообщества обнаруживаются противоречия в форме цифрового разрыва в социальной структуре российского общества. Цифровой разрыв характеризует различия между уровнем цифровизации в мегаполисах и периферийных регионах, качеством

¹ В России зарегистрированы более 8,1 млн самозанятых // Федеральная налоговая служба. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. – Режим доступа – URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/news/activities_fts/13806994/. (дата обращения: 09.11.2023).

разработок сетевых структур и мобильных приложений в крупных промышленных центрах и отсутствием цифровой инфраструктуры в депрессивных моногородах, а также степенью включённости в цифровой рынок активной молодёжи и представителей среднего класса.

Динамично развивающийся сервис электронного правительства показал высокую интеграцию населения и отличительные характеристики уровня цифровизации РФ. По поручению Президента РФ в срок до 01 декабря 2022 г. Единый портал Госуслуги (ЕПГУ) завершил централизацию основных инфоресурсов Пенсионного фонда, МВД, Росреестра и других федеральных органов власти, до 01 января 2023 г. завершено перенос всех массовых и социально значимых госуслуг в электронный формат¹. На взгляд, непосредственно работающих с сервисами IT-специалистов, Госуслуги, портал Федеральной налоговой службы, телекоммуникации «не представляют особых конкурентных преимуществ с мировыми аналогами, но являются хорошими примерами цифровизации в РФ. Кроме того, данные электронные сервисы ввиду высокой доли госуправления непрозрачны и аффилированы» (интервью с бизнес-аналитиком, стаж в профессии 3 года).

Активному освоению цифровых профессий способствует развитие интернета в регионе. Согласно данным выборочного федерального статистического наблюдения, проведенного в 2021 г. Управлением статистики образования, науки и инноваций Росстата, 92,8% населения Республики Бурятия в возрасте 15–74 лет использует интернет, из них 84,9% – ежедневно. По указанному показателю Республика Бурятия занимает пятое место в Дальневосточном федеральном округе среди 11 субъектов².

На сегодняшнем этапе развития информационных технологий, интернет стал не только массовым средством поиска информации и коммуникаций, но и инструментом коммерциализации. Потребители всё чаще используют интернет для покупок в онлайн-магазинах. В Республике Бурятия у половины пользователей сети востребовано приобретение товаров в маркетплейсах и услуги онлайн (54%). Интернет всё более интегрирован в процессы социальной жизни. В 2021 г. в Бурятии, не самом цифровом российском регионе, увеличилась доля тех, кто обращается за получением государственных услуг до 80%, в 6 раз в сравнении с 2014 г. Каждый второй гражданин пользуется электронным кабинетом налогоплательщика (48%). Треть населения РБ использует электронную запись к врачу (34%) и четверть (25%) практиковала дистанционное обучение. За последние четыре года число пользователей мобильного интернета выросло с 68 до 96 на 100 человек³. Данные показатели свидетельствуют об эффективной политике цифровиза-

ции и продвижению интернет-технологий в социальное пространство региона.

Проникновению интернета в повседневную реальность пользователей способствует интенсивное массовое внедрение социальных сетей и мобильных приложений. Интернет не только становится средой общения, но и местом обитания, источником дохода. В настоящее время практически каждый человек оказывается вовлеченным в интернет-технологии. Выйти в социальные сети с каким-либо продуктом, обучением либо вести блог, является для людей «социальным лифтом», представляющим не только средства дополнительного или основного заработка, но и возможностью качественно изменить уровень жизни.

Использование смартфонов (86% жителей Бурятии) в повседневном общении подтверждает всё большую включённость всех возрастных групп населения в социальные сети или мессенджеры согласно данным выборочного изучения использования населением информационных систем, интернета и наличия компьютерной техники за 2021 г..⁴

Специфика цифровой занятости в регионе предопределена работающими прикладными платформами. Благодаря деятельности разработчиков инфраструктуры электронного правительства достаточно эффективно введены российские отраслевые «Госуслуги», «Платон» и образовательные платформы Учи.ру, Getcourse, но они скорее формируют навыки цифрового взаимодействия, чем приносят доход пользователям. Ввиду региональных особенностей представленность цифровых платформ имеет инструментальный характер, то есть это чаты в мессенджерах и телеграм-каналах (Viber, Telegram, WhatsApp), справочники организаций, сайты объявлений (2ГИС). Взаимный поиск поставщиков и потребителей услуг приводит к удобной современной форме виртуальной коммуникации в социальных сетях – Вконтакте, Одноклассники, в которых формируются тематические группы (пошив одежды, парикмахерские услуги, автотюнинг и др.).

Сложившимися видами платформенной занятости через социальные сети в регионе стали аренда жилья, сбыт домашней и сельскохозяйственной продукции, репетиторство, домашний ремонт, служба доставки продуктов торговых сетей и кафе, переводческие услуги, группы попутчиков в сельские районы республики и соседние регионы (Иркутская область, Забайкальский край), услуги массажа, маникюра, косметолога, диетолога, психологические консультации, пошив одежды на заказ.

Отдельно стоит выделить сетевой бизнес крупных компаний по продаже различных БАДов и товаров для дома международных и отечественных компаний: Ato-my, Greenway, Tupperware, Amway, NL, Oriflame, Herbalife, Сибирское здоровье. Активизируясь в поисках дохода, население, с одной стороны, вынужденно включается в платформенные сервисы, социальные сети, мессенджеры, чаты объявлений по оказанию услуг с целью заработать (разового или систематического заработка). В сетевой бизнес внедряются в качестве консультантов продавцов множество женщин, в основном в сельских районах республики. С другой стороны, и у этого рынка возникает «потолок» – так как все всё продают, но меньше тех, кто покупает. Следует отметить, что компании

¹ Портал госуслуг меняет формат их предоставления. Перечень новшеств // Сетевое издание Snews. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа – URL: https://www.cnews.ru/news/top/2021-02-11_portal_gosuslug_k_vesne_izmenitsya (дата обращения: 21.10.2022).

² Выборочное федеральное статистическое наблюдение по вопросам использования населением информационных технологий и информационно-телекоммуникационных сетей. // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Бурятия – 2021 [Электронный ресурс]. – Режим доступа – URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/business/it/ikt21/index.html (дата обращения: 21.10.2022).

³ Использование сети Интернет в Республике Бурятия. 31.05.2022 // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Бурятия – [Электронный ресурс]. Режим доступа – URL: <https://burstat.gks.ru/infographics2022/document/166918> (дата обращения: 21.10.2022).

⁴ Использование сети Интернет в Республике Бурятия. 31.05.2022 // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Бурятия – [Электронный ресурс]. Режим доступа – URL: <https://burstat.gks.ru/infographics2022/document/166918> (дата обращения: 21.10.2022).

сетевого маркетинга больше развиты в небольших городах и посёлках чем в крупных городах и федеральных центрах, что объясняется узким диапазоном адаптационных стратегий населения. Итак, платформенная занятость в регионе имеет гибридный характер, большая часть пользователей использует готовые платформы для офлайн-продаж.

В Республике Бурятия согласно данным Федеральной налоговой службы ежемесячно происходит прирост числа самозанятых. Если 01 января 2021 г. зарегистрировано в данном статусе 3395 человек, то уже на 01 июня 2022 г. достигло 15 тыс. человек¹. На 01 января 2023 г. число самозанятых достигло 21597 человек, то есть выросло в 6,4 раз за 2 года. Наиболее распространёнными направлениями для них становятся услуги такси, грузоперевозки, индустрия красоты, отделочные работы, SMM-продвижение. Льготный налоговый режим, консультационная поддержка, предоставление субсидии, цифровизация бизнеса через мобильное приложение, возможность участия в госзакупках стимулируют реализацию национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы»².

Цифровая, платформенная занятость характеризуется сферой информационных технологий и площадкой коммуникации между различными акторами, образующих сетевое взаимодействие: IT-специалистами (разработчиками, аналитиками), Digital-специалистами в среде ранее являвшихся традиционными – маркетинг, финансы, образование, медиа и пользователями.

Платформенная занятость как новое социальное явление в эпоху турбулентности многомерно, включает разноуровневых игроков. На государственном уровне в 2017 г. принята национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации»³. После пандемии 2020 г. наблюдается взрывной рост пользователей онлайн платформ, работающих в удалённом режиме и обучающихся дистанционно⁴. Пандемия ускорила тенденцию цифровизации бизнес-процессов в России, что было вызвано вынужденным переходом на удалённую работу. По прогнозам аналитиков Всемирного экономического форума, переход на удалённую работу независимо от желаний сотрудников к 2025 г. осуществит 81% российских компаний⁵.

¹ Почему статус самозанятого популярен в Бурятии // Официальный сайт ФНС. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа – URL: https://www.nalog.gov.ru/m03/news/activities_fts/12302498/ (дата обращения: 21.10.2022).

² Паспорт национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы». 24.12.2018 // Официальный сайт Правительства России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа – URL: <http://government.ru/info/35563/> (дата обращения: 21.10.2022).

³ Распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017 № 1632-р «Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации»». // Консультант-плюс. [Электронный ресурс]. – Режим доступа – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_221756/. (дата обращения: 21.10.2022).

⁴ Аналитический доклад ВЦИОМ и SocialBusinessGroup «Цифровая грамотность и удалённая работа в условиях пандемии». // ВЦИОМ: [Электронный ресурс]. – Режим доступа – URL: <https://wciom.ru/analytical-reports/analiticheskii-doklad/czifrovaya-gramotnost-i-udalennaya-rabota-v-usloviyakh-pandemii>. (дата обращения: 21.10.2022).

⁵ The Future of Jobs Report 2020. OCTOBER 2020. // World Economic Forum: [Электронный ресурс]. – URL: https://www.google.com/url?esrc=s&q=&rct=j&sa=U&url=https://www3.weforum.org/docs/WEF_Future_of_Jobs_2020.pdf&ved=2ahUKEwiAr4aHtV6AhVXgosKHdRZCiwQFnoECAoQAg&usq=AOvVaw3INs3YEh1HqXcrG9r2MsvE (дата обращения: 21.10.2022).

Платформенная занятость обусловлена сложной самообразующейся системой сетевой коммуникации с использованием, в том числе, визуального контента. Символический капитал, формируемый участниками взаимодействия, производится специалистами, которых можно подразделить на технических (программисты, разработчики, аналитики данных, веб-дизайнеры) и разнообразный ряд цифровых маркетологов и креативщиков (графические дизайнеры, копирайтеры, SMM-продюсеры, видеомейкеры и др.).

По определению Бабкина А.В. «цифровые платформы представляют собой гибридные структуры, ориентированные на формирование взаимовыгодных взаимоотношений значительного количества независимых экономических агентов, осуществляемых в едином информационном пространстве и направленных на создание ценности путем обеспечения прямого взаимодействия и осуществления трансакций между несколькими группами сторонних пользователей» [7].

Различают три вида цифровых платформ: инструментальные, инфраструктурные и прикладные⁶. Одной из самых распространённых разновидностей прикладных платформ являются социальные сети. Они регламентируются федеральными законами № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»⁷ и № 530 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»⁸.

Как было отмечено, рынок платформенной занятости формирует таких акторов, как IT-специалисты. В Бурятии основная масса инженеров-программистов, сетевых инженеров, аналитиков занята обслуживанием готовых продуктов. «Даже, если отделы IT при организациях пишут свои программы, для организаций эти программы не создают прибыль, так как департаменты IT находятся в крупных городах. Но качественного разрыва между специалистами из Москвы, Санкт-Петербурга и Улан-Удэ нет, скорее он количественный» (интервью с инженером-программистом, стаж в профессии 22 года).

Платформенная занятость в регионе формирует рынок цифровых профессий, включает активных пользователей в новые виды социальных практик, предполагает самообучение и рост профессиональных компетенций. Вместе с тем, ввиду сложившейся структуры рынка труда неустойчивости правового статуса цифровых профессий, цифрового бизнеса обнаруживаются проблемы легализации, налогообложения, пенсионных страховых отчислений. Нельзя говорить о качественном разрыве между местными представителями цифровых профессий и специалистами из крупных городов, скорее наблюдается их неустойчивость в отсутствие крупных компаний в регионе.

Литература

1. Clauberg R. Challenges of digitalization and artificial intelligence for modern economies, societies and manage-

⁶ Цифровые платформы // Центр развития компетенций в бизнес-информатике, логистике и управления проектами Высшей школы бизнеса НИУ ВШЭ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа – URL: <https://hsbi.hse.ru/articles/tsifrovye-platformy/>. (дата обращения: 21.10.2022).

⁷ Федеральный закон № 149-ФЗ // Консультант-плюс – [Электронный ресурс]. – Режим доступа – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/. (дата обращения: 21.10.2022).

⁸ Федеральный закон № 530 // Консультант-плюс – [Электронный ресурс]. – Режим доступа – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_372700/. (дата обращения: 21.10.2022).

ment // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. – 2020. – Т. 28. – № 3. – С. 556–567. – URL: <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2020-28-3-556-567>

2. Грибанов Ю.И. Цифровая трансформация социально-экономических систем на основе развития института сервисной интеграции // Диссертация на соискание степени доктора эконом. наук. – Санкт-Петербург. – 2016. – 355 с.
3. Писарева Е.В. Влияние цифровизации на эффективность интеграции маркетинговых коммуникаций в сфере услуг: локальный аспект // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). – 2022. – № 3(79) – С. 108–114.
4. Козин Д.Ю. Цифровизация ресторанного бизнеса // Общество. Доверие. Риски. Материалы 3-го Ежегодного международного форума: в 3-х книгах. – Москва: Изд-во РЭУ им. Г.В. Плеханова. – Т. Книга 3. – 2021. – С. 78–82.
5. Фомичева Т.В., Катаева В.И. Ценности россиян в контексте цифровизации российской экономики // Уровень жизни населения регионов России. – № 2 (212) 2019. – С. 80–84.
6. Стребков Д.О. Платформенная занятость и фриланс в эпоху перемен // Социодиггер – Т. 3 – № 10–11 (22) – С. 29–33.
7. Бабкин А.В., Куратова А. Классификация и характеристика цифровых платформ в экономике // Электронный научный журнал «Вектор экономики». – [Электронный ресурс]. – 2018. – № 2. – URL: http://www.vectoreconomy.ru/images/publications/2018/12/innovationmanagement/Babkin_Kuratova.pdf (дата обращения: 21.10.2022).

DIGITAL TRANSFORMATION OF SOCIETY IN THE REPUBLIC OF BURYATIA

Dashibalova I.N., Van I.D.

Russian Academy of Sciences

The article examines the role of digital processes and information solutions in the Buryatia region. Digitalization, along with the accessibility of education, medicine and services, has limitations and risks, demonstrating the digital inequality of regions. Platform employment in the region forms the market for digital professions, includes active users in new types of social practices, involves self-learning and the growth of professional competencies. At the same time, due to the current structure of the labor market, the instability of the legal status of digital professions, digital business, problems of legalization, taxation, pension insurance deductions are revealed.

Keywords: digitalization, self-employment, platform employment, mobile applications, instant messengers, information technology, innovation.

References

1. Clauberg R. Challenges of digitalization and artificial intelligence for modern economies, societies and management // Bulletin of the RUDN University. Series: Economics. – 2020. – Vol. 28. – No. 3. – pp. 556–567. – URL: <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2020-28-3-556-567>
2. Griбанov Yu.I. Digital transformation of socio-economic systems based on the development of the Institute of service integration // Dissertation for the degree of Doctor of Economics. sciences'. – St. Petersburg. – 2016. – 355 p.
3. Pisareva E.V. The impact of digitalization on the effectiveness of integration of marketing communications in the service sector: a local aspect // Bulletin of the Rostov State University of Economics. – 2022. – № 3(79) – Pp. 108–114.
4. Kozin D. Yu. Digitalization of the restaurant business // Society. Trust. Risks. Materials of the 3rd Annual International Forum: in 3 books. – M.: Publishing House of the Plekhanov Russian University of Economics. – Т. Book 3. – 2021. – pp. 78–82.
5. Fomicheva T.V., Kataeva V.I. The values of Russians in the context of digitalization of the Russian economy // The standard of living of the population of the regions of Russia. – No. 2 (212) 2019. – pp. 80–84.
6. Strebkov D.O. Platform employment and freelancing in the era of change // Sociodigger – Vol. 3 – No. 1011 (22) – pp. 29–33.
7. Babkin A.V., Kuratova A. Classification and characteristics of digital platforms in economics // Electronic scientific journal "Vector of Economics". – [Electronic resource]. – 2018. – № 2. – URL: http://www.vectoreconomy.ru/images/publications/2018/12/innovationmanagement/Babkin_Kuratova.pdf (date of application: 21.10.2022).

Оценка семейных установок в студенческой среде: на примере Республики Северная Осетия – Алания

Дзагурова Наталья Хаджумаровна,

старший научный сотрудник Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева – филиала Владикавказского научного центра РАН
E-mail: tedeevanina@yandex.ru

В статье рассматриваются семейные установки студенческой молодежи в контексте создания условий по обеспечению выполнения молодой семьей социально-демографических функций, как на региональном, так и на федеральном уровнях. Представлены результаты анкетирования проведенного в Республике Северная – Осетия Алания в 2023 году среди 348 студентов обоих полов в возрасте от 18 до 30 лет.

Применен метод системного анализа, позволивший проанализировать социально-демографические характеристики семьи, правовое состояние брачных отношений и экономическое благополучие семьи.

На основе анализа эмпирической базы исследования сделан вывод о том, что в студенческой среде, будущую семью представляют с зарегистрированным браком, где роль мужчины рассматривается как ведущая, что указывает на приоритет традиционного гендерного контракта над партнерским.

Ключевые слова: студенты, студенческая среда, юноши, девушки, семейные установки, семейные ценности.

Особенности современной российской демографической ситуации, осложненные целым рядом экономических проблем, актуализируют проведение исследований, где значимым объектом и субъектом семейно-демографической политики выступает молодая семья [2], и исследований ориентированных на студенческую среду, поскольку именно там сконцентрирован репродуктивный потенциал российского социума.

Правительством Российской Федерации в 2014 г. была принята Концепция государственной семейной политики в России на период до 2025 года, где целью являются «поддержка, укрепление и защита семьи и ценностей семейной жизни, создание необходимых условий для выполнения семьей ее функций, повышение качества жизни семей и обеспечение прав членов семьи в процессе ее общественного развития» [1]. Государственная модель благополучной семьи включает такие ценности как наличие двух разнополых родителей, детей, экономическую обеспеченность и существование условий для самореализации супругов [3]. В этой связи интересен анализ семейных установок студенческой молодежи для понимания условий по обеспечению выполнения молодой семьей социально-демографических функций, как на региональном, так и на федеральном уровнях.

В данной статье рассматриваются семейные установки в студенческой среде республики Северная Осетия – Алания, на основании изучения которых, можно судить о региональной составляющей вопроса семейных установок современной российской студенческой среды.

Использованы результаты анкетирования проведенного в 2023 г. среди 348 студентов Северо-Осетинского государственного педагогического института (11%), Северо-Осетинского государственного университета (22%), Горского аграрного университета (21%), Северо-Осетинской государственной медицинской академии (29%) и Северо-Кавказского горно-металлургического института (19%) обоих полов в возрасте от 18 до 30 лет.

Критерии, на основании которых делался анализ семейных установок, включал социально-демографические характеристики семьи, правовое состояние брачных отношений и экономическую состоятельность семьи.

Результаты анкетирования показали, что ключевыми социально-демографическими характеристиками семьи для юношей стало наличие детей – 90%, полная семья – 82%, у девушек обязательные позиции включили наличие детей – 98% и любовь между супругами – 74%. Важность юридической оформленности отношений отметили 79% юношей, а экономической обеспеченности – 62%. У девушек юридическая оформленность отношений между супругами на 3-ем месте, и для 58% респондентов она является обязательной. Таким образом, различное ранжирование характеристик семьи у юношей и девушек показывает, что юноши в отличие от девушек более ориентированы на инструментальные характеристики семьи.

Анализ анкетирования показал, что у девушек преобладает традиционный (патриархальный) тип гендерного контракта над партнерским (демократическим) – 72%, а у юношей мнения разделились приблизительно оди-

наково – 51% за патриархальный тип и 49% за демократический тип.

Практические компоненты репродуктивной установки формируются на момент создания семьи, но анализируя такую характеристику как детность, было установлено, что 9% респондентов еще не задумывалось о количестве детей, но при этом, и юноши – 84% и девушки – 72% в своем большинстве ориентированы на многодетную семью (3 и более детей), к усыновлению готовы 4% юношей и 9% девушек.

Тип взаимоотношений между супругами определялся на основе предложенного набора ценностей, при этом ответ респондентов предполагал множественный выбор, результаты представлены в таблице 1.

Таблица 1. Ранжирование респондентами ценностей, определяющих тип взаимоотношений между супругами

Ранжирование ценностей у юношей	
Ценность	Кол-во выборов (%)
Взаимопонимание между супругами	48
Общность взглядов на семью	24
Совместный досуг	11
Взаимопонимание между супругами	8
Любовь между супругами	5
Доверие между супругами	4
Ранжирование ценностей у девушек	
Ценность	Кол-во выборов (%)
Любовь между супругами	31
Взаимопонимание между супругами	24
Взаимопонимание между супругами	21
Доверие между супругами	7
Совместный досуг	4
Общность взглядов на семью	4

Как видно из таблицы, для девушек определяющими являются те ценности, которые соотносятся с традиционной семьей, для юношей же определяющими стали эгалитарные ценности.

Таким образом, можно отметить, что студенческая среда рассматривает, роль мужчины в семье как ведущую, отчасти это объясняется особенностями Северо – Кавказского региона, где мужчина традиционно ответственен за экономическую стабильность семьи, а женщина за воспитание детей.

Критерии выбора будущего партнера определялись на основе личностных характеристик, которые хотели бы видеть респонденты в своих будущих супругах, результаты представлены в таблице 2.

Как видно из таблицы, определяющие личностные характеристики при выборе будущего супруга в представлении респондентов указывают на приоритет традиционного гендерного контракта над партнерским.

Рассматривая правовое состояние брачных отношений, подавляющее большинство опрошенных юношей – 86% и 94% девушек представляют будущую семью с зарегистрированным браком, сожительство или гражданский брак готовы рассмотреть лишь 9% опрошенных юношей и 5% девушек. При этом 36% опрошенных юношей допускают возможность вступления в повторный брак для себя, и в 11% случаях для будущей супруги, 31% опрошенных девушек рассматривают вступление в повторный брак для себя. Причина вступления в брак

повторно (развод, вдовство) значения не имеют для 78% юношей и 69% девушек.

Таблица 2. Определяющие личностные характеристики при выборе будущего супруга в представлении респондентов

Личностные характеристики будущей супруги	
характеристика	Кол-во выборов (%)
Воспитанная	43
Хозяйственная	26
Хорошая мать	18
Скромная	10
Без вредных привычек	7
Красивая	6
Личностные характеристики будущего супруга	
характеристика	Кол-во выборов (%)
Надежный	46
Сильный, смелый	24
Умеющий брать на себя ответственность	17
Образованный	6
Без вредных привычек	4
Трудолюбивый	3

Проведенное исследование подтвердило значимость экономического благополучия семьи у респондентов: по мнению опрошенных 67% юношей и 79% девушек оно обеспечивается мужчиной, при этом 36% девушек рассматривают работу как обязательную часть своей будущей семейной жизни, но не включают ее в источники семейного дохода, 64% же опрошенных юношей считают, что супруга должна заниматься воспитанием детей.

Таким образом, результаты анкетирования показали, что ключевыми социально-демографическими характеристиками семьи для юношей является наличие детей и полная семья, а у девушек обязательные позиции включают наличие детей и любовь между супругами. Несмотря на то, что практические компоненты репродуктивной установки формируются на момент создания семьи, анализируя такую характеристику как детность, было установлено, что и юноши и девушки в своем большинстве ориентированы на многодетную семью.

В студенческой среде, будущую семью представляют с зарегистрированным браком, где роль мужчины в семье рассматривается как ведущая, что отчасти объясняется особенностями Северо – Кавказского региона, и указывает на приоритет традиционного (патриархального) гендерного контракта над партнерским (демократическим).

Литература

1. Концепции государственной семейной политики в России на период до 2025 года. [Электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/files/41d4ffd61a02c7a4b206.pdf> (дата обращения: 21.11.2023).
2. Ростовская Т. К., Князькова Е.А. Государственная политика в отношении молодой семьи: экспертный обзор // Женщина в российском обществе. 2022. № 1. С. 22–31.

3. Рязанцев С. В., Архангельский В.Н., Воробьева О.Д. и др. Демографическое развитие России: тенденции, прогнозы, меры: национальный демографический доклад – 2020. М.: Объед. ред., 2020. 156 с.

ASSESSMENT OF FAMILY ATTITUDES IN THE STUDENT ENVIRONMENT: ON THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF NORTH OSSETIA – ALANIA

Dzagurova N. Kh.

North Ossetian Institute for Humanities and Social Studies – branch of Vladikavkaz Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

The article examines the family attitudes of students in the context of understanding the conditions for ensuring the fulfillment of socio-demographic functions by a young family, both at the regional and federal levels. The results of a survey conducted in the Republic of North Ossetia – Alania in 2023 among 348 students of both sexes aged 18 to 30 years are presented.

The method of system analysis was applied, which made it possible to analyze the socio-demographic characteristics of the family,

the legal state of marital relations and the economic well-being of the family.

Based on the analysis of the empirical base of the study, it is concluded that in the student environment, the future family is represented with a registered marriage, where the role of a man in the family is considered as the leading one, which indicates the priority of the traditional gender contract over the partner one.

Keywords: students, student environment, boys, girls, family attitudes, family values.

References

1. Concepts of state family policy in Russia for the period up to 2025. [electronic resource]. URL: <http://static.government.ru/media/files/41d4ffd61a02c7a4b206.pdf> (accessed: 11/21/2023).
2. Rostovskaya T. K., Knyazkova E.A. State policy towards a young family: an expert review // Woman in Russian society. 2022. No. 1. pp. 22–31.
3. Ryazantsev S. V., Arkhangelsk V.N., Vorobyova O.D., etc. Demographic development of Russia: trends, forecasts, measures: national Demographic Report – 2020. Moscow: United Ed., 2020. 156 p.

Канторов Никита Юрьевич,

аспирант Института государственной службы и управления
РАНХиГС

В статье проводится анализ становления спорта как социального института, ретроспективно исследуются различные дискурсы и подходы, особое внимание уделяется теории «социального поля спорта» П. Бурдьё. Автор сопоставляет понятия спорта и спортивной индустрии, рассматривая их, с одной стороны, как целое и составляющую этого целого, и, с другой стороны, как явления одного порядка, слившиеся воедино под влиянием социокультурных факторов. Рассматриваются четыре актуальных фактора, влияющих в настоящее время на процесс институционализации спортивной индустрии.

Ключевые слова: спорт, спортивная индустрия, социальный институт, социальное поле, институционализация спорта, цифровизация спортивной индустрии, социальные тренды.

В современном мире спорт не является обособленным от социума, сугубо профессиональным явлением, и практически не может существовать и развиваться вне спортивной индустрии. По итогам 2022 г., в России регулярно занимаются спортом более 67 млн граждан – это около 46% всего населения страны, и к 2024 г. число вовлеченных в спортивный образ жизни должно составить не менее 100 млн человек [7]. Данная тенденция свидетельствует о непрерывном и динамичном развитии спортивной индустрии, которая должна «действовать на опережение» и предлагать разнообразные возможности в сфере спорта всем желающим.

В этом контексте будет справедливо отметить, что спорт должен рассматриваться социологами как все более усиливающий свое влияние фактор развития человека и общества в целом, которое все. Исходя из этого тезиса, спортивная индустрия может быть определена не только как отрасль национальной экономики, ориентированная на создание, продвижение и сбыт спортивных и спортивно-развлекательных услуг и мероприятий, непосредственно связанных с массовым спортом [3, с. 182], но и как сформированный социальный институт.

Что же такой социальный институт? Социология не дает однозначного ответа на этот вопрос, и, обращаясь к трудам одного из первых исследователей данного термина, американскому социологу и экономисту Т. Веблену, мы можем трактовать социальный институт как воплощение совокупности общественных обычаев, поведения и образа жизни, которые являются, с одной стороны, преемственными в том или ином социуме, а с другой стороны, меняются под влиянием обстоятельств, одновременно являясь инструментом адаптации к переменам [10].

Представители различных подходов рассматривали социальный институт как внешнюю регламентирующую норму, состоящую из формальных и неформальных принципов и установок (нормативный подход), как устойчивую форму человеческого поведения или объединение людей, выполняющих специфические функции по удовлетворению общих потребностей (структурно-функциональный подход) и т.д. Заслуживает внимания определение польского социолога Я. Щепаньского, который классифицировал социальный институт четырьмя признаками: как группу лиц, осуществляющих совместную деятельность, как организационные формы комплекса функций, выполняемых от лица всей группы, как совокупность учреждений и средств деятельности, которые регулируют поведение членов группы, и как некоторые социальные роли, особенно важные для группы [8, с. 96].

Среди современных подходов к феномену социального института интересен неоинституциональный подход американского экономиста Д. Норта, который содержит достаточный потенциал для сборки всех необходимых институциональных элементов спорта как единого методологического конструкта. Ученый понимает социальный институт в качестве совокупности устойчивых формальных и неформальных норм, сложившихся в целях оптимизации издержек для достижения социальными акторами своих индивидуальных целей и определения перед ними наиболее рациональных способов достижения целевых ориентиров [6, с. 112–113].

Социальные институты могут затрагивать разные направления общественной жизни и включать в себя политические и экономические институты, оставаясь при этом более широким понятием. Традиционными социальными институтами принято считать институты семьи, государства, права, образования, религии.

В целом, на всем протяжении исследования социальных институтов вклад в развитие этого понятия внесли такие зарубежные ученые как М. Вебер, Г. Спенсер, Э. Дюркгейм, Т. Парсонс, Э. Гидденс, П. Бурдьё, П. Штомпка, Т. Лукман, Ч. Миллс, а также их российские коллеги М.М. Ковалевский, Е.В. Де Роберти, П.А. Сорокин, А.И. Кравченко, С.С. Фролов, В.И. Добренков, Д.П. Гавра, М.Б. Глотов, В. Радаев, О.Е. Бессонова, С.Г. Кирдина и др.

Теоретические концепции социологов, как классиков, так и современников стали методологической основой изучения и выявления сущности спорта и более узкой его составляющей – спортивной индустрии – и как специфического института российского общества, взаимодействующего с другими социальными институтами и социальной системой в целом.

С научной точки зрения спорт изучали еще в древние времена, как одно из явлений, способствующих единению тела и духа человека. Сократ, Гиппократ, Софокл, Платон и другие античные философы оставили богатое историко-теоретическое наследие знаний о спорте в обществе, раскрыв научную логику развития не только отдельной личности, но и общественного потенциала через этот вид деятельности.

В ходе исторической эволюции спорт из досуга, словесного занятия праздного класса постепенно превратился в условие обеспечения «социального порядка и внутренней интеграции», обретая черты социального института и выполняя свойственные институтам стандартизированные социальные функции.

Основатель социологии как самостоятельной науки и непосредственно французской социологической школы Э. Дюркгейм стал одним из первых ученых, кто изучал спорт в качестве социального института, рассматривая такие предпосылки его становления, как рост городов и численности населения при одновременном росте таких ценностей человека как индивидуальные интересы человека и телесность. Можно отметить, что, двигаясь по исторической спирали развития, в данный момент институционализация спортивной индустрии происходит под влиянием схожих факторов: развития комфортных для жизни урбанистических территорий и массового их заселения, трендов на осознанность, индивидуальный выбор и здоровый образ жизни.

Еще одним социологом, кто внес существенный вклад в системное развитие спорта был последователь структуралистских идей Э. Дюркгейма, современный французский социолог и философ П. Бурдьё. Изучая спорт как значимое общественное явление, ученый рассматривал его через призму введенного им в науку понятия «социальное поле», из дифференцированного множества которых и состоит, по мнению П. Бурдьё, социум. Ученый подчеркивал непостоянство и трансформацию социального поля спорта, отмечая его дихотомию, существенно проявившую себя в 80-х гг. XX века, когда произошло четкое деление на любительский (позже ему лучше подошла характеристика «массовый») и профессиональный спорт [1, с. 265].

Отметим еще одну интересную для изучения спортивной индустрии как социального института идею П. Бурдьё. Ученый отмечал, что неоднородность социального поля спорта проявляется не только во времени, но и в социальном пространстве. В частности, П. Бур-

дьё утверждал, что существует «социальное родство» между отдельными спортивными направлениями и видами спорта и спецификой каждой отдельно взятой социальной категории. Данная специфика проявляется в их интересах и предпочтениях. Так, П. Бурдьё приводит в пример такие ценности как социальная дистанция, гармонично обустроенное внешнее пространство, которые чаще наблюдаются в более состоятельных социальных категориях. По мнению автора, это определяет их стремление к таким видам спорта, где данные ценности являются их неотъемлемой частью, например, гольфу. Вместе с тем, П. Бурдьё предостерегает исследователей от статичного восприятия взаимосвязи социальных слоев и видов спорта, говоря о том, что популяризация ранее элитных видов спорта также не редкое явление, но переставая быть элитарным данный вид спорта трансформируется по форме и содержанию, не меняя при этом своей сущности и названия. Существуют и обратные трансформации, когда «примитивный» вид спорта становится элитарным [2].

Таким образом, современная социология исследует социальную роль спорта в обществе, взаимодействие различных групп людей в спортивной деятельности и в связи с ней. Рассмотрим наиболее заметные имена и тематики исследования в социологии спорта.

В рамках социологии спорта фундаментальные исследования проводили зарубежные ученые Р. Грюно, Дж. Лой, Г. Люшен, Л. Петрович, А. Хозек, К. Хаммерих и др. В рамках социологии физической культуры и спорта данный социальный институт изучали российские социологи В.И. Столяров, Г.Р. Гостев, В.Д. Паначев, Л.И. Лубышева, В.Н. Ксенофонтов, П.А. Виноградов, В.И. Жолдак, Н.В. Коротаева, М.А. Арвисто, Д.К. Жвания, В.М. Карамян, Б.А. Лисицын и др.

Заметный рост научного интереса к спорту как социальному институту был отмечен в начале 2000-х гг., когда появились исследования, посвященные его влиянию на формирование и воспитание личности, сферу досуга, организационное управление, взаимодействие с государством и т.д. Здесь необходимо отметить таких авторов как А. Гонашвили, М.М. Боген, В.Н. Супиков, А.В. Починкин, П.А. Рожков, Р.М. Галиахметов, Д.К. Давлеткалиев, Т.Ю. Дельцова, Л.И. Лубышева, И.Е. Пономарев, А.Б. Суник, Ю.А. Фомин, К.С. Хуснудинов и др.

Отдельно отметим исследования, посвященные взаимодействию спорта и различных уровней государственного и муниципального управления.

Формирование государственной политики в области спорта рассматривали такие ученые как А.Ф. Антипов, С.Е. Воронин, С.И. Гуськов, М.И. Золотарев, А.П. Исаев, В.М. Краснов, В.Г. Камалетдинов, Р.К. Кудашов, А.Г. Маркелов, П.К. Пельменев, И.И. Переверзин, Н.В. Уловистова и др.

Тема социального регулирования и управления развитием массового спорта нашла свое отражение в трудах А.С. Адельфинского, А.Д. Мискевича, М.Е. Кутепова, С.В. Артемова, А.М. Банникова, В.В. Болотенко, С.Э. Воронина, Г.Г. Кеммерера, В.В. Кузина, В.В. Новикова, Р.А., Пилюяна, Н.А. Верзилиной, А.Я. Свиридовой, В.И. Подлесного, А.С. Соколова и др.

Проблемы государственной поддержки развития физической культуры и спорта исследовали С.В. Алексеев, Д.Н. Бахрах, Х.Е. Мейер, В.В. Столбова, А. Смит, З. Сауар, Д. Ричи. Так, С.В. Алексеев исследует рыночные инструменты развития спорта и физкультуры в России, в частности, обращается к спортивному маркетингу, менеджменту, используя стратегический подход. Вопросы правового регулирования развития спорта и физической культуры в России отражены в работах П.А. Вино-

градова, В.Е. Горшкова, А.П. Ермолаева, В.В. Карякина, И.М. Чемакиной и др. В.Е. Горшков при изучении сложившейся в России системы управления спортом и физкультурой выделяет национальную специфику, указывает на проблемные сферы, требующие решения.

Таким образом, в настоящее время в контексте социологии, опираясь на различные методологические подходы и исследования, можно говорить о множестве дискурсов в сфере спорта, рассматривая такие его составляющие как спорт больших достижений и массовый спорт, апеллируя к нему, как к сфере государственной политики, агенту развития человеческого потенциала, социальных взаимодействий или социального развития территорий. При этом такая значительная составляющая спорта как спортивная индустрия не исследована достаточно в социальном контексте, как социальный институт и фактор, оказывающий влияние на трансформацию личности и общества, развитие территорий.

Интересен подход В.И. Лукашука, которой полагают, что спортивная индустрия не является частью спорта, а есть сам спорт, трансформировавшийся в нее под воздействием ряда социокультурных факторов, таких как стандартизация норм и правил в спорте, дифференциация видов спорта, возросшее количество международных соревнований по всем различным спортивным направлениям, распространение спортивных СМИ, значительное увеличение численности вовлеченных активно или пассивно (как зрители и болельщики) граждан [5, с. 693].

Автор полагает, что спорт стал полностью материальной категорией, и его сущностью являются спортивные организации, промышленность и СМИ, при этом данная трансформация остается незамеченной, и как следствие, неизученной учеными.

О тесной связи самой философии того или иного вида спорта и спортивной индустрии говорил и упомянутый выше П. Бурдые. Он отмечал, что «пространство видов спорта не замкнутый на себе самом мир», а конструкция, являющаяся частью мира потребления, то есть материального мира. Исходя из этого, предпочитаемые социумом практики напрямую зависят не только от ценностей отдельных индивидуумов, но и от того, какая спортивная индустрия их окружает и отчасти навязывается инструментами маркетинга [2].

С этой точки зрения уместно определение Н.А. Восколович, рассматривающей спортивную индустрию с общественно-экономической точки зрения. При данном подходе целью спортивной индустрии является получение доходов от «эксплуатации индивидуального человеческого и общественного интереса» к всевозможной соревновательной деятельности [4, с. 12].

Мысль о неустойчивости сущности спорта в силу социально-культурных и экономико-общественных преобразований, и в то же время огромном его влиянии на сам социум, в последние десятилетие высказывали не только отечественные, но и зарубежные ученые, в частности, современный английский социолог П. Крейг [9, с. 216].

В этой связи отметим, что на современном этапе развития общества социальная институционализация спортивной индустрии происходит в условиях актуализации цифровых и маркетинговых технологий, в русле коренной модернизации политических и социально-экономических основ российского государства, в период обострения глобальной конкуренции и специфического, обусловленного новыми социальными трендами, спроса со стороны общества на услуги социально-культурного характера, в частности, на услуги спортивной индустрии.

По нашему мнению, наиболее явными и существенными факторами, влияющими на современный этап ин-

ституционализации спортивной индустрии, являются следующие.

- Бурная цифровая трансформация всех сфер общественной жизни. Данное явление приводит к значительной зависимости как представителей, так и потребителей спортивной индустрии от гаджетов и онлайн-пространств, когда большинство видов коммуникации становится более предпочтительным в формате онлайн или виртуальной реальности. Так в спортивной индустрии появляются новые цифровые продукты, взаимодействие по информационным и организационным вопросам все чаще осуществляется с применением цифровых технологий (например, чат-ботов), а лидерами мнений становятся не только и не столько реальные выдающиеся спортсмены, сколько лица, позиционирующие себя авторитетами в сфере спорта и имеющие популярность в социальных медиа.
- Активизация digital-маркетинга. Новым направлением digital-маркетинга становится интеграция цифровых технологий (социальные сети, мобильные приложения, онлайн сервисы). Эффективным и перспективным аналитическим инструментом является выявление «цифрового следа» и создание «цифрового портрета» потребителя спортивной индустрии с целью активизации его потребительского спроса через точечные, актуальные для него предложения.
- Усиление государственной политики в области спорта. Данный фактор находит отражение в активном строительстве спортивных объектов разной направленности и масштаба во всех субъектах Российской Федерации и популяризации массового спорта (например, возрождения комплекса ГТО как социально-значимой для каждого юноши и девушки «спортивной квалификации»).
- Социальные тренды: ЗОЖ, культура slow movement, кастомизация, спорт как развлечение. Данные тенденции способствуют развитию воркаута как наиболее доступного вида массового спорта для поддержания спортивной формы, а также различных телесных практик, направленных на сосредоточение на самом процессе практики (например, различные виды йоги). Тренд на кастомизацию проявляется в предложениях спортивной индустрии потребителю услуг по индивидуализации спортивных товаров и инвентаря (например, фитнес-оборудования, спортивной формы и обуви). Потребность значительной части общества в спорте как в развлечении отражается в многообразии объектов спортивной индустрии, которые зачастую нельзя назвать сугубо спортивными (например, скалодромы, батутные центры, картинги); а также в размещении на территории спортивных объектов оборудования и локаций для досуга, организации развлекательно-соревновательных мероприятий.

В заключение отметим: рассматривая спортивную индустрию как социальный институт, мы можем трактовать ее как современное воплощение спорта в материальном мире. В свою очередь, цифровая трансформация в спортивной индустрии, подкрепленная актуальными социальными трендами, дает основание полагать, что ключевое место в ней будет отведено роли и месту конечного потребителя товаров и услуг данной индустрии. Таким образом, формируется социально-ориентированный вектор развития спортивной индустрии.

Литература

1. Бурдые П. Социология социального пространства: пер. с фр. / Отв. ред. пер. Н.А. Шматко. – М.: Ин-

- ститут экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя. – 2007. – 288 с.
2. Бурдые П. Программа для социологии спорта. – Начала. Сборник текстов / Пер. с франц. Н.А. Шматко. М., Socio-Logos, 1994 // Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий. 18.05.2009. – URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/3045> (дата обращения: 10.10.2023).
 3. Веблен Т. Теория праздного класса / Пер. с англ. [Текст]. – М.: Прогресс, 1984. – 367 с.
 4. Восколович Н.А. Использование цифровых технологий для повышения активности потребителей услуг спортивных мероприятий // Интеллект. Инновации. Инвестиции. № 6. – 2022. – С. 10–18.
 5. Лукашук В.И. Становление и развитие современного спорта: между игрой и культурной индустрией. – *Nomothetika: Философия. Социология. Право.* – 47(4). – 2022. – С. 691–699.
 6. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. – М.: Начала, 1997. – 327 с.
 7. Чернышенко: более 67 млн человек регулярно занимаются спортом в России // ТАСС, 26.12.2022. – URL: <https://tass.ru/sport/16689667> (дата обращения: 30.09.2023).
 8. Щепанский Я. Элементарные понятия социологии / Общая ред. и посл. ак. А.М. Румянцева / Пер. с польского М.М. Гуренко. – М.: Прогресс, 1969. – 240 с.
 9. Craig P. 2016. *Sport Sociology.* – London, Sage, 382 pp.
 10. Veblen T. *The place of Science in Modern Civilization and Other Essays.* – N.Y., 1919.

SPORT AND THE SPORTS INDUSTRY AS A SOCIAL INSTITUTION

Kantorov N.Y.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article analyzes the formation of sports as a social institution, retrospectively studies various discourses and approaches, pay-

ing special attention to the theory of the «social field of sports» by P. Bourdieu. The author compares the concepts of sport and the sports industry, viewing them, on the one hand, as a whole and a component of this whole, and, on the other hand, as phenomena of one order, merged under the influence of sociocultural factors. The article considers four relevant factors that influence the process of institutionalization of sports industry.

Keywords: sport, sports industry, social institute, social field, institutionalization of sports, digitalization of sports industry, social trends.

References

1. Bourdieu P. *Sociology of Social Space.* / Holes. Ed. by N.A. Shmatko. – Moscow: Institute of Experimental Sociology; St. Petersburg: Aleteia. – 2007. – 288 p.
2. Bourdieu P. Program for the Sociology of Sport. –Start. Collection of texts. From French. N.A. Shmatko. Moscow, Socio-Logos Publ., 1994 // Electronic publication: Center for Humanitarian Technologies. 18.05.2009. – URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/3045> (accessed: 10.10.2023).
3. Veblen T. *Teoriya polozhnogo klassa [Theory of Leisure Class].* [Text]. – Moscow, Progress Publ., 1984. 367 p. (in Russian).
4. Voskolovich N.A. *Ispol'zovanie tsifrovoykh tekhnologii dlya povysheniya aktivnosti potrebnosti uslug sportivnykh someryatiya [Use of digital technologies to increase the activity of consumers of sports events].* *Innovation. Investment.* № 6. – 2022. P. 10–18.
5. Lukashchuk V.I. *Formation and Development of Modern Sport: Between the Game and the Cultural Industry.* – *Nomothetika: Philosophy. Sociology. Right.* – 47(4). – 2022. P. 691–699.
6. North D. *Institutions, Institutional Changes and the Functioning of the Economy.* Moscow, Nachala Publ., 1997. – 327 p. (in Russian)
7. Chernyshenko: more than 67 million people regularly go in for sports in Russia // TASS, 26.12.2022. – URL: <https://tass.ru/sport/16689667> (accessed: 30.09.2023)
8. Szczepański J. *Elementary Concepts of Sociology.* Ak. A.M. Romyantseva. from Polish by M.M. Gurenko. – Moscow, Progress Publ., 1969. – 240 p.
9. Craig P. 2016. *Sport Sociology.* – London, Sage, 382 pp.
10. Veblen T. *The place of Science in Modern Civilization and Other Essays.* – N. Y., 1919.

Повышение эффективности коммуникации собственников с управляющими компаниями

Кемайкин Николай Константинович,

канд. экон. наук, доцент кафедры «Экономики» Дзержинского филиала ФГБОУВО «РАНХиГС»,
E-mail: kemaikin.gms@yandex.ru

Жмыриков Александр Николаевич,

канд. псих. наук, доцент, ведущий научный сотрудник,
АНО «Научно-исследовательский институт социального управления»
E-mail: inmost@bk.ru

Пикалов Олег Анатольевич,

директор ООО «Мой дом»
E-mail: pikalov.oa@my-dom.pro

В данной статье авторы выделили коммуникативные стили собственников многоквартирных домов, принимающих участие в переговорах с управляющей компанией. В исследовании описано, как сотрудник управляющей компании может по внешним признакам определить тот или иной коммуникативный стиль собеседника. В работе даны рекомендации для сотрудника домоуправляющей компании о том, как повысить эффективность переговоров с собеседником, используя три канала: слух, зрение, осязание. Предложены конкретные убеждающие воздействия в зависимости от коммуникативного стиля собеседника, позволяющие повысить эффективность переговоров управляющей компании и собственников многоквартирных домов. Знания о способах повышения эффективности переговоров в сфере жилищно-коммунального хозяйства представляют теоретическую и практическую ценность в части повышения качества оказываемых услуг. Практическая значимость заключается в том, что полученные результаты исследования могут быть использованы управляющими компаниями для проведения общих собраний собственников многоквартирных домов или приемов граждан по вопросам жилищно-коммунального хозяйства.

Ключевые слова: домоуправляющая компания; жилищно-коммунальное хозяйство; коммуникативный стиль; коммуникация; общее собрание собственников; управляющая компания.

Введение

История человечества с самых первых дней и до настоящего времени связана с процессом общения. В ходе общения люди познают окружающий мир, решают задачи по удовлетворению всех жизненных потребностей, развивают собственные умения и навыки.

Принято различать бытовое и деловое общение. Бытовое общение, как правило, не связано с необходимостью решения какой-либо производственной задачи. Оно направлено на поддержание доверительных отношений в семье, кругу друзей, или на обмен информацией при ситуативных контактах. Примером последних является общение в транспорте с незнакомыми людьми.

Деловое общение, напротив, всегда имеет профессиональный интерес. В научной литературе и практической деятельности переговорщиков деловое общение получило название *коммуникация*, от латинского *communicatio* – сообщение, передача и от *communicare* – делать общим, связывать, сообщать, передавать.

В современном изложении под коммуникацией понимается процесс создания, преобразования и передачи информации между отдельными лицами, группами и общественными организациями, нацеленный на динамичное развитие, преобразование или изменение знаний, отношений и поведения, с тем, чтобы повлиять на субъекты и воздействовать на их систему ценностей и интересов.

Домоуправляющая компания (ДУК) регулярно вступает в коммуникации с собственниками многоквартирных домов (МКД). Часто происходит нарушение коммуникаций из-за противоположности интересов сторон и использовании универсальных методов коммуникации. Стороны переговоров расходятся, не достигнув целей. Повышение эффективности коммуникации представителей управляющей компании с собственниками МКД является актуальной задачей.

Цель исследования: выработать убеждающие воздействия на собственников жилья многоквартирных домов (МКД) для эффективного взаимодействия с управляющими компаниями.

Для поставленной цели исследования необходимо решить следующие задачи: описать возможные коммуникативные стили; описать характеристики для выделения того или иного коммуникативного стиля по внешним признакам; предложить возможные убеждающие воздействия в зависимости от коммуникативного стиля собственника МКД.

Предметом исследования является совокупность теоретических вопросов, связанных с описанием коммуникативных стилей и эффективных методов проведения переговоров.

Методической и теоретической основой данной научной работы являются отечественные и международные исследования, посвященные вопросам эффективных коммуникаций.

Научная новизна исследования заключается в том, что авторы, учитывая специфику сферы жилищно-коммунального хозяйства (ЖКХ), сформулировали предложения об убеждающих воздействиях на предста-

вителей разных стилей коммуникации среди собственников многоквартирных домов.

Методы исследования. Решение задач исследования выполнялось с использованием системного подхода, метода общелогического анализа, метода индукции.

Знания о способах повышения эффективности переговоров в сфере жилищно-коммунального хозяйства представляют теоретическую и практическую ценность в части повышения качества оказываемых услуг. Практическая значимость заключается в том, что полученные результаты исследования могут быть использованы управляющими компаниями для проведения общих собраний собственников или приемов граждан по вопросам ЖКХ.

Характеристика коммуникативных стилей

Под коммуникативным стилем понимают уникальный способ реализации в процессе переговоров целей и мотивов личности [1, 2, 3, 4, 5, 6, 7].

Конкретные особенности коммуникативного стиля объясняются доминирующими чертами содержательно-го и процессуального компонентов коммуникации [8, 9].

В рамках ранее проводимых исследований [10] были выделены четыре разных коммуникативных стиля собственников МКД:

- интегративный стиль, ориентированный на ситуацию, характеризуется объективным подходом к переговорному процессу; равноправием сторон при обсуждении проблемы; открытым обменом информацией между партнерами по общению; вариативностью решений; заинтересованностью в скором решении проблемы на взаимоприемлемых условиях;
- интегративный стиль, ориентированный на партнера, характеризуется доверием к партнеру; восприятием человека как ценности; взаимным стремлением к долгосрочности отношений;
- дистрибутивный стиль, ориентированный на партнера, характеризуется недоверием к партнеру; сиюминутностью принятых решений; доминированием одной из сторон; восприятием человека в виде средства для решения собственных проблем;
- дистрибутивный стиль, ориентированный на ситуацию, характеризуется сокрытием информации; отсутствием альтернатив; заинтересованностью субъекта не в рациональном решении проблемы, а в приспособлении внешнего окружения как условия для оптимальной адаптации.

Определение коммуникативного стиля собеседника по внешним признакам

В реальной практике сотрудник ДУКа для определения коммуникативного стиля собственника жилья, выступающего партнером по деловому общению, не может использовать методику тестирования или проведение социологического опроса собственников МКД. Поэтому он должен знать внешние признаки [11, 12, 13, 14, 15, 16, 17], позволяющие предположить наличие у собеседника одного из четырех коммуникативных стилей.

Внешние признаки интегративного стиля, ориентированного на ситуацию:

- внешний вид. Эти люди, как правило, используют в одежде сочетание вещей разных стилей и разных цветов. Но при этом такая эклектика не отталкивает взор. У мужчин яркими деталями одежды являются шнурки, носки, запонки. Бросается в глаза свободный стиль вместо делового (без галстука, шейные

платки, клубные пиджаки). Всегда вычищенная обувь. Браслеты к часам, или вместо часов. Большое внимание к прическе. Рваные джинсы. У женщин яркие, броские украшения. Яркие цвета одежды. Ароматы. Макияж и маникюр.

- приветствие. Такой человек всегда приветствует первым. Как правило, он встречает широкой улыбкой. Начинает с фразы: «Как дела, как сам?». После чего, не выслушав до конца ответ собеседника, говорит о себе (как получил информацию о встрече, чем занимался за час до встречи и т.п.). Быстро переходит на «ты», создавая у собеседника ощущение давнего знакомства.
- взгляд, мимика, жесты. Мимика и жестикуляция выразительные, активные, почти театральные. Взор часто меняет направление. Но такой «бегающий» взгляд говорит не о том, что человек чего-то боится, а о том, что он старается удерживать максимальную полноту информации (и о вас, и об обстановке вокруг).
- переговоры. Начинает фразы с местоимения «Я». Постоянно говорит и Вы думаете, как его перебить, чтобы вставить свою фразу. При этом, он не пытается ставить себе в заслугу предложения, которые озвучивает. Напротив, он говорит о том, что доволен работой ДУКа, но было бы еще лучше, если бы ... В ходе переговоров он называет кучу разных имен, причем создается впечатление, что он близкий друг этих известных личностей, хотя, на самом деле он не имеет к ним никакого отношения.

Внешние признаки интегративного стиля, ориентированного на партнера:

- внешний вид. Эти люди всегда консервативны в одежде. Часто бывает, что они носят одежду многие годы, невзирая на изменение моды. Для них главное, чтобы было удобно. Любят мягкие ткани и пастельные тона. Если у них есть свобода выбора, то они выбирают простой стиль (не джинсы, а вельвет; не пиджак, а джемпер; не строгая костюмная рубашка, а фланелевая в клеточку). И все это натуральных цветов (зеленоватое; голубоватое; желтоватое). У мужчин часто: вельветовые брюки; мягкий джемпер сливочного цвета и белая футболка под ним; мягкая фланелевая рубашка в клетку; классические ботинки, ставшие мягкими от долгой носки; могут встречаться религиозные атрибуты. У женщин: длинные юбки в пол, или ниже колена; мягкие джемперы пастельных тонов; воздушные блузки пастельных тонов; платье в стиле 50–60 годов; шейные платочки; мало украшений; украшения, как правило, из природных материалов (бусы из дерева, янтарь).
- приветствие. С незнакомцами чувствуют себя скованно. Первыми никогда не протягивают руку. Протянутую Вами руку встречают двумя руками, говоря: «Очень рад познакомиться».
- взгляд, мимика, жесты. С удовольствием смотрят Вам прямо в глаза с полуулыбкой на губах. Кисти рук неспешно обволакивают Вас, как будто поглаживают. Жестов немного. В основном кивки головой.
- переговоры. Разговаривая с Вами присаживаются на краешек стула, напротив Вас. Как правило, что-то теребят руками (ручку, платочек или кончик носа). Спину держит прямо. Преданно смотрит Вам в глаза. Будет молчать, пока Вы не спросите. Любит задавать много уточняющих вопросов, однако волнуясь, сбивается, путается и замолкает.

Внешние признаки дистрибутивного стиля, ориентированного на ситуацию:

Убеждающее воздействие на представителей разных коммуникативных стилей

Для убеждения собеседника можно использовать, как известно, пять каналов коммуникации: зрение; слух; обоняние; осязание; вкус [18, 19, 20]. Но это в теории.

- внешний вид. Люди такого коммуникативного стиля предпочитают максимальную классику в одежде: неброские цвета, качественные ткани. Любимые цвета одежды: коричневый, серый, черный. Реже синий или хаки. Любимые ткани: немнущиеся, ноские. У мужчин: простая рубашка; классический пиджак; однотонный галстук; классические синие джинсы с темной водолазкой. У женщин: классические брюки/юбки. Нет броских деталей, цветов и ароматов. Украшения минимальны.
- приветствие. Руку не протягивают. Ограничиваются устным приветствием («Здравствуйте», или «добрый день»).
- взгляд, мимика, жесты. Глаза направлены в пол, стол либо вам в висок. Мимики и жестов очень мало. Жесты – скрещенные руки на груди; нога на ногу. Поза может не меняться в течении всей беседы. Могут закатить глаза или презрительно цокнуть языком.
- переговоры. Отвечает строго на поставленные Вами вопросы. Фразы очень лаконичны. Старается убедиться в том, нет ли где ошибки, поэтому задает уточняющие вопросы: «Зачем?», «Почему?», «А что будет, если...».

Внешние признаки дистрибутивного стиля, ориентированного на партнера:

- внешний вид. Представители этого коммуникативного стиля являются яркими сторонниками классических решений в одежде. У мужчин: черный костюм, черные ботинки, белая рубашка без галстука. Или классические синие джинсы, классический ремень к джинсам, клубный пиджак и белая рубашка. У лиц молодого возраста – черная футболка, черные джинсы и мотоциклетные грубые ботинки. У женщин: брючный костюм, или черные брюки и белая строгая рубашка с поднятым воротником. Ботинки в мужском стиле. Лаконичные статусные украшения.
- приветствие. Субъект с данным коммуникативным стилем всегда является инициатором приветствия. Первым протягивает руку для приветствия и крепко пожимает руку партнера по общению. Всегда накрывает своей ладонью сверху ладонь партнера по общению. Говорит при приветствии мало. Классические фразы: «Добрый день», «Привет», «Как сам?».
- взгляд, мимика, жесты. Смотрит, не мигая, прямо в глаза партнера по общению. Мимика лаконичная. Морщинка на лбу, да приподнятый подбородок. Улыбок мало, и они краткие (только в момент удачной шутки). Поэтому про таких людей говорят: «холодный», «суровый». Жесты рубленые, ребром ладони. Часто встречается жест указательным пальцем, обращенным в Вашу сторону.
- переговоры. Всегда занимает уверенную позу. Начинается это с самого начала: садится на стул или в кресло полностью, а не с краюшку, откидываясь на спинку стула (кресла). Разговор начинается первым. Не стесняется задавать неудобные вопросы. Начинает разговор от прошлого: «Раньше было плохо. После того, как я сам обратил пристальное внимание на работу ДУКа, дела стали налаживаться. Но до совершенства пока далеко».

На практике же обычные граждане, не «озабоченные» грузом тонких психотерапевтических умений и навыков, используют три канала: слух, зрение, осязание (именно в такой последовательности). Эффективность убеждающего воздействия в этом случае будет напрямую соотноситься со степенью соответствия приема воздействия (на слух, зрение, осязание партнера по общению) коммуникативному стилю личности партнера по общению.

Убеждающее воздействие на субъект с интегративным коммуникативным стилем, ориентированным на ситуацию.

Наиболее эффективным и одновременно самым простым приемом слухового убеждения является прием «поглаживания Авторского Я».

Этот прием заключается в том, что сотрудник ДУКа, беседуя с собственником жилья, строит все фразы с подчеркиванием местоимения «Я».

Успех такого слухового воздействия обусловлен тем, что человек с интегративным коммуникативным стилем, ориентированным на ситуацию, отличается не только самостоятельностью и инициативностью поведения, но и убежденностью в том, что он самостоятельная и творческая личность. Такая убежденность на бессознательном уровне его психики фиксируется личным местоимением первого лица в именительном падеже – «Я».

Посредством «Я» человек заявляет и выражает себя, утверждает свою самоидентичность. Местоимение «я» выражает собственное лицо говорящего в позиции автора, субъекта.

Поскольку на уровне бессознательного партнер по общению воспринимается всегда только либо как ДРУГ, либо как ВРАГ, а ДРУГОМ считается человек с таким же местоименным фактором, то для убеждения собственника жилья, сотрудник ДУКа должен строить фразы от первого лица.

Например, «Я понимаю, что повышение стоимости оплаты коммунальных услуг вызывает недовольство граждан. Но я знаю, что еще большее недовольство может вызвать снижение качества услуг. А ведь сохранение, а еще лучше повышение качества, сегодня требует больших затрат на приобретение необходимых материалов, цены на которые повысились».

Зрительное убеждающее воздействие на человека с интегративным коммуникативным стилем, ориентированным на ситуацию, легче всего реализуется посредством приема «отзеркаливания» ключевого проявления мимики или жестов партнера по общению.

Ключевым мимическим выражением является движение зра. Оно состоит из трёх элементов. Вначале приветствуя партнера по общению вместе со словами приветствия надо слегка наклонить голову (кивнуть) и опустить взор вниз-влево. Затем поднять голову и скользнуть взглядом по лицу партнера. Наконец, перевести взгляд вправо-вверх. В ходе дальнейшей беседы такие же движения зра (вниз-влево – прямо – вправо-вверх) повторять в момент выслушивания фраз партнера.

Ключевым жестом является движение кисти правой руки от себя к партнеру. При этом кисть плавно поворачивается, принимая положение «ладонь кверху». Такой жест осуществляется при окончании Вашей фразы.

Осязательное воздействие при общении с человеком, имеющим интегративный коммуникативный стиль, ориентированный на ситуацию, чаще всего не используется (для убеждения достаточно слухового и зрительного воздействия). Но, иногда, для закрепления убеждающего эффекта используют осязательный приём «похлопывания». Он заключается в том, что при прощании

Вы похлопываете партнера ладонью правой руки по его левому плечу.

Убеждающее воздействие на субъект с интегративным коммуникативным стилем, ориентированным на партнера.

Человек с таким стилем ориентирован на взаимодействие и демонстрирует готовность к уступкам ради сохранения доверительности общения. Психологи говорят, что такой человек находится под управляющим воздействием собственного Вторящего Я.

«Вторящим Я» психологи называют стремление личности принадлежать Другому, подражать и уподобляться ему. Бессознательный отдел психики фиксирует это специальным местоименным маркером, которым являются косвенные падежи личного местоимения первого лица. Это местоимения: «мне», «меня», «мной», «обо мне». Они фиксируют отношения принадлежности и выражают нетождественность лица себе.

Учитывая глубинную силу управляющего воздействия таких местоимений на поведение партнера по общению, сотрудник ДУКа может успешно применять прием слухового воздействия, именуемый «подарок мне».

Суть этого приема проста. Сотрудник ДУКа в ходе беседы с собственником жилья высказывает хвалебные фразы в адрес тех или иных суждений партнера по общению, используя местоимения Вторящего Я. Например: «мне близка Ваша позиция по данному вопросу»; «меня радует, что Вы рассматриваете это предложение во всех деталях»; «обо мне можно услышать разное, но меня радует, что Вы руководствуетесь не слухами, а личным впечатлением».

Зрительное убеждающее воздействие на человека с интегративным коммуникативным стилем, ориентированным на партнера, легче всего реализуется посредством приема «кивок удержания».

Техника этого приема проста. Слушая высказывания партнера по общению, Вы делаете небольшие кивки головой, не изменяя при этом положение взора. Взор направлен в переносицу партнера по общению.

Субъекты с интегративным коммуникативным стилем, ориентированным на партнера, являются единственными представителями сообщества делового общения, для которых воздействие на вкусовой канал важнее воздействия на канал осязания.

Убеждать таких людей посредством воздействия на вкусовой канал можно по-разному. От прямого воздействия на вкусовые рецепторы посредством угощения, до опосредованного речевыми фразами на приятные вкусовые образы. В практике общения сотрудника ДУКа с собственниками жилья удобнее использовать опосредованные приемы воздействия. Наиболее эффективным из них, на наш взгляд, является приём «эскимо».

Техника приёма «эскимо» заключается в чередовании фраз, вызывающих то горячие и горькие, то сладкие и прохладные вкусовые ощущения партнера по общению. Например, Вы говорите: «Когда мы встречаем картину неубранного подъезда, то слова застревают в горле. Горький привкус чего-то непотребного ощущается во рту. Так и хочется плюнуть. Но когда на следующий день мы входим в тот же убранный и вычищенный подъезд, нас удивляет приятная прохлада вкуса, любимого мороженого. Так и хочется остановиться, и воскликнуть: продайте мне еще одну порцию этой сладкой свежести!».

Убеждающее воздействие на субъект с дистрибутивным стилем, ориентированным на партнера.

При описании такого стиля мы указывали, что субъект часто испытывает потребность в общении, но не для того, чтобы самому улучшить ситуацию, а для того, что-

бы заставить партнера создать комфорт для себя любимого. Подобная направленность поведения бессознательно управляется так называемым Воплощенным Я психики человека.

Воплощенное Я указывает на Другого, на обладателем Другим. В речи оно проявляется личными местоименными прилагательными: «мой», «моя», «моё». Они выражают не собственное лицо, как личные местоимения «я» и «меня», «мне», «мной», «обо мне», а выражают другое лицо.

Поэтому наиболее эффективными слуховыми приемами убеждения являются те приемы, которые используют местоименные прилагательные во фразах, сопряженных с описанием поведения партнеров по общению.

Одним из таких приемов, часто используемых в практике делового общения, является прием «триумф, построенный на неопределенности». Прием основан на том, что Вы высказываете все, что Вам нужно, размыв спорные места. И партнер по общению бессознательно перенесет Ваши слова на себя, а, значит, согласится со сказанным и станет действовать соответственно.

Например: «Многие люди понимают мои предложения правильно»; «В последнее время моё приглашение принять участие в обсуждении положений нового Договора с ДУКом чаще вызывает согласие», «Моё мнение о том, что всем людям свойственно как помнить, так и забывать, подтверждается».

Зрительное убеждающее воздействие на человека с дистрибутивным стилем, ориентированным на партнера, проще всего достигается посредством жеста «указующий перст».

Сущность этого жеста в том, что, отвечая на высказывание партнера по общению, Вы подчеркиваете словами устраивающую Вас часть высказанной им фразы и одновременно с высказыванием делаете колебательное движение указательным пальцем, направленным на партнера, движение «вверх-вниз».

Например, партнер сказал, что он, конечно, хотел бы видеть более высокое качество предоставленных коммунальных услуг, но пока не готов на повышение платы за их предоставление. Вы, выслушав его, говорите: «Моё сознание полностью приветствует Ваше желание получить коммунальные услуги более высокого качества. Да и моё знание позиции руководства Дука также свидетельствует в Вашу пользу. Более того, было бы правильно спуститься вниз по лестнице цены предоставления таких услуг. Но цена обусловлена стоимостью затрат на материалы, а она выросла по сравнению с прошлым годом. Вы трезво мыслите и мои предложения связаны с надеждой на Ваше понимание ситуации». В ходе высказывания этих предложений Вы демонстрируете указующий перст после слов «моё» и «ваше».

Осязательное воздействие при общении с человеком, имеющим дистрибутивный стиль, ориентированный на партнера, реализуется вначале и в конце встречи. Ваш партнер подаёт первым Вам руку для рукопожатия (приветствия в начале встречи и прощания в конце встречи). При этом, он, как было описано выше, накрывает ладонью своей второй руки Вашу ладонь. Вы пожимаете его ладонь своей ладонью, а ладонью второй руки похлопываете его руку, накрывшую Вашу ладонь. При этом Вы опускаете взор вниз.

Убеждающее воздействие на субъект с дистрибутивным стилем, ориентированным на ситуацию.

Как было уже сказано при описании данного стиля общения, представители этой группы лиц чаще всего движимы противоречивыми чувствами. С одной стороны, они желают улучшить свой быт, с другой – не стара-

ются прилагать для этого собственные усилия. На уровне бессознательного отдела психики такие люди движимы так называемым Превращенным Я.

Превращенное Я обозначает самоотстранение, переход в Другого, принятие его таким, как он есть безотносительно к себе. Местоименными маркерами Превращенного Я (или наиболее близкими ему) могут быть личные местоимения в третьем лице («он», «она», «оно», «они»).

Учитывая это, слуховое убеждающее воздействие на таких людей строится на основе приема «отраженное Я».

Строится фраза, указывающая на кого-то в роли объекта высказывания, помещенного в контекст позитивной модальности (терпимости; принятия). Например, говоря о собственниках жилья уже высказавших свое мнение по новому договору, сотрудник ДУКа заявляет партнеру по общению: «Они четко осознали нюансы сегодняшней ситуации и, если раньше кружились на свободе мечтаний, то сегодня шагают в ногу со временем».

Зрительное убеждающее воздействие на человека с *дистрибутивным стилем, ориентированным на ситуацию*, осуществляется посредством формирующего жеста «активности».

Чаще всего способ внешнего выражения этого жеста заключается в похлопывании одной ладони о другую. Локти обеих рук опираются о твердую поверхность (например, о стол). Руки приподняты вверх. Нижние части ладоней рук упираются друг в друга. Переодически верхние части ладоней (пальцы) разводятся в стороны, чтобы затем вернуться назад и похлопать друг о друга. При этом взор фиксирован на пространстве комнаты левее лица партнера по общению. Этот жест повторяется в процессе общения вне зависимости от того, кто из вас произносит фразу.

Не надо только путать этот жест с аплодисментами (там похлопывание средней части ладоней друг о друга и жест проводится только после слов партнера).

Осязательное воздействие при общении с человеком, имеющим *дистрибутивный стиль, ориентированный на ситуацию*, не эффективно, поскольку такие люди предпочитают держать дистанцию.

Выводы

Можно выделить четыре коммуникативных стиля собственников МКД: интегративный стиль, ориентированный на ситуацию; интегративный стиль, ориентированный на партнера; дистрибутивный стиль, ориентированный на партнера; дистрибутивный стиль, ориентированный на ситуацию.

На практике работник управляющей компании для определения того или иного коммуникативного стиля может оценить внешние признаки собеседника. К таким внешним признакам относятся: внешний вид; приветствие; взгляд; мимика; жесты; манера общения. Анализ внешних признаков позволяет предположить наличие у собеседника одного из четырех коммуникативных стилей.

Для повышения эффективности переговоров с собственниками многоквартирных домов необходимо задействовать три канала: слух, зрение, осязание. Эффективность убеждающего воздействия в этом случае будет напрямую соотноситься со степенью соответствия приема воздействия коммуникативному стилю личности партнера по общению.

Использование предложенных убеждающих воздействий в зависимости от коммуникативного стиля собеседника позволят повысить эффективность переговоров

управляющей компании и собственников многоквартирных домов.

Литература

1. Асмолов А.Г., Солдатова Г.У., Нестик Т.А., Терехова Е.С., Евдокименко А.С. Психология переговоров // Инновационные образовательные программы по психологии / Под ред. Ю.П. Зинченко, И.А. Володарской. – М.: Изд-во Московского университета, 2007. с. 12–23.
2. Бэгьюли Ф. Переговоры. Мастер-класс – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2005–224 с.
3. Лебедева М.М. Технология ведения переговоров: Учеб. пособие для студентов вузов / М.М. Лебедева. – М.: Аспект Пресс, 2010. –192 с.
4. Мастенбрук В. Переговоры. – Калуга: Калужский Институт социологии, 1993. – 175 с.
5. Мокшанцев Р.И. Психология переговоров. Учеб. пособие. –М.: ИНФРА-М; Новосибирск: Сибирское соглашение, 2002. – 352 с.
6. Спенгл М.Л., Айзенхарт М.У. Переговоры. Решение проблем в разном контексте. – Гуманитарный Центр, 2009. – 592 с.
7. Фишер Р., Юри У. Путь к согласию, или переговоры без поражения / Пер. с англ. А. Гореловой; Предисл. В.А. Кременюка. – М.: Наука, 1992. –158с.
8. Латынов В.В. Стили речевого коммуникативного поведения: структура и детерминанты // Психологический журнал. – 1995. – № 6. – с. 90–100.
9. Почепцов Г.Г. Теория коммуникации. М.: Рефл-бук, 2001. – 651 с.
10. Пикалов О.А., Кемайкин Н.К., Жмыриков А.Н. Комплексная методика определения коммуникативных стилей личности // Свидетельство № 843 о принятии на учет и депонировании объекта авторских прав. – Нижний Новгород: АНО «Центр экспертиз ТПП НО», 2023.
11. Базаров Т.Ю. К вопросу об идентификации неискренности на деловых переговорах // Управление корпоративной культурой. – 2014. – № 2(22). – с. 136–145.
12. Барабанщиков В.А. Динамика взора человека в процессе восприятия выражений лица – Лицо человека в науке, искусстве и практике / Отв. ред.К.И. Ананьева, В.А. Барабанщиков, А.А. Демидов. – М.: Когито-Центр, 2014. – с. 331–370.
13. Барабанщиков В.А. Экспрессии лица и их восприятие. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. – 341 с.
14. Богданов Е. Н., Зазыкин В.Г. Психология личности в конфликте: Учебное пособие. 2-е изд. – СПб.: Питер, 2004. – 244 с.
15. Бодалев А.А Психология общения – М.: Издательство «Институт практической психологии», 1996–256 с.
16. Болотова А.К., Жуков Ю.М., Петровская Л.А. Социальные коммуникации. Психология общения. Учебник и практикум: 2-е изд., пер. и доп – М.: Юрайт, 2020–272 с.
17. Бороздина Г.В. Психология делового общения: Учебное пособие. – М.: ИНФРА-М, 2006. – 224 с.
18. Аргентова Т.Е. Стиль общения как фактор эффективности совместной деятельности // Психол. журн. – 1984. – № 6. – с. 130–133.
19. Кеннеди Г. Договориться можно обо всем! Как добиваться максимума в любых переговорах – М.: Альпина Паблишер, 2018–410 с.

20. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Пер. с нем. под ред. Д.В. Скляднева, послесл. Б.В. Маркова. – М.: Наука, 2000. – 380 с.

IMPROVING THE EFFECTIVENESS OF COMMUNICATION BETWEEN OWNERS AND MANAGEMENT COMPANIES

Kemaykin N.K., Zhmyrikov A.N., Pikalov O.A.

Dzerzhinsk branch of RANEPА, ANO "Research Institute of Social Management", LLC "My House"

In this article, the authors have identified the communicative styles of apartment building owners who participate in negotiations with the management company. The study describes how an employee of a management company can determine one or another communicative style of the interlocutor by external signs. The paper provides recommendations for an employee of a house management company on how to improve the effectiveness of negotiations with an interlocutor using three channels: hearing, sight, touch. Specific persuasive effects are proposed, depending on the communicative style of the interlocutor, which make it possible to increase the effectiveness of negotiations between the management company and the owners of apartment buildings. Knowledge about ways to improve the efficiency of negotiations in the field of housing and communal services is of theoretical and practical value in terms of improving the quality of services provided. The practical significance lies in the fact that the obtained research results can be used by management companies to hold general meetings of owners of apartment buildings or receptions of citizens on housing and communal services.

Keywords: communication; communicative style; general meeting of owners; housing and communal services; house management company; management company.

References

1. Asmolov A.G., Soldatova G.W., Nestic T.A. It's Terehova.S. Evdokimenko A.S. Psychology negotiation // innovative educational programs in psychology / ed. Yu.P. Zinchenko, I.A. Volodarsky. – M. Moscow University Press, 2007. S. 12–23.
2. Bengjuli F. I'm talking to you. Masterclasses-M.: FIR-Press, 2005–224 P.
3. Lebedeva M.M. Technology vedenia peregovov: Ucheb. home / m M. Lebedeva. – M.: Aspect Press, 2010. –192 PP.
4. Mastenbroek V. I'm talking to you. – Kaluga: Kaluga Institute of sociology, 1993. – 175 PP.

5. Mokshantsev R. And. Psychology of peregrinations. Ucheb. equipment. – M.: Infra-m; Novosibirsk: Sibirskoye soglashenie, 2002. – 352 pp.
6. Spengl M.L., Eisenhower M.W. I'm talking to you. Solving a problem in different contexts. – Gumanitarn Urga Center, 2009. – 592 PP.
7. Fischer R. Yuri U. Put to soglassiu, or speak to no harm / per. with English. A. Gorelovo; Preissl. V.A. Kremenyukka. – M. Science, 1992. – 158C.
8. Lat.V. Styli speech communicative behaviors: structure and determinant. // psychological Journal. – 1995. – № 6. – с. 90–100.
9. Pracheptsov G.G. Theory of communication. M. Refl-book, 2001. – 651 PP.
10. Pikalov O.A., Kemaykin N.K., Zhm Asbrikov A.N. Complex methodology definitions communicative style personalities // testimonials apostille 843 about contributions to the study and depositions of the author's right. – Nizhny Novgorod: ANO "centr extravexpertis TCI no", 2023.
11. Bazarov T. Yu. K inoprosu identifications of insincerity of business Urgench // corporate kulturoi Management. – 2014. – № 2(22). – S. 136–145.
12. Barabshchikov V.A. Dynamics of the human being in the process of the enterprises in the Apostille Faces-Faces of the human being in science, practice and practice / OT. red.K.And. Ananyeva, V.A. Barabshchikov, A.A. Demidov. – M.: Kogito-Center, 2014. – S. 331–370.
13. Barabshchikov V.A. Asbexpress faces and ixpresence. M."Institute of psychology", 2012. – 341 PP.
14. It's Bogdanov. N., Zanzimkin V.G. Psychology personalities in conflict: a textbook. 2nd ed. – SPB. Peter, 2004. – 244 PP.
15. Bodalev A.A psychology of communication-M.: Publishing house "Institute of practical psychology", 1996–256 pp.
16. Bolotova A.K. Zhukov Yu.M., Petrovskaya L.A. Social services. Psychology of communication. Textbook and practicum: 2nd ed. per. and DOP-M.: Jurit, 2020–272 pp.
17. Borozdina G.V. Psychology business communication: a teaching tool. – M. INFRA-M, 2006. – 224 pp.
18. Argentova T. Well. Style of communication how factoring asbandfunctions with local activities // Psychol. journ. – 1984. – № 6. – S. 130–133.
19. Kenedy G. The contracts can be arranged! How do you get the maximum in love.: Alpina Publishing, 2018–410 P.
20. Habermas Yu. Moral knowledge and communicative action / PR. with NEM. in order. D.V. Skladneva, afterword. B.V. Markova. – M. Science, 2000. – 380 pp.

Роль специалистов социальной работы в здравоохранении

Кокорева Марина Евгеньевна,

к.с.н., доцент кафедры социальной работы ИКПСР ФГАОУ ВО
Российский национальный исследовательский медицинский
университет имени Н.И. Пирогова
E-mail: malinka7171@mail.ru

Юдина Олеся Игоревна,

магистрант кафедры социальной работы ИКПСР ФГАОУ ВО
Российский национальный исследовательский медицинский
университет имени Н.И. Пирогова
E-mail: les_kap@mail.ru

Статья посвящена анализу роли социальных работников в здравоохранении и их вкладу в улучшение качества медицинской помощи и социальной поддержки пациентов. Цель исследования заключается в раскрытии ключевых аспектов деятельности социальных работников в этой области. В ходе исследования проведен теоретический обзор основных понятий и теоретических аспектов, связанных с ролью социальных работников в здравоохранении. Рассмотрены задачи и функции, выполняемые этими специалистами, и их влияние на решение медицинских и социальных проблем пациентов. Исследовано взаимодействие социальных работников с другими специалистами в системе здравоохранения. В заключении подчеркнута значимость роли социальных работников в современной медицине и выделены перспективы развития данного направления.

Ключевые слова: специалист по социальной работе, здравоохранение, медицинская помощь, социальная поддержка, пациенты, взаимодействие.

Социальная работа в области здравоохранения представляет собой сферу деятельности, имеющую огромное значение в современном обществе. Специалисты по социальной работе, работая в медицинских учреждениях и клиниках, играют ключевую роль в обеспечении качественной медицинской помощи и социальной поддержки пациентам.

Актуальность данной темы заключается в том, что современная медицина сталкивается с разнообразными вызовами, включая демографические изменения, эпидемии, психосоциальные проблемы и многие другие факторы, которые требуют комплексного подхода к оказанию помощи пациентам. В этом контексте роль специалистов по социальной работе в здравоохранении становится более существенной, поскольку они способствуют улучшению качества жизни и общественного здоровья.

Цель данного исследования состоит в анализе основных аспектов деятельности специалистов по социальной работе в контексте здравоохранения. Для ее достижения были выделены следующие задачи: во-первых, провести теоретический обзор ключевых аспектов роли социальных работников в системе здравоохранения; во-вторых, рассмотреть разнообразные задачи и функции, выполняемые социальными работниками в данной области; в-третьих, проанализировать влияние социальных работников на решение медицинских и социальных проблем, с которыми сталкиваются пациенты; в-четвертых, исследовать сотрудничество специалистов по социальной работе с другими специалистами в рамках системы здравоохранения; и, наконец, сформулировать выводы о значимости роли социальных работников в сфере здравоохранения и определить перспективы развития данного направления.

Это исследование способствует более глубокому пониманию важности и эффективности деятельности специалистов по социальной работе в медицинской сфере и предоставит рекомендации для дальнейшего развития данной области.

Роль специалистов по социальной работе в здравоохранении имеет глубокие корни и основывается на работе выдающихся ученых и практиков. Для полного понимания этой роли важно рассмотреть основные понятия и теоретические аспекты, связанные с их функциями и задачами.

Одним из ключевых понятий в социальной работе в здравоохранении является «медико-социальная помощь», это комплексная деятельность, направленная на сочетание медицинских и социальных аспектов в оказании помощи пациентам [4, с. 65]. Согласно исследованиям российских ученых, таких как профессор Е.В. Волкова [3], специализирующаяся в области психологии и педагогики, и доктор медицинских наук А.С. Белоцерковский [1], медико-социальная помощь способствует снижению заболеваемости, улучшению качества жизни пациентов и оптимизации затрат в здравоохранении.

Другой важной концепцией в данной области является интегрированный подход. Он предполагает тесное взаимодействие социальных работников с другими специалистами, включая врачей, психологов и медсестер, для обеспечения полноценной медико-социальной поддержки. Профессор С.И. Бережная [2], доктор биологических наук и академик Российской академии есте-

ственных наук (РАЕН), специализируется в области биологии и медицины, и ее работы подчеркивают важность совместной работы специалистов для достижения наилучших результатов в лечении и реабилитации пациентов.

Таким образом, теоретический обзор понятий и подходов, представленных учеными и практиками в России, позволяет лучше понять важность и эффективность роли специалистов по социальной работе в медицинской сфере. Это обеспечивает основу для дальнейшего анализа исследования и формулирования рекомендаций для развития данного направления в здравоохранении.

Специалисты по социальной работе в сфере здравоохранения выполняют множество задач и функций, которые играют важную роль в обеспечении максимального уровня медицинской помощи и социальной защиты пациентов. Подробное описание этих задач и функций позволит более глубоко понять важность и вклад социальных работников в данной области [6, с. 23].

Одной из ключевых задач специалистов по социальной работе является организация медико-социальной помощи и ухода за больными. Это включает в себя оказание поддержки и помощи пациентам в различных аспектах их жизни, связанных с заболеванием или травмой. В этом контексте социальные работники проводят индивидуальное консультирование, оказывают психологическую поддержку и помогают пациентам адаптироваться к новым условиям жизни.

Еще одной важной функцией специалистов по социальной работе является предоставление медико-социальной помощи семье. Они оценивают семейную ситуацию, идентифицируют потребности и риски, связанные с заболеванием или инвалидностью члена семьи, и предоставляют рекомендации и поддержку для семейного благополучия.

Медико-социальный патронаж различных групп населения также входит в задачи специалистов по социальной работе. Они оказывают помощь и поддержку различным категориям пациентов, включая детей, пожилых, инвалидов и другие уязвимые группы. Это позволяет обеспечить равные возможности для всех пациентов в получении качественной медицинской помощи.

Организация паллиативной помощи также входит в сферу деятельности специалистов по социальной работе в здравоохранении. Они оказывают поддержку пациентам, страдающим от неизлечимых заболеваний, и их семьям, помогая им достойно справляться с последними этапами болезни и улучшая качество жизни на этом этапе [2, с. 53].

Предупреждение рецидивов основного заболевания, выхода на инвалидность и смертности представляет собой одну из важнейших функций специалистов по социальной работе. Они разрабатывают планы реабилитации и реинтеграции, помогая пациентам вернуться к нормальной жизни после лечения.

Специалисты по социальной работе также занимаются санитарно-гигиеническим просвещением, информируя пациентов о правилах здорового образа жизни и профилактике заболеваний.

Таким образом, специалисты по социальной работе в здравоохранении выполняют разнообразные задачи и функции, направленные на улучшение качества медицинской помощи и социальной защиты пациентов. Они играют важную роль в содействии восстановлению здоровья и социальной адаптации пациентов, обеспечивая целостный и эффективный подход в сфере здравоохранения.

Специалисты по социальной работе в здравоохранении играют ключевую роль в решении медицинских

и социальных проблем, оказывая значительное влияние на улучшение качества жизни пациентов и эффективность медицинской помощи [2, с. 81].

Одной из основных задач специалистов по социальной работе является предоставление медико-социальной помощи семьям, находящимся в трудных жизненных ситуациях. Важной функцией в этом контексте является оценка потребностей семей и разработка индивидуальных планов поддержки. Реализация этих задач позволяет снижать социальную и медицинскую уязвимость семей, особенно в случаях, когда среди членов семьи есть дети или люди с ограниченными возможностями. Например, путем предоставления семейным советам и материальной поддержки, социальные работники способствуют созданию условий для нормального физического и психологического развития детей из уязвимых семей [1, с. 42].

Организация медико-социального патронажа для различных групп населения также оказывает положительное воздействие на решение медицинских и социальных проблем. Специалисты по социальной работе работают с инвалидами, пожилыми людьми и другими уязвимыми группами, обеспечивая им не только медицинскую помощь, но и социальную поддержку в повседневной жизни. Например, они могут помогать с координацией медицинских услуг, обеспечением доступа к реабилитации и физической реабилитации. Отслеживание состояния и потребностей таких пациентов в течение времени позволяет снижать риски осложнений и улучшать их общее качество жизни.

Важной составляющей роли специалистов по социальной работе является предупреждение рецидивов основных заболеваний и выхода на инвалидность. Они проводят образовательную работу с пациентами, объясняя им необходимость соблюдения медицинских рекомендаций и заботы о здоровье. Профессиональные социальные работники обучают пациентов навыкам самоуправления и психологической адаптации, что помогает им более эффективно управлять своими заболеваниями и возвращаться к нормальной жизни [5, с. 37].

Примером успешной практики может служить программа медико-социального патронажа для детей с ограниченными возможностями. В рамках этой программы профессиональные социальные работники оказывают поддержку детям с инвалидностью и их семьям, помогая им получить доступ к ресурсам и услугам, необходимым для полноценного развития и интеграции в общество. Благодаря такой поддержке, дети получают широкий спектр медицинских и социальных услуг, что способствует улучшению их жизни и перспектив на будущее.

Таким образом, профессиональные социальные работники в здравоохранении имеют значительное влияние на решение медицинских и социальных проблем, предоставляя поддержку и помощь пациентам и семьям. Реальные примеры успешных практик демонстрируют, как их деятельность способствует улучшению качества жизни и достижению лучших результатов в сфере здравоохранения.

Сотрудничество специалистов по социальной работе с медицинскими и другими профессионалами в системе здравоохранения является фундаментальным элементом обеспечения комплексной медико-социальной поддержки пациентов. Это взаимодействие способствует достижению наилучших результатов для пациентов и обеспечивает более эффективное оказание медицинской помощи [3, с. 77].

Взаимодействие специалистов по социальной работе с медицинскими специалистами начинается с интегра-

ции медико-социальных данных в планы лечения. Специалисты по социальной работе обеспечивают информацией о социальных факторах, влияющих на заболевание и лечение пациента. Это может включать анализ экономического положения пациента, его семейной поддержки, доступности медицинских услуг и других социальных аспектов. Медицинские специалисты, такие как врачи и медсестры, используют эту информацию для разработки более индивидуализированных планов лечения, учитывающих особенности каждого случая.

Профессиональные социальные работники также играют важную роль в координации ухода и реабилитации. Они могут сотрудничать с медицинскими командами для обеспечения непрерывности ухода после выписки пациента из больницы. Это включает в себя организацию домашнего ухода, физической и психологической реабилитации, а также обеспечение доступа к необходимым медицинским услугам и лекарствам [1, с. 64].

Еще одним аспектом взаимодействия является психологическая поддержка. Специалисты по социальной работе могут сотрудничать с психологами и психиатрами для предоставления пациентам не только медицинской, но и эмоциональной поддержки. Это особенно важно в случаях, когда пациенты сталкиваются с тяжелыми диагнозами или хроническими заболеваниями.

Таким образом, взаимодействие специалистов по социальной работе с другими специалистами в системе здравоохранения обогащает планы лечения пациентов, делая их более комплексными и учитывая множество факторов, влияющих на здоровье и благополучие. Этот симбиоз специализированных знаний и навыков способствует достижению лучших результатов и обеспечивает более глубокое и внимательное отношение к пациентам в системе здравоохранения.

В заключении исследования можно подвести итоги и выделить основные выводы. Роль специалистов по социальной работе в здравоохранении оказывает существенное влияние на обеспечение качественной медицинской помощи и социальной защиты. Их задачи и функции способствуют улучшению качества жизни пациентов и снижению медицинских и социальных проблем. Дальнейшее развитие этой сферы требует постоянного совершенствования методов и практик социальных работников, что поможет повысить эффективность здравоохранения и обеспечить наилучший уход для всех пациентов.

Литература

1. Белоцерковский, А.С. Мотивация и стимулирование трудовой деятельности: учебник / А.С. Белоцерковский. – М.: Юрайт, 2020.
2. Бережная, С.И. Биологические основы сельского хозяйства: учебник / С.И. Бережная. – М.: Лань, 2015. – 488 с.
3. Волкова, Е.В. Методы и технологии управления образовательной организацией: учебное пособие / Е.В. Волкова. – М.: Сентябрь, 2017. – 144 с.
4. Гулина М.А. Словарь-справочник по социальной работе. – СПб.: Питер, 2011.
5. Кононова Л.И. Социальная работа. – М.: Дашков и К, 2009.
6. Павленок П.Д. Теория, история и методика социальной работы. – М.: Юрайт, 2013.

THE ROLE OF SOCIAL WORK SPECIALISTS IN HEALTHCARE

Kokoreva M.E., Yudina O.I.

Russian National Research Medical University named after N.I. Pirogov

The article is dedicated to the analysis of the role of social workers in healthcare and their contribution to improving the quality of medical care and social support for patients. The aim of the research is to explore the key aspects of the activities of social workers in this field. During the study, a theoretical overview of the fundamental concepts and theoretical aspects related to the role of social workers in healthcare was conducted. The tasks and functions performed by these specialists and their influence on solving medical and social problems of patients are discussed. The interaction of social workers with other professionals in the healthcare system is examined. In conclusion, the significance of the role of social workers in modern medicine is emphasized, and prospects for the development of this field are highlighted.

Keywords: social work specialist, healthcare, medical care, social support, patients, interaction.

References

1. Belotserkovskiy, A.S. Motivation and Stimulation of Labor Activity: Textbook / A.S. Belotserkovskiy. – Moscow: Jurayt, 2020.
2. Berezhnaya, S.I. Biological Foundations of Agriculture: Textbook / S.I. Berezhnaya. – Moscow: Lan, 2015. – 488 p.
3. Volkova, E.V. Methods and Technologies of Educational Organization Management: Educational Manual / E.V. Volkova. – Moscow: Sentyabr, 2017. – 144 p.
4. Gulina, M.A. Dictionary-Handbook on Social Work. – St. Petersburg: Peter, 2011.
5. Kononova, L.I. Social Work. – Moscow: Dashkov and Co., 2009.
6. Pavlenok, P.D. Theory, History, and Methodology of Social Work. – Moscow: Jurayt, 2013.

Опыт практического применения метода интервью в эмпирической базе выпускных квалификационных работ

Лоскутова Ирина Мироновна,

д.с.н., доцент, профессор кафедры социальной работы ФГАОУ ВО «Российский национальный исследовательский университет имени Н.И. Пирогова», профессор кафедры теоретической и специальной социологии им. М.А. Будановой ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет»
E-mail: loskutova07@yandex.ru

Тарченко Вера Сергеевна,

старший преподаватель кафедры социальной работы ФГАОУ ВО «Российский национальный исследовательский университет имени Н.И. Пирогова»
E-mail: dthfn@rambler.ru

Юдина Елена Николаевна,

д.с.н., профессор кафедры социологии и медиакоммуникаций, Московский государственный гуманитарно-экономический университет
E-mail: elena_nikolaevna@inbox.ru

Лимонова Мария Александровна,

д.и.н., доцент, профессор кафедры теоретической и специальной социологии имени М.А. Будановой, ИСГО ФГАОУ ВО «Московский государственный педагогический университет»

В предлагаемой статье показана возможность использования метода интервью при подготовке эмпирической базы выпускных квалификационных работ по направлению социология, социальная работа. На примере двух бакалаврских ВКР показаны особенности применения двух видов: экспертного и глубинного интервью. В статье показаны особенности каждого метода исследования и делается вывод, что применение различных видов интервью при написании ВКР расширяет возможности студентов, позволяет всесторонне и глубоко изучить выбранный объект исследования, использовать прогностическую функцию интервью с целью выработки рекомендаций по изменению социальной реальности.

Ключевые слова: экспертное интервью, качественная методология, качественные методы исследования, случая, глубинное интервью, выпускные квалификационные работы.

Для формирования эмпирической базы выпускных квалификационных работ по направлению социальная работа и социология все большую популярность набирают такой метод исследования как интервью. Особую актуальность метод интервью имеет в связи с тем, что появляется возможность быстро собрать полную информацию о специфике социальных процессов и явлений.

Надо отметить, что методологическое основание применения в интервью в социологических исследованиях достаточно хорошо представлено в эмпирической социологии. Оно нашло отражение в трудах В.Г. Андrenкова и О.М. Масловой [1] С.А. Белановского[2], Девятко И.М. [3], И.М. Лоскутовой [4], Е.В. Полухиной [5], Е.Н. Юдиной [6] и других авторов. Однако проблема применения интервью для написания выпускных квалификационных работ пока не нашла отражение в научно-методической литературе.

Кроме того, метод интервью имеет ряд несомненных достоинств: прежде всего, это проведение интервью в обстановке, наиболее комфортной для респондента, например, на работе или дома. При этом интервьюер имеет возможность наблюдать за поведением респондента, за его мимикой и движениями, что позволяет анализировать полученную информацию в соответствии с эмоциональным настроением. Общение с респондентом лично позволяет наладить более близкий контакт, что позволяет обеспечить серьезное отношение к теме интервью, в том числе и повышенную искренность при ответе на вопросы. Кроме того, у интервьюера есть возможность уточнять и модифицировать вопросы по ходу интервью. Именно поэтому данный метод применяется, когда невозможно из-за сложности социальных явлений и процессов оперировать цифрами и статистикой. Особым методом является экспертное интервью.

Изучая поведение людей, незаменимую информацию социолог может получить от компетентных лиц – экспертов, имеющих глубокие знания в какой-либо области. Чтобы сформировать группу экспертов, нужно руководствоваться двумя главными признаками: родом занятий и стажем работы в соответствующей сфере, можно учитывать также уровень и характер образования.

Рассмотрим особенности применения метода экспертного интервью на примере эмпирической базы квалификационной бакалаврской работы А.А. Ереминой «Социальная экспертиза запросов лиц, попавших в чрезвычайную ситуацию». Эта работа была посвящена социальной экспертизе запросов лиц, попавших в чрезвычайную ситуацию, а именно участников СВО и членов их семей. Студентка проводила исследование на базе Единого центра поддержки участников СВО и их семей (далее ЕЦП). Понимание запросов и потребностей людей, попавших в кризисные ситуации, является важным шагом для обеспечения эффективной и целенаправленной помощи. Исследование путем социальной экспертизы может также выявить особые проблемы, с которыми сталкиваются участники СВО и их семьи, и предложить соответствующие решения и подходы к поддержке.

Таким образом, проведение социальной экспертизы запросов лиц, попавших в чрезвычайную ситуацию на базе ЕЦП, имеет большую актуальность и может сы-

грать важную роль в улучшении предоставляемых услуг и помощи в таких ситуациях.

Тему работы определила актуальность поступающих запросов о необходимых видах помощи в кризисной ситуации, а результаты исследования могут помочь при разработке новых социальных программ в Едином центре поддержке участников СВО и их семей. Именно изучение запросов помогает эффективно и своевременно реагировать на все изменения, связанные с жизнью и запросами клиентов данного центра.

В экспертном опросе основным инструментом является анкета или бланк интервью, разработанного по особой методике. В соответствии с этим процедура опроса может заключаться либо в анкетировании, либо в интервьюировании экспертов.

В отличие от массового опроса бланк не столь детализирован, предусматриваются разные варианты оценочных суждений; эксперт и сам может сформулировать некоторые предположения. Здесь больше открытых вопросов, где специалист может разносторонне выразить свои мысли. Экспертные опросы чаще всего применяются на начальных этапах крупных проектов, когда необходимо за короткое время получить большое количество информации по изучаемой проблеме. Оно может быть самостоятельным методом исследования, когда ученый сталкивается с малоизученным предметом, требующим скорого осмысления. Именно с таким положением дел столкнулась студентка при написании предложенной темы ВКР.

А.А. Еремина очень ответственно подошла к подготовке и проведению экспертного интервью. Был разработан гайд-интервью, после исследования была проведена социальная экспертиза запросов лиц, обратившихся за помощью в Единый центр поддержки участников СВО и их семей. Сергей Собянин, мэр Москвы, считает, что «ЕЦП – это место, где участники СВО и их семьи могут получить разнообразные услуги и поддержку. В данном центре оказываются комплексные меры поддержки, начиная от психологической и юридической помощи и заканчивая поиском новой работы»¹.

А.А. Ереминой были проинтервьюированы сотрудники ЕЦП, которые непосредственно работают с запросами клиентов. Как правило, для подбора экспертов необходимо не столько количественное наполнение выборки, сколько широта охвата специалистов по изучаемой проблеме. Студентка справилась с поставленной задачей.

В экспертном интервью участвовало 20 специалистов широкого профиля, из которых: 1 психолог, 1 юрист, 5 администраторов, 5 сотрудников контакт-центра, 6 сотрудников окон приёма, руководитель аналитического центра и руководитель центра. У всех экспертов по работе с обращениями граждан опыт работы составляет более трёх лет. Все имели высшее образование. Кроме того, все проходили дополнительную подготовку для того, чтобы работать с людьми, попавшими в ЧС. Перечисленные характеристики отобранных лиц говорят о высоком уровне их компетентности в изучаемом вопросе.

Были получены следующие результаты: в данный момент основными клиентами ЕЦП являются жены участников СВО, скорее всего, это связано с тем, что большинство участников находится в зоне боевых действий, поэтому самостоятельно обратиться за помощью не могут. К сожалению, ЕЦП конкретную социальную помощь

и поддержку оказывает лишь жителям Москвы, но оказывает консультационные услуги и жителям других городов.

Были выяснены прогнозы экспертов по поводу возникновения новых запросов в ЕЦП: это и реабилитационные мероприятия, и психологическая помощь, и оформление нового социального статуса в связи с наличием инвалидности, и профессиональное переобучение и переподготовка, и возможность трудоустройства; будет расти количество запросов, касающихся поддержки членов семей участников СВО, особенно детей.

В ходе проведенного исследования было выявлено, что социальная экспертиза является важным инструментом для понимания и удовлетворения запросов лиц, попавших в ЧС. Результаты исследования показывают, что основными запросами лиц, попавших в ЧС, на базе ЕЦП являются потребности в финансовой, юридической и психологической поддержке. Кроме того, важно учитывать различные потребности и особенности уязвимых групп населения, таких как военнослужащие, их жены, дети и матери. На основе этого утверждения можно сделать вывод, что выдвинутая в дипломе гипотеза исследования о том, что социальная экспертиза запросов лиц, попавших в ЧС, позволяет решать актуальные социальные проблемы и находить пути их решения, разрабатывать алгоритмы помощи лицам, пострадавшим от ЧС, подтвердилась.

А.А. Еремина выявила также и то, наличие каких личных и профессиональных качеств необходимо сотруднику ЕЦП для успешной работы. Ими оказались: стрессоустойчивость, эмпатия, позитивность, умение переключаться, толерантность. Руководство центра отправляет сотрудников на обучение, особенно для формирования стрессоустойчивости. Сами сотрудники могут пройти курс реабилитации, если вдруг чувствуют эмоциональное выгорание.

Можно сделать вывод о том, что выбранный метод исследования – экспертное интервью – был адекватен поставленной цели исследования и способствовал выработке практических рекомендаций по изучаемой проблеме.

Если экспертное интервью направлено на профессиональную и объективную оценку изучаемой ситуации, то для выявления субъективных, личностных смыслов, оценки этой ситуации необходимы другие методы сбора информации, которые нацелены на прояснение субъективных аспектов реальной практики социальных отношений.

Поэтому в последние годы научные руководители и студенты при написании ВКР в гуманитарных науках и прежде всего в социологии и социальной работе все чаще стали использовать «мягкие» (качественные методы) исследования социальной реальности. Для изучения личностного опыта, чувств и переживаний, отдельных людей, необходимо применять методы, направленные на эмпатию и интерпретацию смыслов. Научная стратегия, на которой базируется методология качественного подхода, отлична от научной стратегии количественного подхода на всех стадиях выполняемого проекта: от теоретической концепции, фокуса его анализа, отношения к исследуемому объекту до процедуры сбора и интерпретации данных.

Качественный подход стремится более глубоко объяснить и интерпретировать социальные явления или процессы сначала на уровне обыденного понимания, а затем дать их интерпретацию на уровне социологической концепции.

Одним из распространенных качественных методов сбора информации является глубинное интервью.

¹ Государственный доклад «О состоянии защиты населения и территорий Российской Федерации от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в 2021–2023 годах» / – М.: МЧС России. ФГБВОУ ВО «Академия гражданской защиты МЧС России», 2022, 27 с. – URL: <https://mchs.gov.ru/dokumenty/5946>.

В глубинном интервью заранее не разрабатывается бланк интервью, намечается лишь тема и общие направления беседы. Подготовленный интервьюер задает уточняющие вопросы, воспроизводя в упрощенном виде психоаналитическое интервью.

Смысл его состоит в том, чтобы заставить человека разговаривать на определенную тему. В течение беседы одна идея вызывает появление другой путем ассоциации. По концепции Фрейда о подавленных влечениях, самые глубокие из возникших ассоциаций являются теми положениями, которые респондент не желает признавать.

В глубинном интервью человек может признать те неприятные для него стороны своего подхода или отношения к событиям, покупкам и т.д., которые нельзя выявить формализованными методами. Роль интервьюера остается при этом пассивной, он не направляет разговор, не проявляет эмоций, а лишь поощряет высказывания и поощряет сочувствие. Длительность глубокого интервью обычно составляет 1–1,5 часа.

Беседа записывается на видео или аудио носители, затем переводится в текстовую форму и требует дальнейшего глубокого и профессионального разбора и осмысления. Для анализа текстов глубокого интервью обычно используют следующую последовательность операций.

На первом этапе на основе проработки части текстов выделяют наиболее общие смысловые конструкции, часто встречающиеся внутри каждой темы. Их можно назвать категориями анализа. В свою очередь содержание каждой тематически выделенной категории разбирается на соответствующие количества еще более мелких смысловых единиц, отражающих оттенки содержания тех или иных высказываний опрашиваемых. Данные смысловые единицы являются своеобразными кодовыми позициями, которыми должны быть идентифицированы высказывания, содержащиеся в основном массиве текстов.

В ходе дальнейшего прочтения распечаток интервью фиксируют описание «объективных» событий». Кроме того, выделяют некоторые особенно яркие выражения респондентов, раскрывающие оттенки смыслов, которые передают отношение респондента к изучаемой ситуации.

В ходе последующего прочтения текста данные упорядочиваются в соответствии с выработанным на первом этапе перечнем смысловых единиц, отражающем как объективные, так и субъективные особенности. Число категорий анализа и смысловых единиц может увеличиться.

На окончательном этапе рассматривается целостный текст, в котором взаимосвязь составляющих частей отражает логику, характерную для процесса субъективного восприятия ситуации. Внимание концентрируется на общей идее, объединяющей отдельные смысловые единицы в тексте. Важно отмечать не только сходство, но и противоречия между отдельными высказываниями одного и того же респондента.

Рассмотрим как было применено глубинное интервью на практике. В квалификационной бакалаврской работе студентки А.С. Сергеевой «Алгоритмы социальной реабилитации пациентов, имеющих нарушения опорно-двигательного аппарата» было использовано глубинное интервью. Исследование проводилось на базе таких организаций как «Центр патологии речи и нейрореабилитации ДЗМ» и «ГБУ ЦРИ Царицыно». Центр патологии речи и нейрореабилитации занимается успешной реализацией комплексных программ преодоления: заикания, нарушений коммуникации, расстройств голосовой функ-

ции, дисфагии. Команда ведущих специалистов осуществляет реабилитацию и восстановление высших психических функций при последствиях: инсультов, черепно-мозговых травм, нейрохирургических операций, нейроинфекций. ГБУ ЦРИ «Царицыно» занимается комплексной реабилитацией инвалидов с последствиями ДЦП.

Для того, чтобы изучить субъективное восприятие социальной реабилитации студенткой А.С. Сергеевой методом глубинного интервью были опрошены пациенты, находящиеся на лечении в перечисленных центрах. В начале беседы респондентам было предложено рассказать о себе в 3–4 предложениях, в том числе упомянуть о причине прохождения реабилитации. Целью этого вопроса также являлось уточнение момента относительно характера заболевания: врожденное или приобретенное.

Согласно результатам, более половины опрошенных, а именно одиннадцать человек проходят плановую реабилитацию в связи с врожденным детским церебральным параличом (далее – ДЦП). Реабилитация оставшихся десяти человек связана с заболеваниями приобретенного характера: пять человек восстанавливаются после инсульта, четыре человека реабилитируются после получения травмы ноги различной степени тяжести, один респондент проходит курс реабилитации после автотрагедии.

Таким образом, можно сделать вывод, что чаще всего прохождение курса реабилитации связано с наличием врожденной патологии и является плановым мероприятием. Это определило психологическую готовность пациентов к прохождению лечения.

Далее из заранее подготовленного списка респондентам было предложено выбрать те субъективные трудности, на которые особенно остро реагируют респонденты. В основном были получены ответы, в которых были отмечены сложности, связанные с характером заболевания: сложности при подъеме/спуске по лестнице; трудности, возникающие из-за отсутствия лифтов и пандусов. Респонденты единогласны во мнении, что во всех без исключения жилых домах должны быть лифты. В идеальном варианте и грузовой, и легковой. Однако даже наличие легкового лифта значительно упростило бы жизнь таким людям. Для выхода из дома без наличия лифта колясочнику требуется посторонняя помощь, а человек, передвигающийся с опорой, достаточно много сил тратит на спуск по лестнице, после чего требуется небольшой отдых на лавочке. К сожалению, окружающая среда не адаптирована в полной мере для людей с ограниченными возможностями, что несомненно оказывает влияние на качество жизни таких людей.

Интересно отметить, что при выборе варианта «сложности при подъеме/спуске по лестнице» пять респондентов дали пояснение, что при данном действии у них начинает кружиться голова. Трое из пяти указанных респондентов проходят реабилитацию после инсульта. В остальных одиннадцати случаях сложности при подъеме или спуске по лестнице связаны с ДЦП или травмой ноги.

Можно предположить, что первые два пункта коррелируют между собой. В 10 случаях проблему отсутствия лифтов и пандусов отметили люди, у которых возникают сложности при подъеме или спуске по лестнице. Что говорит о ещё большей необходимости наличия лифтов и пандусов как в жилых домах, так и на улице, в торговом центре и т.д.

Следующей по значимости субъективной трудностью, с которой сталкиваются пациенты, проходящие реабилитацию, были сложности при письме или чтении. Этот пункт выбирали как пациенты с ДЦП (5/21), так и люди, пережившие инсульт.

Кроме перечисленных выше аспектов, анализ интервью дал практические результаты. Изучение запросов и трудностей, с которыми сталкиваются респонденты, может оказать помощь при планировании бюджета на социальные нужды населения для изменения социальной среды и инфраструктуры.

Исследование выявило субъективные проблемы в бытовой сфере респондентов. Это трудности с выполнением гигиенических процедур, при приготовлении пищи, плохой адаптацией жилища к измененным потребностям людей с ограниченными возможностями. Проблему выполнения процедур личной гигиены респонденты, давшие этот ответ, комментировали следующим образом.

«Трудно забраться в ванную и выбраться из неё без посторонней помощи» (Женщина, 35 лет, с ДЦП).

«Трудно нагнуться и дотягиваться до стоп для того, чтобы вымыть ноги» (Мужчина, 30 лет, колясочник).

Похожим образом комментировали проблему приготовления пищи: *«Возникают сложности, когда необходимо дотянуться до верхнего шкафа или полки, без посторонней помощи это сделать невозможно»*. (Мужчина, 28 лет, колясочник).

Пациенты, передвигающиеся с опорой, уточняли, что многое зависит от того, насколько высоко расположены шкаф или полка.

Здесь возможно сделать вывод, что социально-средовая адаптация и реабилитация для таких пациентов особенно важна. Наряду с этим, важно максимально адаптировать окружающую человека среду с учетом его ограничений.

Что касается такого субъективного аспекта как сфера общения и желания завести новые знакомства, то респонденты отметили, что не испытывают здесь трудностей благодаря наличию и развитию социальных сетей, что позволяет им не чувствовать себя одинокими. Потребности в новых знакомствах у большей части респондентов отсутствует. Респонденты связывают это с тем, что в настоящее время социальные сети дают много возможностей: переписка, телефонные разговоры, разговоры по видеосвязи. Всех вышеперечисленных способов общения достаточно для того, чтобы не чувствовать себя одиноким.

Таким образом, может быть развеян миф о том, что инвалиды в большинстве своём очень одинокие люди, которым не хватает общения. В настоящее время социальные сети хорошо справляются с этой проблемой.

На вопрос о том, расширился ли круг общения респондентов за время прохождения реабилитации, абсолютное большинство ответило утвердительно. Это говорит о том, что прохождение курсов реабилитации способствует расширению социальных контактов.

Как отметили опрошенные, ограничения, вызванные заболеванием, связаны с изменением быта и профессиональной сферы, с изменением ближайшего окружения.

Практическое значение проведенного интервью позволяет сделать вывод, что люди с ограниченными возможностями нуждаются в восстановлении социальной жизни, восстановлении профессиональной деятельности, развитии бытовой и социальной инфраструктуры, позволяющей самостоятельно себя обслуживать и свободно передвигаться в условиях города.

Что касается субъективных оценок респондентов качества проводимой реабилитации и количества проводимых мероприятий, то в целом большинство довольно работой центров и специалистов, но выразили пожелания улучшить качество и разнообразие культурных мероприятий.

Кроме того, в реабилитационных центрах ведется онлайн работа по поддержке пациентов. Но опрошен-

ными отмечается ее недостаточность и нерегулярность, возникшую потребность можно компенсировать созданием интернет-сообществ, чатов для консультирования по разным вопросам и call-центров. Отмечается, что необходимо развитие толерантного отношения к людям с ограниченными возможностями у подрастающего поколения, чтобы *«Они не сворачивали бы в любопытстве головы и не смотрели на таких, как мы, как будто в зоопарке»* (Мужчина, 30 лет, колясочник).

«Хотелось бы, чтобы детям объясняли, что мы такие же люди, хоть и особенные, но наша особенность – не повод на нас смотреть». (Женщина, 31 года, с ДЦП).

Развитие взаимопонимания будет способствовать в том числе и снижению социальной напряженности.

Как показало исследование А.С. Сергеевой, эффективность медицинской реабилитации может быть усилена социальной реабилитацией, а внедрение инновационных методик по социальной реабилитации позволит исключить простой у людей с ограниченными возможностями.

Итак, А.С. Сергеевой была изучена с помощью метода глубинного интервью эффективность социальной реабилитации пациентов, имеющих нарушения опорно-двигательного аппарата.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, глубинное интервью имеет широкие возможности, но лучше всего его применять в следующих случаях.

1. Когда исследование касается частной жизни человека, респонденту не хочется извещать о своих личных проблемах посторонних людей.
2. Когда респонденты плохо осведомлены о чем либо, но стесняются в этом публично признаться.
3. Когда обсуждаемая проблема имеет четкие, жесткие социальные рамки, и в групповом интервью респондент вряд ли расскажет, что ведет себя не так, как все.
4. Когда ученому необходимо подробное описание действий респондента для выработки или принятия решения по какой-либо проблеме.

Подведем некоторые итоги

Применение метода интервью при написании выпускных квалификационных работ позволяет расширить исследовательский потенциал молодого ученого, по-новому посмотреть на изучаемую проблему, использовать прогностическую функцию интервью с целью выработки рекомендаций по изменению социальной реальности. В работе были рассмотрены два принципиально отличных типа интервью: экспертное и глубинное. Экспертное интервью стремится получить профессиональную и объективную оценку изучаемого феномена Глубинное интервью полезно, если исследователь стремится выявить субъективные, личностные смыслы, и оценки изучаемой ситуации.

Глубинное интервью позволяет не просто изучить проблему, но и дополнить исследование новыми, более глубокими смыслами и оттенками. Вместе с тем, необходимо отметить и ограничения при использовании глубинного интервью (как качественного метода), и это, прежде всего, репрезентативность полученных результатов. Именно поэтому необходимо дополнять глубинное интервью комплексом других методов исследования, включающих в себя и анализ литературных источников, и методов статистики, и вторичный анализ аналогичных исследований.

Литература

1. Методы сбора информации в социологических исследованиях. Кн.1 / Отв. ред. В.Г. Андреенков, О.М. Маслова. – М.: Наука, 1990. – 232 с.

2. Белановский С.А. Глубокое интервью и фокус-группы: учебник по качественным методам социологического опроса. – М.: Директ-Медиа, 2022. – 456 с.
3. Девятко И.Ф. Методы социологического исследования: Учебное пособие для вузов по специальности 040201 Социология и 040102 Социальная антропология / И.Ф. Девятко. – М.: Университет, 2020. – 293 с.
4. Лоскутова И.М. Единый государственный экзамен в зеркале социологии//Социология образования. 2011. № 8. С. 23–29.
5. Практики анализа качественных данных в социальных науках: учебное пособие // Отв. ред.: Полухина Е.В. – М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2023. – 384 с.
6. Юдина Е.Н. Прикладные социологические исследования: учебное пособие для проведения мастер-классов. – Москва, 2012.

EXPERIENCE IN THE PRACTICAL APPLICATION OF THE INTERVIEW METHOD IN THE EMPIRICAL BASE OF FINAL QUALIFICATION WORKS

Loskutova I.M., Vera S.T., Yudina E.N., Limonova M.A.

Moscow State Pedagogical University, Russian National Research University named after N.I. Pirogov, Moscow State University for the Humanities and Economics

This article shows the possibility of using the interview method in preparing the empirical base of final qualifying works in the field of

sociology and social work. Using the example of two bachelor's theses, the features of using two types are shown: expert and in-depth interviews. The article shows the features of each research method and concludes that the use of various types of interviews when writing thesis expands the capabilities of students, allows for a comprehensive and in-depth study of the selected research object, and the use of predictive interview function in order to develop recommendations for changing social reality.

Keywords: expert interview, qualitative methodology, qualitative research methods, cases, in-depth interviews, final qualifying works.

References

1. Methods of collecting information in sociological research. Book 1 / Answer ed. V.G. Andreenkov, O.M. Maslova. – М.: Nauka, 1990. – 232 p.
2. Belanovsky S.A. In-depth interviews and focus groups: a textbook on qualitative methods of sociological survey. – М.: Direct-Media, 2022 456 p.
3. Devyatko I.F. Methods of sociological research: Textbook for universities in the specialty 040201 Sociology and 040102 Social anthropology / I.F. Devyatko. – М.: University, 2020. – 293 p.
4. Loskutova I.M. Unified State Exam in the Mirror of Sociology // Sociology of Education. 2011. No. 8. P. 23–29.
5. Practices of analyzing qualitative data in the social sciences: a textbook// Ed.: Polukhina E.V. – М.: Publishing House of the Higher School of Economics, 2023. – 384 p.
6. Yudina E.N. Applied sociological research. A training manual for conducting master classes. – Moscow, 2012.

Вопросы организации практик общественного участия в процессе формирования комфортной городской среды

Мальшикина Дарья Александровна,

аспирант кафедры маркетинга и муниципального управления,
направление Социологические науки, Тюменский
индустриальный университет
E-mail: dashamalya@yandex.ru

В статье рассматриваются практики общественного участия при обсуждении проектов развития городской среды. Вовлечение пользователей городской среды, то есть горожан, в работу над городскими пространствами позволяет получить ценную информацию, знания и опыт жителей, выработать совместное видение проекта, что позволяет, в дальнейшем, избегать городских конфликтов. Эффективность реализации любых практик общественного участия зависит от правильной организации процесса соучаствующего проектирования. Целью данного исследования стало изучение отечественного опыта проведения сессий соучастия, с целью выявления проблемных моментов, которые могут снизить эффективность соучастия в принятии решений по градостроительным проектам. На основе анализа открытых источников и опроса экспертов, были выделены проблемные вопросы при организации сессий общественного участия, учет которых в дальнейшем, поможет повысить эффективность вовлечения граждан в решение вопросов развития городской среды.

Ключевые слова: общественное участие, соучаствующее проектирование, городская среда, участие население, развитие городского пространства, сессия соучастия, активность жителей.

Практики общественного участия или, соучаствующее проектирование, все чаще используются и обсуждаются на всех уровнях, когда речь заходит о развитии городских территорий. Этот подход предполагает групповую работу над городскими пространствами, с широким вовлечением в обсуждение пользователей, то есть горожан. Современный город, это пространство для жизни, а горожане все больше ощущают потребность влиять на свою среду обитания.[1]. Одновременно с этим, важным ресурсом управления развитием территорий признается социальный потенциал жителей, которые могут генерировать значимые идеи, обладать ценной информацией, проводить общественную экспертизу проектов [2,3]

Активное внедрение этого подхода началось во второй половине 20 века. В этот период во многих странах происходили социальные движения за активное участие общественности в принятии решений во всех сферах. Традиционный подход к градостроительству, когда решения принимались властями централизованно сверху вниз подвигался критике. В ответ на требования большей прозрачности и открытости принимаемых решений в области развития городской среды, стали организовываться публичные слушания и консультации. Общественное участие в развитии городских территорий постепенно стало все более распространенным и регулируемым явлением.

Большой вклад в развитие концепции «соучаствующего проектирования» внес Генри Санофф. Он описал основные формы участия, успешные примеры создания городских пространств, которые благодаря практике обсуждения с учетом множества мнений, наиболее полно отражают потребности горожан.[4]

Совместное принятие решений, согласование интересов и потребностей предполагает участие в обсуждении жителей городов, городских экспертов и активистов, представителей органов власти, предпринимателей и других заинтересованных лиц. Причем состав участников может варьироваться в зависимости от масштаба обсуждаемого проекта и круга заинтересованных.

Вовлечение жителей, которых затрагивает проект, ставит цель получить знания и опыт, которыми обладают жители данной территории, а также сформировать совместное видение пространства, снять социальное напряжение. Общественному участию уделяется все больше внимания, как составляющей механизма принятия решений в процессе формирования комфортной городской среды. Это помогает улучшить качество принимаемых решений, повысить удовлетворенность пользователей, создать большее доверие между всеми сторонами процесса.

Жители привлекаются к обсуждениям различных проектов, например благоустройства территорий, мастер-планов, наполнения общественных пространств и вновь создаваемых жилых комплексов. Наиболее активно развивающимися направлениями на федеральном уровне являются голосования, проводимые с целью отбора общественных пространств, подлежащих благоустройству[5].

В методических рекомендациях по вовлечению граждан, их объединений и иных лиц в решение вопросов раз-

вития городской среды, выделяются уровни вовлечения, в зависимости от целей и степени участия горожан [6]. Так, минимальным уровнем вовлечения является информирование, когда гражданам сообщается информация о планируемом проекте развития городской среды, его основных показателях. Уровень консультирования предполагает уже большую вовлеченность граждан, от них ожидается получить мнения, пожелания, рекомендации. На следующем уровне, соучастие, предполагается совместная работа над проектом, выработка концепции, одобряемой участниками вовлечения. На уровне партнерства, часть функций по разработке проекта передается участникам вовлечения. Инициативное проектирование подразумевает поддержку инициатив горожан по внесению предложений в администрацию по выбору проекта развития городской среды или инициирование проекта [6].

Эффективность реализации любых практик общественного участия, зависит от правильной организации процесса соучаствующего проектирования. Поэтому целью данного исследования стало изучение отечественного опыта проведения сессий соучастия, с целью выявления проблемных моментов, которые могут снизить эффективность соучастия в принятии решений по градостроительным проектам. На первом этапе исследования был проведен анализ открытых источников информации по теме. На втором этапе было проведено интервью с экспертами. Метод работы с экспертами – полуструктурированное экспертное интервью. Был проведен очный опрос 20 респондентов. В качестве экспертов выступали субъекты, принимающие решение и влияющие на развитие городской среды: представители органов власти и специалистов в градостроительной сфере: представители компаний застройщиков, организаций в области архитектурно-строительного проектирования, управляющих компаний.

На основе результатов исследования, можно выделить следующие группы проблем, которые были обозначены:

1. Недостаточная информированность, недоступность или непонятность информации о проекте.

Экспертами была обозначена важность широкой информационной поддержки практик общественного участия. Зачастую люди не осведомлены, что проходят общественные обсуждения и соответственно не имеют возможность принять участие. Необходима информационная поддержка таких проектов. При этом методы информирования должны включать максимально широкий спектр источников, чтобы привлечь к участию все заинтересованные стороны. Также, сама информация о проекте развития городской среды должна быть представлена в простой и доступной форме. Использование иллюстраций, диаграмм, графиков, наглядных материалов помогает участникам лучше воспринять информацию. Если в обсуждении требуется использовать технические термины, необходимо объяснить их значения. Можно провести дополнительные образовательные мероприятия, специалисты отрасли должны быть доступны для консультаций

2. Недостаточная структурированность и организованность процесса.

Реализация соучаствующего проектирования требует четко определенных методов, правил и процедур, которые должны быть ясно представлены и согласованы со всеми заинтересованными сторонами. Формы участия населения отличаются по степени институализации. Есть процедуры участия, детально зарегулированные в нормативно-правовых актах. Большая часть практик имеет свободный формат, что делает их более гибкими. Это дает как преимущества, так и недостатки.

Участники вовлечения должны четко понимать концепцию соучаствующего проектирования, цели и задачи, свою роль и обязанности для построения эффективной коммуникации. Также недостаток финансовых и временных ресурсов может затруднить проведение процесса соучастия, что может ограничить его эффективность.

3. Низкий уровень компетенций участников обсуждений. Проблемы коммуникации.

Обсуждение вопросов городской среды может требовать специальных знаний, что может ограничивать участников или искажать результаты обсуждений. Также это негативно влияет на качество принимаемых решений и повышает риск ошибок. В этом случае участие профессионалов отрасли для консультаций или модерации необходимо. Люди могут уходить от предмета обсуждения или неверно формулировать свои пожелания, поэтому важно, чтобы процесс сопровождали профессионалы, способные направить обсуждение в правильное направление.

4. Формализованность процедуры и манипуляция результатом.

Влиятельные группы и заинтересованные стороны могут оказывать давление на процесс принятия решений, что может влиять на результат участия общественности. Это может привести к искажению общественного мнения и ухудшить качество и справедливость принимаемых решений. Это может происходить с целью защиты своих собственных интересов или достижения определенных выгод. Например, это может быть сделано путем использования информационных ресурсов, для распространения односторонней информации, формирования позитивного представления о проекте, избегая негативных сторон. Другая проблема - это формальный подход к проведению обсуждения проектов с общественностью. В ранее проводимых исследованиях обозначены проблемы участия заинтересованных сторон в обсуждениях, а также проведение сессий привлечения для выполнения формальных требований, а не для реального сбора и учета мнений горожан. [7,8]. Эксперты также обозначили, что есть примеры, когда девелоперы искусственно иницируют создание сообществ с целью транслирования определенных идей.

5. Неравномерное или недостаточное включение различных участников.

Некоторые участники могут быть более активными и вовлеченными в процесс, чем другие. Практики соучаствующего проектирования требуют особого внимания к справедливому включению различных групп и сообществ. В любом городе есть более «громкие» сообщества, которые более активно продвигают свои интересы. Важно, чтобы не возникало диктата, привлекать максимальное количество заинтересованных участников обсуждения. Это позволит собрать разнообразные мнения и учесть интересы большинства заинтересованных.

6. Отсутствие обратной связи.

Все эксперты подчеркнули важность положительного опыта взаимодействия, который формируется у жителей, когда есть возможность увидеть результаты своего участия. Очень важно показать, что мнения и результаты обсуждения были учтены при принятии итогового решения. Даже в случае, если экспертная оценка профессионалами отрасли выявила невозможность реализации того или иного решения, это должно быть донесено и аргументировано участникам обсуждения. Также выяснилось, что важно проводить повторные обсуждения по одному и тому же вопросу, чтобы видеть динамику развития проекта в процессе, совместно корректировать проект, совершенствовать результаты городского планирования.

Учет обозначенных вопросов при организации сессий общественного участия поможет улучшить эффектив-

ность соучастия горожан в принятии решений по градостроительным проектам, снизить возможные проблемы и повысить уровень вовлеченности жителей в принятие решений по развитию городской среды.

Понятие «соучаствующее проектирование» в градостроительстве продолжает развиваться и адаптироваться, что отражает важность учета интересов и опыта различных групп в создании комфортных городских пространств. Помимо эффекта в части оптимизации управленческих решений, соучастие дает социокультурный эффект: увеличение гражданской активности и социальной включенности горожан, формирование чувства сопричастности, а значит и более ответственного отношения к городской среде.

Эффективно организованные практики соучастия могут стимулировать превращение общественного ресурса в общественный созидательный капитал развития пространства города. [9,10]. Анализ и использование накопленного опыта, позволяет предотвращать ошибки, улучшать эффективность организации сессий соучастия в процессе разработки проектов городской среды.

Литература

1. Бойкова М.В., Ильина И.Н., Салазкин М.Г. Будущее городов: города как агенты глобализации и инноваций // Форсайт. 2011. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/buduschee-gorodov-goroda-kak-agenty-globalizatsii-i-innovatsiy> (дата обращения: 27.04.2023).
2. Потаев Г.А. Градостроительство / Г. А. Потаев. – Москва: ИНФРА-М, 2017. – 432 с. – Текст: непосредственный.
3. Ключникова Т.Н. Социальный потенциал жителей в реализации программ развития территорий / Т.Н. Ключникова, В.Н. Орлова – Текст: непосредственный // Среднерусский вестник общественных наук. – 2017. – № 5. – С. 236–247.
4. Санофф Г. Соучаствующее проектирование. Практики общественного участия в формировании среды больших и малых городов / Г. Санофф. – Вологда: Проектная группа 8, 2015. – 170 с. – Текст: непосредственный.
5. Вовлечение горожан в развитие городской среды: итоги, технологии, перспективы: учебное пособие / Е.В. Зеленцова, Р.О. Рудой, Д.П. Соснин [и др.]; ред.-сост. Р. О. Рудой; под общ. ред. Н.В. Гладких. – Москва: Проектная группа 8, 2023. – 114 с. ISBN 978–5–9907213–3
6. Об утверждении методических рекомендаций по вовлечению граждан, их объединений и иных лиц в решение вопросов развития городской среды: приказ Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации от 30 декабря 2020 года № 913/пр // Кодекс: электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/573447893?ysclid=l66qbiwp8l564710245§ion=text>.
7. Деменев А.Г., Шубина Т.Ф., Шубина П.В., Ненасьева М.В., Макулин А.В., Тарасов И.А. Опыт общественного участия в планировании комфортной городской среды на примере Архангельской области // Арктика и Север. – 2018. – № 33. – С. 91–117.
8. Смолева Е.О. Практики гражданского участия в благоустройстве и развитии городской среды // Society and security insights. 2020. – Том 3. № 1
9. Щербина Е.Ю., Ключкова Е.Р. Соучаствующее проектирование как инструмент развития городской

среды // Управленческое консультирование. 2021. № 7. С. 68–79.

10. Ключникова Т.Н., Орлова В.Н. Социальный потенциал жителей в реализации программ развития территорий // Среднерус. вестн. обществ. наук. 2017. Т. 12. № 5. С. 236–247

ISSUES OF ORGANIZING THE PRACTICE OF PUBLIC PARTICIPATION IN THE PROCESS OF CREATING A COMFORTABLE URBAN ENVIRONMENT.

Malysheva D.A.

Tyumen Industrial University

The article examines the practices of public participation in the development of the urban environment. Involving users of the urban environment, that is, citizens, in working on urban spaces allows us to obtain valuable information, knowledge and experience of residents, develop a joint vision of the project, and avoid urban conflicts. The effectiveness of any public participation practice depends on the proper organization of the participatory design process.

The purpose of this study was to study domestic experience in conducting participation sessions in order to identify problematic issues that can reduce the effectiveness of participation in decision-making on urban development projects. Based on an analysis of open sources and a survey of experts, problematic issues were identified when organizing sessions of public participation, taking into account which in the future will help to increase the effectiveness of involving citizens in resolving issues of development of the urban environment.

Keywords: public participation, participatory design, urban environment, population participation, development of urban space, participation session, resident activity.

References

1. Boykova M.V., Ilyina I.N., Salazkin M.G. The future of cities: cities as agents of globalization and innovation // Foresight. 2011. No. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/buduschee-gorodov-goroda-kak-agenty-globalizatsii-i-innovatsiy> (date of access: 04/27/2023)
2. Potaev G.A. Urban planning / G. A. Potaev. – Moscow: INFRA-M, 2017. – 432 p. – Text: direct.
3. Klyuchnikova T.N. Social potential of residents in the implementation of territorial development programs / T.N. Klyuchnikova, V.N. Orlova – Text: immediate // Central Russian Bulletin of Social Sciences. – 2017. – No. 5. – P. 236–247
4. Sanoff G. Participatory design. Practices of public participation in shaping the environment of large and small cities / G. Sanoff. – Vologda: Project Group 8, 2015. – 170 p. – Text: direct.
5. Involving citizens in the development of the urban environment: results, technologies, prospects: textbook / E.V. Zelentsova, R.O. Rudoy, D.P. Sosnin [etc.]; ed.-comp. R. O. Rudoy; under general ed. N.V. Gladkikh. – Moscow: Project Group 8, 2023. – 114 pp. ISBN 978–5–9907213–3
6. On approval of methodological recommendations for the involvement of citizens, their associations and other persons in resolving issues of the development of the urban environment: order of the Ministry of Construction and Housing and Communal Services of the Russian Federation dated December 30, 2020 No. 913/pr // Code: electronic fund of legal and regulatory documents -technical documents. URL: <https://docs.cntd.ru/document/573447893?ysclid=l66qbiwp8l564710245§ion=text>
7. Demenev A.G., Shubina T.F., Shubina P.V., Nenasheva M.V., Makulin A.V., Tarasov I.A. Experience of public participation in planning a comfortable urban environment using the example of the Arkhangelsk region // Arctic and North. – 2018. – No. 33. – P. 91–117.
8. Smoleva E.O. Practices of civil participation in the improvement and development of the urban environment // Society and security insights. 2020. – Volume 3. No. 1
9. Shcherbina E. Yu., Klochkova E.R. Participatory design as a tool for the development of the urban environment // Management consulting. 2021. No. 7. S. 68–79.
10. Klyuchnikova T.N., Orlova V.N. Social potential of residents in the implementation of territorial development programs // Srednerus. Vestn. society Sci. 2017. T. 12. No. 5. P. 236–247

Мультикультурная коммуникация в профессиональных коллективах: социальная безопасность

Маханева Екатерина Александровна,

аспирант кафедры истории и философии, РЭУ

им. Г.В. Плеханова

E-mail: Pretty_n_i_a_zz_j@mail.ru

Мультикультурная коммуникация в профессиональных коллективах является актуальной проблемой в современном мире. В наши дни глобализация и миграционные потоки приводят к тому, что рабочие коллективы становятся все более разнообразными с точки зрения культурных и этнических фонов и языков. Эта диверсификация приводит к необходимости эффективно управлять мультикультурной коммуникацией, чтобы обеспечить социальную безопасность и продуктивность в рабочей среде. В данной статье рассматривается влияние мультикультурной коммуникации на социальную безопасность в профессиональных коллективах. Кроме того, предлагаются практические рекомендации для управления этим процессом. В статье делается вывод: мультикультурная коммуникация представляет собой важный аспект в современных профессиональных коллективах. Однако, несмотря на ее потенциальные преимущества, неправильное управление мультикультурной коммуникацией может вызвать серьезные негативные последствия для социальной безопасности и эффективности команды. Чтобы успешно управлять этим аспектом, необходимо реализовать соответствующие стратегии обучения, развития и управления. Правильно спроектированные и примененные подходы к мультикультурной коммуникации могут способствовать созданию инклюзивных и безопасных рабочих сред, что, в свою очередь, может улучшить продуктивность и успешность организации в целом. Эффективное управление мультикультурной коммуникацией становится важным аспектом корпоративной стратегии, который может определить будущий успех организации на глобальном уровне.

Ключевые слова: мультикультурная коммуникация, профессиональные коллективы, социальная безопасность, глобализация.

Мультикультурная коммуникация относится к процессу взаимодействия между людьми из различных культурных и этнических групп. Этот процесс включает в себя обмен информацией, идеями, ценностями и нормами поведения. В мультикультурных профессиональных коллективах такие взаимодействия могут возникать как среди коллег, так и среди клиентов или партнеров. Исторически сложилось так, что Россия является страной многоэтнической культуры, что обуславливает специфику межнациональных, межкультурных отношений, требует поиска, развития и совершенствования культуры диалога, взаимопонимания между различными этносами¹.

Участниками коммуникации становятся не только разные индивиды, но и целые этнические группы, культуры и цивилизации². Значение мультикультурной коммуникации заключается в том, что она способствует обогащению коллектива разнообразными идеями и опытом, что может привести к повышению инновационных возможностей и конкурентоспособности организации. Однако недостаточное понимание культурных различий и неэффективное управление мультикультурной коммуникацией может привести к конфликтам и снижению социальной безопасности.

Современный мир меняет панораму социально-общественных отношений, межкультурных коммуникаций, оказывает влияние на диффузию культурных полей между нациями, однако каждая нация избирает свою стратегию культурного развития, которая связана либо с большей ассимиляцией культур, либо избирает стратегию некоторой культурной изоляции, в силу приверженности сохранения традиций и уникальности национальной культуры, которая связана с антропологическими факторами. Глобальный мир влияет на то, что в общемировом тигле культур соединяются разные культуры, так как межкультурные отношения связаны с межкультурными коммуникациями. Современные общества развиваются в силу традиций, присущих тому или иному обществу. При этом, несмотря на экономическую интеграцию в условиях важности приобщения к стратегиям общемирового развития, в обществах культурной автономии больше придерживаются стратегии сохранения этой культурной автономии, которая обуславливается приверженностью общества, которая воспринимается как культурная идентичность той или иной нации, этноса, народа³. Тем не менее, нередко представителям различных наций и культур приходится сосуществовать в рамках одной социальной группы, например, в профессиональном коллективе.

В коллективах, в которых есть представители разных национальных культур необходимо учитывать различные тонкие нюансы, которые могут присутствовать

¹ Галиакберова А.А. Мухаметшин А.Г. Асратян Н.М. Межкультурный диалог: методологические аспекты исследования / Балтийский гуманитарный журнал. 2021. Т. 10. № 4(37). С. 18

² Волкова А.А. Философское понимание диалога культур в концепциях М.М. Бахтина и В.С. Библера: сравнительный анализ // Научные сообщения. 2019. Т. 18. № 4. С. 109.

³ Ищенко Н.С. Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. Том 5 (71). 2019. № 1. С. 132

в качестве дополнительных, если не первостепенных, когда речь идет о вопросах этики и деловой культуры, которые необходимо учитывать еще при формировании коллектива, компании. В вопросах корпоративной этики есть много разных аспектов и атрибутов, которые необходимы к соблюдению их всеми сотрудниками, так как отношения внутри коллектива связаны с коммуникациями сотрудников, соблюдением установленных норм и правил деловых отношений. Много зависит от типа менеджмента, особенно если необходимо учитывать национальную специфику¹.

Основной вызов, связанный с мультикультурной коммуникацией, заключается в возможности конфликтов и недопонимания. Культурные различия в языке, обычаях, ценностях и нормах поведения могут привести к недоразумениям и конфликтам в профессиональном коллективе. Это может оказать отрицательное влияние на социальную безопасность, создавая напряженную и нестабильную атмосферу.

Время глобализации обусловило тенденции быстрого сближения представителей различных национальных культур в условиях единого глобального мира, который зависит от экономических, политических, социальных межкультурных отношений. Необходимо учитывать те вопросы, которые могут приводить к конфликтам на основе разности понимания этических принципов, которые свойственны представителям различных этнокультурных групп. В условиях более плотного сближения различных культур, а в некотором смысле цивилизаций культуры, возможно обострение конфликтов и противостояние представителей различных культур и тех интересов, которые представляют общества той или иной культуры.

Конфликт ценностей, линия разлома по этим понятиям становится более понятна, когда рассматривается этика внутренних ценностей человека согласно философии Иммануила Канта². Речь идет о персональной внутренней совести и нравственной ценности личности, самого человека, в высших человеческих смыслах вне зависимости принадлежности человека к той или иной группе «своих» (исходя их оппозиции «свой» / «чужой»). Тогда вопросы взаимодействия локальных и глобальных этических норм становятся актуальными. Вопрос тогда заключается в том: какие ценности существуют в тех или иных автономных обществах, какова этика человеческих отношений присутствует в них? Вопросом первостепенной важности становится понимание, что и кто в таких обществах воспринимается как «другое» и «другие»? Т.е. самыми острыми становятся вопросы и взаимоотношения между оппозиционными понятиями: «свой/чужой», «гость/хозяин» и поиск консенсуса мнений по разным вопросам.

Эти конфликты, в первую очередь, обусловлены культурными различиями. В мультикультурных коллективах могут возникать проблемы социальной изоляции и дискриминации. Люди из меньшинственных культурных групп могут чувствовать себя исключенными или недооцененными. Это воздействует на их уровень комфорта и мотивации, что может снизить социальную безопасность в организации. Неэффективная мультикультурная коммуникация также может повлиять на производительность и качество работы в коллективе. Конфликты и недопонимание могут замедлить рабочие процессы,

а изоляция и дискриминация могут ухудшить работоспособность сотрудников.

Рассматривая эти вопросы применительно к понятиям нации, национальной культуре, прежде всего возникает оценка понимания того, что из себя представляет общество и какие социальные институты в нем представлены. Так в своей статье «Этничность в мультикультурном мегаполисе: этнокультурные татарские практики в США» Низамова Л.Р. анализирует как организованы социальные институты в обществе, которое принимает представителей разных культур в США на основе исследования этих вопросов на этнокультурных практиках татар в США³.

Говоря о профессиональных коллективах, стоит упомянуть о статье Жущиховской и Куликовой «Российско-японские научные связи в контексте межкультурной коммуникации (подходы к исследованию)», в которой рассматривается российско-японское научное сообщество. Так, авторы рассуждают о том, что для эффективной межкультурной коммуникации необходимо понимание обычаев и норм своих коллег-представителей другой культуры обеими нациями, особенно выделяя чувство долга. Авторы утверждают, что для анализа организационных аспектов межкультурной коммуникации в сфере науки, особенно интересны этнопсихологические черты и особенности культурного менталитета, которые оказывают влияние на стереотипы коммуникативного поведения. Например, при установлении успешных отношений в рамках российско-японского сотрудничества, имеют значение устоявшиеся представления в обеих культурах о понятии «долга» в его широком смысле.

Автор исходит из понимания того, что ассимиляция татар в новое общество, новой культуры происходит на основе формирования новых практик мультикультурализма, когда нет явно выраженного анклава монолитной этнокультуры, а формируется общество смешанной, гибридной культуры, в силу взаимодействия и общения в обществе новой культуры⁴. В Нью-Йорке есть представители различных наций и культур, которые сохраняют приверженность своей культуре, но при этом встраиваются в гетерогенную среду мультикультурности и мультиэтничности в силу соблюдения общечеловеческих норм «общезития» в условиях многообразия расовых и этических факторов. То есть нью-йоркская идентичность формируется в силу культурного плюрализма, который эволюционирует над простым воспроизводством традиций предков и прежней родины, обретая новые формы культуры современного типа в условиях современности в гетерогенно-социальной среде.

Анализ вопросов мультикультурности нации на примере Крыма в статье «Межкультурные отношения в российском Крыму: эмпирическая проверка трех гипотез» говорит о том, что если исходить из оценок рассмотренных групп населения, то можно говорить о концепции мультикультурализма, который присущ для данного поля исследования.

Статистика данных исследований говорит о том, что данным группам населения (и русским, и украинцам) присуще понимание безопасности в силу общности проживания и понимание важности вопросов мультикультурного общения, однако здесь необходимо учитывать

³ Низамова Л.Р. Этничность в мультикультурном мегаполисе: этнокультурные татарские практики в США // Ученые записки Казанского государственного университета. 2009. Т. 151. Ч. 2. С. 59

⁴ Жущиховская И.С. Куликова Ю.В. Российско-японские научные связи в контексте межкультурной коммуникации (подходы к исследованию) // Россия и АТР. 2013. С. 91

¹ Долгова И.В. Корпоративная этика как форма общественного сознания в управлении современным предприятием // Инновации в менеджменте. 2019. № 19. С. 41

² Кант И. Сочинения в шести томах. М., «Мысль», 1965. (Философ. наследие). Т. 4. Ч. I. С. 211–310.

вопросы толерантности. У татар и русских наиболее значимы вопросы безопасности и межкультурных дружеских контактов.

Вопросы межкультурного, мультикультурного общения наиболее явно видны в более тесных контактах общения внутри коллективов сотрудников, к компании, корпорации. В силу кросс-культурных связей в смешанных коллективах важно оценивать вопросы коммуникаций и управления кросс-культурными коллективами. Существуют два подхода, диаметрально противоположных по своим основаниям, а именно: «свобода от культуры» и «зависимость от культуры». В силу разности установок используется развитие и организация структуры, производственных отношений, деловых отношений, в первом случае – соблюдается принцип меньшей зависимости от разности культур, а во втором исходят из понимания того, что есть эта разница и эта дельта культур обязательно должна учитываться, так как это определяет устойчивые и прогнозируемые модели взаимоотношений и поведенческую культуру¹.

Рассматривая статью «Подготовка будущих офицеров к работе с многонациональным личным составом» можно отметить, что Дельвиг исходит из понимания того, что необходимо «научить новые поколения жить «миром», учиться понимать другой народ, приобщаться к его культуре, истории, традициям. Сегодня можно говорить о том, что «растущая взаимозависимость регионов в современных условиях приводит к необходимости совместного анализа рисков, разумного решения предполагаемых конфликтов и осуществления совместных перспективных проектов»².

На основе вышеизложенного, мы можем сделать вывод, что для управления мультикультурной коммуникацией в профессиональных коллективах и обеспечения социальной безопасности, необходимо применять следующие подходы:

1. Обучение и осведомленность. Обучение сотрудников о культурных различиях и обучение навыкам межкультурной коммуникации являются ключевыми шагами. Сотрудники должны понимать и уважать культурные особенности коллег и клиентов.

2. Развитие межкультурной коммуникации. Создание открытой и инклюзивной среды для диалога и обсуждения культурных вопросов способствует развитию межкультурной коммуникации и снижению риска конфликтов.

3. Установление ясных норм и правил. Организации должны установить ясные нормы и правила, касающиеся мультикультурной коммуникации, а также механизмы решения конфликтов и жалоб.

4. Лидерство и пример. Руководители должны демонстрировать пример в мультикультурной коммуникации и поддерживать усилия по развитию инклюзивной среды.

В заключение можно отметить, что мультикультурная коммуникация представляет собой важный аспект в современных профессиональных коллективах. Однако, несмотря на ее потенциальные преимущества, неправильное управление мультикультурной коммуникацией может вызвать серьезные негативные последствия для социальной безопасности и эффективности команды. Чтобы успешно управлять этим аспектом, необходи-

¹ Рожкова Л.В. Управление кросс-культурными коллективами в международном и национальном бизнесе // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. 2019. № 1 (29). С. 84

² Дельвиг Н.А. Подготовка будущих офицеров к работе с многонациональным личным составом // Гуманитарные науки. 2015. № 3. С. 117

мо реализовать соответствующие стратегии обучения, развития и управления. Правильно спроектированные и примененные подходы к мультикультурной коммуникации могут способствовать созданию инклюзивных и безопасных рабочих сред, что, в свою очередь, может улучшить продуктивность и успешность организации в целом. Эффективное управление мультикультурной коммуникацией становится важным аспектом корпоративной стратегии, который может определить будущий успех организации на глобальном уровне.

Литература

1. Баглюк С.Б. Этика управления персоналом в кросс-культурной перспективе // Национальная ассоциация ученых (НАУ). 2020. № 53. С. 26–30.
2. Волкова А.А. Философское понимание диалога культур в концепциях М.М. Бахтина и В.С. Библера: сравнительный анализ // Научные сообщения. 2019. Т. 18. № 4. С. 108–117.
3. Галиакберова А.А. Мухаметшин А.Г. Асратян Н.М. Межкультурный диалог: методологические аспекты исследования // Балтийский гуманитарный журнал. 2021. Т. 10. № 4(37). С. 17–21.
4. Глаголев В.С. Концептуализация понятия «бытовой ориентализм» в России: стереотипы и прототипы // Гуманитарный вектор. 2019. Т. 14, № 4. С. 68–75.
5. Дельвиг Н.А. Подготовка будущих офицеров к работе с многонациональным личным составом // Гуманитарные науки. 2015. № 3. С. 113–117.
6. Долгова И.В. Корпоративная этика как форма общественного сознания в управлении современным предприятием // Инновации в менеджменте. 2019. № 19. С. 36–42.
7. Журиховская И.С. Куликова Ю.В. Российско-японские научные связи в контексте межкультурной коммуникации (подходы к исследованию) // Россия и АТР. 2013. С. 81–93.
8. Ищенко Н.С. Межкультурная коммуникация как процесс взаимодействия культурных архетипов // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. Том 5 (71). 2019. № 1. С. 126–135.
9. Е.А. Коджа, Н.М. Лебедева, В.Н. Галяпина, З.Х. Лепшокова, Т.А. Рябиченко. Межкультурные отношения в российском Крыму: эмпирическая проверка трех гипотез // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2019. Т. 16. № 2. С. 42–60.
10. Красавченко Т.Н. Человеческий фактор. Ученый в ИНИОН и за его пределами // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2019. С. 186–201.
11. Низамова Л.Р. Этничность в мультикультурном мегаполисе: этнокультурные татарские практики в США // Ученые записки Казанского государственного университета. 2009. Т. 151. Ч. 2. С. 48–60.
12. Рожкова Л.В. Управление кросс-культурными коллективами в международном и национальном бизнесе // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. 2019. № 1 (29). С. 82–94.
13. Тишкевич Э.В. Кризис мультикультурной политики и задачи преодоления межкультурных конфликтов // KANT. 2020. № 2 (35). С. 170–176.
14. Шумилкина Е.А. Межличностные отношения в полиэтничном трудовом коллективе в условиях реорганизации // Пензенский психологический вестник. 2019. № 2 (13). С. 25–32.

MULTICULTURAL COMMUNICATION IN PROFESSIONAL TEAM: SOCIAL SECURITY

Makhaneva E.A.

REU im. G.V. Plekhanov

Multicultural communication in professional teams is a pressing problem in the modern world. Today, globalization and migration flows mean that workplaces are becoming increasingly diverse in terms of cultural, ethnic backgrounds and languages. This diversification leads to the need to effectively manage multicultural communication to ensure social safety and productivity in the work environment. This article examines the influence of multicultural communication on social security in professional teams. In addition, practical recommendations for managing this process are offered.

The article concludes: multicultural communication is an important aspect in modern professional teams. However, despite its potential benefits, mismanaging multicultural communication can cause serious negative consequences for social safety and team performance. To successfully manage this aspect, appropriate training, development and management strategies must be implemented. Properly designed and implemented approaches to multicultural communication can help create inclusive and safe work environments, which in turn can improve the productivity and success of the organization as a whole. Effectively managing multicultural communication is becoming an important aspect of corporate strategy that can determine the future success of an organization on a global level.

Keywords: multicultural communication, professional teams, social security, globalization.

References

1. Baglyuk S.B. Ethics of personnel management in a cross-cultural perspective // National Association of Scientists (NAU). 2020. No. 53. pp. 26–30.
2. Volkova A.A. Philosophical understanding of the dialogue of cultures in the concepts of M.M. Bakhtin and V.S. Bibler: comparative analysis // Scientific communications. 2019. T. 18. No. 4. pp. 108–117.
3. Galiakberova A.A. Mukhametshin A.G. Asratyan N.M. Intercultural dialogue: methodological aspects of research // Baltic Humanitarian Journal. 2021. T. 10. No. 4(37). pp. 17–21.
4. Glagolev V.S. Conceptualization of the concept of “everyday orientalism” in Russia: stereotypes and prototypes // Humanitarian Vector. 2019. Vol. 14, No. 4, pp. 68–75.
5. Delvig N.A. Preparing future officers to work with multinational personnel // Humanities. 2015. No. 3. pp. 113–117.
6. Dolgova I.V. Corporate ethics as a form of social consciousness in the management of a modern enterprise // Innovations in management. 2019. No. 19. pp. 36–42.
7. Zhushchikhovskaya I.S. Kulikova Yu.V. Russian-Japanese scientific connections in the context of intercultural communication (approaches to research) // Russia and the Asia-Pacific region. 2013. pp. 81–93.
8. Ishchenko N.S. Intercultural communication as a process of interaction of cultural archetypes // Scientific notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Philosophy. Political science. Culturology. Volume 5 (71). 2019. No. 1. pp. 126–135.
9. E.A. Koca, N.M. Lebedeva, V.N. Galyapina, Z. Kh. Lepshokova, T.A. Ryabichenko. Intercultural relations in Russian Crimea: empirical testing of three hypotheses // Psychology. Journal of the Higher School of Economics. 2019. T. 16. No. 2. pp. 42–60.
10. Krasavchenko T.N. Human factor. Scientist at INION and beyond // Man: Image and Essence. Humanitarian aspects. 2019. pp. 186–201.
11. Nizamova L.R. Ethnicity in a multicultural metropolis: ethnocultural Tatar practices in the USA // Scientific notes of the Kazan State University. 2009. T. 151. Part 2. pp. 48–60.
12. Rozhkova L.V. Managing cross-cultural teams in international and national business // Models, systems, networks in economics, technology, nature and society. 2019. No. 1 (29). pp. 82–94.
13. Tishkevich E.V. The crisis of multicultural policy and the task of overcoming intercultural conflicts // KANT. 2020. No. 2 (35). pp. 170–176.
14. Shumilkina E.A. Interpersonal relations in a multiethnic work collective under conditions of reorganization // Penza Psychological Bulletin. 2019. No. 2 (13). pp. 25–32.

Оценка рынка образовательных услуг как условие устойчивого социально-экономического развития региона

Мухаметшина Гульнара Рафаэлевна,

к.с.н., доцент, доцент кафедры проектного менеджмента и бизнес-администрирования ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий»
E-mail: ggr-nauka@mail.ru

В статье рассмотрены особенности интеграции рынков труда и образовательных услуг как условия устойчивого социально-экономического развития Республики Башкортостан. Рынок образовательных услуг способствует вовлечению трудоспособного населения в непрерывный образовательный процесс, что впоследствии содействует регулированию уровня конкурентоспособности выпускника на рынке труда. В статье анализируются рынок труда и рынок образовательных услуг Республики, приведены статистические данные Федеральной статистики Республики Башкортостан, а также сайта ufa.hh.ru с основными тенденциями рынка труда республики за 2021–2022 гг. Анализ данных позволил выявить ряд проблем в интеграции рынка труда и рынка образовательных услуг, которые в целом являются идентичными по России. Прогнозирование потребности в квалифицированных кадрах должно быть достоверным и выверенным, чтобы не наблюдался перекоп в направлениях подготовки специалистов в учебных заведениях Республики. Но, тем не менее, авторы выделяют наметившиеся положительные тенденции, которые позволят оставаться востребованными на рынке труда специалистам, рабочим и тем, кто только начнет этот путь. В частности, в исследовании выделяются два основных направления. Во-первых, это «Стратегия развития среднего профессионального образования в Республике Башкортостан на 2022–2026 годы». Реализация данной стратегии позволит синхронизировать структуру подготовки кадров и запросов рынка труда. Во-вторых, – федеральная программа «Приоритет-2030», одной из задач которой является интеграция университетской науки с научными организациями и реальным сектором экономики. Реализуемые в образовательных организациях новые направления подготовки позволят выпускникам эффективно управлять своей карьерой и профессиональным развитием в соответствии с запросами рынка труда.

Ключевые слова: рынок образовательных услуг, рынок труда, компетенции, выпускники вуза, специалисты, профессия, конкурентоспособность.

Интеграция рынка труда и рынка образовательных услуг является важным условием устойчивого социально-экономического развития региона. В данном контексте, анализ рынка труда в России и Республике Башкортостан указывает на наличие проблем, связанных с несоответствием количества и качества рабочей силы реальным потребностям экономики. Решение этих проблем может быть достигнуто путем реализации стратегии, включающей повышение качества подготовки квалифицированных кадров, согласование структуры подготовки кадров и запросов рынка труда, модернизацию материально-технической базы профессиональных образовательных организаций, внедрение новых методов обучения и воспитания, а также образовательных технологий, повышение эффективности работы колледжей через развитие внебюджетной деятельности, создание условий для воспитания и развития молодежи и повышение профессионального уровня преподавателей и мастеров производственного обучения.

Механизм взаимодействия рынка труда и рынка образовательных услуг предполагает, что «рынок труда должен предоставлять рынку образовательных услуг необходимую информацию о предпочитаемых должностях и требованиях работодателей, о возросшем спросе на те или иные профессии. Рынок образовательных услуг, в свою очередь, должен учитывать спрос на профессионально-квалификационный состав рабочей силы, предъявляемый со стороны рынка труда, а также отвечать на его сигналы, являясь регулирующим средством для пополнения рынка труда квалифицированными специалистами, соответствующими потребностям рынка труда» [10].

Решение проблемы сбалансированности рынка труда является ключевым условием для успешного функционирования и развития национальной экономики. Анализ рынка труда в России и Республике Башкортостан показывает наличие этой проблемы в регионе, где не соответствуют количеству и качеству рабочей силы реальным потребностям экономики [16].

По данным сайта ufa.hh.ru на 01 сентября 2022 года наблюдается нехватка работников в строительстве (9% вакансий), оптовой и розничной торговле (8%), системе государственного управления и социального обеспечения (8%), сфере транспортировки и хранения (7%), а также в области здравоохранения и социальных услуг – 6% всех размещенных вакансий. Недостаточно сотрудников в сфере гостиничных услуг и общепита (5% вакансий), в сельском и лесном хозяйстве (4%).

Анализ статистических данных показывает, что в Республике Башкортостан наблюдается острая нехватка квалифицированных специалистов в различных отраслях экономики: требуются работники сферы обслуживания и торговли, охранники. Еще 11% размещенных вакансий – специалисты высшего уровня квалификации.

Стоит отметить также, что на рынке труда Башкирии есть потребность в квалифицированных работниках с высшим образованием. На сайте hh.ru на 12 сентября 2022 года было размещено объявление о поиске 1100 врачей, 720 инженеров и 544 учителей и преподавателей. Больше всего не хватает учителей в сельских шко-

лах. Средний возраст учителя в них составляет 55 лет, а доля молодых педагогов составляет всего 17%. Средняя заработная плата учителя в Республике около 37 тысяч рублей, медианная зарплата, безусловно, меньше. Выпускники педагогических вузов и колледжей, примерно 80%, устраиваются в школы, но этого недостаточно для покрытия дефицита учителей в Республике, особенно на селе.

Среди наиболее редких вакансий, требующих наличия высшего образования, можно выделить следующие: архитектор, аудитор, геолог, дизайнер компьютерной графики, корреспондент и гид-переводчик [9].

Как уже отмечали выше, на рынке труда и рынке образовательных услуг мы наблюдаем определенный дисбаланс в подготовке кадров. Это подтверждается данными, представленными на сайте регионального центра занятости населения, статистическими данными Министерства семьи, труда и социальной защиты Республики Башкортостан. Согласно прогнозу Министерства семьи, труда и социальной защиты Республики Башкирии самый высокий кадровый голод предрекают в 2024 году, когда для удовлетворения потребности в рабочих руках необходимо будет привлечь 85,2 тысячи работников [15]. Такой прогноз представлен тем, что регион активно развивается, появилась особая экономическая зона промышленно-производственного типа «Алга».

Модернизация образования является одной из важнейших задач социально-экономического развития страны. Это объясняется тем, что связь между экономическими процессами и социальной сферой является очевидной, и никто не ставит под сомнение эту связь. «Поэтому Министерство семьи, труда и социальной защиты считает необходимым модернизировать образование как один из основных видов инвестиций в человеческий потенциал» [4, с. 51].

В разрезе потребностей рынка труда, рассмотрим, какие специальности пользуются наибольшей популярностью в вузах республики. Из данных доклада Министерства образования и науки Республики Башкортостан на 2022–2023 учебный год больше всего бюджетных мест было выделено по направлению подготовки «Информатика и вычислительная техника» – 682. Их готовят в четырех вузах республики: БашГУ, БГПУ им. М. Акмуллы, УГАТУ и УГНТУ.

Второе место по популярности среди будущих бакалавров было направление «Машиностроение». На нее было выделено 632 места, специалистов готовят в трех вузах: БашГУ, УГАТУ и УГНТУ. На третьем месте направление подготовки «Электро- и теплоэнергетика». На нее было выделено 371 бюджетное место. Готовят бакалавров в БГАУ, УГНТУ, УГАТУ. 295 мест было по направлению «Промышленная экология и биотехнология». Топ-5 популярных направлений среди выпускников школ 2022 года республики замыкает «Техносферная безопасность и природообустройство» – 171 место.

По направлению «Образование и педагогические науки» республике было выделено 2397 бюджетных мест, готовят выпускников в БГПУ им. М. Акмуллы и БашГУ.

В области среднего профессионального образования на территории Республики Башкортостан функционирует 96 колледжей, и это одна из самых крупнейших сетей среднего профессионального образования в Российской Федерации. На августовском совещании в 2022 г. министр образования и науки Республики в ежегодном докладе озвучил, что по итогам приемной комиссии в сузу Республики Башкортостан большой конкурс был среди выпускников 9 классов общеобразовательных школ. «Самой привлекательной для них стала специальность

«Информатика и вычислительная техника». Здесь был конкурс 49 человек на место. Также в лидерах направления юриспруденции, сервиса и туризма» [2].

Таким образом, мы видим, что количество поступающих абитуриентов в учреждения среднего и высшего профессионального образования Республики Башкортостан не покрывают необходимую потребность в специалистах на рынках труда. Это происходит, отчасти потому, что образовательные организации не готовы быстро трансформироваться в подготовке специалистов на рынке труда. В подготовке кадров образовательные учреждения ориентируются, в большей части, на запросы абитуриентов и их родителей.

Тем не менее, стоит отметить, что наблюдается умеренное реформирование в подготовке кадров. Так, вузы и сузу начинают постепенно ориентироваться на то, что «в настоящее время во всем мире растет скорость технологических инноваций, технологии с каждым годом становятся всё доступнее, происходит серьезная перестройка производства» [7, с. 117] и «в связи со стремительно растущей цифровой трансформацией, организации, компании, государство в целом нуждаются в высококвалифицированных кадрах» [7, с. 120].

«Прогнозирование должно быть достоверным, так как в дальнейшем, развитие перспективных направлений экономики и социальной сферы региона и страны в целом зависит от обеспечения потребности экономики региона в квалифицированных кадрах» [3]. «Инновационный путь развития отечественной экономики требует от специалистов, занятых в самых разнообразных отраслях, принципиально новых компетенций, к которым можно отнести – высокий уровень креативности и адаптационной мобильности, умение гибко и системно мыслить, самостоятельность и активность. В результате к современной системе образования, как со стороны рынка труда, так и регулирующих воздействий, предъявляются новые требования, необходимые для обеспечения подготовки выпускников, готовых к совершенно иным условиям деятельности и наделенных скорее не статичным набором знаний и навыков, но динамичными способностями к обучению и к быстрой адаптации в новых условиях» [11, с. 132].

Разрыв между потребностями рынка труда и рынка образовательных услуг решает программа «Приоритет-2030», одной из задач которой является «участие образовательных организаций высшего образования в социально-экономическом развитии субъектов Российской Федерации» [14].

В Республике Башкортостан победителями федеральной программы в специальной части стали три вуза – Уфимский университет науки и технологий (новое образовательное учреждение, созданное в результате объединения в ноябре 2022 г. Башкирского государственного университета и Уфимского государственного авиационного технического университета), Башкирский государственный медицинский университет и Уфимский государственный нефтяной технический университет.

В рамках Программы в 2022 году появились новые направления: социокреативная урбанистика, управление социально-демографическими процессами в регионе и социальная работа в сфере семейно-демографической политики.

Как уже отмечалось выше, новые программы, разработаны с учетом экономических и социально-культурных запросов работодателей в России и Башкортостане, а также развития новых технологий. Именно поэтому внедряются программы, связанные:

– с цифровизацией и использованием искусственного интеллекта в различных профессиональных сферах;

- разработкой новых материалов, нефтедобычей и нефтепереработкой, новыми научными направлениями;
- внедрением проектных технологий в экономике и социальной сфере [17].

В Университете науки и технологий особое внимание уделяется развитию научно-технологического парка, что обеспечивает студентам получение более качественного образования и практических навыков, которые будут востребованы на рынке труда.

В Башкирском государственном медицинском университете в рамках программы так же разрабатываются новые направления. Ректор университета в своем интервью отмечал, что в рамках реализации программы «Приоритет-2030» активно развивается международный офтальмологический кластер, который способствует объединению ученых и специалистов из разных стран для создания видимого на мировой карте научного центра. Кроме того, второй трек развития связан с сотрудничеством с промышленными партнерами, производящими продукцию для офтальмологии, радиации и других областей медицины. В рамках этого сотрудничества будут разрабатываться новые биотехнологии, которые помогут улучшить здоровье людей по всему миру.

В Уфимском государственном нефтяном техническом университете разработана концепция, которая поможет университету справиться с вызовами, связанными с ростом затрат на добычу, транспортировку и переработку энергоресурсов, а также экологическими проблемами. Она позволяет университету стать лидером в создании нового научного знания и решить технологические проблемы развития ключевых компаний-партнеров и предприятий всего региона [18].

Стоит также отметить, что в рамках федеральной программы «Приоритет-2030» в этих учебных заведениях разработаны новые программы дополнительного профессионального образования с учетом запросов рынка труда. Таким образом, у студентов очной формы обучения есть уникальная возможность на выходе получить к основному диплому о профессиональной подготовке дополнительный с присвоением новой квалификации.

Определенные шаги в пересмотре программ подготовки сделаны и в сфере среднего профессионального образования. В Республике внедрена «Стратегия развития среднего профессионального образования в Республике Башкортостан на 2022–2026 годы». Разработчики учли основные тренды, обозначенные Министерством просвещения Российской Федерации и запросами работодателей. Для достижения поставленных целей необходимо разработать стратегию, включающую несколько этапов:

- улучшение качества подготовки квалифицированных кадров в соответствии с требованиями рынка труда;
- согласование структуры подготовки кадров и запросов рынка труда;
- модернизация материально-технической базы профессиональных образовательных организаций в республике;
- внедрение новых методов обучения и воспитания, а также образовательных технологий, чтобы обновить содержание образовательных программ;
- повышение эффективности работы колледжей через развитие внебюджетной деятельности;
- создание условий для воспитания и развития молодежи и повышение профессионального уровня преподавателей и мастеров производственного обучения [13].

Кроме того, Республика стала участником проекта по внедрению профессионалитета. Благодаря совмест-

ным государственным и частным инвестициям в развитие базовых техникумов предприятия получили возможность участия в управлении кластеров и формирования кадров под свой заказ.

Другой механизм решения разрыва между рынком труда и рынком образовательных услуг становится создание учебно-производственных комплексов в структуре техникумов и колледжей. Это становится возможным, поскольку УПК закреплены в Федеральном законе «О внесении изменений в статьи 27 и 28 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации». В республике Башкортостан началась работа по созданию учебно-производственных комплексов на 2023–2025 гг. Наиболее распространенными отраслями станут сельское хозяйство, машиностроение, горная промышленность, туризм, IT, создание и обслуживание робототехнических комплексов, образование и педагогика. Как видим из вышеприведенной статистики по нехватке кадров в отраслях, создание УПК может решить данную проблему.

«Следует отметить, что цифровизация оказывает существенное влияние на рынок труда, на изменения, происходящие в нем, и интересным на наш взгляд представляется образовательный проект «Атлас новых профессий» [5, с. 166]. «Разработчики российского образовательного проекта «Атлас новых профессий» на основе своего проведенного исследования и изучения тенденций на рынке труда в связи с развитием цифровой экономики отразили перспективные, и, наоборот отмирающие отрасли и профессии на ближайшие 15–20 лет. По замыслу авторов, он должен помочь понять, какие отрасли будут активно развиваться, какие в них будут рождаться технологии и продукты, какие специалисты потребуются, а какие перестанут быть актуальными» [6, с. 59]. Знание приведенных результатов Атласа и прогнозы рынка труда могло бы позволить выпускникам и родителями выбирать именно те направления, где риск остаться без работы был бы минимальным.

Хотелось бы отметить, что «осуществление развития и реализации федеральных проектов «Цифровая образовательная среда», «Кадры для цифровой экономики» позволят формировать перспективу будущего, вместе с тем подготовить высококвалифицированных специалистов с имеющимися развитыми цифровыми компетенциями» [6, с. 62].

Исследования научных статей указывают на то, что взаимодействие между рынком труда и образовательными услугами должно быть основано на том, что рынок труда обеспечивает рынок образовательных услуг информацией о востребованных профессиях и требованиях работодателей, а также о растущем спросе на определенные виды образования.

Бекоева М.И. подчеркивает важность комплексного подхода к этому вопросу и отмечает необходимость учета «потребностей будущих специалистов различных направлений подготовки при разработке таких схем» [1]. Этот подход заслуживает особого внимания, так как при разработке кадровой политики необходимо учитывать причины дисбаланса на рынке труда и определять пути решения этих проблем. Одним из ключевых направлений является совершенствование трудового потенциала молодого поколения.

Кроме всего вышеперечисленного, необходимо понять, что при трансформации рынка образовательных услуг необходимо ориентироваться на «реальные требования и запросы рынка труда» [13, с. 87].

В исследованиях Коковой С.Ф. и Караевой Ф.Е. сделана попытка рассмотреть влияние рынка труда на выбор направлений подготовки в образовательных учреж-

дениях высшего и среднего профессионального образования. Так, авторы справедливо отмечают, что образовательные учреждения «должны быстро перестраиваться, мобилизуя организационные и управленческие ресурсы в минимальные промежутки времени. В противном случае, консервативные вузы окажутся неконкурентоспособными и банкротами» [8].

Проведенный анализ рынка труда и рынка образовательных услуг Республики Башкортостан позволяет сделать определенные выводы. Во-первых, образовательные учреждения высшего и среднего профессионального образования консервативны, недостаточно быстро реагируют на запросы рынка труда, тяжело перестраиваются на спросы работодателей. Во-вторых, несмотря на некий консерватизм, рынок образовательных услуг, участвуя и реализуя региональные и федеральные проекты, открывает новые направления подготовки, через систему дополнительного образования выпускникам дается возможность приобрести новые компетенции, востребованные на рынке труда. В основе новых веяний лежит тренд – цифровизация. В-третьих, необходимо повышать уровень квалификации профессорско-преподавательского состава, оказывающего огромное влияние на качество образования. В данном направлении необходимо сделать ставку на формирование мотивации ученых.

Литература

1. Бекоева М.И. Интеграция рынка труда и рынка образовательных услуг как условие устойчивого социально-экономического развития государства // Сетевой научный журнал «Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие». 2019. Том 7. № 3(26). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/integratsiya-rynka-truda-i-rynka-obrazovatelnyh-uslug-kak-uslovie-ustoychivogo-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-gosudarstva/viewer> DOI: 10.23888/humJ20193459–468
2. В Башкирии на бюджетные места в колледжи из 60 тысяч желающих поступило 23 тысячи. – URL: <https://resbash.ru/news/obrazovanie/2022–08–29/nabyudzhetye-mesta-v-kolledzhi-bashkirii-iz-60-tysyach-zhelayuschih-postupilo-23-tysyachi-2926669>
3. Владимирова Н.В. Актуальные вопросы взаимодействия системы профессионального образования и рынка труда. – URL: https://yrok.pf/library/aktualnie_voprosi_vzaimodeystviya_sistemi_profes-si_022930.html
4. Габидуллина Г.Р. Социальная ответственность государства: анализ и перспективы кадровой политики в сфере образования // Вестник БИСТ. 2018. № 1 (38). С. 51–58.
5. Габидуллина Г.Р., Лужнева А.М., Феденко У.А. Цифровая экономика и ее роль в развитии рынка труда: тенденции и перспективы // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2020. № 3 (153). С. 165–168 DOI: 10.34773/EU.2020.3.35
6. Габидуллина Г.Р., Хамитова А.Н. Влияние цифровой трансформации на рынок труда // Russian Studies in Law and Politics. 2021. 1 (5). С. 57–64.
7. Габидуллина Г.Р., Хамитова А.Н. Роль цифровой трансформации в работе с молодежным кадровым потенциалом // Международная научно-практическая конференция «Современный молодежный рынок труда: тренды, вызовы и перспективы развития». – Нижний Новгород, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2021. С. 117–121.

8. Кокова С.Ф., Караева Ф.Е. Цифровизация экономики: условия взаимодействия рынка труда и системы перевернутого образования. – URL: <https://izron.ru/articles/pedagogika-psikhologiya-i-obrazovanie-ot-teorii-k-praktike-sbornik-nauchnykh-trudov-po-itogam-mezhdu/seksiya-9-innovatsionnye-protsessy-i-informatsionnye-tehnologii-v-obrazovanii/tsifrovizatsiya-ekonomiki-usloviya-vzaimodeystviya-rynka-truda-i-sistemy-perevernutogo-obrazovaniya>
9. Крайнов П. Готовим учителей и айтишников, а нужны рабочие: что не так с рынком труда в Башкирии в 2022 г. – URL: <https://www.ufa.kp.ru/daily/27414/4613208/>
10. Крыжанова Л.С. Интеграция рынка труда и рынка образовательных услуг для обеспечения сбалансированности национального рынка труда // Вестник КРСУ. 2018. Том 18. № 3. – URL: <http://www.lib.krsu.edu.kg/uploads/files/public/9769.pdf>
11. Максимова Т.Г., Минасян А.Р. Интеграционные проблемы системы образования и рынка труда при подготовке кадров для инновационной экономики России // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия «Экономика и экологический менеджмент». 2015. № 1. С. 131–139.
12. Об утверждении Стратегии развития среднего профессионального образования в Республике Башкортостан на 2022–2026 годы. – URL: <https://nra.bashkortostan.ru/36072/>
13. Пескова О.С. Взаимодействие рынка образовательных услуг и рынка труда как следствие развития экономики знаний // Вестник СГУТКД. 2011. № 2 (16). С. 84–88
14. Приоритет 2030 – лидерами становятся. – URL: <https://priority2030.ru>
15. Прогноз баланса трудовых ресурсов Республики Башкортостан на 2022–2024 годы. – URL: http://www.bashzan.ru/system/docs/37721/btr_2022–2024.pdf?1638352131
16. Распоряжение Правительства Республики Башкортостан от 29 января 2021 года № 51-р «Об утверждении Комплекса мер по восстановлению численности занятого населения Республики Башкортостан в 2021 году». – URL: <https://docs.cntd.ru/document/574622875>
17. Три вуза Башкирии получают спецгранты «Приоритет-2030» на 700 млн. – URL: <https://ufa.rbc.ru/ufa/05/10/2021/615c5dd29a79477b15e00bcb>
18. Уфимский государственный технический университет презентовал программу развития в рамках «Приоритет-2030». – URL: <https://nocrb.ru/tpost/7s6dddn2o1-ufimskii-gosudarstvennii-neftyanoi-tehni>

ASSESSMENT OF THE EDUCATIONAL SERVICES MARKET AS A CONDITION FOR SUSTAINABLE SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE REGION

Muhametshina G.R.

Ufa University of Science and Technology

The article considers the features of the integration of labor markets and educational services as conditions for sustainable socio-economic development of the Republic of Bashkortostan. The market of educational services promotes the involvement of the able-bodied population in the continuous educational process, which subsequently contributes to regulating the level of competitiveness of graduates in the labor market. The article analyzes the labor market and the educational services market of the Republic, provides statistical data of the Federal Statistics of the Republic of Bashkortostan, as well as the website ufa.hh.ru with the main trends of the labor market of the republic for 2021–2022. Data analysis re-

vealed a number of problems in the integration of the labor market and the educational services market, which are generally identical in Russia. Forecasting the need for qualified personnel should be reliable and verified so that there is no bias in the areas of training specialists in educational institutions of the Republic. But, nevertheless, the authors highlight.

Keywords: educational services market, labor market, competencies, university graduates, specialists, profession, competitiveness.

References

1. Bekoeva M.I. Integration of the labor market and the educational services market as a condition for sustainable socio-economic development of the state // Online scientific journal «Personality in a changing world: health, adaptation, development». 2019. Том 7. № 3(26). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/integratsiya-rynka-truda-i-rynka-obrazovatelnyh-uslug-kak-usloviye-ustoychivogo-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-gosudarstva/viewer> DOI: 10.23888/humJ20193459–468
2. In Bashkiria, 23 thousand out of 60 thousand applicants entered low-cost places in colleges. – URL: <https://resbash.ru/news/obrazovanie/2022-08-29/na-byudzhetnyemesta-v-kolledzhi-bashkirii-iz-60-tysyach-zhelayuschih-postupilo-23-tysyachi-2926669>
3. Vladimirova N.V. Topical issues of interaction between the vocational education system and the labor market. – URL: https://yok.pф/library/aktualnie_voprosi_vzaimodejstviya_sistemi_professi_022930.html
4. Gabidullina G.R. Social responsibility of the state: analysis and prospects of personnel policy in the field of education // Vestnik BIST. 2018. № 1 (38). P. 51–58
5. Gabidullina G.R., Luzhneva A.M., Fedenko U.A. Digital economy and its role in the development of the labor market: trends and prospects // Economics and Management: a scientific and practical journal. 2020. No 3 (153). P. 165–168. DOI: 10.34773/EU.2020.3.35
6. Gabidullina G.R., Khamitova A.N. The impact of digital transformation on the labor market // Russian Studies in Law and Politics. 2021. 1 (5). P. 57–64.
7. Gabidullina G.R., Khamitova A.N. The role of digital transformation in working with youth human resources // International Scientific and Practical conference «Modern youth labor market: trends, challenges and development prospects». – Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky, 2021. – P. 117–121.
8. Kokova S.F., Karaeva F.E. Digitalization of the economy. conditions of interaction between the labor market and the inverted education system. – URL: <https://izron.ru/articles/pedagogika-psikhologiya-i-obrazovanie-ot-teorii-k-praktike-sbornik-nauchnykh-trudov-po-itogam-mezhdu-sektsiya-9-innovatsionnye-protsessy-i-informatsionnyetehnologii-v-obrazovanii/tsifrovizatsiya-ekonomiki-usloviyavzaimodeystviya-rynka-truda-i-sistemy-perevernuto-gobrazovaniya>
9. Krainov P. We train teachers and IT specialists, but we need workers: what is wrong with the labor market in Bashkiria in 2022. – URL: <https://www.ufa.kp.ru/daily/27414/4613208/>
10. Kryzhanova L.S. Integration of the labor market and the educational services market to ensure the balance of the national labor market // Bulletin of the KRSU. 2018. Volume 18. No. 3. – URL: <http://www.lib.krsu.edu.kg/uploads/files/public/9769.pdf>
11. Maksimova T.G., Minasyan A.R. Integration problems of the education system and the labor market in the training of personnel for the innovative economy of Russia // Scientific Journal of the ITMO Research Institute. The series «Economics and Environmental Management». 2015. № 1. P. 131–139.
12. On the approval of the Strategy for the Development of secondary vocational education in the Republic of Bashkortostan for 2022–2026. – URL: <https://npa.bashkortostan.ru/36072/>
13. Peskova O.S. Interaction of the educational services market and the labor market as a consequence of the development of the knowledge economy // Vestnik SGUTiKD. 2011. № 2 (16). P. 84–88.
14. Priority 2030 – leaders become. – URL: <https://priority2030.ru>
15. Forecast of the balance of labor resources of the Republic of Bashkortostan for 2022–2024. – URL: http://www.bashzan.ru/system/docs/37721/btr_2022-2024.pdf?1638352131
16. Decree of the Government of the Republic of Bashkortostan No. 51-r dated January 29, 2021 «On approval of a set of measures to restore the number of employed population of the Republic of Bashkortostan in 2021». – URL: <https://docs.cntd.ru/document/574622875>
17. Three universities of Bashkiria will receive special grants «Priority-2030» for 700 million – URL: <https://ufa.rbc.ru/ufa/05/10/2021/615c5dd29a79477b15e00bcb>
18. Ufa State Technical University presented a development program within the framework of «Priority-2030». – URL: <https://nocrb.ru/tpost/7s6dddn2o1-ufimskii-gosudarstvennii-neftyanoi-tehni>

Поддержка предпринимательства как условие для личностной и профессиональной самореализации молодёжи в России

Рябова Татьяна Михайловна,

к.с.н., доцент, доцент кафедры современного государственного и муниципального управления Российского государственного социального университета

Мотылев Арсений Кириллович,

аспирант кафедры современного государственного и муниципального управления Российского государственного социального университета
E-mail: Arskm95@gmail.com

Статья посвящена анализу роли предпринимательства в процессе личностной и профессиональной самореализации молодёжи в России. Основной акцент сделан на современные условия и препятствия, с которыми сталкиваются молодые предприниматели. В статье рассмотрены исторические аспекты развития предпринимательства, текущий статус-кво, а также основные препятствия на пути молодёжного бизнеса, такие как юридические барьеры, финансовые ограничения и несовершенство образовательной системы. Особое внимание уделено возможным решениям и перспективам в данной сфере, включая роль государственной поддержки, образовательных программ и коворкингов. Статья также представляет кейс-стади и интервью с успешными молодыми предпринимателями, что позволяет лучше понять практическую сторону вопроса. В заключении подведены основные выводы и предложены рекомендации по дальнейшему развитию предпринимательства среди молодёжи в России.

Ключевые слова: предпринимательство, молодёжь, самореализация, россия, стартапы, государственная поддержка, образовательные программы, финансовые ограничения, юридические барьеры, коворкинги и инкубаторы, профессиональное развитие, инновации, социальное предпринимательство, экономическая политика, устойчивое развитие.

В современной России предпринимательство становится всё более значимым фактором социально-экономического развития страны. Оно не только создаёт новые рабочие места и стимулирует экономический рост, но и является платформой для личной и профессиональной самореализации, особенно среди молодёжи. В этом контексте, поддержка молодых предпринимателей со стороны государства и частных организаций становится критически важным элементом для развития экономики и общества в целом.

Актуальность исследования заключается в том, что поддержка предпринимательства является одним из ключевых факторов, способствующих личностной и профессиональной самореализации молодёжи в России. В настоящее время молодые люди все чаще стремятся к созданию собственного бизнеса, чтобы реализовать свой потенциал и достичь финансовой независимости. Однако, не всегда у них есть необходимые знания и навыки для успешного запуска и развития своего бизнеса. Поэтому поддержка со стороны государства и общества становится необходимой составляющей для достижения успеха в предпринимательской деятельности.

Данная статья стремится заполнить пробел в понимании того, как поддержка предпринимательской активности может влиять на жизнь молодёжи, давая им шанс для самореализации и успешного профессионального развития в России. Исходя из этого для исследования данной проблемы будут приведены количественные и качественные методы исследования.

Одной из основных проблем, которую можно выделить при написании данной научной статьи, является отсутствие комплексного подхода к поддержке предпринимательства среди молодёжи в России. Несмотря на то, что государство активно поддерживает развитие малого и среднего бизнеса, многие молодые люди сталкиваются с трудностями при запуске своего дела. Это связано с отсутствием необходимых знаний и навыков, недостаточной информационной поддержкой, а также с ограниченными финансовыми возможностями. Поэтому, для решения этой проблемы необходимо создание специальных программ и проектов, направленных на обучение и поддержку молодых предпринимателей.

Предпринимательство – это деятельность, направленная на создание и развитие бизнеса с целью получения прибыли. Оно представляет собой систему взаимосвязанных элементов, включая предпринимателей, рынок, ресурсы и законодательную базу. В рамках данной системы можно выделить несколько видов предпринимательства: малый, средний и крупный бизнес, а также различные отраслевые и форматные направления (например, IT-предпринимательство, социальное предпринимательство, франчайзинг и т.д.).

Основные характеристики предпринимательства включают в себя инновационность, риск, автономность и конкурентоспособность. Каждый из этих аспектов имеет свои нюансы и может проявляться в различной степени в зависимости от конкретного бизнес-проекта. Предпринимательство играет ключевую роль в процессе самореализации, предоставляя индивиду возможность для реализации своих потенциальных способностей,

интересов и ценностей. Предпринимательская деятельность включает в себя не только финансовые аспекты, но и возможность применить свои навыки, знания и креативность в реальных бизнес-проектах.

Существует ряд теоретических моделей, которые исследуют связь между предпринимательством и самореализацией. Одна из таких моделей – теория самоопределения Деци и Райана, которая акцентирует внимание на том, как автономия и компетентность, свойственные предпринимательской деятельности, способствуют повышению уровня самореализации.

Предыдущие исследования также подтверждают положительный эффект предпринимательства на самореализацию. Например, исследования в области психологии предпринимательства часто обращают внимание на повышенный уровень удовлетворенности жизнью и карьерной успешности среди предпринимателей по сравнению с наемными работниками.

В совокупности эти данные и модели демонстрируют важность предпринимательства как пути к личной и профессиональной самореализации, особенно в контексте молодежи, которая только начинает свой путь в профессиональной сфере.

Общие инвестиции в мировую экономику, сделанные молодыми предпринимателями, согласно исследованию

BNP Paribas составляют 5 млрд долл. США. Большинство стартапов как во всем мире, так и в России создают люди в возрасте от 25 до 35 лет. В одной только Москве в прошлом году насчитывалось 13 тысяч стартапов, которые придумали люди в возрасте до 25 лет, из них большая часть проектов принадлежит тем, кому всего 18–20 лет.

В России количество молодых бизнесменов стремительно растет, особенно среди несовершеннолетних. Если в 2020 году по данным АСИ в стране насчитывалось более 18 тысяч несовершеннолетних предпринимателей, то уже год спустя в одной только столице зарегистрировались 30 тысяч самозанятых до 18 лет. А вообще среди предпринимателей в России всех возрастов целых 30% – молодые люди.

Предпринимательская деятельность – движущая сила экономики. Благодаря малому и среднему бизнесу создаются рабочие места, на рынке появляются новые товары и услуги. По данным Федеральной налоговой службы, в России зарегистрировано более 6,2 млн субъектов малого и среднего предпринимательства, численность наемных работников у которых превышает 15 млн человек.

Результаты мониторингового опроса об отношении россиян к предпринимательской деятельности представлены в табл. 1.

Таблица 1. Результаты проведенных опросов ВЦИОМ

Хотели ли Вы когда-либо иметь собственный бизнес, стать предпринимателем? (закрытый вопрос, один ответ, в Хот всех опрошенных)					
	2008	2009	2011	2013	2023
<i>У меня есть свой бизнес</i>	4	5	5	5	8
<i>Раньше хотел и теперь хочу</i>	26	19	21	17	22
<i>Раньше хотел, теперь – уже нет</i>	15	13	13	11	21
<i>Раньше не хотел, а теперь хочу</i>	6	6	9	6	5
<i>Никогда не хотел и сейчас не хочу</i>	44	55	44	52	42
<i>Затрудняюсь ответить</i>	5	2	8	9	2
Как Вы считаете, каковы в Вашем городе (селе) условия для развития малого бизнеса, частного предпринимательства? (закрытый вопрос, один ответ, в Хот всех опрошенных)					
	2009	2013	2023		
<i>Условия, безусловно, хорошие</i>	3	2	9		
<i>Скорее хорошие</i>	27	23	41		
<i>Скорее плохие</i>	31	38	22		
<i>Условия, безусловно, плохие</i>	13	17	9		
<i>Затрудняюсь ответить</i>	26	20	19		

Источник: составлено автором.

За год в рамках Всероссийской программы по развитию молодежного предпринимательства было организовано 36 комплексных мероприятий, в которых приняли участие более 35 тысяч человек из 37 пилотных регионов

В России существует разветвленная система государственной поддержки предпринимательства. На законодательном уровне это выражается в ряде федеральных законов, например, «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации», а также в стратегических документах, таких как «Стратегия развития малого и среднего предпринимательства до 2030 года». Основными формами финансовой поддержки здесь являются субсидии и гранты, направленные на стимулирование начинающих предпринимателей и развитие инновационных проектов.

Кроме того, на региональном уровне работают специализированные фонды и агентства, которые оказывают консультационную и финансовую поддержку местным бизнес-проектам. Все эти механизмы призваны создать благоприятные условия для развития предпринимательской активности и, как следствие, для самореализации молодежи.

Помимо государственных мер, значительную роль в поддержке предпринимательства в России играют частные инициативы. Прежде всего, это бизнес-инкубаторы и акселераторы, которые предоставляют молодым компаниям необходимые ресурсы для развития: от пространства для работы до менторства и обучения. Такие площадки часто становятся отправной точкой для успешных стартапов и инновационных проектов.

Венчурное финансирование в России также активно развивается, предоставляя дополнительные возможности для получения инвестиций в перспективные бизнес-проекты. Венчурные фонды и ангельские инвесторы часто фокусируются на высокотехнологичных и инновационных стартапах, создавая тем самым дополнительные стимулы для молодежи заниматься предпринимательством.

Стоит отметить и фестиваль молодежного предпринимательства, который прошел в 2022 году и собрал участников программы «Росмолодежь.Бизнес» – молодых предпринимателей, планирующих подключиться к будущим мероприятиям и проектам, а также участников декларации солидарной ответственности бизнеса #МЫВМЕСТЕ – волонтерского проекта, направленного на помощь семьям военнослужащих, которых планируется отметить отдельной премией «За вклад в оказании помощи семьям мобилизованных» и «За вклад в оказании помощи военнослужащим» (рис. 1).

Фестиваль проводился, с той целью чтобы как можно больше людей узнали о возможностях, которые сегодня открыты для молодых бизнесменов и о мерах государственной поддержки для них. В частности, где найти деньги на стартап, как сменить курс на локальный рынок, как скорее выйти на точку окупаемости и сконцентрироваться на качестве и сервисе и на потребностях покупателей и так далее.

Главная задача таких мероприятий – это популяризация предпринимательства, расширение горизонтов понимания о возможностях, которые предоставляет государство для молодежи. Те форматы, которые были интегрированы в деловую программу фестиваля, напрямую отвечают на запрос молодежи – деловое общение, поиск новых связей, выстраивание отношений с новыми партнерами для общей консолидации усилий.

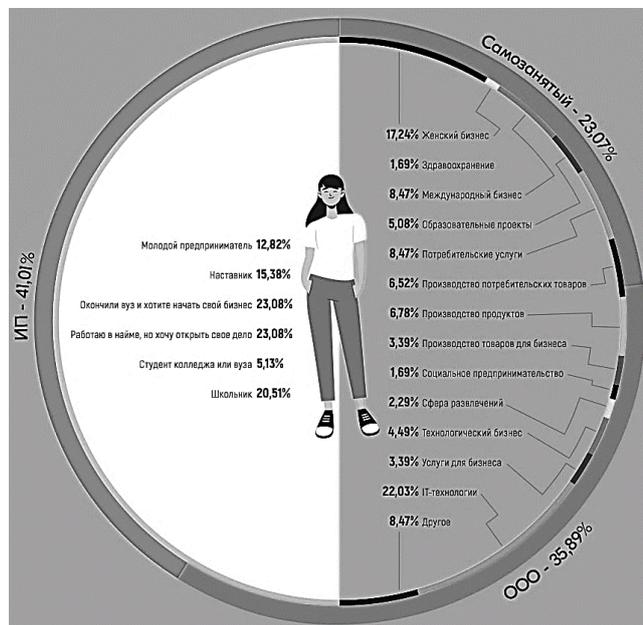

Рис. 1. Диаграмма. Кто и зачем приходит на проекты «Росмолодежь. Бизнес»

Источник: составлено автором.

Система поддержки предпринимательства в России представляет собой сложный механизм, в который вовлечены как государственные, так и частные структуры.

Органы власти в 2023 году – это полноценные комьюнити, которые агрегируют лучшие бизнес-практики и за счет сегментирования целевой аудитории добиваются устойчивой лояльности. Показательным примером

на этом направлении является Федеральное агентство по делам молодежи (Росмолодежь), создавшее целую линейку официальных телеграм-каналов, удовлетворяющих запросы каждой отдельной категории молодых жителей России. Нужен грант – вся информация будет у «Росмолодежь.Гранты». Как вести свое дело, ответят на канале «Росмолодежь.Бизнес», а с карьерным треком помогут определиться эксперты «Росмолодежь.Карьера».

Стоит отметить и исследование (опрос) Агентства стратегических инициатив, которое показало, что 84,5% молодых людей хотели бы работать на себя. В исследовании приняли участие 115 тысяч человек от 14 до 24 лет. В частности, респондентам предложили ответить на вопрос, насколько по 10-балльной шкале их привлекает идея своего бизнеса. Более трети опрошенных (39,4%) оценили такую мысль на 10 баллов, 15,4% – поставили ей 8 баллов, 13,8% – 7. Практически все участники исследования (97,2%) считают, что «делать свое дело – это интересно». На вопрос «Что привлекает в мысли о собственном деле?» 20% респондентов ответили «работать на себя», 16,6% отметили «возможность заниматься любимым делом», 16,1% – высокий доход, 15,3% выделили свободный график, а 15,2% – шанс воплотить мечту. Среди факторов, отталкивающих от идеи заниматься предпринимательством, 19,6% опрошенных назвали отсутствие денег, 16,8% – нехватку опыта и знаний, 14,7% признались, что не знают, с чего начать, 11% сослались на слишком юный возраст, а 9,6% сказали, что боятся рисковать. На заключительный вопрос «Чего бы тебе хотелось в будущем?» 84,5% ответили, что хотели бы работать на себя. 15,5% предпочтут работать в найме, или им все равно (рис. 2).

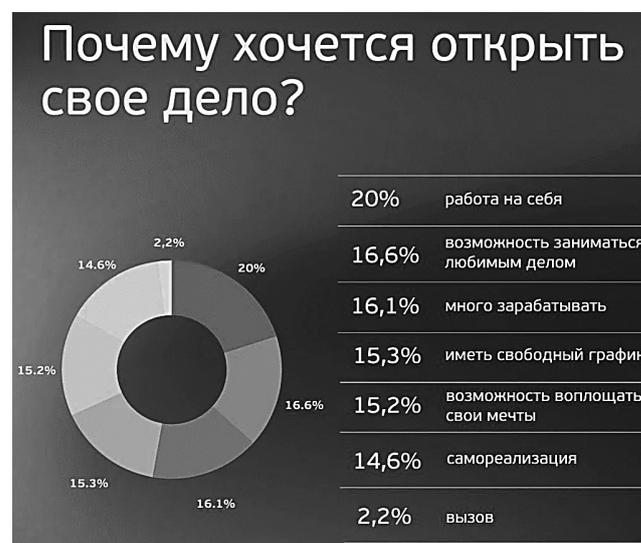

Рис. 2. Диаграмма. Результаты опроса АСИ

Источник: составлено автором.

Исследование показало, что поддержка предпринимательства в России оказывает существенное влияние на личностную и профессиональную самореализацию молодежи. С одной стороны, это подтверждает существующие теоретические модели, согласно которым предпринимательство является ключевым фактором самореализации. С другой стороны, исследование вносит вклад в практику, указывая на различную эффективность форм поддержки на разных стадиях бизнеса.

Развитие системы поддержки предпринимательства, в том числе, молодежного, играет существенную роль в социально-экономическом развитии территории и развитии человеческого потенциала страны. При этом

огромное количество различных как государственных, так и частных инициатив, по мнению авторов, не может обеспечить эффективное интегрирование молодежи в предпринимательскую деятельность.

По результатам, проведенного анализа существующих мер государственных и частных мер поддержки молодежного предпринимательства, были выявлены следующие недостатки в работе тех или иных организаций: отсутствие единства базы данных, неактуальность информации, размещенной на сайте или в социальных сетях, отсутствие четкой структуры действий в том или ином случае для интересанта, длительный процесс получения информации от оператора или человека, отвечающего за коммуникацию с аудиторией, из-за некомпетентности такого сотрудника, сложность предоставляемой информации и, как следствие низкая результативность современной практики взаимодействия государственных или частных организаций с аудиторией, которая заинтересована в познании фундаментальных практических навыков в области предпринимательства или разборе конкретных вопросов, связанных с уже осуществляемой деятельностью в сфере МСП.

В качестве мер, направленных на решение этих узких мест, авторами предлагается создание единого окна, которое будет единственной точкой входа для всей аудитории. Такое «единое окно» позволит собрать базу данных, ключевые часто задаваемые вопросы, разработать методические материалы, пособия, чек-листы. Интегрирование системы чат-ботов будет большим инновационным рывком для такой системы, это снизит уровень трудозатрат и оптимизирует часть бизнес-процессов.

Также целесообразно провести структурное распределение, которое направит интересанта именно в ту организацию, которая занимается этими вопросами. А количество дней на обратку запроса необходимо сократить с общепринятых 30 дней до 5 рабочих дней, потому что актуальность сформированного запроса на практике пропадает через 2–3 дня после его отправки.

Дополнительно стоит отметить, что существует множество способов, которые могут помочь молодежи в области предпринимательства самореализоваться: обучение и тренинги по предпринимательству. Многие организации и университеты предлагают курсы и программы обучения, которые помогают молодым людям развивать свои навыки в области управления бизнесом, маркетинга, финансов и других важных аспектов предпринимательства. Второе – поддержка со стороны государства. Государственные органы и фонды предоставляют различные виды поддержки для молодых предпринимателей, включая гранты, льготные кредиты, консультации экспертов и т.д. В-третьих – общение с опытными предпринимателями. Молодые люди могут общаться с успешными предпринимателями, которые делятся своим опытом и знаниями в области бизнеса. Четвертое это создание сообщества предпринимателей. Сообщество предпринимателей может быть полезным инструментом для обмена опытом и ресурсами между молодыми людьми, которые занимаются предпринимательством. И последнее – использование социальных сетей. Социальные сети могут быть полезным инструментом для продвижения своих бизнес-идей и поиска партнеров и клиентов.

В заключение, исследование подтвердило важность и актуальность поддержки предпринимательства как инструмента самореализации молодежи в России. Наши выводы и рекомендации могут быть полезными для улучшения текущей системы поддержки и для формирования более эффективной стратегии развития предпринимательского сектора в России.

Литература

1. Федеральный закон от 24.07.2007 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52144/
2. Распоряжение Правительства РФ от 02.06.2016 № 1083-р «Об утверждении Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года» (ред. от 30.03.2018). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_199462/f3fa9da4fab9fba49fc9e0d938761ccffdd288bd/
3. Кашанина Т.В. Предпринимательство. Правовые основы. – М.: 1994. – 175 с. – URL: http://pravo-olymp.ru/wp-content/uploads/2013/04/%D0%9E%D1%81%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D1%8B-%D1%80%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B3%D0%BE-%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%B0_%D0%9A%D0%B0%D1%88%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%BD%D0%B0-%D0%A2-%D0%92-%D0%9A%D0%B0%D1%88%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%BD-%D0%90-%D0%92_%D0%A3%D1%87%D0%B5%D0%B1%D0%BD%D0%B8%D0%BA_2003–784%D1%81.pdf
4. Osipov Y.M. Fundamentals of Entrepreneurship; Moscow, 1992. 430 p. – URL: <https://www.ozon.ru/product/osnovy-predprinimatelskogo-dela-blagorodnyy-biznes-pod-red-yu-m-osipova-net-avtora-984468445/> Vedomosti Daily Business Newspaper. 10 November 2015 Young people under the age of 35 are more successful entrepreneurs around the world. – URL: <https://www.vedomosti.ru/management/articles/2015/11/11/616309-molodie-lyudi-vozhzraste-do-35-let-bolee-uspeshnie-predprinimateli-vo-vsem-mire> Lenta.ru, or Lenta.ru, is a Russian online news outlet. 16 October 2022 Russia – latest news. – URL: <https://lenta.ru/tags/geo/rf/RG.Ru> – Rossiyskaya Gazeta. September 21, 2021. – URL: <https://rg.ru/2021/09/21/reg-cfo/v-stolice-rastet-chislo-molodyh-predprinimatelej.html> Prime – Agency for Economic Information. October 14, 2020. The number of underage entrepreneurs in Russia has been calculated. – URL: <https://1prime.ru/business/20201014/832160925.html> Lenta.ru, или «Лента.ру», – российское новостное интернет-издание. 31 октября 2022. Пасти и предпринимай. – URL: <https://lenta.ru/articles/2022/10/31/rmld/>
5. Декларация солидарной ответственности российского бизнеса. – URL: <https://xn--b1agazb5ah1e.xn--p1ai/business?ysclid=laky7xnjd5237785864>
6. Sostav независимый проект брендингового агентства Depot WPF. 11 апреля 2023. Четыре тренда коммуникации с гражданами в социальных сетях. – URL: <https://www.sostav.ru/blogs/259932/37299>
7. Предпринимательство в России: мониторинг. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor-predprinimatelstvo-v-rossii-monitoring>
8. Единый реестор субъектов малого и среднего предпринимательства. – URL: <https://rmsp.nalog.ru/index.html>
9. Опрос АСИ: 85% молодых людей хотели бы работать на себя. – URL: <https://asi.ru/news/195035/>

SUPPORT FOR ENTREPRENEURSHIP AS A CONDITION FOR PERSONAL AND PROFESSIONAL SELF-REALIZATION OF YOUTH IN RUSSIA

Ryabova T.M., Motylev A.K.
Russian State Social University

The article is devoted to the analysis of the role of entrepreneurship in the process of personal and professional self-realization of youth in Russia. The main focus is on the current conditions and obstacles faced by young entrepreneurs. The article discusses the historical aspects of entrepreneurship development, the current status quo, as well as the main obstacles to youth business, such as legal barriers, financial constraints and the imperfection of the educational system. Particular attention is paid to possible solutions and prospects in this area, including the role of state support, educational programs and coworking spaces. The article also presents case studies and interviews with successful young entrepreneurs, which allows you to better understand the practical side of the issue. In conclusion, the main conclusions are summed up and recommendations for the further development of entrepreneurship among young people in Russia are proposed.

Keywords: entrepreneurship, youth, self-realization, russia, start-ups, government support, educational programs, financial restrictions, legal barriers, co-working spaces and incubators, professional development, innovations, social entrepreneurship, economic policy, sustainable development.

References

1. Federal Law of July 24, 2007 No. 209-FZ "On the development of small and medium-sized businesses in the Russian Federation." – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52144/
2. Order of the Government of the Russian Federation dated 06/02/2016 No. 1083-r "On approval of the Strategy for the development of small and medium-sized businesses in the Russian Federation for the period until 2030" (as amended on 03/30/2018). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_199462/f3fa9da4fab9fba49fc9e0d938761ccff-dd288bd/
3. Kashanina T.V. Entrepreneurship. Legal basis. – M.: 1994. – 175 p. – URL: http://pravo-olymp.ru/wp-content/uploads/2013/04/%D0%9E%D1%81%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D1%8B-%D1%80%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B3%D0%BE-%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%B0_%D0%9A%D0%B0%D1%88%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%BD%D0%B0-%D0%A2-%D0%92-%D0%9A%D0%B0%D1%88%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%BD-%D0%90-%D0%92_%D0%A3%D1%87%D0%B5%D0%B1%D0%BD%D0%B8%D0%BA_2003-784%D1%81.pdf
4. Osipov Y.M. Fundamentals of Entrepreneurship; Moscow, 1992. 430 p. – URL: <https://www.ozon.ru/product/osnovy-predprinimatelskogo-dela-blagorodnyy-biznes-pod-red-yu-m-osipova-net-avtora-984468445/> Vedomosti Daily Business Newspaper. 10 November 2015 Young people under the age of 35 are more successful entrepreneurs around the world. – URL: <https://www.vedomosti.ru/management/articles/2015/11/11/616309-moldie-lyudi-vozhaste-do-35-let-bolee-uspeshnie-predprinimateli-vo-vsem-mire> Lenta. ru, or Lenta.ru, is a Russian online news outlet. 16 October 2022 Russia – latest news. – URL: <https://lenta.ru/tags/geo/rf/> RG.Ru – Rossiyskaya Gazeta. September 21, 2021. – URL: <https://rg.ru/2021/09/21/reg-cfo/v-stolice-rastet-chislo-molodyh-predprinimatelej.html> Prime – Agency for Economic Information. October 14, 2020. The number of underage entrepreneurs in Russia has been calculated. – URL: <https://1prime.ru/business/20201014/832160925.html> Lenta.ru, or "Lenta.ru", is a Russian online news publication. October 31, 2022. Grow and Entrepreneur. – URL: <https://lenta.ru/articles/2022/10/31/rmlid/>
5. Declaration of joint responsibility of Russian business. – URL: <https://xn--b1agazb5ah1e.xn--p1ai/business?ysclid=laky7xn-jd5237785864>
6. Composed of an independent project of the branding agency Depot WPF. April 11, 2023. Four trends in communication with citizens on social networks. – URL: <https://www.sostav.ru/blogs/259932/37299>
7. Entrepreneurship in Russia: monitoring. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/predprinimatelstvo-v-rossii-monitoring>
8. Unified register of small and medium-sized businesses. – URL: <https://rmsp.nalog.ru/index.html>
9. ASI survey: 85% of young people would like to work for themselves. – URL: <https://asi.ru/news/195035/>

Роботы-пациенты: новый уровень медицинского образования и подготовки врачей?

Середкина Елена Владимировна,

к.ф.н., доцент кафедры философии и права Пермского национального исследовательского политехнического университета
E-mail: elena_seredkina@pstu.ru

Селеткова Гюзаль Ильясовна,

старший преподаватель кафедры социологии и политологии Пермского национального исследовательского политехнического университета
E-mail: guzal.ka@mail.ru

Бурова Ольга Аркадьевна,

старший преподаватель кафедры социологии и политологии Пермского национального исследовательского политехнического университета
E-mail: olgabur@mail.ru

Байдаров Андрей Александрович,

к.т.н., проректор по информационным технологиям и инновационному развитию, Пермский государственный медицинский университет имени академика Е.А. Вагнера
E-mail: cchp@bk.ru

Асташина Наталия Борисовна,

д.м.н., зав. кафедрой ортопедической стоматологии, Пермский государственный медицинский университет имени академика Е.А. Вагнера
E-mail: astashina.nb@gmail.com

Использование антропоморфных роботов-пациентов в медицинском образовании представляет собой инновационный подход, который позволяет студентам получить практический опыт без риска для пациента. В российской образовательной среде применение роботизированных симуляторов получает все большее распространение. В данной статье описываются предварительные результаты социального эксперимента на базе робототехнической платформы Promobot Robo-C. Целью исследования было изучение восприятия роботов студентами-стоматологами (ординаторами и студентами 2 курса). Были применены методы наблюдения, интервью и фокус группового обсуждения. В ходе исследования были выделены положительные моменты использования робота-пациента в обучении будущих врачей, а также недочеты. В целом, использование роботизированных симуляторов может способствовать повышению качества медицинского образования.

Ключевые слова: цифровые технологии, медицинское образование, высокоточные симуляторы, антропоморфный робот-пациент, стоматологический андроид, человеко-машинное взаимодействие.

Работа выполнена при финансовой поддержке Пермского научно-образовательного центра «Рациональное недропользование» (2023).

Современные тенденции в образовании тесно связаны с цифровыми технологиями. Следуя этой тенденции, медицинские школы внедряют технологическое активное обучение и мультимедийные образовательные приложения. Особое внимание уделяется медицинским симуляторам и манекенам. Внедрение высокоточных симуляторов в образовательный процесс может стать адекватным методом повышения качества обучения и общей удовлетворенности студентов-медиков доклиническим обучением [4; 5]. Использование симуляторов позволяет получить опыт без участия в реальном событии. Конечная цель заключается в том, чтобы побудить учащихся пройти смоделированный сценарий с последующей эффективной обратной связью и подведением итогов. «Симуляторы обеспечивают формирование профессиональных навыков в искусственно моделируемой среде» [3, с. 256]. Они могут заменять собой реальный клинический процесс или медицинскую процедуру, отчасти формируя и дополняя опыт студента в его взаимодействии с внешним миром (будущей профессиональной средой).

Одно из главных преимуществ использования симуляторов в медицинском образовании связано с предотвращением рискованных ситуаций. Обеспокоенность по поводу безопасности пациента делает морально неприемлемой идею о том, что неопытные стажеры могут практиковать свои навыки на реальных пациентах. С другой стороны, обучающимся важно пережить неудачный опыт, когда они сталкиваются с пределом своей компетентности. Моделируемая среда предоставляет учащимся возможность практиковаться без риска и не причинять вред живым людям.

Важно подчеркнуть, что симуляторы в медицинском образовании должны подкрепляться соответствующим созданием специальной среды обучения, в том числе развитием технологической инфраструктуры. Особая роль здесь принадлежит программно-аппаратному обеспечению эмуляции/моделирования, которое можно считать неотъемлемой частью профессиональной подготовки в области медицины. Новое поколение медицинских симуляторов представлено высокоточными симуляторами пациента. Эти симуляторы способны достоверно воспроизводить анатомическое строение тела человека, имитировать физиологические реакции пациента в ответ на лечение (манипуляции и введение препаратов). Например, SimMan 3G от Laerdal имитирует реакцию и поведение человека в случае несчастных случаев, травм и катастроф и может распознавать более 100 лекарств, имитируя реакции организма на них в случае употребления¹.

Развитие современных цифровых технологий предоставляет возможность применения манекенов и симуляторов также и в стоматологии. При этом можно оттачивать не только мануальные, но и коммуникативные навыки (навыки эффективного общения врача с пациентом).

В 2020 году был создан межуниверситетский исследовательский консорциум трех российских университетов – Пермского государственного медицинского уни-

¹ <https://laerdal.com/products/simulation-training/emergency-care-trauma/simman-3g/>

верситета имени академика Е.А. Вагнера, Московского государственного медико-стоматологического университета имени А.И. Евдокимова и Пермского национального исследовательского политехнического университета. Цель консорциума – реализация проекта, направленного на разработку и совершенствование антропоморфного стоматологического робота-пациента с элементами искусственного интеллекта для имитации врачебных манипуляций и оттачивания коммуникативных навыков [подр. см.: 1; 2]. В качестве базы для создания робота-симулятора была избрана платформа Promobot Robo-C¹. В полости рта робота расположены «умные» зубы, оснащенные датчиками температуры и контакта, встроенные в «умную челюсть» с тензодатчиками, а также четыре камеры. Робототехническая платформа включает в себя программное обеспечение с лингвистической базой и сценариями кейсов [подр. см.: 2: с. 65].

В современной российской образовательной среде применение роботизированных симуляторов получает все большее распространение, и для их дальнейшего развития важно изучение восприятия роботов студентами. Изучение восприятия студентами роботизированного пациента может позволить оценить востребованность данного инструмента в образовании. Применение роботов-пациентов для студентов может быть непривычным, поэтому изучение их восприятия, может быть ступенькой изучения адаптации студентов к данной технологии. Также изучение восприятия студентами робота-пациента может позволить определить препятствия и проблемы, с которыми могут столкнуться студенты и преподаватели при использовании данной технологии.

Исследование проводилось на базе робототехнической лаборатории Пермского национального исследовательского политехнического университета. В ходе исследования проводилось наблюдение за тем, как студенты-стоматологи в лабораторных условиях выполняют учебное задание по выстраиванию коммуникации с пациентом, в роли которого выступал антропоморфный робот-симулятор Promobot-Ct (внешний вид идентичен человеку, есть элементы мимики и жестикуляции, встроены распознаватель речи, набор образовательных кейсов, поддержка коммуникативной функции посредством программного обеспечения, а также интегрированы модули «smart-челюсть» и «smart-зубы» для отработки практических умений лечения зубов). Далее со студентами проводилась полужурнализованная беседа (личное интервью и фокус-группа) для оценки полученного опыта взаимодействия с антропоморфным роботом.

В октябре 2023 г. в исследовании приняли участие 13 студентов ординатуры и 17 студентов 2 курса стоматологического факультета Пермского государственного медицинского университета имени академика Е.А. Вагнера. Подавляющее большинство участников исследования (за исключением одного человека) ранее не имели опыта взаимодействия с антропоморфным роботом-симулятором.

Формат обучения с применением антропоморфного робота-симулятора является новым и малознакомым для студентов, что, с одной стороны, вызывает у них опасения и неуверенность в том, что и как нужно делать, с другой стороны, вызывает интерес к потенциальным возможностям применения робота в обучении и дальнейшую рефлексивность относительно своих действий и компетенций, необходимых для врача во взаимодействии с пациентами. В соответствии с ранее проведенными

исследованиями, можно ожидать, что повторное выполнение заданий с применением робота-симулятора будет вызывать меньше опасений у студентов и позволит больше сосредоточиться на самом задании – выстраивании диалога или выполнении манипуляций (осмотр, лечение).

Применение полнофункционального антропоморфного робота-симулятора в образовательном процессе позволяет провести мониторинг процесса, а именно, зафиксировать и отобразить процесс лечения и коммуникативного взаимодействия врача с пациентом. На данном этапе исследования студенты-стоматологи не проводили манипуляций по лечению зубов робота, а только выстраивали коммуникацию с пациентом (в смоделированной ситуации первичного приёма у стоматолога), но при дальнейшем обсуждении применения робота-симулятора в учебном процессе участники фокус-групп и интервью отмечали, прежде всего, возможности анализа качества манипуляций (лечения) на основе данных видеокamera и датчиков, встроенных в «smart-челюсть», и не осознавали возможности для анализа коммуникативного взаимодействия с пациентом. Можно предположить, что в сознании студентов-стоматологов оценка качества их работы как врача практически полностью сосредоточена на конечном продукте (вылеченном зубе), а не на процессах проведения лечения и коммуникации с пациентом. Процессы коммуникации и способы действия зачастую не рефлексированы, протекают «автоматически», а использование робота-симулятора позволяет провести детальный анализ действий студентов во время выполнения задания и в дальнейшем вносить необходимые корректировки.

В целом, опыт выполнения учебного задания с применением робота способствует развитию у студентов рефлексии относительно необходимых им компетенций: реакции робота-симулятора могут не соответствовать ожиданиям студентов-медиков, казаться неадекватными, но на следующем шаге студенты задумываются, как им выстраивать взаимодействие с реальными пациентами, которые также могут не соответствовать модели «идеального пациента». Хотя по оценкам студентов коммуникация с роботом в роли пациента существенно отличается от коммуникации с человеком (прежде всего, по причине недостаточной лингвистической базы), даже в таком формате студенты могут отрабатывать определенный алгоритм взаимодействия с пациентами, проводить анализ и корректировку своих реакций на различные ситуации (например, на ситуацию, когда пациент не очень хорошо слышит или не понимает врача).

«Скажем так, когда он начинает говорить, мне надо выслушивать его до конца, и только потом давать уже свою ответную реакцию. Но в целом, я не считаю, что это ошибка, в плане того, что мне приходится выслушивать его, потому что, если рассматривать то общение с пациентами и книги, которые есть и выпускают сейчас, и курсы по общению с пациентами, это указано там, что нужно выслушивать пациента до конца, не вмешиваясь в его слова» (ординатор-стоматолог).

Студенты отмечали, что важно, чтобы при взаимодействии с роботом была возможность попробовать различные кейсы, связанные с лечением и с коммуникацией с пациентами разного темперамента, характера.

«Может быть, чуть-чуть поработать еще над эмоциями, мимикой, и добавить ему больше фраз, которое могли бы расходиться с шаблоном, и, ну, научить его реагировать на них... То есть чтобы было больше каких-то сценариев? Да» (ординатор-стоматолог).

Обучение с применением робота-симулятора может проводиться как индивидуально, так и в группах, когда

¹ <https://promo-bot.ru/news/v-rossii-sozdali-robota-patsienta-dlya-studentov-stomatologov/>

студенты могут наблюдать опыт друг друга, проводить сравнения, выделять лучшие практики и т.д.

Кроме того, некоторые участники исследования хотели бы получать обратную связь от робота – оценку их действий по разным критериям, что также относится к геймификации обучения.

Таким образом, симуляторы позволяют студентам пройти смоделированные сценарии и получить обратную связь, что способствует формированию профессиональных навыков. Они также предоставляют возможность столкнуться с неудачным опытом и преодолеть свои границы компетентности, повысив ее. Однако для успешного использования роботов-пациентов необходимо создание специальной среды обучения и развитие технологической инфраструктуры, в частности роботизированного пациента. Применение высокоточных симуляторов пациента, имитирующих анатомическое строение полости рта и физиологические реакции на лечение, делает обучение более реалистичным и эффективным, способствует геймификации обучения. В будущем антропоморфные роботы-пациенты могут служить промежуточным этапом между традиционными макетами/манекенами и реальными пациентами в процессе обучения. В целом, использование роботизированных симуляторов может способствовать повышению качества медицинского образования.

Литература

1. Арутюнов С.Д., Южаков А.А., Харах Я.Н. [и др.]. Стоматологический симулятор на базе робототехнического комплекса с интегрированной смарт-челюстью // Российский стоматологический журнал. – 2023. – Т. 27, № 1. – С. 63–70. – URL: <https://doi.org/10.17816/dent115139>
2. Асташина Н.Б., Байдаров А.А., Арутюнов С.Д. [и др.] Разработка комплекса «антропоморфный стоматологический робот» с элементами ИИ для имитации врачебных манипуляций и коммуникации «врач – пациент» // Пермский медицинский журнал. – 2022. – № 6. – С. 62–70. – URL: <https://doi.org/10.17816/pmj39662-70>
3. Дудырев Ф.Ф., Максименкова О.В. Симуляторы и тренажеры в профессиональном образовании: педагогические и технологические аспекты // Вопросы образования. – 2020. – № 3. – С. 255–276. – URL: <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2020-3-255-276>
4. So HY, Chen PP, Wong GKC, Chan TTN. Simulation in medical education. The Journal of the Royal College of

Physicians of Edinburgh. – 2019. – 49(1). – P. 52–57. – URL: <https://doi.org/10.4997/JRCPE.2019.112>

5. Krishnamurthy K., Selvaraj N., Gupta P. et al. Benefits of gamification in medical education // Clinical Anatomy. – 2022. – 35(6). – P. 795–807. – URL: <https://doi.org/10.1002/ca.23916>

PATIENT SIMULATOR: A NEW LEVEL OF MEDICAL EDUCATION AND TRAINING OF DOCTORS?¹

Seredkina E.V., Seletkova G.I., Burova O.A., Baidarov A.A., Astashina N.B.
Perm National Research Polytechnic University, E.A. Wagner Perm State Medical University

The use of anthropomorphic robots as patient simulators in medical education is an innovative approach that allows students to gain hands-on experience without risk to the patient. In the Russian learning environment, the robotic simulators' applying is becoming increasingly widespread. This article describes the preliminary results of a social experiment based on the Promobot Robo-C robotic platform. The purpose of the study was to study the perception of robots by dental students. Observation, interview and focus group discussion methods were used. The study highlighted the positive aspects of using a high fidelity simulation in training future doctors, as well as shortcomings. Overall, the use of robots can help improve the quality of medical education.

Keywords: digital technologies, medical education, high fidelity simulation, anthropomorphic patient simulator, dental android, human-robot interaction.

References

1. Arutyunov S.D., Yuzhakov A.A., Kharakh Ya.N. [and etc.]. Dental simulator based on a robotic complex with an integrated smart jaw // Russian Dental Journal. – 2023. – Т. 27, No. 1. – P. 63–70. – URL: <https://doi.org/10.17816/dent115139>
2. Astashina N.B., Baidarov A.A., Arutyunov S.D. [etc.]. Development of "Artificial Intelligence based dental android system" for simulation of medical manipulations and doctor-patient communication // Perm Medical Journal. – 2022. – No. 6. – P. 62–70. – URL: <https://doi.org/10.17816/pmj39662-70>
3. Dudyrev D., Maksimenkova O. Training Simulators in Vocational Education: Pedagogical and Technological Aspects. Educational Studies // Issues of education. – 2020. – No. 3. – pp. 255–276. – URL: <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2020-3-255-276>
4. So HY, Chen PP, Wong GKC, Chan TTN. Simulation in medical education. The Journal of the Royal College of Physicians of Edinburgh. – 2019. – 49(1). – P. 52–57. – URL: <https://doi.org/10.4997/JRCPE.2019.112>
5. Krishnamurthy K., Selvaraj N., Gupta P. et al. Benefits of gamification in medical education // Clinical Anatomy. – 2022. – 35(6). – P. 795–807. – URL: <https://doi.org/10.1002/ca.23916>

¹ The work was carried out with the financial support of the Perm Scientific and Educational Center "Rational Use of the Subsoil" (2023).

Ушаков Евгений Владимирович,

к.ф.н., доцент кафедры государственного и муниципального управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Северо-западный институт управления)
E-mail: e_uszakow@mail.ru

Концепция здорового города является примером комплексной, многосторонней стратегии развития современных городов. Проект здоровых городов сформировался в 80-е гг. XX века в Европе под эгидой Европейского регионального бюро Всемирной организации здравоохранения. Здоровый город – всеохватывающий проект, включающий здравоохранительные, политические, социальные, культурные и др. аспекты. Сегодня обсуждается также сближение проекта здоровых городов с проектом умных городов (smart cities). Актуальность создания городских инфраструктур здоровья особенно возросла в свете коронавирусной пандемии. Несмотря на накопленный опыт в развитии здоровых городов, для прогресса этого движения требуются дальнейшие меры разнообразного характера. В том числе это должны быть системы консультативной помощи на различных уровнях, расширение сетей взаимной поддержки муниципалитетов, поддержка на государственном уровне.

Ключевые слова: стратегии муниципального развития, здоровые города, социальное развитие городов, муниципальное развитие, городское управление, общественное здоровье.

Последовательное и многостороннее развитие современного города (муниципального образования) невозможно без наличия собственной продуманной стратегии. Для создания такой стратегии городам полезно опираться на уже имеющиеся стратегические концепции с опытом их применения. Концепция здорового города является в этой связи вдохновляющим примером.

Международный проект в области развития здоровых городов (Healthy Cities) официально берет свое начало с 1986 г, когда Евробюро Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) объявило о новой инициативе, которая должна была стать локомотивом продвижения широко известной стратегии «Здоровье для всех» и принципов Оттавской хартии по укреплению здоровья [1]

Для осуществления проекта здоровых городов ВОЗ впервые обратилась к муниципалитетам. Это было новое явление, так как до этого ВОЗ контактировала всегда с государственным уровнем власти. Эксперты из ВОЗ осознали ту важнейшую роль, которую играет в современном мире муниципальное управление. Именно муниципалитеты выдерживают основную нагрузку по созданию для граждан необходимой инфраструктуры, выполнению функций по обеспечению жизнедеятельности индивидов и общин. Более того, именно муниципалитеты фактически становятся основой устойчивости в современном мире непредсказуемых процессов (глобализация, урбанизация, экологические изменения, финансовые кризисы и др.).

Среди активных деятелей, стоявших у истоков данного движения, а также первых теоретиков понятия здорового города можно назвать таких авторов, как Леонард Дул, Илона Кикбуш, Тревор Хэнкок, Агис Цурос, Джон Эштон.

В 1988 г. была создана Европейская сеть здоровых городов (The WHO European Healthy Cities Network, WHO/EHCN) как политическая, межсекторальная, объединяющая инициатива, в которой Всемирная организация здравоохранения напрямую сотрудничает с городами Европы. Таким образом, в 2023 г. исполняется 35 лет этому событию. Считается, что WHO/EHCN является наиболее длительно действующим сетевым объединением на европейском континенте.

Сейчас эта сеть включает около 100 ведущих («флагманских») городов, а вместе с национальными сетями здоровых городов это движение охватывает около 1400 муниципалитетов.

С 1990-х годов ряд городов Российской Федерации тоже начали участвовать в этом международном проекте.

В настоящее время официально разворачивается уже седьмая фаза проекта с условным периодом действия 2019–2025 гг. При этом следует отметить, что предыдущие фазы подвергались оцениванию (причем методы оценок усложнялись), а результаты оценивания публиковались в журналах и использовались для дальнейшей разработки рекомендаций, руководств и т.п.

Общепринятое определение здорового города состоит в том, что здоровый город непрерывно создает и улучшает физическую и социальную среду, а также усиливает местные ресурсы, что дает людям возможность взаимно поддерживать друг друга в реализации

всех жизненных функций с достижением их максимального потенциала [2].

С самого начала проекта подчеркивалось, что данное определение относится к *процессу*, а не к состоянию (достигнутому или желаемому). Иными словами, здоровый город есть непрерывное и устойчивое устремление города (населенного пункта, сообщества), а также систематическая деятельность по улучшению здоровья граждан и решению ряда сопутствующих задач. В этой связи «любой город может быть здоровым, если он стремится к здоровью и имеет структуры и процессы, направленные на улучшение здоровья» [3, р. 7]

Первоначально предполагалось включить в международный проект лишь небольшое количество городов, однако эта инициатива стала расширяться, начали формироваться национальные сети участников, проект быстро вышел за пределы Европы. Некоторые авторы (прежде всего, А. Цурос) расценивают этот процесс даже как начало некоего самостоятельного социального движения [4].

В ходе развития здоровых городов было осознано, что для продвижения к этой цели необходимы новые идеи в области публичного управления. Так, традиционные бюрократические структуры, основанные на иерархии, контроле, четких определениях функций, разграничениях видов деятельности и т.п. оказываются недостаточными для решения проблем в области охраны и укрепления здоровья граждан.

В частности, один из главных теоретиков здоровых городов Тревор Хэнкок отметил, что такие проблемы, как здоровье, устойчивость, справедливость требуют нового стиля управления, при котором власть осуществляется путем влияния, а не властных полномочий; она совместно разделяется вместе с людьми, а не удерживается над ними; она предполагает переговоры, а не команды, требует коллегиальных, а не иерархических отношений, стимулирует сотрудничество, а не конкуренцию, а также использует скорее целостный, чем узко отраслевой подход. [5, pp.15–16]

Так, при формировании европейской сети здоровых городов ВОЗ пришлось применить скорее содействующий, чем директивный стиль [1]. Сама идея развития сетей (нетворкинг) и руководства посредством сетей стала рассматриваться как новая форма управления, объединяющая независимых участников для достижения общих целей и постоянно создающая новые связи и взаимоотношения. [6, р.452].

Таким образом, при разворачивании проекта здоровых городов на практике фактически стал применяться новый подход к руководству, который в публичной политике и политических исследованиях позже был осознан как переход от традиционного правительства (*government*) к совместному управлению (*governance*).

На сегодняшний день ряд городов, принявших стратегию *Healthy Cities*, в первую очередь в Европе, а также в Северной и Южной Америке, утвердили свои «области действий» (*action domains*), к которым относятся: улучшение управления (*governance*) в направлении здоровья и благополучия граждан, снижение уровня неравенств в области здоровья, продвижение здоровья как стратегической цели во всех политиках, содействие развитию местных сообществ и расширению их возможностей; создание социальных условий для поддержания здоровья и др. [7]

Здоровый город – это всеохватывающий проект, который содержит не только цели общественного здравоохранения. В понятие здорового города включаются такие аспекты, как экологические, градостроительные, экономические, социальные, политические, культурные

и др. Таким образом, стратегия здорового города имеет широкий, интегративный характер.

Такое понимание здорового города соответствует известному комплексному определению здоровья, предложенному ВОЗ в 1948 г. В известном смысле, концепция здоровых городов идет еще дальше.

Примером может служить перечень характеристик здорового города, представленный в документе ВОЗ «Двенадцать шагов к развитию проекта здоровых городов» [3, р.30].

Помимо характеристик (или показателей) чисто здравоохранительных, в этом перечне присутствуют также следующие атрибуты.

Чистая, безопасная физическая среда (включая качество жилья)

Стабильная, устойчивая экосистема

Сильное сообщество, отличающееся взаимной поддержкой и отсутствием эксплуатации

Высокая степень участия и контроля общественности над решениями, влияющими на жизнь, здоровье и благополучие граждан

Доступ к широкому спектру опыта и ресурсов, с возможностью обширного круга контактов, взаимодействий и коммуникации

Разнообразная, жизнеспособная, инновационная городская экономика

Поощрение связей с прошлым, с культурным и биологическим наследием жителей города, а также с другими группами и отдельными лицами

Важным направлением в дальнейшем разворачивании проекта здоровых городов стало интеграция в него подходов и практик городского планирования. Так, одной из основных тем четвертой фазы развития данного движения в рамках Европейской сети здоровых городов стала стратегическая задача реализации городского планирования с учетом здоровья [8] [9].

Разворачивание движения шло довольно разнообразно, и многие инициативы по созданию здоровых городов и сообществ сильно отличались от видения ВОЗ. Например, на первый план в некоторых случаях выходили местные задачи обеспечения устойчивости городов. Наибольшие усилия по согласованному развитию проекта здоровых городов предпринимались в Европейском регионе (под эгидой Евробюро ВОЗ), хотя и там изначально признавались многообразие городов и их уникальных характеристик. Таким образом, высокая степень самостоятельности и разнообразия с самого начала отличала движение муниципалитетов к здоровому городу [10, р.77]

Впрочем, это вполне отвечает исходному пониманию данного проекта, который (в том числе создание Евро-сети здоровых городов) рассматривался Евробюро ВОЗ как экспериментирующая деятельность, а города–участники как некие «полевые лаборатории» (А. Цурос) [11].

В настоящее время продвижение к здоровому городу как комплексная стратегия приобретает новые ресурсы и возможности в связи с развитием новых информационных технологий.

Поэтому вполне естественно, что сейчас начинается своего рода сближение идей здорового города и умного города (*Smart City*) и обсуждение путей такого объединения. Изначально, проект умного города был ориентирован более технически (и даже технократически), поэтому на первом этапе данное движение подвергалось критике. Сегодня проект умных городов приобрел более сбалансированный вид, в котором учитывается важнейшая роль социальных, политических, культурных и других составляющих.

Со своей стороны, движение за здоровые города как социально и гуманитарно ориентированное на-

чинание изначально не было тесно связано с технологическими инновациями. Однако сейчас развитие новых информационно-коммуникационных технологий – в частности, быстро продвигающаяся цифровизация здравоохранения и управления – выводит возможности охраны здоровья граждан на совершенно новый уровень. Поэтому в последнее время появляются работы, которые объединяют в одну цель движение к «умному и здоровому городу» [7], [12], [13], [14].

Актуальность проблемы создания в современных городах действенных инфраструктур, способствующих охране и укреплению здоровья, стала особенно высокой в связи с прошедшей пандемией COVID-19. Это глобальное чрезвычайное событие показало недостаточную защищенность городских сообществ, их уязвимость перед приходом неожиданных потрясений в виде скачков инфекционной заболеваемости. Вспышка пандемии сопровождалась системным кризисом сообществ (политическим, организационным, экономическим и др.) в условиях фундаментальной неопределенности действий на всех уровнях общественной организации.

Общество в целом, а также органы власти, научно-экспертные сообщества, муниципальные образования сегодня извлекают уроки из этой глобальной вспышки инфекции, стремясь сформировать более высокий уровень устойчивости и готовности к подобным экстремальным ситуациям [15].

Ключевой проблемой для дальнейшего развития движения здоровых городов является прежде всего недостаток ресурсов (и возможностей) на муниципальном уровне. Далеко не каждый город (населенный пункт) способен разработать и последовательно реализовать стратегию здорового города.

В целом официальное включение в движение здоровых городов означает присоединение к довольно амбициозному проекту. Для того, чтобы тот или иной город действительно включился в преследование данной цели, требуется множество условий: высокий уровень муниципального управления, политический консенсус в данном сообществе, активность граждан и институтов гражданского общества, наличие соответствующих знаний и навыков, финансы и другие ресурсы и т.п.

При официальном вступлении в Евросеть здоровых городов новому участнику требуется взять на себя ряд обязательств (политических, организационных и др.): участие в международном сотрудничестве, учреждение офиса проекта, ведение периодической официальной отчетности и др.

Несмотря на заявление о том, что любой город (населенный пункт) может стать «здоровым» – в реальности все гораздо сложнее, особенно в отношении малых городов, сельских поселений, городов со средним и низким уровнем дохода и т.п. (В Канаде, например, действует собственный проект на уровне «здоровых общин»).

Кроме того, в любом случае муниципальному образованию придется разрабатывать свою индивидуальную стратегию продвижения к здоровому городу с учетом его уникальных характеристик: местоположения, культурных и исторических особенностей, структуры заболеваемости, демографической ситуации, уровня экономического развития и многого другого.

ВОЗ оказывает различные виды поддержки (политической, технической и др.) городам, вступающим в проект, однако это не устраняет необходимости самостоятельных действий исходя из конкретной ситуации того или иного города (населенного пункта).

Поэтому для более эффективного и успешного развития движения за здоровые города требуется большее разнообразие моделей, методов, хороших практик, учи-

тывающих различные индивидуальные особенности муниципальных образований (в том числе нехватку ресурсов, дефицит бюджета, наличие множества базисных, а также сопутствующих муниципальных проблем).

Требуются также более развитые системы консультативной помощи на различных уровнях (со стороны международных организаций, неправительственных структур, специализированных центров и др.), расширение сетей взаимной поддержки муниципалитетов (сотрудничество, обмен опытом, заимствование лучших практик и т.п.), которые были бы способны предоставлять помощь менее формальную, гибкую и индивидуализированную.

И, разумеется, нужна поддержка на государственном уровне (позитивные примеры здесь уже имеются) – наличие специальных программ, систем финансирования, грантов, законодательных гарантий, экономических льгот и стимулов и т.п.

При создании таких благоприятствующих условий разработка и реализация стратегий здорового города станет более доступной и результативной для большего числа городов и населенных пунктов.

Литература

1. Ashton J., Grey P., Barnard K. Healthy cities – WHO's new public health initiative. *Health Promotion International*, 1986, 1(3), 319–324.
2. Hancock T., Duhl L. (1988). *Healthy cities: Promoting health in the urban context*. WHO Healthy Cities Paper N1. Copenhagen: FAD L, 1988.
3. *Twenty steps for developing a Healthy Cities project*. 3rd ed. World Health Organization, Regional Office for Europe, 1997
4. Tsouros A.D. World Health Organization Healthy Cities Project: A project becomes a movement. *Review of Progress 1987 to 1990*. Copenhagen, Denmark: World Health Organization Regional Office for Europe, 1990.
5. Hancock T. The evolution, impact and significance of the healthy cities/healthy communities movement. *Journal of Public Health Policy*, 1993, 14(1), 5–18.
6. Kickbusch I. Global + local = glocal public health. *Journal of Epidemiology and Community Health*, 1999, 53, 451–452.
7. Thompson S., Rahmat H., Marshall N., Steinmetz-Weiss C., Bishop K., Corkery L., Park M., Tietz C. *Merging Smart and Healthy Cities to Support Community Wellbeing and Social Connection*. Encyclopedia, 2023, 3, 1067–1084.
8. Townshend T. *Healthy Cities?: Design for Well-being*. Lund Humphries, 2022
9. Бартон Х., Цуру К. *Здоровое городское планирование: Планирование для людей*. Методическое руководство ВОЗ. – М., 2004
10. *Healthy Cities: The Theory, Policy, and Practice of Value-Based Urban Planning* / Leeuw E. De, Simos J. (eds.). Springer-Verlag NY Inc., 2017
11. Tsouros A.D. The WHO healthy cities project: State of the art and future plans. *Health Promotion International*, 1995, 10(2), 133–141.
12. Marchigiani E. An Accessible City is a Healthy and People-Centred Smart City. *International Journal of Urban Planning and Smart Cities*, 2020, 1(2), 59–79.
13. Mouton M., Ducey A., Green J. et al. Towards «smart cities» as «healthy cities»: health equity in a digital age. *Canadian Journal of Public Health*, 2019, 110, 331–334
14. *Smart, Sustainable and Healthy Cities*. The First International Conference of the CIB Middle East and North

Africa Research Network / Okeil A (ed.). CIB-MENA, 2014

15. Cities Learning from a Pandemic: Towards Preparedness / Armondi S., Balducci A., Bovo M., Galimberti B. (eds.). Routledge, 2022.

EVOLUTION OF THE CONCEPT OF HEALTHY CITIES: SYNTHESIS OF INTERNATIONAL EXPERIENCE

Ushakov E.V.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management)

The Healthy City concept is an example of a comprehensive, multi-sided strategy for the development of modern cities. The Healthy Cities Project was formed in the 80s of the twentieth century in Europe under the auspices of the European Regional Office of the World Health Organization. The Healthy City is an all-encompassing project, including health, political, social, cultural, etc. aspects. The convergence of the Healthy Cities project with the smart cities is also being discussed today. The urgency of creating urban health infrastructures has especially increased in the light of the coronavirus pandemic. Despite the accumulated experience in the development of healthy cities, further measures of a diverse nature are required for the development of this movement. This should include advisory assistance systems at various levels, the expansion of mutual support networks of municipalities, and support at the state level.

Keywords: municipal development strategies, healthy cities, social development of cities, municipal development, urban governance, public health.

References

1. Ashton J., Grey P., Barnard K. Healthy cities – WHO's new public health initiative. *Health Promotion International*, 1986, 1(3), 319–324.
2. Hancock T., Duhal L. (1988). Healthy cities: Promoting health in the urban context. WHO Healthy Cities Paper N1. Copenhagen: FAD L, 1988.

3. Twenty steps for developing a Healthy Cities project. 3rd ed. World Health Organization, Regional Office for Europe, 1997
4. Tsouros A.D. World Health Organization Healthy Cities Project: A project becomes a movement. Review of Progress 1987 to 1990. Copenhagen, Denmark: World Health Organization Regional Office for Europe, 1990.
5. Hancock T. The evolution, impact and significance of the healthy cities/healthy communities movement. *Journal of Public Health Policy*, 1993, 14(1), 5–18.
6. Kickbusch I. Global + local = glocal public health. *Journal of Epidemiology and Community Health*, 1999, 53, 451–452.
7. Thompson S., Rahmat H., Marshall N., Steinmetz-Weiss C., Bishop K., Corkery L., Park M., Tietz C. Merging Smart and Healthy Cities to Support Community Wellbeing and Social Connection. *Encyclopedia*, 2023, 3, 1067–1084.
8. Townshend T. Healthy Cities?: Design for Well-being. Lund Humphries, 2022
9. Barton H., Tsourou C. Zdorovoye gorodskoye planirovanie: Planirovaniye dlya lyudey. Metodicheskoye rukovodstvo VOZ. – M., 2004
10. Healthy Cities: The Theory, Policy, and Practice of Value-Based Urban Planning / Leeuw E. De, Simos J. (eds.). Springer-Verlag NY Inc., 2017
11. Tsouros A.D. The WHO healthy cities project: State of the art and future plans. *Health Promotion International*, 1995, 10(2), 133–141.
12. Marchigiani E. An Accessible City is a Healthy and People-Centred Smart City. *International Journal of Urban Planning and Smart Cities*, 2020, 1(2), 59–79.
13. Mouton M., Ducey A., Green J. et al. Towards «smart cities» as «healthy cities»: health equity in a digital age. *Canadian Journal of Public Health*, 2019, 110, 331–334
14. Smart, Sustainable and Healthy Cities. The First International Conference of the CIB Middle East and North Africa Research Network / Okeil A (ed.). CIB-MENA, 2014
15. Cities Learning from a Pandemic: Towards Preparedness / Armondi S., Balducci A., Bovo M., Galimberti B. (eds.). Routledge, 2022.

Суперпозиция культурных моделей, цивилизационный синтез и особенности русского просвещения

Бельский Виталий Юрьевич,

д.ф.н., профессор кафедры философии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
E-mail: v.belskiy@bk.ru

Золкин Андрей Львович,

д.ф.н., профессор кафедры философии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Актуальная проблема, решаемая в статье, связана с трансформацией результатов незавершенной либерально-глобалистской стратегии развития России в цивилизационную стратегию, которая рассматривается как основная программа построения современного когнитивного социума. Решение данной проблемы связано с выявлением исторических особенностей развития России как процесса смены социосистем с различной проектностью, результатом чего становится специфический социокультурный синтез, выражаемый метафорой «композиционная цивилизация». Осмысление этой метафоры есть задача Российского Просвещения.

Ключевые слова: цивилизация, культура, просвещение, археомодерн, псевдоморфоз, солидарность, нарратив, дискурс, синтез, суперпозиция, социосистема, традиция, консерватизм, персонализм, синергетический эффект.

Консервативный поворот и проблема традиции

Россия проходит консервативный поворот в своей культурной политике. Указы Президента РФ и иные инициативы, затрагивающие в том числе и сферу образования, относятся к важнейшим событиям, задающим перспективу развития: защита традиционных ценностей теперь определяет национальную безопасность России. Новая политика осуществляется теми средствами, которые имеются в распоряжении государства и общества, включая печать, телевидение, кинематограф, интернет и система образования. Какова роль философии в этом процессе?

Консервативный поворот не просто ставит просветительские задачи, он фиксирует новую социальную онтологию – приоритет духовного над материальным, преемственность поколений, признание особой роли православия. Русский мир провозглашает себя цивилизацией совести и формирует программу культурной конкретизации основных принципов жизни, вытекающих из заявленной онтологии: достоинство, права и свободы, патриотизм, милосердие, справедливость, коллективизм, служение Отечеству и ответственность за его судьбу.

Для русского человека перечисленные принципы представляют собой вербализацию базового культурного кода, поэтому воспринимаются как символы духовного освобождения, возвращения к своим корням. Однако не следует забывать, что основные практики последнего столетия в России определялись иными принципами: коммунизм, материализм, классовый подход, государственный атеизм Советского Союза были дополнены либерализмом, натурализмом, массовой культурой и постмодернизмом западного глобалистского проекта, в котором принцип примата духовного над материальным носил вполне маргинальный характер.

Консервативный поворот выводит философию за пределы библиотечно-кабинетной виртуальности и помещает в ситуацию, аналогичную той, которая сложилась в первой четверти XIX: Отечественная война 1812 года, пожар Москвы, заграничный поход, глухое недовольство, восстание декабристов, причины которого Николай I увидел в недостатке образования. Призванная компенсировать это упущение монархическая доктрина С.С. Уварова «Православие. Самодержавие. Народность», верного ученика аббата Мангена, искренне ненавидящего лозунг «Свобода. Равенство. Братство», некоторое время стимулировала общественную дискуссию, но по факту превратилась в чисто административную тактику уклонения от выработки ответственной социальной онтологии. Очень скоро эта стратегия Контр-просвещения стала объектом насмешек образованной публики, а порожденный ею идейный вакуум способствовал распространению целого веера революционных течений, разрушивших империю в 1917 году. Создать внятную консервативную доктрину Российская империя так и не смогла, ее концептуальные наброски в трудах

Н.Я. Данилевского, К.Н. Леонтьева, Л.А. Тихомирова, других авторов, в том числе и Ф.М. Достоевского, были достаточно глубоки, но не смогли остановить напор политического радикализма.

Сегодня также существует опасность того, что реализация консервативного манифеста станет очередной риторической «языковой игрой», которая хотя и находит эмоциональный отклик в душе русского человека, но в перспективе будет лишь порождать серьезный когнитивный диссонанс относительно усвоенных моделей реальности и рациональности.

Конечно, ближайшая цель консервативной культурной политики – отмежевание от западной идеологии трансгуманизма, квир-социализма, репрессивного антропоцентризма и экологического экстремизма – может быть достигнута достаточно быстро в силу ее архетипического неприятия большинством граждан России. Однако – это «слабый» традиционализм, поскольку он лишь охраняет то, что фактически было наработано культурной системой модерна, активно разрушавшего русскую традицию. Насколько возможен «стабильный» вариант традиционализма, если не в смысле восстановления примордиальной традиции, то хотя бы в отношении адекватной онтологии и аксиологии семьи, государства, Церкви и Родины? Что есть Россия и каково отношение к ней каждого гражданина? – центральный вопрос восстановления национально-культурной традиции и освобождения русского человека «необходимостью внутреннего самоопределения» [Ильин, 1994, с. 270.], а не через произвольный выбор в манипулятивном пространстве современных гуманитарных технологий.

Проблема самоопределения на основе базовых ценностей – важнейший вопрос реализации Российского Просвещения. «*Просвещение, – писал Кант, – это выход человека из состояния несовершеннолетия, в котором он находится по собственной вине. Несовершеннолетие есть неспособность пользоваться своим рассудком без руководства со стороны кого-либо другого*» [Кант И., 1, с. 127]. Российское Просвещение было преимущественно приобщением к европейскому модерну, способом его копирования и книжного освоения. Исповедуя длительное время инновационный и креативный тип культуры модерна, а также приобщившись к ироничному постмодерну, общество тем самым иррационализировало и собственную традицию, вместо которой располагает лишь несколькими инерционными ретропроекциями – функциями от нереализованных социальных проектов, изначально ориентированных в будущее. Сегодня России не просто получает возможность, а сталкивается с необходимостью цивилизационного самоопределения в условиях кризиса глобализма. «Поэтому для победы над современным миром, – писал Ю. Эвола, – именно из истоков следует черпать «революционную» и обновляющую силу» [Эвола, 2007, с. 7].

Историческая хроника, цивилизационный нарратив и историческая память

Историческую традицию нельзя восстановить лишь борьбой с явными фальсификациями прошлого, включая и прежние обвинения в утопизме, и политизированную идеологию наших дней о «деколонизации имперских территорий», которая сегодня возлагается на программу расширенного преподавания исторической науки в вузах. Судить о результативности этой программы пока преждевременно: профессиональные историки слишком подвержены различным версиям позитивистской методологии, они стремятся написать идеальную хронику. Традиция – это не историческая реконструкция прошлого, она

передается по наследству с нормативными целями, она транслирует «строй» жизни, а не совокупность исторических фактов. Традиция указывает не только на историческое, но и на трансцендентное. Это предполагает выход на онтологический уровень осмысления, здесь недостаточно только натуралистической истины. В противном случае можно столкнуться с аналогом доктрины «догоняющей модернизации» в виде «ускользающей традиции».

Традиция перестает быть неререфлексивным наследием, если включается в цивилизационный нарратив, связывающий прошлое, настоящее и будущее. Сегодня понятие исторического нарратива воплощает в основном сумму постмодернистских афоризмов применительно к историографии, нацеленных на ее радикальную релятивизацию. Однако нарративизм может интерпретироваться и в духе реалистического подхода, что собственно и было показано в начальный период формирования доктрины как оппонента историографического позитивизма. В работах основоположников М. Уайта, У. Гэлли и А. Данто нарратив связывался с особым способом историографического описания и объяснения событий, отличным от литературного повествования. А. Данто обнаружил, что специфику историографии задают не протоколы исторической хроники, а нарративные предложения типа «Тридцатилетняя война началась в 1618 году» [Данто, 2002].

Никто в 1618 году еще не знал, что война будет тридцатилетней, а значит, нарратив переписывает события с точки зрения истекшего будущего. Можно сделать вывод о внутренней многомерности историографии: хроника, каузальный нарратив, акциональный нарратив (с элементами метонимии: «Он писал книгу весь год»), темпоральный нарратив (описывающий исторические события, например, «Великая французская революция»), культурно-исторический нарратив (имеющий дело с событиями как с текстами).

Событие Великой французской революции в некотором смысле соткано из человеческих действий и причинно-следственных отношений, однако его разрывание выходит за пределы индивидуальной мотивации, поскольку в игру вступает как проектирующая идеология, так и объективные закономерности исторической реальности. В проектных нарративах будущее еще не наступило, но прошлое уже превращается в ретропроецию этого будущего. Будущее может быть неожиданным как в отношении текущей проектности, так и в отношении нарративного потенциала отдаленного будущего. Советский нарратив переписывал прошлое с точки зрения грядущего коммунистического будущего, но оно не наступило и пришлось срочно все переделывать под западный глобальный проект. Не исключено, что «Красный проект» вернется и проблема с будущим, а значит, и с прошлым, возникнет вновь. Вчера нацизм и тоталитаризм были лишь эпизодами в истории Европы, а демократия – ее историей, сегодня наоборот – демократия становится лишь эпизодом на фоне истории расизма, колониализма, фашизма и тоталитаризма.

Российский исторический нарратив, формировавшийся еще с XVIII века, представляет собой преимущественно историю правителей и государственности. В исполнении Н.М. Карамзина он носил консервативный характер, но его сравнительно легко переписать в историю завоевания, угнетения, закрепощения и постоянной освободительной борьбы, сгенерировав тем самым советский и либеральные нарративы. Либеральный подход, стремясь превратить русскую традицию в процесс колонизации, обосновывает тем самым задачу фрагментации страны как историческую перспективу. Цивилизационный нарратив, напротив, есть история интеграции целостности, выходящей за границы как индивидуаль-

ного, племенного, так и коллективного самосознания. Это история объединений и синтезов на основе надиндивидуальной цивилизационной проекции социального права. Соответствующая интеграция – это не погружение в рабство, а сохранение и наделение правами, пусть и в исторически ограниченном объеме.

Если функция историографии состоит в попытке создать идеальную хронику – «представить все как было на самом деле», то цивилизационный нарратив решает задачу создания и самосознания исторического субъекта, способного осуществить достижение цивилизационного суверенитета, он выполняет функцию культурной памяти, а память, как отмечал Ю.М. Лотман, «инструмент мышления в настоящем, хотя ее содержанием является прошлое» [Лотман, 2010, с. 704].

Цивилизация на перекрестке

Современное понимание цивилизации характеризуется концептуальной неопределенностью. Для А. Тойнби цивилизации являются локальными, их существование определено законом Вызова и Ответа: как географическими условиями, так и геополитическими обстоятельствами [Тойнби, 2002]. С. Хантингтон, возобновивший соответствующий дискурс в конце XX века, утверждал, что у цивилизаций отсутствует строго-определенная пространственно-временная локализация, а их тождество задается культурной идентичностью [Хантингтон, 2007, с. 50].

Подобные построения содержат обычные недостатки индуктивного обобщения – дефицит концептуального результата. Проблема цивилизаций раскрывается на интуитивном уровне, понятийный аппарат исследования проблемы довольно скуден и у Тойнби, и у Хантингтона. В подобной ситуации определенный интерес представляет аналитическая (а не индуктивная) модель цивилизаций С.Б. Переслегина, определяющая инварианты, маркирующие возможные цивилизации как формы существования Человечества как такового [Переслегин, 2007, с. 101]. В результате фундаментальные маркеры Запада: развитие – человек (свобода) – разум (познание) – богатство. Евразийская цивилизация ориентирована на пространство, коллектив и духовность. России в этой схеме некий промежуточный характер «цивилизации на перекрестке», что означает, что аналитические маркеры могут применяться лишь частично. Россия вообще плохо вписывается в основные социальные парадигмы. Это не «континентальная держава» геополитиков, поскольку имеет выходы к морям, и не «полупериферия» сторонников мир-системного анализа. Даже в пресловутую марксистскую формационную «пятичленку» Россия помещалась с большим трудом, о чем свидетельствовали дискуссии об азиатском способе производства.

«Бытие на перекрестке» предполагает и определенную методологию исследования. Между индуктивными обобщениями и аналитическими инвариантами должны обнаруживаться промежуточные состояния, своего рода «формы жизни», если вспомнить усилия «позднего» Л. Витгенштейна по преодолению дихотомии аналитического и синтетического. Уместность использования этого концепта подтверждается тем, что жизнь как явление носит системный характер. Жизнь существует в форме экосистем, которые поддерживают гомеостаз за счет обмена веществом и энергией между ее элементами и окружающей средой. Одним из важных ресурсов является информация. Для того, чтобы воспользоваться этим ресурсом, необходимо построить систему взаимодействия между материальным миром и информа-

ционным пространством [Переслегин, 2007, с. 502] – социосистему, элементы которой становятся субъектами познания самосознания, благодаря чему социосистема относится к самой себе как антропосоциосистема [Лепехин, 2016] – человеческое общество и воплощается в цивилизации, которые, с одной стороны, локальны, а с другой, – нелокальны, поскольку содержат специфическую культурную матрицу, генерирующую цивилизационный макрос – программный алгоритм действий, реализующий когнитивный аспект жизни системы. Цивилизация – это не просто территория или субъективность идентичности, это – антропосоциосистема, воспроизводящая и развивающая определенные процессы формирования человеческого существования и развития.

Промежуточный характер российской цивилизации породил и специфическую проблему: цивилизационные контакты имеют тенденцию порождать гибридные формы практик, образующиеся в результате интерференции информационных потоков культурных систем. Подобные процессы универсальны для природных и социальных систем, поэтому в качестве прототипов научных понятий, описывающих динамику цивилизаций, можно использовать геологические, биологические или физические метафоры. Среди них: псевдоморфоз, гибридизация, интерференция и суперпозиция.

Метафора не имеет пропозиционального содержания, она просто позволяет увидеть один объект в свете другого объекта. «Лев Толстой – большой ребенок» – метафора, а также ложное предположение, но она позволяет совместить два плана реальности: отношение к миру великого писателя Л.Н. Толстого и обычного ребенка. Впрочем, результат может быть и тривиальным, поскольку мы живем в мире, в котором есть много разного рода подобий. Но в случае плодотворного исхода исследования метафора может стать маркером открытия, поскольку представляет собой механизм порождения смысла – исток переопределения всей когнитивной модели.

Одним из первых подобных подход представил Освальд Шпенглера своим метафорическим использованием термина «псевдоморфоз». Обычно данный термин употребляется по отношению к кристаллу, который повторяет форму другого минерала. Вулканическая лава затвердевает в пустотах, создавая ложные кристаллы, чья внутренняя структура не соответствует их внешнему облику. Шпенглер перенес этот термин на исторический процесс, используя как геологическую метафору. Псевдоморфозом он считал развитие России в форме чуждой ей европейской культуры, причем довольно едко и беспощадно описывая данное состояние, подчеркивая, что старая культурная форма «пленяет» культуру молодую, которая в силу этого обстоятельства не может достичь полноты развития своего самосознания и развертывания собственной созидательной мощи [Шпенглер, 1998. II, с. 197].

Затем эта метафора появляется в известной работе Георгия Флоровского «Пути русского богословия», применительно к оценке влияния киевской учености на русское православие. Автор определял этот процесс как «сдачу в плен», результатом чего и стала «...псевдоморфоза религиозного сознания, псевдоморфоза православной мысли...» [Флоренский, 1983. 56]. В дальнейшем, метафору подхватили российские ученые, работающие в сфере межкультурной коммуникации [Леонов, 2022, с. 69] и развития различных форм культуры [Леонов, Харитонова, 2018], а также в области традиционной проблемы выбора «правильных-неправильных» путей общественного развития, «Таким образом, демократия в России все больше становится оболочкой псевдоморфозного механизма, – отмечал, например, С.А. Королев, –

имеющей совсем не демократическое содержание» [Королев, 2009, с. 85].

Как оценить псевдоморфоз? С.А. Королев видит в нем определенный тип развития, что следует из названия его статьи. Это явно негативный тип процесса, где имитация оборачивается торможением развития. Однако в более широкой перспективе результат может быть иным. Например, весь XVIII – первую половину XIX века русская армия была одета в европейские мундиры, не соответствующие российским климатическим условиям. Однако это было не просто переодевание, это был один из способов, которым Петр I поменял цивилизационный макрос с византийско-московского на европейский. К началу Первой мировой войны Россия стала вполне европейской страной, а ее армия была переодета в новую форму – аналог стрелецкой одежды (шинель и папаха). Это псевдоморфоз или синтез? Псевдоморфоз может быть аспектом синтеза и развития, а может так и остаться пустой имитацией и способствовать социальному регрессу.

Из всего этого можно извлечь урок о том, что процесс развития цивилизации не ограничивается контролем за территориями и культурной идентичностью населения. Динамика цивилизаций – это сложный информационно-материальный процесс формообразования, описываемый теорией, аналогичной синтетической теории эволюции, возможно еще и в диалектической интерпретации. Псевдоморфоз явно сложнее имитации. Это именно развитие в чуждой форме, реальность которой тоже проблематична. В чем смысл этой чуждости? В том ли, что мы в силу своего несовершенства не в состоянии дотянуться до истины? Или в том, что мы приняли иллюзорные ориентиры? В конце концов, что плохого в копировании и имитации? Угроза в том, что даже при копировании, которое обычно представляется как реформирование, процесс формообразования идет, но он получает гибридную природу, или вообще результируется в химере.

Например, принято говорить о российской демократии как о псевдоморфозе, но это только при условии убежденности в том, что демократия реально уже воплотилась в западном обществе. Не исключено, что это общество сегодня обладает вполне развитым местным самоуправлением, но политическая демократия остается под угрозой вопроса: а не симулякр ли это? Ведь в основе западной демократии лежит античная метафора, монархические традиции, местное самоуправление и философский политический проект, воплощение которых в реальности может оказаться лишь видимостью. Получается, что российская демократия может рассматриваться как псевдоморфоз от западного псевдоморфоза как попытки поместить собственный политический процесс в историческую форму античной демократии. Как итог, динамика цивилизации в широком смысле может быть представлена как эволюционный процесс, но в более ограниченном масштабе – это семиотический процесс развития информационных систем.

Семиозис и синтез

Семиозис цивилизаций допускает и иные виды интерференции, как негативные, так и позитивные. К числу первых относится «археомодерн» – раскол общества на европеизированные верхи и традиционные низы. По мысли А.Г. Дугина, археомодерн – это общество-гибрид, в котором обе его части сосуществуют де-факто, не замечая друг друга [Дугин, 2013, с. 45]. Археомодерн находит свое выражение в герменевтическом эллипсе – двухполюсной схеме культурного процесса, который в России наиболее ярко представленной в полемике славянофилов и запад-

ников, наглядно проявил себя в творчестве крупнейших русских мыслителей археомодернистов В.С. Соловьева и Н.Ф. Федорова и воспроизводился как в советской, так и в постсоветской философии.

И все же, цивилизация является процессом синтеза, который включает в себя различные процессы интеграции и ассимиляции, а значит и культурной интерференции. Синтез может состояться, но может ограничиться и имитацией. Н.С. Трубецкой описал результативный процесс для одной фазы развития русской цивилизации – Московского евразийского царства как наследника империи Чингисхана и Византии [Трубецкой, 1999]. Это был именно синтез, а не имитация, и он сгенерировал определенную ретропроецию как ядро русской культурной традиции и национального самосознания в основу которого было положено не столько проявление исконных этнических начал, сколько ордынской геополитическое достояние и византийская миссия Катехона – объединение территории, имперской идеи, цивилизационного макроса и культурной миссии.

И здесь фиксируется проявление нелокальности макроса, дающее синергетический эффект: в Восточной Европе возникает держава, превосходящая все разрушенные османами славянские государства вместе взятые. Проявляется специфическая асимметрия между Западом и Третьим Римом в понимании варварства и экспансии. Запад наследует античную дихотомию эллинов и варваров. Но и Россия не остается в долгу, в частности, нападение Наполеона на Россию будет названо «нашествием двунадесяти языков» – тоже варваров. Асимметрия проявляется и на уровне экспансии. Основа геополитики Катехона – это проекция цивилизационного симбиоза, а не колонизация как борьба за ресурсы.

Петербургский период российской истории рассматривался Н.С. Трубецким как внешнее пародирование романо-германского образца. Пародирование обычно смешно, однако и оно открывает перспективу синтеза. Сменив цивилизационный макрос, Петр I вывел на историческую сцену нового субъекта – русское дворянство. Благодаря этому субъекту Российская империя становится своего рода Европой, однако пребывая в ситуации суперпозиции – раскола общества на европеизированное дворянство и старомосковские народные массы. В XIX веке пассионарная энергия иссякает, наступает время П.Я. Чаадаева, археомодерна, а затем и «Вишневого сада» А.П. Чехова.

А затем случилась революция 1917 года. Большевики сознательно вовлекли Россию в осуществление глобального «Красного проекта». Советский Союз задумывался как двигатель мировой коммунистической революции на ресурсах России, но при лишении ее исторической субъектности, разгроме ее управленческой, интеллектуальной и культурной элиты. В XIX Россия играла роль жандарма Европы, была угрозой любой революции, за что К. Маркс и Ф. Энгельс ее вполне обоснованно ненавидели. В.И. Ленин задумал ловкий ход, в котором России отводилась роль расходного ресурса для мировой революции, реальным эпицентром которой должна была стать Европа. Затем И.В. Сталин перехватил инициативу, канализировал энергию революции в русло построения социализма в отдельной стране, создал индустриальную державу и трансформировал идею мировой революции в стратегию расширения социалистического лагеря. Переход с уровня революционной комбинаторики на уровень позиционной игры «мирного сосуществования двух систем» привел к тому, что Советский Союз фактически стал реализовывать проект утопического социализма, считая его более реалистичным, а коммунистическую идею оттеснил в сферу утопии.

Общество опять попало в ситуацию суперпозиции: мировое коммунистическое движение или локальный социализм? Вновь активировался русский пассионарный пульсар. На историческую сцену вышел новый исторический субъект, сформированный из рабоче-крестьянских слоев общества. Создав индустриальную систему, эта народная (пассионарная) энергия иссякает в семидесятые годы XX века, ее инерция бессмысленно тратится на поддержание национальных республик-пустоцветов, начинается период застоя и «Утиной охоты» А.В. Вампилова.

Российская империя, Советский Союз, постсоветская Россия были разновекторными социосистемами единой Российско-евразийской цивилизации. Российская Империя и Советский Союз были номинально разными государствами, хотя в реальности их политические системы были в чем-то конгруэнтными. Советский Союз был и отрицанием Российской империи, и ее продолжением, а главное – ее инобытием – существованием и развитием в классовой форме. И все же Советский Союз – историческая форма русского модерна. Но этого мало, поскольку есть еще одна система – либеральная постсоветская Россия, и здесь так же свой драматизм различных модификаций псевдоморфоза, помноженных на манипулятивные практики глобализма.

Российская цивилизация – это и политический союз, и этнический симбиоз, но также это своего рода «комполитная» цивилизация, синтезирующая несколько социосистем. Термин «комполитный» представляет собой техническую метафору, переносящую на социальную реальность принцип строения материалов, изготовленных из компонентов с существенно различными свойствами. Композитный материал отличается от сплава и смеси, он обладает качественно новыми характеристиками. Критики готовы увидеть в Российской цивилизации исключительно псевдоморфоз, ее строители преследуют иную цель – поиск путей формирования композитной реальности цивилизационного синтеза.

Комполитная цивилизация и Русское Просвещение

Проблема русского Просвещения заключается в том, что Россия весь XX век провела в откровенном культурно-историческом инобытии советской и либеральной систем. Петровское западничество было вполне патриотичным, но и оно негативно относилось к русской традиции. Поэтому возвращение к традиции как способность сделать шаг к своим истокам – сложная задача для России в силу ее трехсотлетнего инобытия.

Здесь применимы уроки «Феноменологии духа» и уместна гегелевская категория «для-себя-бытие» – бесконечная определенность, суть которой заключается в умении превращать все чуждое в свое, восстанавливать себя из инобытия, становится своей собственной целью, сохранять себя в изменчивой среде. В конечном счете все свойства для-себя-бытия соединяются в категории абсолютной личности, или абсолютного духа. Часто упоминаемый эффект «ваньки-встаньки» есть маркер способности России восстанавливаться, преодолевая очередное «иго» и усваивая при этом определенное наследство. Это и системно-историческая характеристика социума, и духовная, в отличие от западной традиции критериальной и формальной рациональности.

Петровские реформы действительно породили множество имитаций и псевдоморфозов. Оппоненты двести лет были поглощены идеалом органического развития России. Реально получалась совсем иная картина: не гармоническое и органическое самораз-

вертывание, а трагическая социальная тектоника с чередованием цивилизационных макросов, моментов симбиотической эволюции и смут в социальном пространстве, определяемом координатами этнической, цивилизационной и геополитической судьбы. Все чаще российские ученые выделяют «смуту» – хаотизацию – как характерную черту российской социальности [Марченко, 2010, с. 197].

Задача России сегодня – восстановить себя из инобытия на духовно-историческом пути обретения цивилизационной субъектности. Означает ли, что данное восстановление и есть возвращение к традиции? Важнейший фактор – общие корни, но в силу указанных обстоятельств, наша традиция представляет собой суперпозицию ретропроекции: фольклорное славянство, консервативное государственничество в духе Н.В. Карамзина, марксистский нарратив классовой борьбы и вечного антагонизма угнетателей и угнетенных, либеральная легенда борьбы за право на альтернативное относительно реальности существование. Простое решение – этнократический национализм для решения данной задачи самоопределения тоже не подходит. В силу цивилизационной природы России всегда требовался сверхэтнический принцип идентичности для обеспечения цивилизационного единства. Этот момент создает представление о некоторой утопичности русской культуры, и порождает проблемы с ее прагматикой: цивилизационный макрос может выводить общество за пределы национальных интересов.

Сегодня необходим выход из ситуации нерerefлексивной эволюции через процессы гибридизации и формирование нового когнитивного проекта цивилизационного развития, который должен сопровождаться соответствующей перенастройкой унаследованных культурных практик и общественных институтов. Суперпозиция культурных полей является серьезнейшей проблемой для достижения общественного консенсуса. Философская идея восстановления себя из инобытия должна быть дополнена прагматичной стратегией аналитического преодоления гибридных культурных практик и поиском возможностей для синтеза.

Наглядный пример представляет собой реформа в образовании, лозунгом которой было вхождение в «единое образовательное пространство», а по факту была создана гибридная модель альтернативных версий модерна – советского и либерального – своего рода мультимодерн. В первой модели образование носит социальный и интегрирующий характер, а во второй – индивидуалистический и дифференцирующий. Альтернативные системы образовали гибрид со смутными алгоритмами порождения смысла, причем осложненный подменой либерального модерна в духе А. Смита постмодернистским антропоцентризмом с ЛГБТ-повесткой, который в целом имеет репрессивный характер.

В результате возникла интерференция с деструктивными последствиями. Например, мы используем тесты, но для чего? Чтобы дифференцировать учащихся в соответствии с их природными способностями и «отсеять ненужных», как это и положено в либерализме? Нет, у нас инные традиции: мы применяем тесты для того, чтобы решить задачи прежней советской модели – вывести учащихся на обобщенно средний уровень усвоения знаний. Но в либеральной логике все это не имеет смысла – каждый сам за себя, а иное неэтично, поскольку разрушает конкуренцию между индивидами, а тесты используются для селекции, а не для обучения, как полагают наши педагоги, воспитанные еще советской школой.

Выход один – полная ревизия культурных практик на предмет интерференции советской и либеральной

моделей на фоне ностальгии по имперскому реликтовому наследию. Необходима философская постановка вопроса о сущности образования в современную эпоху с целью преодоления гибридных практик как состояний культурной суперпозиции и деструктивной интерференции различных смыслообразующих структур с выходом в персоналистский и солидаристский контекст.

Философский анализ расщепляет сросшиеся гибриды с целью выявления их исходных системно-смысловых характеристик, последующих модификаций и трансформаций. Но анализ – это еще не все, это лишь сбор материалов для последующего синтеза. Идеология абстрактного противопоставления «свободной личности» и «тоталитарного государства» должна преодолевать через поиск аттракторов уже не фрагментарно-индивидуалистической или классово-социоцентристской, а персоналистской и солидаристской перспективы цивилизации, способствующих росту корпоративных (синергетических) эффектов.

Эта же задача расширяется и до проблемы преобразования культурных координат, постоянно задающих перспективу модернизации. Последняя имела смысл при условии универсализации западного модерна как пути развития всего человечества. Сегодня западное общество выходит из ситуации постмодерна и погружается в киберпанк – состояние антиутопии, характеризующейся расцветом информационных технологий при полном упадке человеческой культуры, разрушении идеи вечности как таковой. То, что мы называем Просвещением и научной картиной мира стало не преодолением предрассудков, а попыткой отсечения человечества от его духовной традиции. Фактически, возник форсированный тип культуры в том смысле, какой придавал этому термину В.Ф. Эрн: бурная внешняя экспансия производства сопровождается внутренней духовной ничтожностью и лишенностью подлинно общечеловеческого значения [Эрн, 1991, с. 356].

Русская философия давно занималась этой проблемой, и на наш взгляд, следует присмотреться к позиции А.Ф. Лосева. Несмотря на творческое долголетие, его важнейший теоретический проект – персоналистическая философия истории на основе синтеза идей Гегеля и Шпенглера – остался нереализованным. Важную мысль этого проекта выражает тезис о том, что не столько научная революция от Коперника до Ньютона, сколько богословские споры варлаамитов и паламитов, касающиеся имяславия, формируют феномены современной европейской и российской культуры.

Для паламитов самостоятельным бытием является неизреченная божественная сущность, являющаяся и выражающая себя в световых энергиях, в слове, в благодати, в именах – и тем самым в стихии духовно-личностной индивидуальности; для варлаамитов же Бог превращается в абстрактное понятие, поскольку остается неявленным, а фактически самостоятельным является только тварный мир. В перспективе он превращается в бездуховный и деперсонализированный (безбожный) мир. «Отсюда, – пишет А.Ф. Лосев, – формализование и опустошение идеи и окаменение материи, вещи, т.е. появление прекрасного изваяния, в котором все максимально духовное превращено в абстрактную, в невыраженную и очень отдаленную акциденцию...» [Лосев, 1993, с. 882]. Возвращение к византийско-московскому православию видится как смещение культурной оси в сферу «примата духовного над материальным» и предполагает преодоление натурализма и абстрактности европейского Просвещения.

Задача России как цивилизации – поиск композитного синтеза, возвращение из инобытия отчужденных

форм существования – советской и либеральной – и обретение исторической субъектности до недавнего времени реализуемой в основном конспиративной волей патриотической элиты и безмолвной поддержкой народа. Но подобно тому, как Московская Русь выиграла борьбу за наследство Чингисхана и Рима, советское и европейское наследие также не может быть утраченным – это наследие должно быть переведено из статуса демона и идола в статус способа реализации цивилизационной субъектности. Такая субъектность реализуется через консервативные идеи семьи, государства, церкви и традиции. Вернуть смысл этим идеям может только духовное понимание, способное отличать стратегическую онтологическую истину от натуралистического образа универсума.

Литература

1. Кант И. Ответ на вопрос: что такое просвещение? Сочинения в 4-х томах на немецком и русском языках. Т. 1. «Трактаты и статьи» (1784–1796). – М.: «Ками», 1993.
2. Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии. – М.: «Мысль», 1993.
3. Тойнби А. Дж. Постижение истории. – М.: Айрис-пресс, 2002.
4. Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. – М.: Инфра-М, 1999.
5. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: АСТ: Хранитель, 2007.
6. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. В 2 томах. – М.: Мысль, 1998.
7. Эвола Ю. Люди и руины. Критика фашизма: взгляд справа. – М.: АСТ: ХРАНИТЕЛЬ, 2007.
8. Данто А. Аналитическая философия истории. – М.: Идея-пресс., 2002.
9. Дугин А.Г. Мартин Хайдеггер: возможность русской философии. – М.: Академический проект: Альма Матер, 2013.
10. Ильин И.А. Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и Человека. В 2-х томах. – СПб.: Наука, 1994.
11. Королев С.А. Псевдоморфоза как тип развития: случай России / Философия и культура. 2009. № 6. С. 72–85.
12. Леонов И. В., Харитоновна М.А. Метаморфозы искусства в контексте новых типов культуры / Культура и образование. 2018. № 1. С. 14–24.
13. Леонов И.В. Псевдоморфоз как форма межкультурного взаимодействия: по мотивам «Заката Европы» О. Шпенглера / Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2022. № 47. С. 69–82.
14. Лепехин В. А. «Антропологический переворот» в контексте цивилизационного развития России и Европы мире / Социально-гуманитарное обозрение. 2016. № 2. С. 116–123.
15. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров / Семиосфера. С.-Петербург: «Искусство–СПб.», 2010.
16. Марченя П.П. Власть и народ: Утопия и История, или Еще раз о смысле «русского бунта» / Народ и власть в российской смуте. – М., 2010. – С. 197.
17. Переслегин С.Б. Самоучитель игры на мировой шахматной доске. – М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2007.
18. Флоровский Г.В. Пути русского богословия. – Париж: Умса-Press, 1983.
19. Эрн В.Ф. Сочинения. – М.: Правда, 1991.

SUPERPOSITION OF CULTURAL MODELS, CIVILIZATIONAL SYNTHESIS AND FEATURES OF THE RUSSIAN ENLIGHTENMENT

Belsky V.Y., Zolkin A.L.

Moscow University of the Ministry of internal Affairs of Russia named after V.J. Kikot

The actual problem solved in the article relates to the transformation of the results of the unfinished liberal-globalist strategy of Russia's development into a civilizational strategy, which is considered as the main program for building a modern cognitive society. The solution of this problem is connected with the identification of historical features of the development of Russia as a process of changing socio-systems with different design, resulting in a specific socio-cultural synthesis expressed by the metaphor "composite civilization". The comprehension of this metaphor is the task of the Russian Enlightenment.

Keywords: civilization, culture, enlightenment, archeomodern, pseudomorphosis, solidarity, narrative, discourse, synthesis, superposition, sociosystem, tradition, conservatism, personalism, synergistic effect.

References

1. Kant I. The answer to the question: what is enlightenment? / Works in 4 volumes in German and Russian. Vol. 1. «Treatises and articles» (1784–1796). – M.: «KamI», 1993. (in Russian).
2. Losev A.F. Essays on Ancient Symbolism and Mythology. – M.: Mysl Publ., 1993.
3. Toynbee A.J. Comprehension of history. – M.: Iris Press Publ., 2002.
4. Trubetskoy N.S. The Legacy of Genghis Khan. – M.: Infra-M, 1999. (in Russian).
5. Huntington S., The clash of civilizations and the remaking of world order. – New York: Simon & Schuster (Russian translation 2007).
6. Spengler O. The Decline of Europe. Essays on the morphology of world history. In 2 volumes. – M.: Mysl, 1998. (Russian translation).
7. Evola Yu., People and ruins. Criticism of fascism: a view from the right. – M.: ACT: Hranitel' (Russian translation).
8. Danto A. Analytical Philosophy of History. – Cambridge [England] University Press, 1965. (Russian translation 2002).
9. Dugin A.G. Martin Heidegger: The Possibility of Russian Philosophy. – M.: Academic Project: Alma Mater, 2013. (in Russian).
10. Ilyin I.A. Hegel's Philosophy as the doctrine of the concreteness of God and Man. In 2 volumes. – St. Petersburg: Nauka, 1994.
11. Korolev S.A. Pseudomorphosis as a type of development: the case of Russia / Philosophy and Culture. 2009. № 6. pp. 72–85. (in Russian).
12. Leonov I.V. Pseudomorphosis as a form of intercultural interaction: based on the «Sunset of Europe» by O. Spengler / Bulletin of Tomsk State University. Cultural studies and art criticism. 2022. № 47. pp. 69–82. (in Russian).
13. Leonov I. V., Kharitonova M.A. Metamorphoses of art in the context of new types of culture / Culture and Education. 2018. No. 1. pp. 14–24. (in Russian).
14. Lepekhin V. A. «Anthropological revolution» in the context of the civilizational development of Russia and Europe in the world / Socio-Humanitarian Review. 2016. № 2. pp. 116–123. (in Russian).
15. Lotman Yu.M. Inside the thinking worlds / Semiosphere. – St. Petersburg: Art-St. Petersburg, 2010. (in Russian).
16. Marchenya P.P. Power and the People: Utopia and History, or Once again about the meaning of the «Russian revolt» / People and power in the Russian turmoil. – M., 2010. – pp. 197–208. (in Russian).
17. Pereslegin S.B. Tutorial of the game on the world chess board. – M.: ACT; St. Petersburg: Terra Fantastica, 2007. (in Russian).
18. Florovsky G.V. The Ways of Russian Theology. – Paris: Ymca-Press, 1983. (in Russian).
19. Ern V.F. Essays. – M.: Pravda, 1991. (in Russian).

Феноменология выбора в свете синергетической философии истории

Бусов Сергей Васильевич,

кандидат философских наук, доцент кафедры социально-политических наук Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича
E-mail: swbusoff@mail.ru

Феноменология социальной самоорганизации исследует такие явления, как рост, развитие, упадок систем, моменты неустойчивости и бифуркации, акты свободного выбора, выходы на аттракторы. Фрагментарность и противоречивость феноменологической картины общества обусловлена отсутствием сущностной развертки выше названных процессов, что, впрочем, не входит в задачу данной статьи. Феноменология выбора сводится к формуле синергетического требования к субъекту выбора, а именно, к «укалыванию» среды в нужное время и в нужном месте». Онтологическим снованием такой формы выбора служит противоречивое единство выбора и отбора или суперотбор. Свобода, как «познанная случайность в рамках данной закономерности», является одним из следствий названного единства выбора и отбора и всецело определяется двумя качественными характеристиками – автономностью и осознанностью выбора.

Ключевые слова: феноменология, самоорганизация, свобода, выбор, отбор, суперотбор, возможность, случайность, условие.

Общество на уровне феноменологии – это процессы наблюдаемые, где нами фиксируется наблюдаемый аспект неравновесности системы, развертка ее связей (внутренних и внешних), характерных для процесса общественного производства, бифуркационные зоны (отдельные бифуркации и их каскады, поскольку они являются источником появления возможностей), затем активность субъектов выбора и аттракторы (квазиустойчивые конечные состояния системы на разных этапах самоорганизации системы). При исследовании свободы в контексте социальной феноменологии необходима также сущностная развертка структуры феномена свободы. То, что проявления свободы имеют системный характер, обнаруживается посредством анализа проблемы *единства* процессов выбора и отбора. Их единство сущностно противоречиво, поскольку акты выбора, связанные с действием множества отдельных субъектов, создают дискретную картину действительности, однако, вписываясь в социальную целостность, представляющую собой процесс воспроизводства социальной действительности, регулятором которой служит механизм социального отбора, они в своей массе создают некую непрерывность, континуальность общей картины. Из сферы действительности исследуемого предмета – свободы – представляющей собой процесс инклюзивного выбора, перебросим своеобразный *теоретический мостик* в сферу его возможного бытия, где формируется множество возможностей, которыми «занимается» социальный отбор, поскольку лишь отбор реализует ту или иную возможность, а вовсе не акт выбора, который по большей части является попыткой включения субъекта в целостность социума. Такой вывод весьма проблематичен, однако, попробуем объяснить и обосновать означенное единство выбора и отбора путем обращения как к философско-онтологическим аспектам соотношения выбора и отбора, так и к общенаучным подходам, в частности, к синергетической методологии исследования общества.

Формула «возможной структуры всех реальных случаев» [14], появившаяся некогда в критической онтологии А. Венцля, приложима не только к исследованию соотношения между возможным и действительным бытием, но и, в особенности, между мотивом и поступком или, говоря иначе, между мыслью о действии и самим действием; в данном случае – между мотивом и самим процессом выбора. Данная проблематика почерпнута нами, отчасти, у Д. Юма и у Спинозы, согласно которому, «бытие возможности обозначает лишь могущество бога, которым он на основании безусловной свободы воли мог сотворить все еще несуществующее» [13, с. 272]. Бог как идеальная предпосылка всего реального рассматривается Спинозой в контексте соотношения возможности и действительности, поскольку божественный «акт выбора» и есть, по сути, переход возможности в действительность. По Гегелю, сфера действительного существования вещи включая в себя сферу ее сущности, как свое основание, *снимает* ее в процессе саморазвития идеи вещи путем поэтапного разрешения внутренних противоречий. «Основание есть снятие самого себя, и то, к чему оно снимает себя, результат его отрицания, есть существование» [6, с. 287]. Согласно Гегелю, связь сущности (идея в форме понятия), как основания суще-

ствования вещи во всем объеме ее проявлений, с ее действительным существованием или, говоря иначе, с предметным воплощением идеи, всецело *определяется* процессом саморазвития идеи вещи, т.е. переходом возможности в действительность в контексте идеального бытия (бытия идеи). Правда, в отличие от Спинозы, у которого бог, как сфера возможного и идеального, не развивается, обладая полнотой совершенства, у Гегеля имеет место изменчивость бытия идеи. Переход возможности в действительность, представленный Спинозой и Гегелем, отчасти, является выражением и продолжением учения Аристотеля о «естественном месте» вещи. Согласно древнегреческому мыслителю, каждому телу присуще его естественное место [1, с.370]. Движение к нему (названное Аристотелем энтелехией) есть реализация присущей телу его собственной формы, точнее, реализацией той его потенции, которая обнаруживается в конкретном акте естественного движения тела, что и определялось впоследствии Гегелем как развитие путем разрешения внутренних противоречий. Правда, у Аристотеля мы не находим ясности в объяснении формы как определенной системы противоречий, которая снимается при переходе от одной формы к другой. Реализация потенций выступает, по Аристотелю, всего лишь как обретение телом своего естественного места или, говоря обыденным языком, посредством его попадания в нужное время в нужное место. Богатство и новизна гегелевского подхода в том, что разрешение противоречий и процесс снятия осуществляются идеями как в-себе-и-для-себя сущей. Как этот логический процесс опредмечивается уже в контексте реального (материального) бытия – предмет последующих философских споров и основной пункт критики гегелевской системы уже со стороны материалистов, в частности, марксистов.

Современная интерпретация выбора возможности может быть сведена к тому, что человек оказывается в нужное время в нужном месте, где возникает или где имеет место необходимый набор условий, соответствующий или же не во всем соответствующий, «желаемой» для субъекта возможности. Если этого соответствия нет, то не возникает и феномена свободы. Причина, соотносимая с определенным набором условий, переходит в следствие в соответствии с объективным законом, который, по своей сути, представляет собой механизм социального отбора. Человек, осознавая или не осознавая того, добавляет своим выбором, своим поступком, еще одно условие, чем дает повод к тому, чтобы причина начала действовать. В результате действия отбора совершается переход из возможности в действительность. Как отмечает С.Г. Гомаюнов, цитируя Е.Н. Князеву, «если мы будем “укалывать” среду в нужное время и в нужном месте, топологически согласованно с ее собственными структурами возбуждать, то она будет разворачивать перед нами все богатство своих форм и структур» [7, с. 101]. Речь идет о том, что выбор человека, совершаемый в «точке бифуркации», способствует попаданию системы субъектно-объектных отношений в зону влияния определенного аттрактора, в результате чего выбор, сделанный субъектом, «перетекает» в отбор, точнее, усваивается отбором, становясь последним в ряду необходимых условий для отбора, как механизма социальной самоорганизации. Отталкиваясь от цитаты, приведенной С.Г. Гомаюновым, можно предположить, что современная философская мысль, но уже на новом витке развития, вернулась к аристотелевской идее «естественного места», хотя соотносится уже не с «неизменным порядком», а с порядком, вписывающимся в контекст теории самоорганизации, как процесса взаимных переходов от порядка к хаосу и от хаоса к новому порядку. Но коль

скоро речь идет о проблеме свободы, то без гегелевской методологии здесь не обойтись. Саморазвитие идеи связано, как уже отмечалось, с процессом преодоления внутренних противоречий при переходе от одной формы развития идеи к другой. Понятно, что с точки зрения материалистического мировоззрения никакого платоновского идеального бытия не существует, зато в процессе выбора субъект, побуждаемый потребностью и интересом, создает в своем сознании некий идеальный образ «желаемого будущего», преодолевая при его совершенствовании некие внутренние, присущие ему, противоречия. Мотивированный идеалом, не лишенным истинных представлений о действительности, субъект совершает ряд поступков, т.е. он «укалывает» среду в нужное время и в нужном месте», тем самым опредмечивая свой идеал и свою свободу.

Эту ситуацию можно объяснить, если проанализировать способы функционирования сфер общественного производства [4]. Общество, рассмотренное с точки зрения социальной самоорганизации, представляет собой систему воспроизводства социального бытия в контексте функционирования четырех его основных сфер, занятых производством своего определенного класса продуктов, будь то материальные блага, организации, информация или сами люди. Речь идет о таких сферах, как материальное производство (техносфера), организационное производство (оргсфера), духовное производство (инфосфера) и производство самих людей (социосфера) [11]. Механизм сферного функционирования, с одной стороны, весьма простой, поскольку предполагает соединение четырех сферных предпосылок в одном месте и времени, в одном локусе, будь то завод или мастерская «самозанятого» бизнесмена, НИИ или школа. Действительно, для производства, скажем, самолетов, требуются как материальные ресурсы, так и организационные ресурсы, включая финансы, как научные и производственные технологии, так и кадры, персонал. С другой стороны, подбор названных предпосылок связан со многими случайностями, поскольку выражены механизмами распределения и, в особенности, обмена ресурсов с участием ответственных людей, занятых процессом выбора того или иного ресурса. Если с распределением можно разобраться, опираясь на технологию производства целевого продукта, то обмен, завязанный на рыночный механизм, может предоставить массу неожиданностей. И главной из неожиданностей, как правило, становится уровень компетентности кадров. В данном случае работа с кадрами становится ключевым моментом в выборе возможности.

Социальная система, как и любая другая, не производит то, что выходит за рамки ее возможностей. Отсюда следует, что количество возможных аттракторов, в которые может угодить, точнее, преобразоваться, данная система, всегда ограничено в виду ограниченного объема ресурсной базы. Выход на тот или иной социальный аттрактор формирует не столько выбор людей, сколько сложная система социального отбора. Даже «абсолютный властитель» не способен получить выход на воспроизводство важного для страны продукта, если для этого не сложатся необходимые условия, не сформируются предпосылки; в противном случае все сведется к бессмысленной трате человеческих и материальных ресурсов. Необходимые условия – вот что главное, когда речь заходит о конкретных возможностях, ибо для каждой возможности в сфере реального бытия необходим полный набор условий для ее реализации. Так, одним из важнейших условий существования организмов является питание, а второстепенным – полеты в воздушной среде. Однако полеты увеличивают возможности пита-

ния и главное, что для определенного качества существования особенно в связи с изменениями среды некоторые несущественные условия становятся первостепенными, а, следовательно, необходимыми, поскольку дают необходимый объем ресурсов. Популяции животных в процессе эволюции переходят от одной формы адаптации к другой, посредством снятия одной формы противоречий системы «организм-среда» другой. Случайные условия формируют фактор изменчивости; они меняют соотношение вероятностей как меры возможностей в контексте отбора. С одной стороны, случайность – это все, что происходит здесь и сейчас, а с другой – то, что входит в определение формы проявления необходимости, т.е. как условие действия причины. Для определения случайности важно, чтобы набор необходимых условий был налицо, а заключительным аккордом служит добавление последнего из условий – повода. Необходимый набор условий, сформированный в процессе отбора, приводит к действию причины и тогда соответствующая возможность отбирается и реализуется.

В проблеме свободы речь идет как раз о выборе субъектом *возможного* пути своей дальнейшей эволюции (в социуме и в мире), и, по сути, о том, в зону какого аттрактора «попадет» система «индивид-среда». Возможность выступает как снятый момент действительности: с возможностью связано лишь то, что возникло и существует в действительности. Возможность, напрямую зависящая от фактора изменчивости действительности, не может взятась ниоткуда. Переход возможности в действительность соответствует процессу проявления сущности вещи и связан с действием закона (или механизма отбора), когда причина начинает действовать при полноте присущих ей необходимых условий. Сущность вещи многолика, поскольку обладает множеством способов проявления, т.е. возможностей всегда несколько, а меняющаяся действительность одна. Поэтому немислимо совпадение генезиса с сущностью, ибо генезис всегда монистичен: для объяснения этого факта в физике было введено понятие «траекторности» движения объекта, в отличие, скажем, от движения в микромире, где местоположение микрообъекта определяется посредством «облака вероятностей». Сущность многообразна как многообразна сфера возможностей. Сущность ненаблюдаема в том, хотя и не единственном, смысле, что нельзя мыслью охватить весь спектр возможностей становления вещи при смене условий ее существования. В плане физического существования объекта его сущность предполагает наличие своеобразного единства микро- и макромира, выраженного в данности некоей сферы возможностей существования вещи, как «возможной структуры всех реальных случаев», что для представителей критической онтологии нашло выражение в понятии «идеального бытия» (Н. Гартман) или «царства сущности» (Д. Сантаяна). Поэтому, когда человек делает выбор, он тем самым осознанно стремится дать сущности вещи возможность проявиться и, прежде всего, проявиться желательным для него образом. В этой связи следует заметить, что свобода выбора может проявляться лишь тогда, когда субъект имеет определенное представление о сущности предмета, с которым он взаимодействует и который стремится изменить в соответствии с созданным идеалом. Феноменологической картины исследуемого процесса здесь явно недостаточно.

«Возможное бытие» включает в себе основную трудность философского познания; мы связываем возможное бытие вещи с ее сущностью, со сферой ненаблюдаемого и неопределенного. Возникновение происходит из несущего вообще, но, с другой стороны, согласно Аристотелю, оно всегда происходит из бытия.

«Действительно, это есть бытие в возможности, являющееся в действительности небытием, но необходимым образом предшествует и его называют сразу и бытием, и небытием» [1, с.389]. Единство бытия и не-бытия выражает тотальную изменчивость действительности. Одной из форм такой изменчивости является случайность, а также свобода человека как особая форма такой случайности. Подавляющее большинство актов выбора, которые производят люди в реальной истории – это опрометчивые поступки, которые добавляют в систему хаос, поскольку имеет место неопределенность проявления сущности и человек не может полностью контролировать фактор изменчивости. Открытия И. Пригожина, Г. Хакена, Б. Белоусова, А. Жаботинского, Э. Янча, Э. Ласло, С.П. Курдюмова и др. в развитии принципов нелинейного мышления позволили понять, что «порядок», действительно, может реализоваться лишь «через флуктуацию», только «через хаос», как и необходимость через случайность, сущность вещи через ее существование, через возможность ее проявления. Что бы возникло «поле возможностей», согласно синергетической методологии, нужна бифуркация, а если следовать сугубо философской методологии, нужна случайность. Своим выбором люди создают флуктуацию, которая «запускает» механизм отбора. Следует, правда, обязательно добавить, что механизм социального отбора «заводится» не только от выбора субъекта, но и от любого другого резонансного события, от стихийной или рационально произведенной флуктуации, будь то извержение вулкана, богатый урожай зерновых или заранее подготовленное восстание с целью свержения государственного строя. Разница в том, что в случае свободного (автономного и осознанного) выбора механизм социального отбора работает как *суперотбор*, как отбор самих факторов отбора [12, с. 22], а в других случаях как простой отбор или даже как естественный отбор. В учении о суперотборе в рамках Санкт-Петербургской школы социальной синергетики речь идет о сущностных (ненаблюдаемых) факторах отбора, об их эволюции, т.е. речь, по сути, идет об «эволюции начальных условий» относительно времени и места. Изменчивость координат «начальных условий», связанная с так называемым «хаосом микроуровня», может служить онтологическим основанием учения о суперотборе, в котором с наибольшей полнотой выражается искомое «единство выбора и отбора». В социуме именно фактор *свободного* выбора переводит механизм отбора в режим суперотбора.

Феноменология социальной самоорганизации определяет процесс эволюции как процесс образования и последующего распада сложных целостных систем [12, с. 15]. В аспекте исторического времени социальная иерархизация представляется нам системным включением разных уровней в целостность «матрешки», при том, что такое включение происходит в разных направлениях: в экономическом, политическом, духовном, гуманитарном. Иерархизация означает многократное усложнение социальной структуры, поскольку диссипативные структуры одного уровня встраиваются в диссипативные структуры нового уровня. Напротив, деиерархизация означает процесс упрощения, рассеивания и разложения. При переходе от хаоса к порядку в условиях иерархизации сложная система как целостность проявляет независимость по отношению к характеристикам ее частей. При переходе от порядка к хаосу в процессе деиерархизации сложная система при достижении критической точки переходит к процессам «лавинообразного» характера. Как пишут П. Бак и К. Чен, «в хаотических системах малая начальная неопределенность растет со временем экспоненциально», а в слабохаотических системах, к которым

относится человеческое общество (экономика, политика, демография и др.), неопределенность растет, как правило, степенным образом [2, с. 22]. Например, при прогнозе погоды неопределенность во времени растет в геометрической прогрессии, а при прогнозе занятости людей в той или иной отрасли неопределенность растет пропорционально какому-либо градиенту, например, относительно спроса на продукцию данной отрасли. Границы тенденций иерархизации и деиерархизации определяются аттрактором. Если система попадает «в конус» аттрактора, то она неизбежно эволюционирует к этому квазиустойчивому состоянию системы. Свойства аттрактора служат своеобразной матрицей, определяющей содержание нового направления эволюции путем образования себеподобных структур (путем масштабной инвариантности или скейлинга). Попадание или выход на аттрактор характеризуется процессом воспроизводства этой структуры. Деиерархизация, следовательно, предстанет как свертывание масштабной инвариантности, когда происходит частичная потеря памяти о былой сложности. «Попадание в конус аттрактора» определяется бифуркацией, зоной максимальной неустойчивости системы (на данном отрезке ее эволюции), из которой система способна выйти лишь «выбрав» одно из конечного числа возможных направлений [9]. Сам механизм отбора с уровня феноменологии не просматривается. Потому феноменология фиксирует лишь те явления, которые группируются в отдельные моменты социальной самоорганизации: рост, развитие, упадок систем, моменты неустойчивости и бифуркации, акты свободного выбора и, наконец, сам процесс воспроизводства аттракторов. Оттого наблюдаемая картина часто лишена глубины, фрагментарна и противоречива.

Возникло и формируется представление о новом сложном уровне свободы как *познанной случайности* [5, с. 262–263]. В этой связи становится актуальным *синергетическое требование* к субъекту выбора, который получает потребный результат, а именно, выход на тот или иной аттрактор системы субъектно-объектных отношений, лишь совершая «определенный укол среды в надлежащих местах и в определенное время» [8, с. 119]. Хорошую иллюстрацию этого дает рисунок «Синергетика выбора» [12, с. 119], где жизнедеятельность человека представлена в виде бифуркационных цепочек.

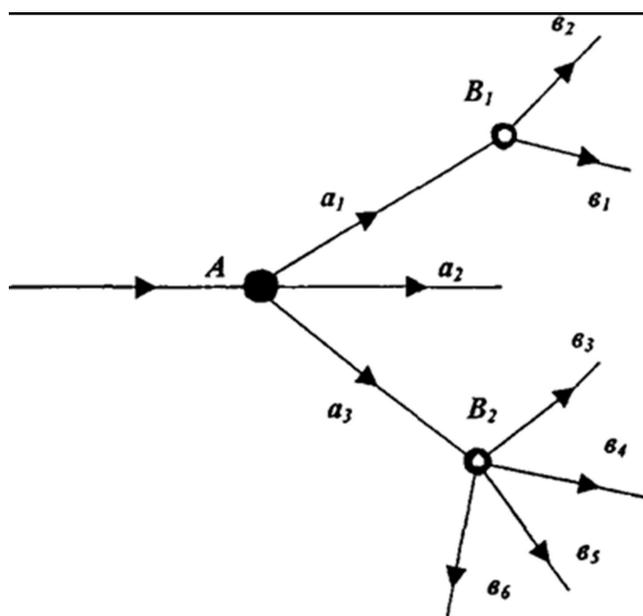

Рис. Синергетика выбора: A – точка бифуркации; B_1, B_2 – точки возможных бифуркаций; a_n – возможные сценарии

На рисунке показано, что условно в каждой бифуркационной точке человек делает выбор из объективно сформированного набора сценариев – возможностей его дальнейшей жизни. «Тем самым выбор, который индивидуум осуществляет в точке A , влияет на характер будущих возможностей для новых актов выбора» [12, с. 120]. «Познанная случайность», как форма свободы субъекта, сводится в данном случае к сознательной актуализации новой конфигурации условий, формирующей новые и желательные возможности, которые при полноте необходимых условий могут реализоваться посредством социального отбора.

Такого рода коллизии не раз были представлены в русской художественной литературе. Так, герой романа Ф.М. Достоевского, Раскольников, следуя своему идеалу, по сути, осуществил вышеназванное «синергетическое требование», оказавшись «в нужное время и в нужном месте», реализовав возможность, которую он планировал реализовать (убийство старухи-процентщицы). Андрей Болконский, герой романа Л.Н. Толстого, попытался реализовать весьма редкую возможность, о которой он мечтал и которую называл «мой Тулон», но повторить «судьбу Наполеона» он не мог, так как оказался не «в том времени и не в том месте», поскольку ситуация «времени и места» всегда уникальна. В повести М.Ю. Лермонтова «Княжна Мэри» Печорин прямым образом реализует синергетическое требование к субъекту выбора, «укаывая» среду в нужное время и в нужном месте» (см. сюжет дуэли между ним и Грушницким).

Выбор есть непосредственное проявление деятельности людей, определяемой факторами отбора, с одной стороны, а с другой – действием человеческой воли. Первое может отражаться во втором, как прямое действие, а второе в первом – как обратная связь. Двойкая детерминация выбора предполагает сочетание внешней силы – механизма социального отбора и силы внутренней – воли субъекта, руководствующегося желанием, целью, идеалом. Обращает на себя внимание высказывание С.М. Левина: «...Мотив, хотя и имеет физическую реализацию, тем не менее, не приводит к совершению действия, потому что к совершению действия приводит только физическая реализация мотива, а не сам мотив (как он субъективно осознается). Возможно ли, чтобы «всякий мотив, на основании которого было совершено действие, был одновременно и причиной действия» [10]? Речь не идет о том, что мотив является причиной действия, поскольку мотив, как правило, сводится к мысли, к желанию. Сама по себе мысль о предполагаемом поступке, есть «одетый в слова» образ желаемого будущего (идеал), а следовательно, есть сигнал, определяющий «каузальную эффективность сознания». Если «открывается дверь», то появляется возможность «выйти на улицу». Мотив появляется как «ответ на вызов» (А. Тойнби). Как известно, источником нашего сознания является объективный мир. Тот, кто говорит о мотиве как причине выбора, превращает сигнал (мотив) в материальную систему, взаимодействующую с другой материальной системой (внешней средой), что неверно. «Физическая реализация мотива», но не только мотива, а всего комплекса сознания, в виде акта выбора, встроенного в систему отбора – и все это явленное как противоречивое единство выбора и отбора – есть, по сути, причина проявления того, что можно охарактеризовать как феномен свободного поведения человека. Более того, такое поведение в обществе не может не быть оформленным, будь то производственная деятельность в виде труда, а также игра, учеба, эксперимент и проч. Феномено-

логический рисунок такой деятельности может быть представлен как формирование какого-то порядка (иерархизация), затем как его хаотизация (деиерархизация), т.е. как процесс самоорганизации, притом что в наблюдаемом спектре предстанут явления бифуркации, выбора и движения к аттрактору, характерные как для фазы иерархизации, так и для фазы деиерархизации.

Синергетическая картина действительности во многом отличается от гегелевской схемы саморазвития идеи, которая приложима, скорее, к формированию идеалов, в которых как раз и происходит процесс мысленного снятия противоречий. Однако к сфере реального бытия, опять же с синергетической точки зрения, такая диалектическая схема приложима с весьма трудно достижимым, хотя и весьма необходимым, взаимным конвертированием общенаучных и философских идей с целью поиска их общего содержания.

Итогом всего вышеизложенного может быть следующий вывод: основанием свободного выбора человека в рамках субъектно-объектных отношений становится сложное и противоречивое единство выбора и отбора, опирающееся на одно из основных положений синергетической парадигмы – «эволюцию начальных условий», т.е. на упоминаемую выше изменчивость действительности, создающую неопределенность процесса самоорганизации и его необратимость. Противоречивое единство выбора и отбора определяется синергетической философией истории как суперотбор, как отбор самих факторов отбора, а свобода – как «познанная случайность в рамках данной закономерности» [3, с. 569], поскольку случайность представлена здесь как фактор, меняющий соотношение вероятностей грядущих событий. Человек способен добавлять необходимые условия в процесс развития действительности, требуемые для его идеальной картины «желаемого будущего». Такую способность субъекта можно соотнести с формой его свободного поведения; она определяется, как минимум, двумя качественными характеристиками – автономностью и осознанностью выбора.

Литература

1. Аристотель. О возникновении и уничтожении / Сочинения в 4-х т. М.: Мысль, 1981. Т. 3. 613 с.
2. Бак П., Чен К. Самоорганизованная критичность // В мире науки. 1991. № 3. С. 16–24.
3. Бранский В.П. Искусство и философия: Роль философии в формировании и восприятии художественного произведения на примере истории живописи. Калининград: Янтарный сказ, 1999. 704 с.
4. Бусов С.В. Методологическое обоснование сферного подхода. Автореферат канд. дисс. СПб, 1992. 31 с.
5. Бусов С.В. Проблема свободы как познанной случайности в рамках закономерности: синергетический анализ // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Педагогика, выпуск 3 / Научный журнал. 2017. Том 17. С. 258–265.
6. Гегель Г.В.Ф. Наука логики / Энциклопедия философских наук. Т. 1. М.: Мысль, 1975. 452 с.
7. Гомаюнов С.Г. От истории синергетики к синергетике истории // Общественные науки и современность. 1994. № 2. С. 99–106.
8. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Основания синергетики. Режимы с обострением, самоорганизация, темпомеры. СПб.: Алетейя, 2002. 414 с.
9. Ласло Э. Век бифуркации. Часть 1. Путь к обрыву. Гл. 1. Рождение слова. Рождение науки. Рождение века. URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/basis/4545/4547> (12.11.2023).
10. Левин С.М. Физикализм, субъект и метафизическая свобода воли // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. Серия: Философия. 2013. Т. 2. № 2. С. 67–77.
11. Семашко Л.М. Тетрасоциология: от социологического воображения через диалог к универсальным ценностям и гармонии. Изд-во СПбГПУ, 2003. 391 с.
12. Синергетическая философия истории / под ред. В.П. Бранского и С.Д. Пожарского. Рязань: Копи-Принт, 2009. 314 с.
13. Спиноза Б. Приложение, содержащее метафизические мысли / Избранные произведения в 2 т. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1957. Т. 1. 630 с.
14. Wenzl A. Philosophie der Freiheit. Bd. 1–2. München-Pasing: Filser Verlag, 1947–1948.

THE PHENOMENOLOGY OF CHOICE IN THE LIGHT OF THE SYNERGETIC PHILOSOPHY OF HISTORY

Basov S.V.

St. Petersburg State University of Telecommunications named after Prof. M.A. Bonch-Bruевич

The phenomenology of social self-organization explores such phenomena as the growth, development, decline of systems, moments of instability and bifurcation, acts of free choice, exits to attractors. The fragmentarity and inconsistency of the phenomenological picture of society is due to the lack of an essential unfolding of the above-mentioned processes, which, however, was not part of the task of this article. The phenomenology of choice has been reduced to the formula of a synergetic requirement for the subject of choice, namely, to “pricking” the environment at the right time and in the right place.” The ontological basis of this form of choice is the contradictory unity of choice and selection or super-selection. Freedom, as a “recognized randomness within the framework of this regularity”, is one of the consequences of the named unity of choice and selection, which serves as its form and is entirely determined by two qualitative characteristics – autonomy and awareness of choice.

Keywords: phenomenology, self-organization, freedom, choice, selection, super-selection, possibility, an accident, condition.

References

1. Aristotle. On the emergence and destruction / Works in 4 volumes. M.: Mysl, 1981. T.3. 613 p.
2. Bak P., Chen K. Self-organized criticality // In the world of science. 1991. No. 3. P. 16–24.
3. Bransky V.P. Art and philosophy: The role of philosophy in the formation and perception of a work of art using the example of the history of painting. Kaliningrad: Yantarny Skaz, 1999. 704 p.
4. Busov S.V. Methodological justification of the spherical approach. Abstract of Ph.D. diss. St. Petersburg, 1992. 31 p.
5. Busov S.V. The problem of freedom as a known chance within the framework of a pattern: synergetic analysis / News of Saratov University. New episode. Series Philosophy. Psychology. Pedagogy, issue 3 / Scientific journal. 2017. Volume 17. pp. 258–265.
6. Hegel G.V.F. The Science of Logic / Encyclopedia of Philosophical Sciences. T.1. M.: Mysl, 1975. 452 p.
7. Gomayunov S.G. From the history of synergetics to the synergetics of history // Social sciences and modernity. 1994. No. 2. P. 99–106.
8. Knyazeva E.N., Kurdyumov S.P. Foundations of synergetics. Modes with aggravation, self-organization, tempo worlds. St. Petersburg: Aletheya, 2002. 414 p.
9. Laszlo E. Century of bifurcation. Part 1. The path to the cliff. Chapter 1. The birth of a word. The birth of science. Birth of a century. URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/basis/4545/4547> (11/12/2023).

10. Levin S.M. Physicalism, subject and metaphysical free will // Bulletin of the Leningrad State University named after A.S. Pushkin. Series: Philosophy. 2013. T. 2. No. 2. P. 67–77.
11. Semashko L.M. Tetrasociology: from sociological imagination through dialogue to universal values and harmony. Publishing house SPbSPU, 2003. 391 p.
12. Synergetic philosophy of history / ed. V.P. Bransky and S.D. Pozharsky. Ryazan: Copy-Print, 2009. 314 p.
13. Spinoza B. Appendix containing metaphysical thoughts / Selected works in 2 volumes. M.: State. political publishing house lit., 1957. T.1. 630 pp.
14. Wenzl A. Philosophie der Freiheit. Bd. 1–2. München-Pasing: Filser Verlag, 1947–1948.

Гезалов Ариз Авяз оглы,

к.ф.н., ведущий научный сотрудник Сектора исследований социокультурных и медиа-коммуникаций ИС ФНИСЦ РАН, руководитель исследовательской группы «Диалог культур: философско-мировоззренческие проблемы» РФО Российской академии наук
E-mail: arizkam@mail.ru

В статье отмечается, что сегодня сама общественная наука, как и человечество, переживает переходный период, выстраивается новая социальная философия со своей неклассической парадигмой, меняется мировоззрение, обогащенное моделями вероятностных сценариев развития мира. Рассмотренные нами социокультурные аспекты – тому наиболее впечатляющий пример. Сегодня Россия и почти каждая постсоветская республика, опираясь на мировой опыт, пытается выработать собственную, неповторимую модель развития. Каждое такое общество в новой фазе развития сталкивается с неизбежными политико-экономическими трансформациями, требующими коренного преобразования, а также изменения культурной традиции, укоренившейся в сознании и самосознании народа.

Ключевые слова: социальная философия, культура, цивилизация, трансформация, транзитология, переходный период, социокультурный контекст, демократизация, Российское общество, постсоветские страны.

Анализ проблем демократизации довольно часто выводил нас на признание существенной роли социокультурного фактора (традиционных ценностей и образа жизни) в современных процессах трансформации. Для объективной оценки происходящих процессов и перспектив их развития – а без этого невозможно продуктивное продвижение вперед – необходимо, прежде всего, объективно оценить реальное состояние духовно-ценностной мотивации происходящего, его социокультурной природы произошедших трансформаций и их социокультурных последствий [4, с. 8]. И поэтому, тенденции, противоречия и результаты (плюсы и минусы постсоветской трансформации) [5, с. 34] современного общества регулярно становятся объектом анализа социальной философии [2].

При объяснении сути демократии, считает Д.А. Росту, необходимо проводить различия между ее функционированием и генезисом. Руководствуясь данной установкой, он формулирует в аксиоматической форме следующий тезис: процесс зарождения демократии не обязательно должен быть единообразным во всех точках земного шара и по временной протяженности – к демократии может вести множество дорог [17, с. 337–340]. Признание того, что демократизация может осуществляться по различным сценариям, логически ведет к актуализации роли социокультурной основы трансформации. Тезис о многообразии современных форм демократизации подтверждается и процессами появления широкого спектра «дефектных» (авторитарных) проявлений демократии. Можно полагать, что за всеми такими процессами так или иначе стоят социокультурные причины и, соответственно, пакет специфичных проблем исторического развития народов, вставших на путь демократии.

На важность социокультурного контекста «третьей волны» демократизации и глобальных цивилизационных бифуркаций обращал особое внимание С. Хантингтон. Он подчеркивал, что «в новом мире основные различия между людьми и между народами носят не идеологический, не политический, не экономический, а культурный характер», и, к тому же, – «основополагающие различия между цивилизациями в сфере политического и экономического развития, бесспорно, уходят своими корнями в пласты отличающихся друг от друга культур» [16, с. 532, 534]. С. Хантингтон утверждал, что появление «азиатских» моделей демократий («японской», в частности) следует выводить из особенностей социокультурных контекстов их развития, что оказывало заметное влияние и на характер демократических трансформаций. Надо сказать, что в современной транзитологии (*лат. transitus переход, прохождение гр. logos учение*) все чаще подчеркивается несостоятельность традиционных представлений об универсальном и единообразном характере общественных трансформаций и такой вывод обосновывается ссылкой на возрастающее влияние социокультурной самобытности на механизм переходного обновления общества.

Согласно точке зрения А. Неклесса, принципиальные культурные различия между цивилизациями и странами дают основание говорить о том, что «возможно мир находится на пороге серьезной трансформации сложившейся на сегодняшний день концепции исторического

прогресса... универсальность традиционных сценариев развития в настоящее время находится под большим сомнением» [10, с. 98–99]. Справедливость такого вывода признают многие исследователи. В частности, В. Толстых утверждает, что «в социокультурном плане и контексте можно говорить, что сама практика процесса трансформации изживает классическое представление о линейном характере развития социума как одномерном и однозначном переходе от традиционного общества к современному» [13, с. 397]. Действительно, прежние представления о демократической трансформации, игнорирующие социокультурный контекст и его многообразие, ныне подвергаются серьезному критическому пересмотру.

В теоретической транзитологии наблюдается смещение акцента на выявление особой роли социокультурного контекста, что, в свою очередь, предполагает отказ от методологии унификации моделей демократии. В этом плане можно говорить о важности переориентации транзитологии и теории демократии на признание особой роли социокультурного фактора в обновлении современных переходных стран и миропорядка в целом: вектор поиска новых научных идей и разработка оптимальных моделей преимущественно задается социокультурными факторами. В данном вопросе следует опереться на положение, высказанное в свое время П. Сорокиным, что отмеченный нами переходный период напоминает «громкую эклектическую свалку, заполненную разнородными обломками чувственной, идеациональной, интегральной культуры и других социокультурных скоплений» [11, с. 106]. В каком плане из социокультурной «свалки» выходят на авансцену транзитологии всевозможные вариации или типы «дефектных» политических режимов, отражающих особенности демократизации современных переходных обществ. Многообразие форм «полудемократии» теория объясняет влиянием социокультурных факторов на характер трансформации транзитных стран. Благодаря актуализации роли социокультурного фактора в понятийный аппарат транзитологии были включены такие представления как «западная» или «азиатская» (японская) модели демократизации. Эти понятия получили, в частности, прописку в цивилизационной концепции Хантингтона.

Но большинство современных переходных стран развиваются не по предписаниям этой концепции и они, как правило, не довольствуются цивилизационными интерпретациями роли социокультурного фактора вообще, а пытаются понять и обосновать правомерность построения «своего национального пути» развития, апеллируя конкретно к собственной этнокультурной традиции – ссылаясь на самобытность менталитета или религиозной традиции, в частности.

Закономерно, что в сфере эмпирической транзитологии наблюдается рост многообразия форм (моделей) демократизации, причем иногда дело доходит до серьезного обсуждения способов реанимации и модернизации различных типов «архаичной демократии», которые обнаруживаются в ходе теоретического разбора социокультурной «свалки» практически каждого этноса. По мнению авторов таких концепций, в социокультурную традицию каждого народа органично вплетена «своя» архаичная демократия, которую достаточно реанимировать и посредством целесообразных трансформационных модификаций адаптировать к требованиям современной демократизации.

В качестве такого примера манипулирования традицией, менталитетом, с целью обоснования необходимости осуществления собственной модели демократизации, можно сослаться на статью А. Хамагаева, в которой автор анализирует не очень удачные попытки некоторых исследователей ввести в оборот понятия об архаичной («горской, тейповой, общинной») демократии, содержащей, якобы, все необходимые условия для осуществления на ее основе новационного прорыва – трансформировать традиционное общество в демократическое [15, с. 213–217].

Для нас особый интерес представляет анализ проблем социокультурной трансформации постсоветских обществ. В этих государствах также заметно доминирует тенденция «заземления» своеобразия трансформации: почти во всех постсоветских обществах декларируется важность разработки «своей» национальной модели трансформации и такая установка обосновывается непосредственной ссылкой на целесообразность обращения к собственной культуре.

Какие процессы происходят и в российском обществе?

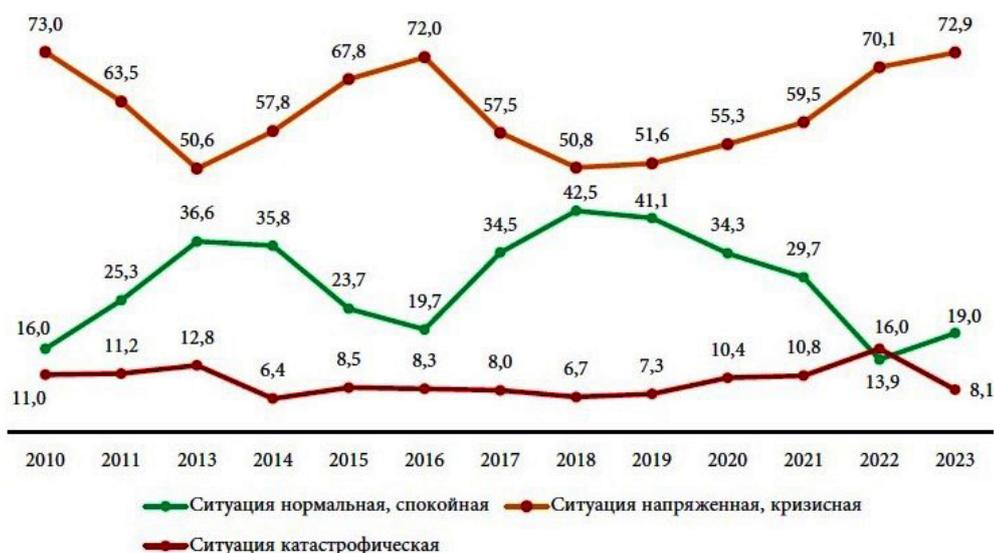

Рис. 1. Динамика оценок населением страны ситуации в России, 2010–2023 гг., %

Как отмечает известные отечественные ученые, «за последнее десятилетие россияне пережили три волны крупномасштабных перемен, несущих новые вызо-

вы и угрозы, – кризис 2014–2016 гг., ковид-пандемию 2020–2021 гг. и связанные с проведением СВО на Украине события 2022–2023 гг. Если между первыми двумя

волнами был двухлетний промежуток относительного спокойствия, то затухание пандемии сразу сменилось военной операцией на Украине и развернутой вокруг неё информационной войной. В результате россияне начинают забывать, как можно «просто жить», не опасаясь внезапного экономического спада, обесценивания денег, террористических атак, пугающих новостей, потери здоровья и т.д. Эта еще далекая от завершения «полоса препятствий» по длительности и отчасти по последствиям уже сопоставима с самыми опасными для России периодами минувшего столетия – с бифуркационными событиями 1914–1921 гг., 1939–1945 гг. и 1991–1999 гг. Поэтому главный для России 2020-х вопрос заключается в том, как население сможет в конечном счёте адаптироваться к «новой реальности».

Если обратить внимание, насколько россияне осознают, что живут в «эпоху перемен», насколько это для них (дис)комфортно и, самое главное, от чего зависит осознание и переживание возникающих опасностей (прежде всего, обратимся к тем оценкам, которые дают россияне ситуации в стране в целом – как видим «панические» мнения о катастрофическом характере ситуации в России никогда не были широко распространёнными (рис. 1) [8].

Российские ученые также склонны представлять переходную трансформацию своего общества в свете учета уникальной социокультурной миссии российского народа, что предполагает акцентуацию внимания на изучение самобытности национального менталитета. Не удивительно, что и среди некоторой части российских ученых и политиков весьма популярны идеи поиска и разработки особой («своей») модели демократизации [9, с. 158–165]. Повышенный интерес к этой проблеме можно объяснить укоренением в общественном мнении идеологии «русского мессианства», которая оказывала и оказывает заметное влияние на мировоззрение ученых и политиков. Достаточно отметить историческую популярность этой идеологии, а также глубокие социокультурные ее корни. Признание «мес-сианской» уникальности российской культуры логически ведет к допущению о невозможности ее адаптации к западной (европейской) или восточной (азиатской) традициям. Соответственно, установка на уникальность культуры создает логические предпосылки для обоснования необходимости построения «особой» модели трансформации, которая бы адекватно отражала социокультурное своеобразие российского общества. Можно сослаться на статью Л.И. Василенко, в которой обстоятельно анализируется проблема выбора российским обществом «своей» национально-самобытной модели перехода к демократии: «Если эпицентры действительного духовного и культурного обновления социальной жизни не появятся, не будет и источника для появления того, что часто называют «третьим путем» развития, альтернативного Востоку и Западу, капитализму и социализму, индивидуализму и тоталитаризму» [1, с. 8]. Стоит также подчеркнуть, что в последние годы официально отстаивается идея «суверенной демократии», приемлемая для мессианского своеобразия России. Как видно, в России переходные процессы также выводят на первый план тему уникальности собственной культурной традиции, что логически ведет к актуализации проблемы разработки национально-самобытной «третьей» модели обновления общества. Надо отметить, что чрезмерное увлечение мессианской идеологией не подкрепляется научно обоснованными выводами и чаще всего такие модели «провисают» в пространстве абстрактных пожеланий. Подобное положение вызывает серьезное беспокойство у некоторых исследователей и дает основание для критической

оценки позиции и претензий новых славянофилов (авторов «уникализации» российской культуры). Так, согласно мнению В.Л. Иноземцева, «проповедь исключительности и мессианства весьма опасна... (свое общество) преподносит в качестве «лучшего» среди прочих, но это означает, перейти ту тончайшую грань, которая лежит между демократическим гуманизмом и фашистской идеологией исключительности» [7, с. 9]. Несмотря на подобные предостережения, идеология исключительности российской культуры (души, менталитета, мироощущения и т.д.) оказывает достаточно заметное и порою даже гипертрофированное влияние на формирование в обществе убеждения о необходимости разработки только «своей» (и в этом смысле «суверенной») стратегии развития, которая способна вывести Россию на самые передовые рубежи – включить неоимперски обновленную страну в авангард глобализации.

Следует отметить, что во всех постсоветских обществах наблюдается сходная методология трактовки роли социокультурного контекста при выборе страной приемлемой стратегии развития: доминирующее значение придается анализу культурной самобытности: что предстает как главная и специфичная проблема для каждой страны. Такой подход принципиально не противоречит теоретическим утверждениям о влиянии базисных параметров социокультурной традиции на демократизацию переходных постсоветских стран. В современной транзитологии параметры социокультурной самобытности каждой страны трактуется в более широком контексте (с учетом роли цивилизационных, религиозных, этнокультурных факторов). Необходимо также отметить, что доминирование «советского» контекста трансформации оказало достаточно заметное влияние и на характер локализации в этих странах роли социокультурного фактора, что нашло свое отражение в особой акцентуации внимания на менталитет. Это можно объяснить тем, что в рамках советского бытия происходило подавление (или вытеснению в подсознание) основных элементов национальной самобытности, что сопровождалось аккумулярованием в (латентной) форме энергии грядущего социокультурного коллапса. По мнению Курта Хьюбера: «глубокая привязанность к нации нередко остается неосознанной, и даже может вытесняться... В вытесненном состоянии она зачастую выливается в самую странную форму: Национальное сознание наличествует всегда, пусть и в латентной форме, и не может быть искоренено, а реакция на его вытеснение или даже подавление может привести к опасному взрыву» [3, с. 345].

Распад советской системы деблокировал тотальные запреты на широкое и интенсивное культивирование «национальной самобытности» и открыл шлюзы для реанимации последней, что сопровождалось перманентным усилением в каждой постсоветской стране интереса к своей истории, религии, социокультурной традиции и в этом контексте менталитет стал одной из центральных категорий доминант обновления. Переходные процессы в этих странах закономерным образом выдвинули на первый план ментальный контекст культуры, что нашло свое отражение и в появлении массы новых проблем. Можно согласиться с мнением Л. Ионина, что процессы трансформации через культуру очевидны в те времена, когда в обществе разворачиваются крупные революционные изменения [155, 150].

В постсоветских странах наметилось одновременно и спонтанное, и закономерное пробуждение интереса к национальной культуре, что производило обновление теоретического и обыденного сознания: в научном и политическом лексиконе, а также в обыденном языке центральное место заняли понятия, которые так или иначе

ассоциировались с проявлениями менталитета или же указывали на социокультурную роль этого феномена в трансформации общества. Вместе с тем следует отметить и то, что в научных кругах признание важности менталитета дополнялось также подчеркиванием необходимости обстоятельного исследования его сущности. Это и понятно, поскольку глубокое и всестороннее изучение менталитета составляет важную часть стратегии поиска и разработки каждой страной «своей» модели демократизации. В этом плане стоит отметить, что научные исследования менталитета явно не отвечают современным требованиям и оперирование «менталитетом» зачастую носит спекулятивный, во многом пропагандистский характер; почти все во всех постсоветских странах оперируют «менталитетом», не располагая должным и достаточным научным знанием о его сущности, структуре, функциях и т.д.

Анализ социокультурных проблем трансформации показывает, что почти во всех переходных постсоветских странах главное внимание уделяется вопросам разработки национально ориентированных стратегий трансформации. Именно эта особенность переходного обновления указанных стран придает их переходу к демократии специфичный характер, что, в свою очередь, открывает перед научной элитой каждого общества совершенно новые горизонты исследования большого числа фундаментальных проблем. И в этих странах формируется новая традиция, согласно которой, пишет Б.А. Душков, менталитет становится важным системообразующим фактором перестройки мышления, душевного склада, образа жизни, поведения и общения людей, кроме того этот феномен многими воспринимается как система архетипов, форма коллективного бессознательного или структура национального характера. Но при этом остается под покровом тотальной неопределенности широкий спектр важных вопросов: Представляет ли менталитет некий инвариант, абсолютно неизменяемый или нечто вариативное.

Существует ли единый для всех менталитет? Не есть ли тема менталитета новая мифологема? [6, с. 4, 12] Как видно, с актуализацией менталитета естественным образом поднимается широкий спектр проблем, относящихся к проблематике разработки каждой постсоветской страной «своей национальной модели» демократизации. При обстоятельном анализе рассматриваемых проблем на первый план выходят специфичные диалектические противоречия между частным (единичным) и общим. На самом деле каждая постсоветская страна, акцентируя одновременно внимание на «свою» социокультурную традицию и в каком-то смысле настраиваясь на общую для всех волну демократизации, так или иначе подводят себя к решению проблем гармоничной соизмеримости общего и частного, которая для каждой переходной постсоветской страны приобретает фундаментальное значение.

Теоретический схематизм социокультурных трансформаций переходных стран, может быть представлен посредством экспликации двух ведущих его тенденций: дифференциации, направленной на рост многообразия и сложности культуры, и интеграции, цель которой в упорядочении, структуризации, обобщении сложившегося многообразия. Обе тенденции, взятые в отдельности, разрушительны – развитие культуры осуществимо лишь при условии их соединения. На самом деле, демократизация, понимаемая в прежнем однозначно единообразном («прямом») смысле, предполагает полное разрушение социокультурной самобытности общества, а традиционализация без инновационной трансформации блокирует прогресс общества и по существу также

разрушает его, наращивая негативный ресурс «догоняющего развития».

Акцентирование внимания на социокультурный контекст демократизации, несомненно, ведет к «росту многообразия» форм трансформации, что и фиксируется эмпирической транзитологией. Проблема заключается в угрозе гипертрофирования роли социокультурного фактора вплоть до признания его несовместимости с требованиями демократизации. Надо отметить, что это отчетливо осознают во всех переходных странах, и обращение к самобытной социокультурной традиции осуществляется в рамках поиска оптимальной модели демократизации. Естественно, что обращение каждой транзитной страны к собственной традиции ведет к дроблению, плюрализации феномена «демократии» на многообразные переходные «полудемократии». Неизбежный рост многообразия моделей трансформации, сопровождаемый ростом неопределенности в понимании имманентной сущности демократии, по нашему мнению, является естественным порождением внутренних противоречий современной волны демократизации. Эти противоречия явно указывают, с одной стороны, на недостаточность прежних представлений о демократии, а с другой стороны, они в определенном смысле выявляют «дефектный» характер большинства моделей демократизации.

Современная волна демократизации объективно поощряет ориентацию переходных постсоветских стран на собственную социокультурную самобытность, что ведет к безудержному росту многообразия и, соответственно, допускает возможность появления новых противоречий. Очевидно, что устранение таких противоречий и может создать объективные условия для формирования новой парадигмы демократии (Тоффлер, Хантингтон, Бек, Каддафи и др.). Чтобы создать новую концепцию демократии в условиях Третьей волны, считает Тоффлер, нам нужно выбросить за борт... ложное допущение, что все большее разнообразие автоматически порождает все большее напряжение и конфликт в обществе. В действительности верным может быть прямо противоположный вывод. Конфликт в обществе не только необходим, он, в определенных условиях, желателен [14, с. 663]. На самом деле некоторые очевидные противоречия между глобальной демократизацией (универсальной парадигмой демократии) и многообразием самобытных социокультурных моделей развития становятся неизбежными. Однако эти противоречия не могут быть устранены стратегией однозначной унификации самобытных моделей (гипертрофированием тенденции единообразия). Также их невозможно устранить в рамках стратегии сохранения и оправдания каждой переходной страной «своей» модели демократизации, полностью игнорируя при этом парадигмальные особенности демократии и подчиняя последнюю в жесткое «прокрустово ложе» собственной социокультурной традиции. Противоречия могут быть преодолены, по нашему мнению, лишь в рамках «дополнительного» освоения (синтеза) особенностей двух взаимодействующих трансформационных потоков: с одной стороны корректируются некоторые базовые критерии «демократии» с установкой на адекватное отражение особенностей Третьей волны (обновление ее парадигмальной сути или построение новой демократии XXI века), а с другой стороны, рост многообразия самобытных социокультурных моделей трансформации сдерживаются, ограничиваются корректными процедурами обоснования их правомерности, целесообразности. Априори очевидно, что не могут все модели трансформации (менталитеты) содержать в себе базовые параметры демократии, точно также сама

«демократия» не может включить в свое имманентное содержание всего многообразия социокультурных феноменов – самобытных, самодостаточных менталитетов.

Примечательно, что во всех постсоветских странах доминирует убежденность, что в разрабатываемой каждой «своей модели» так или иначе присутствует, хотя бы в виртуальной форме, определенная демократия, которая никак не угрожает основам самобытности менталитета: но в этом случае возникает новая проблема «если все такие модели демократичны, то как могут менталитетные их упаковки сохранять свои самобытности?». Можно согласиться с мнением Ф. Толипова, что ситуация неопределенности вокруг самобытности, специфичности своей модели может продолжаться лишь «до тех пор пока не появится определенная форма синтеза традиционного и современного и не будут урегулированы противоречия между микронационализмом и национализмом, демократия будет оставаться лишь перспективным проектом, не более» [12, с. 12]. Другими словами, каждая переходная страна должна рано или поздно выявить степень соответствия или несоответствия своей самобытности базовым требованиям демократии. Вместе с тем постсоветские переходные общества в силу перипетий своего исторического развития, лишивших их на время опыта собственного осмысления социокультурных и демократических проблем, сегодня находятся в начале долгого пути трансформаций. Лишь освоив в отдельности проблемы сохранения целостности социокультурного наследия с одновременным гармоничным вхождением в современное демократическое

сообщество, можно перейти к проблемам непротиворечивого, перспективного синтеза двух этих начал – стратегий трансформации.

Анализ социокультурных аспектов трансформации поднимает вопрос о сведении многообразия самобытности в некую обобщенную систему, которая позволяла бы сложить четкое представление о соответствии или несоответствии тех или иных моделей трансформации общепринятым критериям демократии.

Не подлежит сомнению, что декларирование каждой страной «своей» модели оказывает существенное влияние на ее переходное развитие: эта модель приобретает статус системообразующего фактора, определяющего вектор трансформационного обновления общества. Но если сохраняется неопределенность самой модели (вектора) по причине необоснованности априорных оснований, то возрастает вероятность роста «дефектности» в самой трансформации, в результате чего многие переходные страны попадают в многомерное пространство различных «полудемократий»: именно эта ситуация детально освещена в теоретической транзитологии, которая была нами рассмотрена ранее.

Подводя итоги следует отметить, что по данным общероссийских опросов Института социологии ФНИСЦ РАН (рис. 2), за последние 25 лет существенное и длительное превышение доли сторонников стабильности над долей сторонников перемен наблюдалось только в 2012–2017 гг. Но в 2023 г. повторились эффекты 2008 и 2014 гг.: снова почти 2/3 россиян посчитали, что в нынешней России стабильность важнее перемен [8].

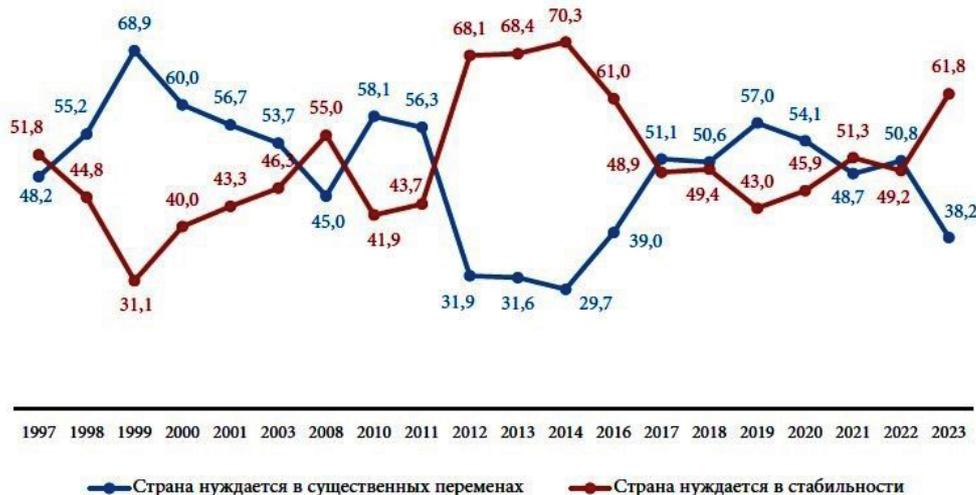

Рис. 2. Динамика соотношения желающих перемен и стремящихся к стабильности, 1997–2023 гг., %

Итак, по сути, сегодня выстраивается новая социальная философия со своей неклассической парадигмой, новыми подходами, методологией, меняется мировоззрение. При этом принципы сценариев и случайностей, вероятностные модели – выходят на первый план. Сама общественная наука, как и человечество, переживает переходный период. Рассмотренные нами социокультурные аспекты – тому наиболее впечатляющий пример. Отметим к тому же, что все это происходит в мире, в котором глобализация решительно меняет его черты и закономерности.

Литература

1. Василенко Л.И. Глобальные проблемы и поиски «третьего пути» развития // Кризис современной цивилизации: выбор пути. – Москва: РАН ИНИОН, 1992.

2. Гезалов А.А. Трансформация общества в эпоху глобализации (социально-философский анализ). – Москва: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009.
3. Герман Люббе. В ногу со временем. Сокращенное пребывание в настоящем / Перевод: Григорьев Алексей, Куренной Виталий. – Москва: Издательский Дом ВШЭ, 2019.
4. Горшков М.К. На переломе веков: социодинамика российской культуры: [монография] / М.К. Горшков, С.Н. Комиссаров, О.И. Карпунин; ФНИСЦ РАН. – Москва: ФНИСЦ РАН, 2022.
5. Двадцать пять лет социальных трансформаций в оценках и суждениях россиян: опыт социологического анализа / [М.К. Горшков и др.]; отв. ред. М.К. Горшков, В.В. Петухов. – Москва: Весь Мир, 2018.
6. Душков Б.А. Психосоциология менталитета и нооменталитета. – Екатеринбург: Деловая книга, 2002.

7. Иноземцев В.Л. Перспективы постиндустриальной теории в меняющемся мире // Новая постиндустриальная волна на Западе. – Москва: Антология, 1999.
8. Информационно-аналитический доклад РФ «Что мы знаем об обществе, в котором живём». – Москва: ИС ФНИСЦ РАН, 2023.
9. Модель демократии для России. (Комплексная программа Российской академией управления) // Полис. 1993. № 2.
10. Неклесса А.И. Перспективы глобального развития и место Африки в Новом мире // Мировая экономика и международные отношения. 1995. № 8.
11. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. – Москва: Астрель, 2006.
12. Толипов Ф. Демократизм, национализм и регионализм в странах Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. 2000. № 4(10).
13. Толстых Валентин. Глобальные вызовы и поиски ответа: социокультурный аспект // Грани глобализации. – Москва: 2003.
14. Тоффлер Э. Третья волна. – Москва: АСТ, 1999.
15. Хамагаев Александр. Афганистан и Чечня: специфика союза // Центральная Азия и Кавказ. 2001. № 1(13).
16. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – Москва: АСТ, 2003.
17. Rustow D.A. Transitions to Democracy – Toward a Dynamic Model. – “Comparative Politics”. 1970. Vol. 2. № 3.

SOCIO-CULTURAL CONTEXT OF TRANSFORMATION OF RUSSIAN SOCIETY

Gezalov A.A.

Russian Academy of Sciences (FCTAS RAS), Russian philosophical society RAS

The article notes that today social science itself, like humanity, is going through a transition period, a new social philosophy is being built with its non-classical paradigm, the worldview is changing, enriched with models of probabilistic scenarios for the development of the world. The sociocultural aspects we have considered are the most impressive example of this. Today Russia and almost every post-soviet republic, relying on world experience, is trying to develop its own, unique development model. Each such society in a new phase of development is faced with inevitable political and economic transformations that require radical transformation, as well as changes

in the cultural tradition rooted in the consciousness and self-awareness of the people.

Keywords: social philosophy, culture, civilization, transformation, transitionology, transition period, sociocultural context, democratization, Russian society, post-Soviet countries.

References

1. Vasilenko L.I. Global problems and the search for a “third way” of development // The crisis of modern civilization: choosing a path. – Moscow: RAS INI-ON, 1992.
2. Gezalov A.A. Transformation of society in the era of globalization (socio-philosophical analysis). – Moscow: “Canon+” ROOI “Rehabilitation”, 2009.
3. Herman Lubbe. Keep up with the times. Short stay in the present / Translation: Alexey Grigoriev, Vitaly Kurennoy. – Moscow: Publishing house: HSE Publishing House, 2019.
4. Gorshkov M.K. At the turn of the century: sociodynamics of Russian culture: [monograph] / M.K. Gorshkov, S.N. Komissarov, O.I. Karpukhin; FNISC RAS. – Moscow: FNISC RAS, 2022.
5. Twenty-five years of social transformations in the assessments and judgments of Russians: experience of sociological analysis / [M.K. Gorshkov and others]; resp. ed. M.K. Gorshkov, V.V. Petukhov. – Moscow: Ves Mir Publishing House, 2018.
6. Dushkov B.A. Psychosociology of mentality and noomortality. – Ekaterinburg: Business book, 2002.
7. Inozemtsev V.L. Prospects for post-industrial theory in a changing world // New post-industrial wave in the West. – Moscow: Anthology, 1999.
8. Information and analytical report of the Russian Science Foundation “What do we know about the society in which we live.” – Moscow: IS FNISC RAS, 2023.
9. Model of democracy for Russia. (Comprehensive program of the Russian Academy of Management) // Polis, 1993, No. 2.
10. Neklessa A.I. Prospects for global development and the place of Africa in the New World // World Economy and International Relations, 1995, No. 8.
11. Sorokin P.A. Social and cultural dynamics. – Moscow: Astrel, 2006.
12. Tolipov F. Democracy, nationalism and regionalism in the countries of Central Asia // Central Asia and the Caucasus. 2000. No. 4 (10).
13. Tolstykh Valentin. Global challenges and searches for answers: socio-cultural aspect // Facets of globalization. – Moscow, 2003.
14. Toffler E. The Third Wave. – Moscow: AST, 1999.
15. Khamagaev Alexander. Afghanistan and Chechnya: specifics of the union // Central Asia and the Caucasus. 2001. No. 1(13).
16. Huntington S. Clash of Civilizations. – Moscow: AST, 2003.
17. Rustow D.A. Transitions to Democracy – Toward a Dynamic Model. – “Comparative Politics”. 1970. Vol. 2. № 3.

Отражение философской дилеммы «Машина ощущений» в современной культуре

Гилимханов Данияр Венерович,

студент, кафедра «Разработка нефтяных и газонефтяных месторождений», Уфимский государственный нефтяной технический университет
E-mail: daniar2351418@gmail.com

Сунагатова Элина Маратовна,

студент, кафедра «Разработка нефтяных и газонефтяных месторождений», Уфимский государственный нефтяной технический университет
E-mail: Elinasunagatova48@gmail.com

В данной научной работе были рассмотрены предпосылки появления философской дилеммы под названием «Машина ощущений» за авторством американского философа Роберта Нозика. Авторами была детально исследована суть данной дилеммы, были проведены параллели с аналогичными философскими дилеммами за авторством других известных философов, в частности, известного древнегреческого философа Платона. Исследованы и описаны преимущества и недостатки рассматриваемой дилеммы, приведен ее критический анализ. Проведен анализ фактов появления следствий данной дилеммы в современной культуре, в частности, в кинематографе, а также приведена и проанализирована точка зрения экспертов по исследуемому вопросу. Рассмотрена возможность и целесообразность применения подхода, предлагаемого автором философской дилеммы, на практике. Приведены рассуждения в области возможного решения рассматриваемой дилеммы. Поставлены вопросы к дальнейшему рассуждению и анализу проблемы.

Ключевые слова: философия, философская дилемма, машина ощущений, кинематограф, матрица.

Каждый человек хотя бы раз в жизни задавался вопросом: «Реально ли все то, что происходит вокруг него?» Реальны ли окружающие люди и чувства, которые мы испытываем к ним, или же весь наш мир является искусной проекцией, созданной высшими силами, которые преследуют неведомые нам цели? Этими же вопросами задавался и американский философ Роберт Нозик в своей книге 1974 года «Анархия, государство, утопия и исследуемая жизнь», в которой он предлагает мысленный эксперимент под названием машина ощущений (англ. Experience machine – машина опыта, удовольствий). Главной целью этого мысленного эксперимента было опровергнуть основной тезис идеи гедонизма, а именно то, что смысл жизни человека состоит в получении удовольствия.

Суть машины ощущений можно описать следующим образом: представим себе некую машину, которую ученые-нейробиологи с помощью передовых достижений науки могут подключить напрямую ко всем нейронам мозга человека таким образом, чтобы искусственно сообщать различные сигналы в мозг. В результате, в мозге человека можно воссоздать все то, что могло произойти с ним в реальности – ощущения вкуса, запаха, зрения и многое другое – причем сам человек не сможет отличить реальность от проекции.

Возникает закономерный вопрос: если главный аргумент гедонизма справедлив, то может всем людям просто стоит подключиться к подобной машине для достижения полноценного счастья? Однако далеко не все люди согласятся променять свою настоящую, полную событий (пусть и довольно драматичных), жизнь на нечто, всего лишь способное удовлетворить основные потребности человека в счастье. Нозик делает из этого вывод, что гедонизм ложен, и что в человеческой жизни есть нечто кроме удовлетворения потребностей. [1]

Вопросы, поставленные Нозином в «машине ощущений», волновали умы людей задолго до появления науки о мозге, компьютеров и уж тем более интернета. Еще в IV веке до н.э. Платон в 7 книге диалога «Государство» описал свою знаменитую аллегория под названием «Миф о пещере». В ней он усомнился в истинности познаваемой человеком с помощью органов чувств реальности. По его мнению, философ может получить представление о действительности, задавая верные вопросы и отвечая на них, но даже в этом случае остальные люди могут не поверить, что все окружающее их является лишь иллюзией. [2]

По большому счету, существует целая разновидность мысленных экспериментов под общим названием «мозг в колбе», показывающая, насколько человек зависим от своих ощущений в вопросах понимания реальности. Само название «мозг в колбе» было предложено Хилари Патнэмом в 1981 году и является по сути адаптацией гипотезы «Злого демона» Рене Декарта. [3]

Автор «машины ощущений» Роберт Нозик утверждает, что существует как минимум три причины, почему не стоит подключать себя к машине ощущений. Первая состоит в том, что люди по своей природе хотя бы не просто получать удовольствие от тех или иных действий, а хотя бы выполнять их самостоятельно и получать удо-

вольствие от самого процесса. На взгляд авторов данной статьи, это ошибочное утверждение, ведь если машина может моделировать подобный процесс, то она также сможет моделировать и иллюзию того, что человек лично производит действие.

Второй причиной Нозик называет то, что люди имеют склонность и стойкое желание являться людьми определенного типа, с конкретным набором личностных качеств, а не просто аморфной субстанцией, получающей удовольствие. Однако и здесь можно заметить, что с помощью машины можно убедить находящегося в ней, что он является конкретным человеком с особым набором качеств, и он не распознает разницы. Заключительной причиной, почему не стоит подключаться к машине ощущений является то, что человек, находясь в ней, будет чувствовать некое ограничение, отсутствие свободы.

Последний аргумент является ключевой идеей трилогии кинофильмов «Матрица», снятый братьями Вачовски, первая часть которого вышла в 1999 году. Сценарий «Матрицы» по сути является компиляцией и обобщением трех литературных произведений, а именно «Города живых мертвецов» Флетчера Прэтта и Лоуренса Мэннинга, «Неприятной профессии Джонатана Хога» Роберта Хайнлайна и «Нейроманта» Уильяма Гибсона. Поэтому вопросы, поставленные Робертом Нозиком, активно исследовались еще за 30 лет до написания им книги.

Сюжет «Матрицы» повторяет суть мысленного эксперимента: что случится, если весь мир будет подключен к своего рода машине ощущений, к матрице? Как уже было сказано выше, причины, почему не стоит подключать себя к «Матрице», обозначенные Нозиком, ловко опровергаются братьями Вачовски. У людей, находящихся в матрице, нет возможности понять, что их мир нереален. Они ходят на работу, в рестораны, учатся, влюбляются и каждый день встают по утрам с полным осознанием того, что это действительно происходит на самом деле, и они являются сами собой. В реальности люди поработаны машинами с искусственным интеллектом, использующими людей в качестве топлива для продолжения своего функционирования, а бывшие человеческие города стоят в руинах. Те немногие, кому удалось избежать участи, заготовленной людям машинами, вынуждены скрываться в катакомбах и вести партизанскую войну за свою свободу. [4]

Один из персонажей матрицы, Сайфер, находясь в объективной реальности, предал своих соратников в обмен на то, чтобы совершенный компьютер, руководящий матрицей, поместил его обратно в качестве успешного и ни в чем не отказывающего себе человека. Можно назвать этот поступок аналогом машины ощущений, потому как Сайфер имел возможность выбрать для себя наиболее благоприятную судьбу внутри матрицы. Данный пример является еще одним доказательством того, что некоторые люди возможно и подключили бы себя к машине ощущений, несмотря на лишение основных человеческих прав и свобод в реальном мире.

По сюжету люди побеждают «Матрицу», выходят в настоящий мир свободными от навязанных иллюзий благополучной жизни и начинают сами строить свою судьбу. Казалось бы, у человечества есть все шансы избежать трагической участи, однако у кинематографической машины Голливуда было свое видение концовки «Матрицы», которое они и воплотили. Здесь мы плавно переходим к опровержению третьего аргумента Роберта Нозика, ведь по оригинальному сценарию конец был далеко не таким радужным. По первоначальной задумке, «Матрица» оказывалась квадратичной, таким образом

самоотверженная война человечества с машинами являлась такой же иллюзией, как и все остальное. Смысл помещения людей в двойную матрицу по задумке режиссеров был в том, что людям жизненно необходимо быть свободными для полноценного счастья, либо они хотя бы должны иметь возможность бороться за свою свободу. [5]

Таким образом, даже если на самом деле весь мир является иллюзией, а все человечество погружено в аналог «Матрицы», мы никогда возможно об этом не узнаем. Более того, с развитием технологий виртуальной реальности и интернета есть все шансы, что мы сами когда-нибудь погрузим себя в матрицу, и в случае, если наш нынешний мир также является проекцией, то такого рода матрица будет иметь по крайней мере два уровня.

Основатель компаний Space X и Tesla Motors Илон Маск в одном из своих выступлений заявил, что вероятность того, что наша реальность является настоящей, а не симуляцией, составляет один к миллиарду. Таким образом, Илон Маск убежден, что весь наш мир находится в своеобразной матрице, запущенной более продвинутой и совершенной цивилизацией. В качестве одного из аргументов своего высказывания он приводит прогресс, достигнутый в сфере компьютерных игр и виртуальной реальности. Совсем недавно игры были угловатыми и линейными, а виртуальная реальность была лишь футуристической мечтой. Однако сейчас графика многих игр практически дублирует то, что мы видим своими глазами в реальном мире, а технологии виртуальной реальности непрерывно развиваются, как и растет число исследований человеческого мозга.

Еще одним аргументом в пользу своей теории Илон Маск называет возраст Вселенной, составляющий примерно 13,8 миллиардов лет. Учитывая, что человечество добилось таких высот в сфере науки всего лишь за несколько тысяч лет, есть огромная вероятность того, что за это время успело развиваться бесчисленное множество других цивилизаций, обгоняющих людей в сфере науки и техники на миллионы, а может и миллиарды лет, и имеющих физическую возможность создать аналог машины ощущений.

Таким образом, нельзя доподлинно утверждать, существует ли объективная реальность, и находимся ли мы в ней. Нельзя также с уверенностью утверждать, захотели ли бы люди променять свою текущую жизнь на нечто более идеальное и заранее спланированное по их предпочтениям. Единственное, что может сделать человечество, это продолжить свое развитие и сделать, что однажды на эти вопросы будет дан ответ.

Литература

1. Нозик Роберт. Анархия, государство и утопия (глава X) / Пер. с англ. Б. Пинскера под ред. Ю. Кузнецова и А. Куряева. – М.: ИРИСЭН, 2008. 424 с.
2. Платон. Государство. Книга седьмая (в переводе А.Н. Егунова) // Собрание сочинений в 4 т. Т. 3. – М.: Мысль, 1994. – С. 295–296. – (Философское наследие).
3. Патнэм, Х. Мозги в бочке // Разум, истина и история / Хилари Патнэм. – М.: Праксис, 2002. – Гл. 1. – 296 с.
4. Дино Феллуга, Эндрю Гордон. «Матрица»: парадигма постмодернизма // Прими красную таблетку: Наука, философия и религия в «Матрице». – М.: Ультра.Культура, 2003. С. 87–102.
5. «Матрица» как философия: Эссе / Пер. с англ. О. Турухиной – Екатеринбург: У-Фактория, 2005. – 384 с.

REFLECTION OF THE PHILOSOPHICAL DILEMMA «THE MACHINE OF SENSATIONS» IN MODERN CULTURE

Gilimkhanov D.V., Sunagatova E.M.

Ufa State Petroleum Technological University

This scientific work examined the prerequisites for the emergence of a philosophical dilemma called "The Sensation Machine" authored by the American philosopher Robert Nozick. The authors examined in detail the essence of this dilemma, drawing parallels with similar philosophical dilemmas authored by other famous philosophers, in particular, the famous ancient Greek philosopher Plato. The advantages and disadvantages of the dilemma under consideration are investigated and described, and its critical analysis is given. An analysis of the facts of the emergence of the consequences of this dilemma in modern culture, in particular in cinema, is carried out, and the point of view of experts on the issue under study is presented and analyzed. The possibility and feasibility of applying the approach proposed by the author of the philosophical dilemma in practice is considered. Reasoning in the area of a possible solution to the di-

lemma under consideration is given. Questions are raised for further reasoning and analysis of the problem.

Keywords: philosophy, philosophical dilemma, sensation machine, cinema, matrix.

References

1. Nozick Robert. Anarchy, state and utopia (chapter X) / Trans. from English B. Pinsker, ed. Yu. Kuznetsova and A. Kuryaev. – M.: IRISEN, 2008. 424 p.
2. Plato. State. Book seven (translated by A.N. Egunov) // Collected works in 4 volumes. T. 3. – M.: Mysl, 1994. – P. 295–296. – (Philosophical heritage).
3. Putnam, H. Brains in a vat // Reason, truth and history / Hilary Putnam. – M.: Praxis, 2002. – Ch. 1. – 296 p.
4. Dino Felluga, Andrew Gordon. "The Matrix": a paradigm of post-modernism // Take the red pill: Science, philosophy and religion in "The Matrix". – M.: Ultra.Culture, 2003. P. 87–102.
5. "The Matrix" as a philosophy: Essay / Trans. from English O. Turukhina – Ekaterinburg: U-Factoria, 2005. – 384 p.

Научно-техническая революция XX–XXI веков как фактор суицидального поведения

Михайлова Александра Олеговна,

аспирант, ассистент кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых
E-mail: miron_121@bk.ru

В данной статье рассматривается, как происходит влияние научно-технического прогресса XX–XXI веков на проблему самоубийства. Как современное общество реагирует на мировые изменения в информации и технике, и как они выступают фактором суицидального поведения. На развитие, мировоззрение и воспитание молодого поколения влияет неограниченный доступ к различному интернет-контенту, слияние реальной и виртуальной жизни, неконтролируемый родителями временной период нахождения за компьютером или смартфоном. Из личной проблемы человека, интернет-зависимость или гаджет-зависимость становится общественной. Потеря понимания реальности приводит к собственной деградации и социальной дезадаптации. В последствии, такой человек более склонен к суицидальным мыслям, чем «независимый» от интернета и гаджетов. По нашему мнению, такой «информационный бум» требует особого внимания и контроля, для того, чтобы уменьшить количество самоубийств.

Ключевые слова: суицид, суицидальное поведение, научно-технический прогресс, интернет-зависимость, гаджет-зависимость, «информационный бум», Интернет.

В настоящее время современное общество переживает непростой период. Технический и научный прогресс открывают большие возможности и перспективы для развития и улучшения общественной жизни. Вместе с этим происходит распространение эзотерических, оккультных и антинаучных идеологий. В традиционных странах продолжается агитация устоявшихся норм института семьи и брака. Несмотря на положительную пропаганду, статистические данные говорят об увеличении количества разводов и насильственных действий по отношению к супругам и к детям, растет детская беспризорность. В западных странах, наоборот, заметно разрушение семейного института. Изменение семейного образа жизни влияет на отношение между членами семьи и появление таких чувств как отдаленность и отчужденность. Современная картина семьи показывает, что родители в первую очередь заняты материальным доходом, карьерным ростом. Воспитание и забота о детях перекладывается на плечи воспитателей, нянь, родственников и отходит на второй план.

Активное развитие информационного общества и внедрение новейших информационных технологий привело к широкому распространению коммуникационных систем и всевозможных медиасервисов. С 2010 года процент пользователей сети Интернет постоянно растет. 55% населения Земли и 89% российских граждан имеют аккаунты в социальных сетях, зарегистрированы на форумах и ведут личные блог-страницы. Интернет привлекает людей своей скоростью, доступностью, анонимностью, большим охватом аудитории и возможностью многократного копирования. Кроме научного, полезного, развлекательного контента, интернет-пространство содержит опасные и деструктивные медиа-продукты, которые негативно воздействуют на несформированную психику и еще несостоявшуюся личность. Можно согласиться, в связи с этим, с мнением российского политика Дмитрия Анатольевича Беляева, который считает, что Интернет в корне изменил мировоззрение поколения XXI века.

Всемирная организация здравоохранения официально признала интернет-зависимость у детей и подростков заболеванием. Негативные личностные изменения, развитие зависимого поведения, утрата способностей. Появление социальных сетей, мессенджеров, чатов приводит к неумению выстраивать здоровые отношения с обществом и к социальной несостоятельности. Вседозволенность в Сети возникает из-за отсутствия уголовного наказания, действующего в реальной жизни. Тем не менее, главной опасностью является неспособность ребенка или подростка контролировать свои действия и чувство времени, из-за чего он теряет интерес к реальному окружающему миру. Аффективные и обсессивно-компульсивные расстройства с повышенным риском самоубийства свойственны интернет-зависимым людям. Семейные праздники и застолья проходят не под совместные разговоры и песни, а за просмотром телевизора или смартфонов. Дети, видя пример взрослых, которые сами погрязли в гаджетах, так же забывают о духовных ценностях и становятся полностью поглощенными в виртуальный мир. В детском возрасте на мировоззре-

ние оказывают влияние родители, друзья, понравившиеся герои из мультфильмов и кинофильмов. Во многих случаях самоубийства молодого поколения происходит повторение «примера», подражание и копирование образов, которые транслируются через экраны. Культурный и социальный аспекты играют немаловажную роль в формировании поведения у детей и подростков.

Самоубийство становится социальным фактором, т.к. от личностной проблемы оно перерастает в культурную и социальную. Ярким примером феномена становится «Эффект Вертера», который выражается в подражающих смерти знаменитости или литературного героя. Трансляция смерти или самоубийства известной личности в СМИ имеет прямое отношение к возникновению суицида у подростка. Он ассоциирует себя с медийным или экранным героем из-за характера переживания проблем или общего социального статуса. Дети и подростки, склонные к копированию и подражанию могут стать участниками субкультурных сообществ. Под влиянием депрессивного контента, информационных программ, фильмов и публикаций, в которых показаны суицидальные действия, все участники сообщества становятся жертвами коллективных самоубийств. Такие самоубийства были замечены после информации о смерти Мэрлин Монро, Виктора Цоя и др.

Уже привычным стало то, что люди берут экранные примеры для решения своих собственных проблем. В XX веке для женщин примером стала героиня фильма «Москва слезам не верит» Катерина Тихомирова, которая оставшись одна с ребенком на руках из слесаря-наладчика выросла в директора химического комбината. Ее жизненная стойкость и упорство вдохновляли советских женщин, и они стремились к самосовершенствованию и улучшению своего социального положения. Для мужчин положительным примером был киногерой Глеб Жеглов из кинофильма «Место встречи изменить нельзя», капитан милиции, обладавший качествами настоящего мужчины. Умение пошутить, спеть песню, а вместе с этим иметь жесткий мужской стержень. В 90-х для парней примером был Данила Багров из фильма «Брат». Русский, простой и бесхитростный парень, который считает, что настоящая сила человека в правде. Его доброта и желание восстановить справедливость стали отличным рывком в судьбах многих молодых людей того времени. Положительным героем итальяно-французского боевика и примером стал образованный дворянин, который старался помочь всем нуждающимся, его особенностью было то, что помогал он ночью и в маске, за что получил прозвище «Зорро». Робен Гуд, из средневековых английских народных баллад, стал прототипом Зорро – благородного предводителя лесных разбойников. С конца 90-х примеры для подражания совсем иные. Главный герой Александр Белов и три его друга из российского сериала «Бригада» являлись кумирами для молодых людей того времени. Несмотря на пропаганду своей бандитской и криминальной деятельности, Белов вызывал интерес и желание быть на него похожим. Супергерои из комиксов Человек-паук, который может прыгать с дома на дом и железный человек, умеющий отлично драться, стали образцами для подражания у молодежи. В современной России советское мировоззрение и установки сменились на западное и кибернетическое мышление. Естественно, что легче всего влиять на социально незрелого человека, который еще поддается влиянию на свои взгляды и мнение.

В связи с тревожным ростом числа детского и подросткового самоубийства, необходимо, по нашему мнению, уделить особое внимание этому явлению. От того, какое воспитание, мировоззрение, образование получа-

ют нынешние дети и подростки, зависит будущее нашей страны и мира. Немалую роль в этом вопросе сыграл научно-технический прогресс, особенно развитие информационных технологий. Дети и подростки, проводящие свое время за смартфонами и компьютерами, теряют понимание реальности, а их эмоциональное и психологическое состояние становится нестабильным. Некоторые решают свои проблемы путем ухода из жизни, считая, что это правильный и единственный выход. Детские и подростковые самоубийства ведут к деградации и дезадаптации общества.

Литература

1. Александрова, Н.В. Профилактика суицидального поведения. – Омск: ОГУ, 2020. – 115с.
2. Бадмаева, В.Д. Интернет и суициды несовершеннолетних: комплексное психолого-психиатрическое исследование / В.Д. Бадмаева, К.В. Сыроквашина, Д.С. Ошевский; под ред. М.Г. Сороковой, 243 Е.Г. Дозорцевой, А.Ю. Шеманова. – М.: Издательство ФГБОУ ВО МГППУ, 2020. – С. 288–291.
3. Бычкова, А.М. Доведение до самоубийства посредством использования Интернет-технологий: социально-психологические, криминологические и уголовно-правовые аспекты / А.М. Бычкова, Э.Л. Раднаева // Всероссийский криминологический журнал. – 2018. – Т. 12. – № 1. – С. 101–115.
4. Воронкин А.С. Социальные сети: эволюция, структура, анализ / А.С. Воронкин // Образовательные технологии и общество, 2014. Т. 17. – 651 с.
5. Галанова, Е.В. Профилирование личности на основе анализа ее аккаунта в социальных сетях / Е.В. Галанова // Инновационная наука. – 2019. – № 2. С. 58–61.
6. Гелда, А.П. Лисковский О.В. Особенности суицидальной мотивации у психически здоровых людей / А.П. Гелда, О.В. Лисковский // Военная медицина. – 2015. – № 1(34). С. 8–12.
7. Ехновецкий, А.А. Информационное пространство: понятие, связи, структура // Вестник современных исследований, 2018. – № 5.3(20). – 258 с.
8. Ненашев, С.М. Негативные воздействия на пользователей социальных сетей как элемент информационной войны / С.М. Ненашев // Преступность в сфере информационных и телекоммуникационных технологий: проблемы предупреждения, раскрытия и расследования преступлений. – 2016. – № 1. – С. 39–45.
9. Попов, Ю.В. Суицидальное поведение у подростков. – СПб.: СпецЛит, 2017. – 365 с.
10. Роббен, А. Антропология смерти в XXI веке: обзор литературы, 2016. – С. 232–247.
11. Хьелл, Д., Зиглер, Л. Теории личности. – СПб: Питер, 2020. – 608 с.

SCIENTIFIC AND TECHNOLOGICAL REVOLUTION OF THE XX–XXI CENTURIES AS A FACTOR IN SUICIDAL BEHAVIOR

Mikhaylova A.O.

Stoletovs Vladimir State University

This article examines how the scientific and technological progress of the XX–XXI centuries affects the problem of suicide. How modern society reacts to global changes in information and technology, and how they act as a factor of suicidal behavior. The development, worldview and upbringing of the younger generation is influenced by unlimited access to various Internet content, the merging of real and virtual life, the time period of being at a computer or smartphone uncontrolled by parents. From a person's personal problem,

Internet addiction or gadget addiction becomes public. The loss of understanding of reality leads to their own degradation and social maladaptation. Subsequently, such a person is more prone to suicidal thoughts than “independent” of the Internet and gadgets. In our opinion, such an “information boom” requires special attention and control in order to reduce the number of suicides.

Keywords: suicide, suicidal behavior, scientific and technological progress, Internet addiction, gadget addiction, “information boom”, Internet.

References

1. Alexandrova, N.V. Prevention of suicidal behavior. – Omsk: OSU, 2020. – 115s.
2. Badmaeva, V.D. Internet and juvenile suicides: a comprehensive psychological and psychiatric study / V.D. Badmaeva, K.V. Syrokvashina, D.S. Oshevsky; edited by M.G. Sorokova, 243 E.G. Dozortseva, A.Y. Shemanova. – M.: Publishing House of the Federal State Educational Institution of Higher Education MGPPU, 2020. – pp. 288–291.
3. Bychkova, A.M. Driving to suicide through the use of Internet technologies: socio-psychological, criminological and criminal-legal aspects / A.M. Bychkova, E.L. Radnaeva // All-Russian Journal of Criminology. – 2018. – Vol. 12. – No. 1. – pp. 101–115.
4. Voronkin A.S. Social Networks: evolution, structure, analysis / A.S. Voronkin // Educational technologies and society, 2014. Vol. 17. – 651 p.
5. Galanova, E.V. Personality profiling based on the analysis of her account in social networks / E.V. Galanova // Innovative science. – 2019. – No. 2. pp. 58–61.
6. Gelda, A.P. Liskovsky O.V. Features of suicidal motivation in mentally healthy people / A.P. Gelda, O.V. Liskovsky // Military medicine. – 2015. – № 1(34). P. 8–12.
7. Ekhovetsky, A.A. Information space: concept, connections, structure // Bulletin of modern research, 2018. – № 5.3(20). – 258 S.
8. Nenashev, S.M. Negative impacts on users of social networks as an element of information warfare / S.M. Nenashev // Crime in the field of information and telecommunication technologies: problems of prevention, disclosure and investigation of crimes. – 2016. – No. 1. – pp. 39–45.
9. Popov, Yu.V. Suicidal behavior in teenagers. – St. Petersburg: SpetsLit, 2017. – 365 p.
10. Robben, A. Anthropology of death in the XXI century: literature review, 2016. – pp. 232–247.
11. Hjell, D., Ziegler, L. Theories of personality. – St. Petersburg: Peter, 2020. – 608 p.

Деятельность неправославных конфессий в Республике Мордовия во второй половине 80-х –90-е гг. XX века

Белкин Алексей Иванович,

кандидат исторических наук, доцент кафедры философии ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева»
E-mail: alex.i.bel@mail.ru

Мочалов Евгений Владимирович,

доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии, ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва»
E-mail: mochalov_ev@mail.ru

В статье отражена деятельность неправославных конфессий в Республике Мордовия во второй половине 80-х – 90-х гг. XX века (ислама, протестантских организаций, иудаизма, попытки возрождения языческих верований древней мордвы), активизация религиозной жизни, связанная с либерализацией законодательства о культах, расширением свободы деятельности религиозных конфессий. Показана противоречивость ситуации, связанная с такими факторами как внутриконфессиональные разногласия, недостаточное знание большей частью приверженцев основ учения исповедуемой религии, попытки использовать религиозные движения националистическими силами. На основе приведённых фактов констатировано, что основополагающим путём разрешения противоречий между гражданским обществом и религиозными организациями и движениями является взаимодействие государственных органов с различными слоями адептов данных вероучений, деятельность государственных структур, направленная на придание этим учениям статуса культурного наследия коренных этносов, проживающих на данной территории.

Ключевые слова: церковь, религия, государство, ислам, протестантизм, неоязычество, национализм, национальная культура, культурное наследие.

Совершенно очевидно, что в выборе нравственных устоев жизни, формировании идентичности личности важную роль играет религия. В связи с этим обнаруживается важная роль религиозных институтов в культурном и нравственном развитии различных народов, в процессах национальной самоидентификации. Этнографы признают закономерность, существующую между численностью этноса и значимостью религиозного и этнокультурных компонентов в осмыслении народами своего исторического пути, формировании национального самосознания [18, с. 14].

Применительно к российской истории в этом аспекте достаточно интересным является период второй половины 80-х – 90-х годов. В связи с нарастанием кризисных явлений в общественной жизни, связанных с крушением прежних ценностей и норм, отказом государства от политики воинствующего атеизма, серьёзными экономическими проблемами происходит некоторое усиление роли религии в общественной жизни. Религиозный компонент в общественном сознании проявляет себя в те годы достаточно ярко, к нему, действительно проявляется значительный интерес на фоне прежних десятилетий воинствующе-атеистической идеологии. Это же порождает и проблему объективной оценки роли религии в условиях российского общества того периода. Конечно, следует признать, что многие слои населения страны были духовно-нравственно дезориентированы. И в этих условиях религия и церковь выдвинулись им в качестве хранителей неких базовых и общечеловеческих, и национальных ценностей. С этим трудно поспорить. Действительно, религиозные институты становятся достаточно авторитетными в обществе. С ними, в условиях крушения ценностей коммунистической морали, связывают надежды на выход российского общества из системного кризиса, на них смотрят, как на носителей идей высшей справедливости. Но следует признать и другое – этот интерес к религии и церкви приобретал порой достаточно своеобразные формы.

Начнём с того, что традиционно и для России в целом, и для Мордовии, как её части, было характерно этноконфессиональное многообразие. Православие, безусловно, играло ведущую роль в религиозной жизни, но с православными приходскими общинами соседствовали мусульманские общины (уммы), поселения старообрядцев, адепты разных направлений протестантизма [2, с. 92]. Закономерно, что «религиозное возрождение» конца 80-х гг. XX вв. затронуло не только православные институты, но и другие конфессии. При этом, следует обратить внимание на важную, на наш взгляд, особенность – религиозный ренессанс породил появление прежде мало распространённых или неизвестных для Мордовии профессиональных образований протестантского толка, иудаизма, восточных культов (кришнаиты, бахаи, иезиды). В это же время активизируются сектантские проповедники (сатанисты, субботники, «Белое Братство», «обливанцы») [17, с. 98].

Деятельность православных общин в Мордовии в те годы исследована достаточно хорошо. Мы же в статье хотим обратить внимание на значимые события, связанные с достаточно активным функционированием неправославных конфессий в Мордовии, поскольку этой

стороне религиозной жизни республики уделяется меньше внимания. А ведь те процессы в духовной и политической жизни нашего региона, которые были связаны с их деятельностью, также оказывали серьёзное влияние на общественно-политическую жизнь Мордовии, а в некоторых случаях превращались (или могли превратиться) в дестабилизирующий фактор.

Прежде всего, обратим внимание на деятельность исламских общин. Активизация религиозной активности мусульман протекала, главным образом, в русле национально-культурного возрождения татарского населения республики: в 1991 г. начинает работать Мордовское республиканское общество татарской культуры «Якташлар» («Земляки»); на двух языках (татарском и русском) выходит в свет «Татарская газета»; с 1997 г. регулярными стали выпуски передач на местном радио, посвященные татарской культуре и т.д.

Мусульмане на территории республики Мордовия традиционно принадлежали к наиболее распространенному в мире суннитскому исламу ханифитского мазхаба. С начала 1990-х гг. более интенсивной становится религиозная жизнь исламских общин, регулярно совершаются паломнические поездки в Мекку. Причём, здесь мы видим проявления взаимопомощи мусульман: для удешевления хаджа организовывали групповые автомобильные поездки, которые оплачивались «в складчину». Оплата хаджа стала одним из направлений мусульманской благотворительности, которая рассматривалась как закят или садака и имела выраженное культурно-просветительское направление.

Наряду с финансированием исламского паломничества, финансировалось издание учебных пособий по татарскому языку для школ, исламские средства массовой информации. Так с 2000-го г. стала издаваться газета «Ислам в Мордовии». В Интернете имеется информационно-аналитический портал с аналогичным названием [10].

Развитие исламского религиозного образования, наряду с приобщением к богатым духовным традициям, принесло и негативные результаты. Исламское сообщество было втянуто в дискуссию между сторонниками устоявшихся традиций, передаваемых в поколениях верующих, и так называемыми «молодыми мусульманами», получившими образование по программам восточных духовных центров. Молодые выпускники медресе, занимая места имамов, часто вступали в противоречия с общинами и старейшинами, чье представление об исламе опиралось на многолетнюю преемственность дореволюционных традиций российского ислама и следованием им. Молодые религиозные деятели легко цитировали хадисы, подкупали верующих знанием трудов арабских богословов, но фетвы они формулировали, как предписывала традиция Востока, с опорой на шариат.

Директор Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия профессор В.А. Юрченок позднее говорил в интервью корреспонденту газеты «Комсомольская правда»: «Наша страна вовремя не смогла создать альтернативу для желающих получить традиционное исламское образование. И вот молодые возвращались из Саудовской Аравии и старикам говорили: не так молитесь, не по шариату. И были правы – наши татары веками жили по ада-ту – исламу, который адаптировался к нашим устоям. Потому здесь не было хиджабов, а был татарский костюм с мусульманскими элементами. Но эти ребята привезли традиции арабов. А вместе с одеждой сюда приходит идеология, ваххабизм» [1, с. 41].

Ваххабизм стал водоразделом периода реисламизации Мордовии [15, с. 118]. В 1990-е гг. этот процесс про-

явил себя в с. Белозерье Ромодановского района, где сторонник радикального ислама Абузар (русский выходец из Астрахани Олег Марушкин) предпринял попытку создать джамаат (филиал астраханской мусульманской общины Айюба Омарова) (салим). В джамаат Абзуара вошло по разным данным от 40 до 50 молодых татарских семей сел Белозерье, Инят, Аксеново. Община существовала с 1997 по 1998 г. и прекратила существование, прежде всего, под влиянием самих мусульман с. Белозерья [15, с. 199].

Ещё одна особенность исламской жизни в Мордовии того периода – отсутствие единого органа управления делами мусульманских умм. С одной стороны, это характеризовало становление исламских институтов в республике, с другой, свидетельствовало об отсутствии согласия среди мусульман.

Оживляется, не смотря на малочисленность, и деятельность иудейских общин. Административное дробление стало характерным и для зарегистрированной в 2005 г. в Мордовии, еврейской иудейской общины. Изначально она включала в себя только 20 зарегистрированных членов. Но, при очевидной малочисленности адептов иудаизма, было зарегистрировано две самостоятельных общины: Еврейская общину Гэула и Еврейская общину г. Саранска. Первая входила в состав Конгресса еврейских религиозных организаций и объединений в России, вторая – в Федерацию Еврейских Общин России. Правда, задачи религиозных объединений совпадали: «сохранение и возрождение религиозных традиций евреев путем просветительской деятельности и организации отправления культа; пропаганда национальной и религиозных ценностей» [11, с. 87].

Однако юридическое оформление организаций не могло автоматически решить проблем конфессионального характера: иудеи Мордовии не имели раввина, плохо представляли догматы религии, не было ишабот и едер (духовных школ), отсутствовала синагога. Только 10 человек из всех внутренне идентифицирующих себя с иудеями, знали иврит. Идиш не владел ни один из представителей еврейского населения Мордовии.

Активизация религиозного компонента в российском обществе, рост интереса к религии сформировали у некоторой части населения потребность обратиться к новым учениям, нехарактерным для культурного пространства России. Часть из них проявила себя и на территории Мордовии.

Первой «новой» конфессией зарегистрированной в 1980-е гг. стало одно из авторитарных направлений индуизма «Общество сознания Кришны», в котором на момент регистрации организации в Мордовии насчитывалось 30 человек [12, с. 40]. Надо отметить, что так называемые «новые», нетрадиционные для России религиозные культы вели себя достаточно активно. Вот, например, эта конфессия с конца 1990-х годов регулярно проводила лектории в кинотеатре «Мордовия», где рассказывалось о культуре Индии, ведических практиках и, в контексте, с учением Кришны (гаудиявайшнавизмом), а также распространяла печатные издания (главным образом индуистские философские трактаты «Бхагават Гита – как она есть», «Шримад Бхагаватам», труды Шри Чайтани Махапрабху и Шрила Прабхупада).

Местная религиозная организация «Общество сознания Кришны города Саранска» («Харе Кришна – пища для жизни») была зарегистрирована в 1999 г. Численность её дошла до 134 человек к 2004 г. В настоящее время сохраняет статус действующей [13, с. 87].

Моноэтничностью состава, традиционной закрыто-стью отличалась, появившаяся в конце 1990-х гг. общи-

на езидов. Поклонение огню в разных его проявлениях – древнейшая форма религии. В Мордовии появление ее адептов связано с прибытием беженцев, спасающихся от религиозных гонений в мусульманских странах Ближнего Востока [6, с. 79]. Езиды являются примером сохранения этнической идентичности (курды) через прочную религиозную идентичность.

Но наиболее активными и многочисленными из нетрадиционных конфессий стали сторонники протестантизма. Работа протестантских проповедников опиралась на финансовую поддержку протестантских стран Европы и США. Протестантские миссионеры приезжали в Мордовию из западных областей России, из Латвии, Эстонии, Финляндии и Соединенных Штатов Америки.

Изначально протестантский прозелитизм встретил резко негативную реакцию со стороны РПЦ. В молодой Саранской и Мордовской епархии его рассматривали как акт «духовной агрессии в Мордовии» [7, с. 42]. В нашем регионе протестантизм был представлен рядом направлений: адвентисты, баптисты, лютеране, пятидесятники.

Проповедническая деятельность протестантов начинается в республике с 1985 г., когда в Саранск с проповедью «Свидетелей Иеговы» прибывает В.П. Боборыкин. К моменту регистрации религиозной организации в 1996 году в ее рядах насчитывалось 20 человек [14, с. 55]. В начале нулевых годов ещё одна община была создана в г. Темникове. Миссионерская активность иеговистов была направлена на представителей тех социальных групп, которые были более подвержены внешне: инвалидов, людей попавших в сложную жизненную ситуацию, подростков.

В начале XXI в. именно в деятельности «Свидетелей Иеговы» будут найдены признаки деструктивной секты. Молодежная организация «Идущие вместе», родственники пострадавших от «Свидетелей Иеговы», представители Саранской и Мордовской епархии организовали ряд пикетов против их деятельности [9, с. 260].

В 1990-е гг. в Мордовии формируется община адвентистов (к одному из направлений относятся и «Свидетели Иеговы»). К началу XXI в. организация насчитывала 200 адептов в Саранске и 100 её приверженцев проживали в районах республики [16, с. 554].

Активизировалась и деятельность баптистов. Их миссионеры приезжали в Мордовию из разных центров организации, начиная с 1991 г. В результате были открыты молебельный дом на улице Мокшанской в городе Саранске, привлекавший значительное количество молодежи.

Через год А.Н. Богатов, проповедник из Латвии, создает общину Евангелических христиан-баптистов (ЕХБ) «Миссия благовестия» с церковью «Возрождения» на улице Гончарова в Саранске. В 1996 г. украинский эмиссар Г.В. Гаврилов организует «Саранскую поместную церковь евангельских христиан «Благодать», а местные баптисты из общины ЕХБ «Миссия благовестия» В. Высоцкий и А. Голованов – Саранскую поместную церковь евангельских христиан – «Новая жизнь» [13, с. 11].

В 1990-е гг. миссионерская работа баптистов свелась к созданию детского клуб «Аванта» где организовывали детский досуг через творческую и спортивную деятельность, тематически связанную с изучением Библии; совершению благотворительных поездок в места лишения свободы; организации воскресной школы; была сформирована доступная библиотека, в которой проводили лектории по изучению Библии.

К концу 1990-х гг. баптистские общины были сформированы в ряде районных центров республики, а число верующих достигло 500 человек. С точки зрения соци-

альной, возрастной и профессиональной состав общин был очень разнороден.

Направление неопротестантизма на территории Мордовии в середине 1990-х годов определяла церковь христиан веры евангельской («пятидесятники»). В организационном плане они были представлены «Библейским центром Республики Мордовия христиан веры евангельской» (директор И.Е. Безлюдов), христианским центром «Добрая весть и милосердие» (директор А.А. Татаринов), «Саранским христианским центром» (директор И.Д. Абрамов). Здесь опять мы сталкиваемся со стандартным набором действий, предпринимавшихся протестантскими организациями для укрепления своего положения в регионе: создание филиалов в районах республики, благотворительная деятельность, в частности, финансирование реабилитационного центра для асоциальных лиц в деревне Нерлей Большеберезниковского района.

Была серьёзная попытка связать протестантизм и с национальной культурой мордовского народа. В 1991 г. в г. Саранске состоялось открытие Мокша-эрзянской протестантской (лютеранской) церкви, богослужение в которой предполагалось вести на мордовских языках. Именно языковой вопрос в этой организации был поставлен как главный. Адептами этого направления лютеранства были представители мордовской интеллигенции и национальные административные кадры, поддерживающие контакты с Прибалтийскими странами и Финляндией. Мокшанское отделение церкви возглавил Микеш (В.Н. Мишин), эрзянское – А.С. Алешкин.

Руководители отделений входили в руководство мордовских национально-политических движений сформировавшихся в 1990-е гг.: «Вельмема» («Возрождение»), «Вайгель» («Голос») и «Масторава» («Мать-земля»). По мнению ученых, на национальных организациях мокши и эрзи сказался дуализм национального самосознания мордвы, его двухуровневый характер: гражданско-правовой уровень (государственная институционализация мордовской этничности, ее представительство в многонациональном государстве) и культурно-языковой уровень (внутриэтнические различия) [3, с. 114]. Привлекательным было и то, что движения выдвигали программы борьбы с ассимиляцией мокшан и эрзян [4, с. 45].

Лютеранско-протестантская церковь, проповедующая на родных языках, рассматривалась некоторыми представителями национальной интеллигенции как сила, способная противостоять «ассимиляции», создать лакуну для использования родных языков, исчезающих из культурной и коммуникативной повседневной практики мордвы. Развитие религиозности на родном языке служило хорошим подспорьем реализации этих идей.

К делу подошли со всей серьезностью. Предполагалось, что удастся создать лютеранские приходы в моноэтнических мордовских селах республики. Профессора Д.Т. Надькин и Д.В. Цыганкин начали работу по переводу Библии на мордовские языки. К научной интеллигенции в пропаганде лютеранства присоединилась фольклорная группа «Торама». Протестантская миссионерская деятельность охватила города и сельские населенные пункты Мордовии. Помимо идеи о богослужении на национальном языке пропагандировались отказ от поклонения иконам, почитания Богородицы и святых, монашества и др. Учредителями первого лютеранского прихода стали члены общества «Масторава».

Первоначально богослужения велись на мордовских языках. Затем, службы перешли на русский язык с переводом на мокшанский или эрзянский языки. Таким образом, задача этнического выделения мокши и эрзи и ре-

лигиозного национального дистанцирования от русской культуры через религию не реализовалась.

А планы были обширные! Предполагалось строительство собственного здания в центре Саранска, на перекрестке улиц Демократической и Советской. Рядом с Иоанно-Богословским собором (!) был даже поставлен закладной камень. Ответом стали протесты горожан в форме пикетов на предполагаемом месте строительства лютеранской церкви.

Имелись достаточно резкие оценки ситуации. В.А. Тишков, например, отмечал: «Протестантский прозелитизм, проявившийся в поддержке лютеранской общины в Мордовии, не приносит и не принесет религиозного согласия в республику, а те, кто собирался строить протестантский храм в центре Саранска, просто выглядят безответственными фанатиками. Религию и верующих должно отличать смирение, о чем религиозные активисты часто забывают» [20, с. 14].

Адепты национальной церкви пользовались финансовой поддержкой из Финляндии. Из Хельсинки поступали переведенные на мордовские языки издания. Именно переводы на мордовский язык священных книг вызвали жесткое неприятие представителей РПЦ. Епископ Саранский и Мордовский Варсонофий, например, отмечал «...книги, поступающие к нам из Финляндии и переведенные на местные языки, не понимают не только простой народ, но и священники» [8, с. 43].

Расхождения РПЦ и протестантов во взглядах на догматы веры и прозелитистская экспансия протестантов не могли способствовать сближению Саранской и Мордовской епархии РПЦ с протестантами Мордовии. Но стремление добиться этноконфессионального мира и совместно противостоять угрозам этнорелигиозного экстремизма побудило установить межконфессиональные контакты. Протестантские общины сохранились в конфессиональной палитре Мордовии и в настоящее время. Правда национальный компонент в деятельности этих общин более не выдвигается на первое место.

Но было ещё одно религиозное движение, с которым часть мордовской интеллигенции связывала надежды формирования этнической идентичности. Речь шла о возрождении традиционной мордовской веры – язычества. Часть интеллигенции (в основном представители мордвы-эрзи) пыталась через обращение к язычеству решить ряд задач. Некоторые из них мы обозначили, рассматривая попытки создания на территории республики мокше-эрзянской церкви: возрождение национальной культуры через обращение к древней вере; сохранение языка и расширение пространства его применения. Высказывалось и стремление вести борьбу с православной Церковью, поскольку она, якобы, размывает, если не уничтожает, черты, характеризующие своеобразие мордовского этноса.

Активно действовать неоязычники также начинают в 1991 г. Надо отметить, что инициаторы возрождения «национальной веры» (П. Бочкин, Р. Кемайкина, Г. Мусалев (Кшуманцян Пиргуж), Е. Четвергов, А. Шаронов и др.) были организаторами и активными участниками эрзянских культурно-политических общественных объединений. Это такие организации как «Эрзянь Мастор» («Земля эрзян»), «Фонд спасения эрзянского языка им. А.П. Рябова», ассоциация эрзянских женщин «Эрзява», культурные движения «Эстер Аво» «Мастер Аво». Неоязычество его адептами преподносилось как «эрзянская национальная вера». Следует признать, что у субэтноса морвы – эрзи пережитки язычества проявляются при отправлении православной религиозной праздничной обрядовости [5, с. 67–68]. В активном лингвистическом обороте эрзян были упоминания богов древ-

него языческого пантеона – Инешке-паз, Пургине-паз, Варм-ава, Нор-ава. Но очевидно и другое – среди мордвы-эрзи не было тех, кто характеризовал бы свою религиозную идентичность как языческую, сохраняя «двоеверие», они считали себя православными христианами [18, с. 114]. Из этого следует, что язычество как целостная система верований не сохранилась. В православную обрядность на народном, обыденном уровне проникли лишь отдельные его элементы. А значит, группе национальных активистов, рьяно выступивших за возрождение язычества среди мордвы, предстояло конструирование, по сути, новой веры, опираясь, большей частью, на собственные представления о комплексе традиционных религиозных верований эрзян.

Но, конечно, нельзя представлять дело так, что формирование вероучения новой религии было исключительно плодом фантазии её создателей. Активно использовались различные письменные источники, в том числе, научные труды. Последнее, зафиксированное учёными, описание языческих молянов принадлежало М.Е. Евсевьеву. Он наблюдал их в последней четверти XIX в. и описал это языческое действо в работах «Браткины и другие обряды мордвы Пензенской губернии» и «Мордва Татреспублики». Работы эти переиздавались и в XX веке. В частности, они были опубликованы в 5 томе избранных трудов учёного (Саранск, 1966).

Авторитетный учёный – этнолог XX в. Н.Ф. Мокшин также в своих работах представил мифологию мордвы, отражавшую языческие верования. [17; 18;19].

Та часть мордовской интеллигенции, которая занялась возрождением язычества, представляла этот процесс следующим образом. В основу новой религии был положен эпос «Масторава» в обработке профессора А. Шаронова, изданный в 1994 г. Составляющими новой религии, при «переизобретении» ритуально-символического комплекса» (как обозначила это в своих исследованиях О.А. Богатова[4, с. 174]) стали: анимизм (поклонение духам природы); культ предков (покштя); общенародный выбор жречества (озатя).

Воссоздававшая язычество интеллигенция называла себя адептами «национальной эрзянской веры». Видимо, не имея чёткого представления об особенностях религиозного мировоззрения, они, при явно выраженном политеизме предложенного вероучения, настаивали на его монотеистической сущности. Обосновывалось это так: если во главе пантеона стоит верховный бог Нишке-паз (Инешки-паз), то к политеизму и язычеству это не имеет никакого отношения. Предлагалось назвать новую религию «эрзянь мель».

Поклонение духам природы соответствовало естественному сельскохозяйственному календарю традиционных обществ, что, по мнению эрзянских общественников, придавало национальной религии космогонический смысл, делало ее естественной, в противовес «искусственному, изобретенному» и силой навязанному эрзянам православию.

Поклонение предкам предполагало почитание не только ушедших в мир иной родственников, но и культ реальных и легендарных исторических героев (Алабуга и Бакуш, Пургаз, Тюштя), почивших деятелей мордовской культуры (М.Е. Евсевьев, А.П. Рябов, С.Д. Эрзя, А. Ф Юртов).

Выборный характер языческого жречества должен был подчеркнуть различия с православной Церковью, где существовало и существует единоначалие. Другой причиной было отсутствие жрецов у современной мордвы.

Эрзянские неоязычники утверждали традиционный характер религии через признание матриархата как

естественного института управления мордовским социумом, в условиях, когда мужчины избирали военное поприще. Закономерно, что жрецом (озав) избрали секретаря общественно-политической организации «Масторава», вышивальщицу и поэтессу Маризь Кемаль (Р.С. Кемайкина). Именно она возглавила моления новой религии «Раськень Озкс» в 1999 г. Национальная газета «Эрзень мастор» в 1994 г. (№ 4) приводила ее слова: «Мы должны не играть в веру, а молиться нашим богам, тогда мы и наш народ будем спасены; наше сознание действительно вернётся к естественной вере; мы вновь будем частью природы и космоса, преодолеем навязанное нам, придуманное христианство».

Общественные моления у языческой мордвы (как и других европейских народов) проводились в священных рощах. Сельскохозяйственная деятельность в XX в. значительно сказалась на лесной зоне республики. Традиционные для молянов XVIII–XIX вв. места были утрачены или забыты. Общественные моления стали организовывать в удобных, а не сакральных местах.

Первое общественное моление в честь верховного божества пантеона Нишке-паза было проведено в окрестностях села Тавла Кочкуровского района Мордовии.

Выбор места проведения моляна, вероятно определился местом жительства лидера фольклорной группы «Торама» В.И. Ромашкина (Йовлань Оло), который сотрудничал с протестантско-лютеранской церковью в Мордовии и был одним из составителей религиозных ритуалов неоязычества.

Но следует признать, что институт жречества, как институт религиозных лидеров, в эрзянском неоязычестве сформирован не был. Предполагалось, что религиозная обрядовость сосредоточится в семейной культуре. Это также не получило распространения.

Неоязычество было составной частью идеологии националистической политической партии «Эрзян Мастор». Её радикализм выражался, прежде всего, в призыве создать самостоятельную республику эрзян в составе Российской Федерации, в агрессивной пропаганде против РПЦ, как «исторического угнетателя» эрзянского народа. Стремление отмежеваться от мордвы-мокши сочеталось у лидеров организации с активной пропагандой идеи культурно сродства с Финляндией, Эстонией, Венгрией.

С.Б. Филатов писал об эрзянском неоязычестве: «Зарождение языческого движения в конце 1980-х – начале 2000-х гг. было бурным, однако со временем оно остановилось в своем развитии – не возникло активных языческих общин, не было создано кодифицированного вероучения, после 1990-х гг. у движения не появилось новых лидеров и заметных активистов» [21, с. 296]. На молении 1999 г., которое состоялось при участии Государственного комитета по национальной культуре Правительства РМ (руководитель профессор А.С. Лузгин) присутствовала несколько тысяч человек, но последователей новой веры было только 100 человек и, главным образом, в эрзянских диаспорах России. Можно говорить, что неоязычество ограничивалось рамками группы этнической интеллигенции «для совместного исповедания веры». Это подтверждается наблюдением очевидцев: большинство присутствующих вели себя как зрители, но не как адепты религии, стремящиеся участвовать в обрядах.

Благодаря правительственной поддержке, как нового явления в национальной культуре республики, мордовское эрзянское неоязычество потеряло протестный характер и не рассматривалось более в качестве религии. Его стали ассоциировать с культурным явлением в рамках фольклорных праздников, народных гуляний.

Традиционные праздники сел, исторически связанные православной традицией с престольными праздниками и Троицей (вторая суббота июня) ознаменовываются в эрзянских селах и районных центрах многолюдными озксами: историческими аллюзиями народных гуляний без религиозной подоплеки.

Неоязыческий перформанс охватил период чуть более десяти лет. «Национальная религия эрзян», как созданное гуманитарной интеллигенцией учение, не обрело массового распространения в народе, но стало знаком определенного культурного и политического этапа этнической истории мордовского народа.

Таким образом, подводя итог, отметим, что возникающие в первое постсоветское десятилетие разнообразные течения нехарактерные для религиозной культуры России, равно как возрождение традиционных конфессий (православие, ислам) следует, на наш взгляд, оценить как противоречивое явление. С одной стороны, это говорит об духовном возрождении, поиске народами, населявшими Россию, нравственных идеалов и ориентиров самоидентификации на фоне разрушающейся коммунистической идеологии. С другой стороны, религиозные идеи были использованы представителями националистических движений и могли привести к дезинтеграции общества и к серьёзным конфликтам на национальной почве. В условиях многонациональности России развитие этой тенденции могло представлять серьёзную опасность для социума. Этому могло способствовать и либеральное законодательство, которое в 1990-е годы, порой без должного анализа последствий, принималось законодательными органами по аналогии законодательной практикой развитых западных стран и США, оценивавшихся в то время как эталон демократии.

Возможность такого развития событий была и в Мордовии. Хотя, признаем, что, по сравнению с другими регионами страны, здесь ситуация была не самой острой. Но тем не менее, и мордовская лютеранская и эрзянская неоязыческая религии позиционировали свое присутствие в конфессиональном пространстве Мордовии, во-первых, как национальные религии и, во-вторых, как организации противостоящие православию. Это не могло не вызвать противодействие со стороны Саранской и Мордовской епархии. Владыка Варсонофий предостерегал в те годы: «доморощенные лютеране во главе с их руководителями ..., которые с благословения финских лютеран захватили плацдарм в Мордовии ... целенаправленно приступили к лютеранизации Мордовии, не ведая, может быть, о том, что они тем самым занимают раскол мордовского народа, ... прикрываясь заботой о сохранении мордовских языков, сеют смуту в народе, отчуждая его от русского народа» [7, с. 45]. Оценка жёсткая, но точно уловившая суть происходящего.

Национальный пафос проводников и конструкторов мордовского лютеранства и эрзянского неоязычества вступал в резонанс с инославной ориентацией лидеров новых деноминаций – Финляндии, Эстонии. Так, использование мордовских языков в богослужении лютеранской церкви неуклонно сворачивается с отъездом из Саранска в 2009 г. финских миссионеров [21, с. 299]. Лютеранская церковь теряет национально ориентированный характер.

Неоязычество под влиянием гибкой конфессиональной и культурной политики властей Мордовии переходит в разряд культурных не политических и внеконфессиональных явлений праздничного календаря республики.

Литература

1. Бахмутов, С.Б. Монастыри Мордовии как историко-культурный феномен: специальность 24.00.04 «При-

- кладная культурология»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата культурологии / С.Б. Бахмутов. – Саранск, 2000. – 18 с. – Текст: непосредственный.
2. Бахмутов, С.Б. Православие Мордовии в лицах / С.Б. Бахмутов – Саранск: Тип. «Красный Октябрь», 2006. – 384 с. – Текст: непосредственный.
 3. Богатова, О.А. Гармонизация межэтнических отношений в региональном социуме / О.А. Богатова. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2003. – 340 с. – Текст: непосредственный.
 4. Богатова, О.А. Повторное изобретение и трансформация локальной религиозной традиции: эрзянский неоязыческий ритуал / О.А. Богатова. – Текст: непосредственный // Этнографическое обозрение. – 2015. – № 5. – С. 33–50.
 5. Бромлей, Ю.В. Очерки теории этноса / Ю.В. Бромлей. – Москва: Наука, 1983. – 412 с. – Текст: непосредственный.
 6. Брук, С.И. Население мира. Этнодемографическая справка / С.И. Брук. – Москва: Наука, 1986. – 828 с. – Текст: непосредственный.
 7. Варсонофий (Судаков), епископ. Доклад на Торжественном акте 3 августа 2000 года / епископ Саранский и Мордовский Варсонофий. – Текст: непосредственный // Саранские епархиальные ведомости. – 2000. – № 9. – С. 66–75.
 8. Варсонофий (Судаков), епископ. Спасительный путь возрождения Саранской епархии в конце XX века. Возрождения, письма, доклады / епископ Варсонофий (Судаков). – Саранск: Тип. «Красн. Окт.», 1999. – 376 с. – Текст: непосредственный.
 9. Всеобщая декларация прав человека: [утверждена и провозглашена Генеральной Ассамблеей ООН 10 дек. 1948 г.]. – Москва: ТОО «Иван», 1993. – 28,[2] с. – Текст: непосредственный.
 10. Ислам в Мордовии: информационно-аналитический портал. – Саранск, 2013. – URL: <https://islam-rm.com/> (дата обращения: 04.04.2022). – Текст: электронный.
 11. Козлов, В.И. Проблематика этничности / В.И. Козлов. – Текст: непосредственный // Этнографическое обозрение. – 1995. – № 4. – С. 48–62.
 12. Мартыненко, А.В. Мусульмане Мордовии: проблемы преодоления внутреннего конфликта / А.В. Мартыненко. – Текст: непосредственный // Россия и мусульманский мир. – 2013. – № 8 (254) – С. 30–35.
 13. Мартыненко, А.В. Феномен конфессиональных меньшинств в республике Мордовия (в контексте формирования толерантности в современном российском социуме) / А.В. Мартыненко, Т.Д. Надькин. – Текст: непосредственный // Вестник КазГИИ. – 2012. – № 2. – С. 57–62.
 14. Местная религиозная организация «Общество сознания Кришны города Саранска»: сайт. – Саранск, 2022. – URL: <https://www.rusprofile.ru/id/3564043> (дата обращения: 23.10.2023). – Текст: электронный.
 15. Миннуллин, И.Р. Исламское возрождение в татарской деревне Мордовии в советский и постсоветский периоды / И.Р. Миннуллин. – Текст: непосредственный // Историческая этнология. – 2016. – № 1. – С. 128.
 16. Моисеев, А.К. Нетрадиционные религиозные организации в социокультурном пространстве Республики Мордовия / А.К. Моисеев. – Текст: непосредственный // Вестник Чувашского университета. – 2011. – № 2. – С. 102–108.
 17. Мокшин, Н.Ф. Мордва и вера / Н.Ф. Мокшин, Е.Н. Мокшина. – Саранск: Морд. кн. изд-во, 2005. – 531 с. – Текст: непосредственный.
 18. Мокшин, Н.Ф. Этноконфессиональные процессы у мордвы на современном этапе / Н.Ф. Мокшин, Е.Н. Мокшина // Этнокультурное и конфессиональное пространство Российского Севера в условиях экономического роста (финно-угорское измерение российской северной политики, горизонты международного сотрудничества, взаимодействие государства, церкви и гражданского общества): материалы Второго Северного социально-экологического конгресса «Горизонты экономического и культурного развития (19–20 апреля 2006 г.)». – Сыктывкар, 2007. – С. 73–83.
 19. Мокшина, Е.Н. Религиозная жизнь мордвы во второй половине XIX – начале XXI века / Е.Н. Мокшина. – Саранск: Мордовское книжное изд-во, 2006. – 306 с. – Текст: непосредственный.
 20. Народы России. Атлас культур и религий / отв. ред. В.А. Журавский, О.Е. Казьмина, В.А. Тишков. – Москва: ИПЦ «Дизайн. Информация. Картография», 2009. – 320 с. – Текст: непосредственный.
 21. Саранская епархия, 1991–2001 / сост. С.Б. Бахмутов. – Саранск: Красный Октябрь, 2001. – 287 с.; ISBN 5–7493–0320–9. – Текст: непосредственный.

ACTIVITIES OF NON-ORTHODOX FAITHS IN THE REPUBLIC OF MORDOVIA IN THE SECOND HALF OF THE 80S-90S. XX CENTURY

Belkin A.I., Mochalov E.V.

National Research Ogarev Mordovia State University

The article reflects the activities of non-Orthodox confessions in the Republic of Mordovia in the second half of the 80s–90s of the twentieth century (Islam, Protestant organizations, Judaism, attempts to revive pagan beliefs of ancient Mordovia), the activation of religious life associated with the liberalization of legislation on cults, the expansion of freedom of activity of religious denominations. The inconsistency of the situation is shown, associated with such factors as intra-confessional disagreements, insufficient knowledge by most adherents of the fundamentals of the teaching of the professed religion, attempts to use religious movements by nationalist forces. Based on the above facts, it is stated that the main way to resolve contradictions between civil society and religious organizations and movements is the interaction of state bodies with various layers of adherents of these creeds, the activities of state structures aimed at giving these teachings the status of cultural heritage of indigenous ethnic groups living in this territory.

Keywords: church, religion, state, Islam, Protestantism, neo-Paganism, nationalism, national culture, cultural heritage.

References

1. Bakhmustov, S.B. Monasteries of Mordovia as a historical and cultural phenomenon: specialty 24.00.04 “Applied cultural studies”: abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Cultural Studies / S.B. Bakhmustov. – Saransk, 2000. – 18 p. – Text: direct.
2. Bakhmustov, S.B. Orthodoxy of Mordovia in persons / S.B. Bakhmustov – Saransk: Type. “Red October”, 2006. – 384 p. – Text: direct.
3. Bogatova, O.A. Harmonization of interethnic relations in regional society / O.A. Bogatova. – Saransk: Publishing House of Mordovians. un-ta, 2003. – 340 p. – Text: direct.
4. Bogatova, O.A. Re-invention and transformation of local religious tradition: Erzya neo-pagan ritual / O.A. Bogatova. – Text: direct // Ethnographic review. – 2015. – No. 5. – pp. 33–50.
5. Bromley, Yu.V. Essays on the theory of ethnos / Yu.V. Bromley. – Moscow: Nauka, 1983. – 412 p. – Text: direct.
6. Brook, S.I. World population. Ethnodemographic reference / S.I. Brook. – Moscow: Nauka, 1986. – 828 p. – Text: direct.
7. Varsonofy (Sudakov), bishop. Report on the Solemn Act August 3, 2000 / Bishop Varsonofy of Saransk and Mordovia. – Text: direct // Saransk diocesan Gazette. – 2000. – No. 9. – pp. 66–75.

8. Varsonofy (Sudakov), bishop. The saving path of the revival of the Saransk diocese at the end of the twentieth century. Epistles, letters, reports / Bishop Varsonofy (Sudakov). – Saransk: Type. “Red. Oct.”, 1999. – 376 p. – Text: direct.
9. Universal Declaration of Human Rights: [approved and proclaimed by the UN General Assembly on December 10, 1948]. – Moscow: Ivan LLP”, 1993. – 28,[2] S. – Text: direct.
10. Islam in Mordovia: information and analytical portal. – Sa-ransk, 2013. – URL: <https://islam-rm.com/> (accessed: 04.04.2022). – Text: electronic.
11. Kozlov, V.I. Problematics of ethnicity / V.I. Kozlov. – Text: direct // Ethnographic review. – 1995. – No. 4. – pp. 48–62.
12. Martynenko, A.V. Muslims of Mordovia: problems of overcoming internal conflict / A.V. Martynenko. – Text: direct // Russia and the Muslim world. – 2013. – № 8 (254) – Pp. 30–35.
13. Martynenko, A.V. The phenomenon of confessional minorities in the Republic of Mordovia (in the context of the formation of tolerance in modern Russian society) / A.V. Martynenko, T.D. Nagkin. – Text: direct // Bulletin of KazGIK. – 2012. – No. 2. – pp. 57–62.
14. Local religious organization “Society of Krishna Consciousness of the city of Saransk”: website. – Saransk, 2022. – URL: <https://www.rusprofile.ru/id/3564043> (accessed: 10/23/2023). – Text: electronic.
15. Minnullin, I.R. Islamic revival in the Tatar village of Mordovia in the Soviet and post-Soviet periods / I.R. Minnullin. – Text: direct // Historical ethnology. – 2016. – No. 1. – p. 128.
16. Moiseev, A.K. Non-traditional religious organizations in the socio-cultural space of the Republic of Mordovia / A.K. Moiseev. – Text: direct // Bulletin of the Chuvash University. – 2011. – No. 2. – pp. 102–108.
17. Mokshin, N.F. Mordva and vera / N.F. Mokshin, E.N. Mokshina. – Saransk: Mord. kn. publishing house, 2005. – 531 p. – Text: direct.
18. Mokshin, N.F. Ethno-confessional processes in Mordvins at the present stage / N.F. Mokshin, E.N. Mokshina // Ethno-cultural and the confessional space of the Russian North in the conditions of economic growth (Finno-Ugric dimension of Russian Northern policy, horizons of international cooperation, interaction of the state, church and civil society): materials of the Second Northern Socio-Ecological Congress “Horizons of Economic and Cultural Development (April 19–20, 2006). – Syktyvkar, 2007. – pp. 73–83.
19. Mokshina, E.N. Religious life of the Mordvins in the second half XIX – early XXI century / E.N. Mokshina. – Saransk: Mordovian Book Publishing house, 2006. – 306 p. – Text: direct.
20. The peoples of Russia. Atlas of Cultures and Religions / ed. V.A. Zhuravsky, O.E. Kazmina, V.A. Tishkov. – Moscow: CPI “Design. Information. Cartography”, 2009. – 320 p. – Text: direct.
21. Saransk Diocese, 1991–2001 / comp. S.B. Bakhmustov. – Saransk: Krasny Oktyabr, 2001. – 287 p.; ISBN 5–7493–0320–9. – Text: direct.

Пичугин Виталий Григорьевич,

кандидат психологических наук, доцент департамента
«Психологии и развития человеческого капитала»,
Финансовый университет при Правительстве РФ
E-mail: left@lsn.ru

В статье рассматриваются теоретические вопросы связи и взаимного влияния исторического и правового сознания. Актуальность темы исследования определяется важностью и значимостью для социальной стабильности общества взаимного влияния правового и исторического сознаний в современных условиях развития социума с учётом социально-экономической, политической ситуации. Основная цель исследования – выявление смыслового содержания, связи и механизмов взаимного воздействия исторического и правового сознаний. По результату исследования сформулированы выводы об общих чертах и связях исторического и правового сознаний, их особенностях и различиях, возможностях и ограничениях влияния нормативного регулирования в настоящем и восприятие этого процесса в обществе. Обозначены направления дальнейшего изучения связи нормативного регулирования с развитием исторического сознания для сохранения социальной стабильности в обществе.

Ключевые слова: правосознание, историческое сознание, влияние, право, общество, история.

Введение

Значение сознания для общества огромно, поскольку его формирование и развитие имеет социальную природу, обуславливает поведение человека, идентичность, практически на всех уровнях социального бытия.

Более всего нормативное регулирование деятельности людей зависит от их правосознания, оценочного отношения к праву, практике его реализации, социально-правовых установок и ценностных ориентаций. То есть, правосознание задаёт рамки дозволенного и ограниченного в социальном взаимодействии, являясь формой общественного сознания.

Историческое сознание включает в себя совокупность представлений о прошлом на основе как исторических знаний, так и памяти, переживаний, рефлексии, чувств, что обусловлено социальным бытием, а также личными особенностями индивида. Настоящее, во многом оценивается через призму прошлого, которое в свою очередь является оценочно-регулятивным механизмом восприятия сегодняшней действительности и направления развития в будущем.

Память о исторических событиях, их интерпретация, использование в политических целях всегда приводит к вопросам прав и обязанностей, правомерности или неправомерности действий, должного и запретного, что уже представляет собой правовые представления и правовые чувства, то есть правосознание.

Достаточно актуальной является проблема представления прошлого в рамках правосознания настоящего времени. Насколько и как влияет правосознание современности на восприятие исторических событий, их оценку, выработку отношения с точки зрения морали, понимания должного и дозволенного.

Является ли правосознание современности своеобразным фильтром восприятия прошлых событий, ведь правовые взгляды и чувства настоящего, кроме того, что имеют регулятивный характер, могут лежать в основе предвзятого восприятия и познания прошлого через критерий справедливости, который, являясь весьма оценочным, опосредован также определённой исторической реальностью.

Правовое сознание охватывает возникающие требования к законодательным органам власти о принятии новых законов в соответствии с требованиями сегодняшнего дня в интерпретации событий прошлого. Так, в разных странах криминализируются высказывания о признании или не признании определённых исторических фактов. В историческое сознание нормативным регулированием встраивается представление о должном, а также одобряемом или порицаемом в определённом социуме.

Таким образом, отношение к принимаемым правовым нормам может являться важной детерминантой влияния на историческое сознание общества.

Правовые требования отражают не только экономические и политические потребности настоящего, но и легитимизируют отношение к прошлому через установление норм, реализующихся в правовом поведении.

Если говорить о культурном и духовном аспектах правосознания, то они через правовую рефлекссию имеют своё начало в историческом прошлом, соединяясь в хро-

нологическую линию представлений о праве в истории, сегодняшнем дне, будущем.

Таким образом правосознание – это не только отражение права настоящего дня, но и хронология изменения представлений о праве в исторической ретроспективе.

Понятие и виды правосознания

Как одна из форм общественного сознания – правосознание образует собой совокупность представлений индивидов, социальных групп и социального общества в целом, о правовых идеях, теориях, концепциях, отношении к праву и правоприменению, деятельности в правовой сфере.

Право в обществе регулирует формы поведения, поощряя общественно полезные и запрещая опасные и неприемлемые, соответственно, такое регулирование порождает определённое отношение в обществе к нормам права и самому процессу их реализации. Правосознание формируется в социальном взаимодействии индивидов, по результату этого процесса складывается отношение к праву и понимание ценности права в общественной жизни. Формируется необходимость поступать в соответствии с нормами права и принимать ответственность за их несоблюдение. В этом случае мы можем говорить о положительном отношении к праву. Отрицательно отношение характеризуется неприятием правового регулирования и запретов, отсутствием понимания ценности права в обществе.

Таким образом, правосознание – это форма общественного сознания, которая формируется в процессе социального взаимодействия и представляет собой совокупность взаимосвязанных идей, теорий и представлений, чувств и поведения, выражающего отношение индивида, группы, общества в целом, к праву и правовым явлениям.

Каждая личность в своём сознании отражает элементы правового сознания, присущие тому или иному обществу, что опосредовано ограниченностью восприятия индивидуумом всего комплекса правовых явлений в обществе.

Проявление правосознания мы можем наблюдать в различных формах. Одна из важнейших для государства и общества – это правовая идеология. Общество можно характеризовать по его отношению к существующей системе права. Это отношение складывается из наличия и восприятия концепций, идей, представлений и взглядов, с помощью которых происходит отражение и оценивание правовой действительности. Представление и оценка права в обществе происходит на разных уровнях: теоретико-философском, бытовом и обыденном, социально-психологическом, из чего складывается общее осмысление права как института, регулирующего все важнейшие общественные отношения, его социальную роль и возможные пути дальнейшего развития и совершенствования.

В настоящее время цивилизационное развитие нашего общества нуждается в чётком формулировании государственной правовой идеологии. Без этого невозможно поступательное развитие государства, искоренение правового нигилизма, произвола, коррупции и казнокрадства.

Правовая психология формируется во многом под влиянием правовой идеологии государства и выражается в совокупности настроений, привычек, чувств, поведенческих стереотипов, присущих малым и большим социальным группам, гражданам, что выражается в отношении к праву в общем и конкретным нормам в частности, правопорядку в целом и отдельным юридическим учреждениям, и их деятельности.

Правовая психология не должна главным образом складываться стихийно, как психологическая реакция личности и социума в целом на действия правовых норм в стране, а быть целенаправленным процессом в рамках государственной политики, на основе сформулированной правовой идеологии, по формированию правовой психологии в социуме.

Эффективность правоприменительной практики во всё её многообразии зависит от правосознания граждан, складывающегося из множества факторов, поэтому именно государству необходимо проявлять систематические усилия по развитию и поддержанию у граждан необходимого уровня доверия к принимаемым решениям в сфере экономики, политики, права, социальной стабильности в обществе.

Основные функции правосознания

Правовое сознание не абстрактное понятие, оно является отражением и результатом взаимодействия с правовой действительностью. В этом взаимодействии проявляются функции правосознания. Принято различать основные и второстепенные функции, хотя такое разделение весьма условно, поскольку важность и значимость той или иной функции во многом определяется постоянно изменяющимся состоянием экономики, политическим и социальным положением, как внутри страны, так и в мире.

Познавательная функция.

Процессу познания свойственно описание и объяснение познаваемого объекта [1]. Можно добавить ещё понимание и сохранение в памяти результата познания. Само формирование правосознания подразумевает наличие способности у субъекта получать знания о правовой действительности, сохранять их, использовать при необходимости, для чего должна быть задействована интеллектуальная мыслительная деятельность носителя правосознания.

Процесс познания правовой действительности начинается с её восприятия, включает в себя оценку по мере накопления знаний, из чего складывается понимание права. «Речь идет о том, как люди понимают и воспринимают право, как его осознают, каким хотели бы видеть право в идеале. Отсюда термин – «правосознание» [2].

Регулятивная функция.

Это функция управления поведением. Правосознание является не просто отображением правовой действительности, но и оказывает влияние на нормативное поведение людей. Мотивация вести себя тем или иным образом основано на правосознании индивида, его восприятии и понимании значимости юридических установлений, как следствие, принятия решения о выборе определённого поведения.

Оценочная функция.

Данная функция правосознания заключается в возможности оценки поведения людей и жизненных обстоятельств как юридически значимых, выработке эмоционального отношения к ним. Оцениваться может:

1. Действующее право, как в целом, так и отдельные нормы, существующие принципы права и правовые институты государства.
2. Правовое поведение ближайшего социального окружения.
3. Собственные поступки, касающихся правовой сферы.
4. Деятельность, как некоторых представителей правоохранительных органов, так и их работа в целом.

Эмоциональность в оценочной функции определяет значимость или ценность информации, получаемой че-

ловеком, формирует его готовность к определённой поведению в правовой действительности.

Прогностическая функция.

Представляет собой способность прогнозировать развитие права в целом, либо последствия принятия тех или иных законодательных актов, в частности.

Функция моделирования.

Позволяет формировать определённые модели правового поведения, на основе заложенных в правосознании норм и правил, что в результате, оценивается как правопопослушное или должное поведения, одобряемое в социуме.

В изучении правосознания широкое распространение получила функциональная модель, в которую включены познавательная (гносеологическая), эмоционально-оценочная, поведенческая функции (Г.Х. Ефремова, А.Р. Ратинов) [3]. В данной модели предполагается, что в неё включены и другие функции правосознания: познавательная, оценочная, регулятивная. Некоторые исследователи выделяют отдельно функции прогнозирования и моделирования [4]. К вышеперечисленным функциям, Ю.А. Дмитриев добавляет идейно-воспитательную [5]. По мнению И.И. Кальной, Ю.А. Сандулова в функции правосознания должны быть ещё включены: идеологическая, коммуникативная, интегрирующая [6].

Структура правосознания

Структура правосознания в научной литературе определяется по-разному. Традиционно в советской теории права выделяли два элемента в структуре правосознания: правовую идеологию и правовую психологию [7]. И.Е. Фарбер впервые в 1963 году предложил данную структуру правосознания в работе «Правосознание как форма общественного сознания» [8].

В настоящее время принято различать идеологию и собственно научное знание, поскольку имеется различия между онтологией, относимой к рациональному, научному знанию и идеологией, основанной на знании иррациональном, ценностном [9]. Поэтому описание структуры правосознания значительно изменилась, появились важные изменения и дополнения, более полно и объективно описывающие данное явление.

По мнению А. Черданцева, структура правосознания состоит из знания права, правовой идеологии, правовой психологии, оценки права и поведенческого элемента [7].

В.М. Баранов, Русских В.В. включают в структуру правосознания рациональные компоненты, эмоциональные компоненты, информационный, оценочный и волевой элементы [10].

Правовая идеология основана на мировоззренческой философии и политической целесообразности, формируется, отчасти, спонтанно, отчасти целенаправленно государством. Правовая идеология – это систематизированные и сформулированные идеи, постулаты, убеждения и верования о правовой действительности, основанные на выборе определённых ценностей, как исторически сложившихся в обществе, так и провозглашаемых и поддерживаемых государством. Отражение правовой реальности через ценностное восприятие не образует аподиктической (необходимой связи вещей и явлений) опосредованности постижения именно научными методами. «Примерами правовой идеологии как способа правового осознания действительности могут служить гегелевская философия права, естественно-правовая, позитивистская, марксистская доктрина государства и права, многие современные концепции правового познания» [11].

Правовая психология

Правовая психология охватывает весь спектр эмоционального восприятия людьми правовых явлений и права в целом, состоит из верований, мнений, настроений, чувств, привычек проявляющих отношение людей к позитивному праву, действиям в правовом поле. В структуре правосознания правовая психология первична по отношению к правовой идеологии, поскольку эмоциональное восприятие правовой действительности возникает прежде основательного правового знания и идей.

Основные функции правовой психологии, по В.В. Лазареву [12].

1. Генеративная. Отражает объективные потребности общества, является источником права.
2. Регулятивная. Является условием и механизмом реализации права.
3. Оценочная. Является средством оценки соответствия поведения (деятельности) нормам права.

Некоторые авторы добавляют к этому познавательную функцию, однако, она может быть совмещена с оценочной, поскольку прежде, чем оценивать соответствие поведения нормам права, необходимо чтобы в сознании были отражены эти нормы путём их познания.

Структура правосознания многофакторная и сложная система, состоящая из рациональных и эмоциональных компонентов, находящаяся в постоянно меняющемся информационном правовом поле, отражённая в правосознании субъекта целостно, как картина мира правовой повседневности.

Правовые ценности субъектов управления и проблема управления историческим сознанием общества

Современные информационно-коммуникационные технологии позволяют управлять массовым сознанием, в том числе, оказывать влияние на формирование и развитие исторического сознания. Государство является одним из главных субъектов управления историческим сознанием общества посредством принятия политических решений, различных программ, нормативных актов. Государственные институты, конкретные министерства и ведомства, известные государственные деятели формулируют и представляют обществу видение и понимание истории, интерпретируют отдельные события прошлого, отношение к историческим персонажам. Именно государство в лице Министерства науки и высшего образования РФ и Министерства просвещения РФ рекомендуют для образовательных целей учебники и учебные пособия по истории, полагая, что содержание этой литературы соответствует задачам и целям воспитания и просвещения молодого поколения. Ценности субъектов управленческой деятельности во многом определяют их мотивацию, личное отношение к истории, транслируемое в действиях, то есть в принимаемых решениях.

Субъектами управленческой деятельности называют источник управленческого воздействия, коим может являться конкретное лицо, либо группа лиц, также управленческий орган. Процесс управления реализуется через властные полномочия, организационно-распорядительные, экономические и морально-этические способы воздействия. Правосознание субъектов управленческой деятельности проявляется в принятых решениях: о стратегическом направлении развития, планировании, прогнозировании, и множестве других.

Правосознание субъектов управления обусловлено сложностью и многогранностью социально-правового

положения, и отношениями между объектом и субъектом управления. Например, групповое правосознание может оказывать влияние на индивидуальное, по направленности быть ретроспективным, неосознанным, подверженным воздействию социально-экономических и политических факторов развития страны. Оказывает влияние также правовая ориентация и установка.

Правовой установкой называется динамический элемент правового сознания, формирующий предрасположенность человека к восприятию и оценке информации о социальной реальности и готовность организовывать свою деятельность в соответствии с этой оценкой.

Правовая ориентация включает в себе набор правовых установок, формирующих и обуславливающих деятельность человека в юридически значимых ситуациях.

Формирование правовой установки опосредовано потребностями личности, наличием определённых интересов, взглядов, чувств, характером социального взаимодействия и многими другими факторами.

Субъекты управления принимают решения на основании норм права, соответственно, оценивают их содержание, проявляют последовательность реагирования в соответствии с этой оценкой, соотносят своё внутреннее отношение к правовым установлениям с внешними требованиями, изложенными в нормативных документах, инструкциях и правилах принятия управленческих решений.

Правовые ценности, в самом общем виде, происходят из такого понимания свойств права, которое привносит в жизнь людей пользу, соответствуют представлениям о социальной справедливости, является существенно значимым, позволяет учитывать интересы разных слоёв населения при принятии решений.

Субъекты управления осуществляют свою деятельность в социально-правовой реальности, и если принимаемые решения отвечают правовым требованиям, соответствуют нормам, правилам и ценностям, одобряемым в социуме, то деятельность субъектов управления воспринимается как законная и социально полезная для общества. Таким образом формируется ценностная правовая оценка, которая во многом влияет на правосознание как субъектов управления, так и объектов.

Норма или правовое событие оценивается отдельным человеком и обществом в целом посредством суждения о значении для них правовых явлений – это называется ценностной правовой оценкой. Такая оценка, заключённая в суждении, может быть верной или неверной. Поэтому оценочное суждение всегда крайне субъективно и отличается от познавательного суждения.

В процессе познания человек стремится исследовать предмет таким, каков он есть, сводя к минимуму субъективизацию предмета познания. Оценочное суждение опосредовано субъективными чувствами и переживаниями и направлено лишь на определение значимости правового явления или события.

Сами субъекты управления, действуя в социально-правовой реальности имеют дуалистический характер восприятия правовой действительности, в котором присутствует и необходимость объективного познания и присущий каждому человеку субъективизм.

Право, как ценность, определяется всеми субъектами социального взаимодействия, в первую очередь, исходя из его практической значимости для повседневной жизни, что проявляется, например, в последствиях принимаемых управленческих решений. Фактически, ценностная правовая ориентация субъектов управления непосредственно влияет на законность, качество, продуманность принимаемых решений в правовом поле, формируя в социуме отношение к правовой действительности.

Ценностная правовая ориентация и установка во многом зависит от восприятия и понимания правовых норм субъектами управления. В норме права содержится ценностная установка, которая ориентирует на выполнение определённых действия или запрещает недопустимое поведение. Правильное и единообразное понимание позволяет принимать такие решения, которые трансформируют идеальное или желательное ценностно ориентированное правовое поведение в реальное и массово исполняемое. Поскольку управление – это целенаправленный процесс организационного, информационного, и иного воздействия субъекта на объект управления, то важно соблюдать непрерывность и последовательность, реализации правовых ценностей через нормы права. Резкое изменение ценностной ориентации, непродуманная отмена действующих норм, приводит к социальной нестабильности в обществе, разрушает веру в справедливость правового устройства. В таких условиях трудно формулировать правовую идеологию и формировать правовую психологию, поскольку в сложных социальных системах разрушение или недоверие к одному элементу (правовым ценностям) приводит к неконтролируемому изменению в других связанных элементах. Соотношение и взаимовлияние понятий подметила Гусарова М.А., которая сформулировала это следующим образом. В сфере правовой психологии возникают интуитивные, базовые представления о праве, правовых явлениях и ценностях, которые затем объективируются и систематизируются в правовой идеологии. В свою очередь, правовые принципы, например, такие как гуманизм, справедливость, равенство и т.д., научно обоснованные в рамках правовой идеологии, должны реализовываться на уровне правовой психологии [13].

С другой стороны, правосознание должно претерпевать определённые изменения, поскольку меняется политическая и социально-экономическая жизнь общества, соответственно это вызывает необходимость переосмысления некоторых аспектов правовых ценностей. Чтобы субъекты управления не обладали исключительно ретроспективным правосознанием, необходимо учитывать важность своевременной рефлексии и принятия изменений, происходящих в общественном сознании и стране в целом.

Каждая сфера управления отличается своей спецификой, например, в политике, экономике, силовых структурах, искусстве управленческая деятельность будет иметь различия. Однако правовые ценности, как фундамент правосознания субъектов управления в определённом социуме будут одни и те же. Конституционный принцип равенства всех перед законом предполагает соблюдение правовых норм, которые сами по себе являются носителями определённых ценностей. Руководствуясь исключительно законом при принятии решений, субъекты управления принимают общие правовые ценности, что способствует формированию в обществе правосознания, основанного на понимании ценности права.

В массовом сознании общества, как и в правовом, идеи справедливости, равенства перед законом, уважения к прошлому, находят своё отражение. Проблема в том, что историческое сознание имеет свою специфику, оно во многом интуитивно и чувственно, поэтому правовые ценности, воплощённые в управленческих решениях, влияют на историческое сознание лишь опосредовано, достаточно долго по времени, через восприятие и принятие норм, касающихся событий прошлого. Так, согласно включенной в КоАП РФ статье 13.48, нарушение установленного федеральным законом запрета в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении, средствах массовой информации,

информационно-телекоммуникационных сетях, включая сеть «Интернет», отождествления целей, решений и действий руководства, командования и военнослужащих СССР с целями, решениями и действиями руководства, командования и военнослужащих нацистской Германии и европейских стран оси, установленными приговором Нюрнбергского трибунала либо приговорами национальных, военных или оккупационных трибуналов, а также отрицание решающей роли советского народа в разгроме нацистской Германии и гуманитарной миссии СССР при освобождении стран Европы, влечет наложение административного штрафа: на граждан – в размере от 1 до 2 тыс. рублей либо административный арест на срок до 15 суток; на должностных лиц – от 2 до 4 тыс. рублей; на юридических лиц – от 10 до 50 тыс. рублей. За повторное совершение указанного правонарушения предусмотрены увеличенные размеры штрафных санкций, включая дисквалификацию для должностных лиц и административное приостановление деятельности – для юридических лиц.

Данная норма направлена на сохранение в памяти исторической правды, справедливости, уважения к предыдущим поколениям. Применение указанной нормы имеет ряд сложностей. Во-первых, в сети интернет размещены десятки тысяч статей и других материалов, которые дублируются, воспроизводятся, дополняются, но содержат все признаки правонарушений, указанных в вышеприведённой норме. И нет реальной возможности привлечения к ответственности по каждому факту правонарушения. Во-вторых, в историческом сознании общества наличествуют верования, убеждения, установки, сформированные массовой идеологической атакой перестроечной и постперестроечной «популярной истории» со множеством расхожих штампов и клише, например: «Сталин – это Гитлер», «Почему Сталин напал на Гитлера», «Послевоенная оккупация СССР стран Европы» и т.п. В-третьих, в настоящее время, нет планомерного и эффективного массового исторического просвещения. Да, приняты некоторые государственные программы, которые только начали реализовываться, пока с непонятным эффектом.

Безусловно, нормативное регулирование позволяет формировать рамки дозволенного, кроме санкции, предлагая определённые ценности правового и исторического сознания, но введение такого регулирования необходимо начинать до или одновременно с влиянием на сложившиеся негативные верования, убеждения, установки в отношении исторического прошлого.

Выводы

Историческое и правовое сознание на ценностном уровне имеют общие черты и связи. Восприятие истории и права базируются на системе разделяемых в обществе ценностей и принципах, например, таких как справедливость, равенство, свобода, человеческое достоинство и др.

Именно историческим и правовым сознанием структурируются и организуются определённые формы поведения, а также формируются общественные отношения. Оценка прошлого в современном социуме всё более управляема посредством нормативного влияния, однако в правосознании граждан представление о новых нормах и их правоприменении сталкивается с особенностями исторического сознания, а именно – ненормативности «переживаний и чувств» о прошлом.

Государство как субъект влияния на историческое сознание общества, имеет право выбирать любые инструменты воздействия для сохранения исторической правды, но представляется, что до нормативного регу-

лирования необходимы меры для формирования в правосознании доминант принятия нововведения.

Историческое сознание является основой для формирования национальной идентичности, а также определяет наше понимание прошлых событий и их значимости. В ходе этих событий также выработывалось отношение к нормам и правилам, регулирующим жизнь людей в обществе, то, что называется «правовой менталитетом народа», в котором присутствует «жить по справедливости» и «жить по закону», что в обыденном сознании не является одним и тем же.

Правовое сознание опосредует восприятие и оценку прошлого. Анализ исторических документов, текстов решений и законов, во многом подвержен парадигме гуманности в правосознании сегодняшнего дня. Это характерно как для массового восприятия, так и для некоторых профессиональных историков.

Историческое сознание также влияет на правовое. История представляет собой не только набор событий и фактов, но и является источником ценностей, которые формируют представления о праве, морали, человеческих правах, гражданстве и других историко-правовых аспектах жизни.

На сегодняшний день нет обширных социально-психологических, социально-философских исследований как нормативное регулирование оказывает влияние на историческое сознание общества, насколько оно позитивно или негативно, что может быть необходимым для понимания перспектив сохранения социальной стабильности в обществе.

Литература

1. Лукич Р. Методология права – М.: Прогресс, 1981. С. 59.
2. Лукич Р. Методология права – М.: Прогресс, 1981. С. 240
3. Ратинов, А.Р. Опыт изучения правовых установок и ориентации преступников // Психологическое изучение личности преступника. М., 1976. С. 153–185
4. Власов, В.И. Теория государства и права / В.И. Власов. Ростов н/Д: Феникс, 2002. 365 с.
5. Теория государства и права / Под ред. А.С. Пиголкина, Ю.А. Дмитриева. М.: Высшее образование, 2009. 752 с.
6. И.И. Кальной, Ю.А. Саундулов. Философия для аспирантов 3-е изд. СПб.: Лань, 2003. 512 с.
7. Черданцев, А.Ф. Теория государства и права // А.Ф. Черданцев. – М.: Юрайт, 2000 С. 331
8. Фарбер И.Е. Правосознание как форма общественного сознания. – М., 1963.
9. Поляков А.В. Общая теория права. СПб., 2001. С. 264–267
10. Баранов П.П., Русских В.В. Актуальные проблемы теории правосознания, правовой культуры и правового воспитания. Учебное пособие. Ростов-на-Дону. 1999. – 80 с.
11. Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2001. С. 614–615.
12. Лазарев В.В. Общая теория права и государства М., 2000, с. 245
13. Гусарова М.А. Правовая идеология и правовая психология в современном российском обществе: анализ корреляционных связей // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 2. С. 82

CONNECTION AND MUTUAL INFLUENCE OF HISTORICAL AND LEGAL CONSCIOUSNESS OF SOCIETY

Pichugin V.G.

Financial University under the government of the Russian Federation

The article examines theoretical issues of connection and mutual influence of historical and legal consciousness. The relevance of the research topic is determined by the importance and significance for the social stability of society of the mutual influence of legal and historical consciousness in modern conditions of the development of society, taking into account the socio-economic and political situation. The main goal of the study is to identify the semantic content, connections and mechanisms of mutual influence of historical and legal consciousness. Based on the results of the study, conclusions were formulated about the common features and connections of historical and legal consciousness, their features and differences, the possibilities and limitations of the influence of regulatory regulation in the present and the perception of this process in society. Directions for further study of the connection between regulatory regulation and the development of historical consciousness to maintain social stability in society are outlined.

Keywords: legal awareness, historical consciousness, influence, law, society, history.

References

1. Lukich R. Methodology of Law – M.: Progress, 1981. P. 59.
2. Lukich R. Methodology of law – M.: Progress, 1981. P. 240
3. Ratinov, A.R. Experience in studying legal attitudes and orientation of criminals // Psychological study of the personality of a criminal. M., 1976. P. 153–185
4. Vlasov, V.I. Theory of state and law / V.I. Vlasov. Rostov n/d: Phoenix, 2002. 365 p.
5. Theory of State and Law / Ed. A.S. Pigolkina, Yu.A. Dmitrieva. M.: Higher Education, 2009. 752 p.
6. I.I. Kalnoy, Yu.A. Soundulov. Philosophy for graduate students 3rd ed. St. Petersburg: Lan, 2003. 512 p.
7. Cherdantsev, A.F. Theory of state and law // A.F. Cherdantsev. – M.: Yurait, 2000 P. 331
8. Farber I.E. Legal awareness as a form of social consciousness. – M., 1963.
9. Polyakov A.V. General theory of law. St. Petersburg, 2001. pp. 264–267
10. Baranov P.P., Russkikh V.V. Current problems of the theory of legal consciousness, legal culture and legal education. Tutorial. Rostov-on-Don. 1999. – 80 p.
11. Theory of state and law: Course of lectures / Ed. N.I. Matuzova and A.V. Malko. 2nd ed., revised. and additional – M., 2001. P. 614–615.
12. Lazarev V.V. General theory of law and state M., 2000, p. 245
13. Gusarova M.A. Legal ideology and legal psychology in modern Russian society: analysis of correlations // Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice. Tambov: Certificate, 2017. No. 2. P. 82

Причины и последствия распространения «фейковых новостей» в глобальном техногенном мире: социально-философский анализ

Иоселиани Аза Давидовна,

доктор философских наук, профессор, профессор
Департамента гуманитарных наук Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации, почетный
работник сферы образования Российской Федерации,
академик Российской экологической академии
E-mail: Aza-i@yandex.ru

Соколов Алексей Вячеславович,

аспирант Факультета социальных наук и массовых
коммуникаций, Департамент гуманитарных наук, Финансовый
университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: Sokol096@mail.ru

В статье анализируется генезис и сущность понятий фейк и «fake news»; исследуется история происхождения фейка, качественное изменение механизмов его создания и применения в глобальном техногенном мире.

Научный анализ проблем, связанных с фейком, и практическая жизнь показывает, что аудитория СМИ, Интернет аудитория не защищены от воздействия «fake news», которые создаются целенаправленно в развлекательных и других целях и смешиваются с правдивой информацией, им придается «сенсационность», и после охвата больших аудиторий читателей превращаются в бизнес. Рассмотрены виды фейков, используемых в информационном пространстве.

В работе значительное внимание уделяется анализу вопроса о том, почему люди верят в фейк, каковы психологические и другие причины такого потребления фейк новостей. Анализируется природа фейка для того, чтобы было возможно создание механизмов фильтрации фейка.

По мнению авторов, развитие медиа-грамотности и медиа-философии необходимо для защиты человека и общества от «фейковых новостей». Создание мониторинговых институтов медиа является следующим шагом для демократического устройства общества

Ключевые слова: «фейк», «фейковые новости», медиа-грамотность, источники «фейк», причины веры в фейки, медиакommunikator.

Целью данной работы является исследование проблем современной информационной среды, связанных с фейком и фейк-ньюс, анализ влияния фэйк-ньюс на формирование общественного мнения и гражданской позиции.

Исходя из поставленной цели *задачами* исследования являются:

- определить понятие «фейк» и связанный с ним термин «фейк-ньюс», провести их концептуальный анализ, раскрыть их сущность и выявить механизмы функционирования;
- указать причины веры в фэйки людьми, а также проанализировать цели применения фэйков в информационной среде;
- доказать необходимость выработки навыков медиаграмотности, с целью научиться отфильтровать новостной поток.

Каждый из нас ежедневно потребляет огромное количество информации. В современном обществе мы должны быть осведомлены обо всем, что происходит в мире. Многие интернет-ресурсы находятся в постоянном поиске свежих и интересных новостей. Многие новостные порталы прибегают к нечестным способам привлечения внимания. Одним из таких способов является создание «фейк-ньюс».

Фейк-ньюс – это подача ложной информации, которая выдается за реальную новость. В данном случае речь идет не только о мелких неточностях, но и об откровенной лжи, которая подается СМИ [1].

Термин «фейк» означает целенаправленную неправду, сфабрикованную с определенными целями, а в основном чтобы ввести зрителей и слушателей в заблуждение [2].

Ученые (и не только) анализируют и пытаются выработать наиболее адекватное и точное определение данного понятия. Комиссия Общественной палаты России уточнила и зафиксировала смысл и содержание понятия «фейк-новости» в следующей дефиниции: «под жаргонным термином «фейк-ньюс» понимать общепринятое определение – это информационная мистификация или намеренное распространение дезинформации в социальных медиа и традиционных СМИ с целью введения в заблуждение, для того чтобы получить финансовую или политическую выгоду» [3]. В 2018 году по данным составителей английского словаря понятие «fake news» стал фразой года, так как частота ее употребления достигла невероятного количества и выросла на 365% [4].

Концепт слова английского происхождения «фейк» (означающее подделку, ложь) и «фальсификация», пришедшее с латинского языка (также означающее подделку, ложь), можно интерпретировать как синонимы. В то же время, они могут быть различны по форме и объему. Они различаются только происхождением слов, а не их произношением.

Что касается «ложных новостей», то они появились достаточно давно. Египетские и хеттские фараоны нанесли надписи о поражениях в битве, которая закончилась безрезультатно. Вторая Мировая война началась с ложной информации о захватах радиостанций.

Огромные объемы информации обрушились на человека в эпоху цифровых технологий. В таких условиях человеку приходится адаптироваться к таким объемам информации, в том числе и от ненужной. И важно не только объем информации, но и то, насколько она фейковая. Именно в таких условиях общественной жизни необходимо научиться хорошо ориентироваться в информационных потоках, верифицировать их, разобраться, где правда, а где ложь и фейк, разоблачать манипуляции. И такие навыки необходимы не только для профессионального медиакommunikатора (специалист в области массовой коммуникации, занимающийся анализом, производством, потреблением и распространением контента), но и для каждого члена общества.

Основными принципам и деятельности журналистов и медиакommunikаторов должны быть умение эффективно работать над информацией и донести до пользователей достоверную информацию. Тем более, что эпоха цифровизации породила великое множество источников информации, и разобраться с этим количеством контента требует профессионального владения применять все методы выявления фейков и качественной, правдивой информации.

Предоставление недостоверной информации всегда имело место быть, однако в результате широкого распространения Интернета и социальных сетей эта проблема обострилась и приобрела качественно новое значение.

Фейковое сообщение по форме и стилю похоже на новость, но по содержанию оно частично, либо полностью ложное.

Исследователи фейки делят на несколько видов:

- фотографии поддельные, которые были обработаны при помощи специальных компьютерных программ.
- Видеоролики, которые сделаны из исходного материала, но подделаны так, что всего лишь имитируют изначальную информацию;
- Фальшивые новости, которые, как правило, имеют ложную, сфальсифицированную видеоинформацию;
- Фальшивые аккаунты в соцсетях;
- Фальшивые личные страницы в социальных сетях с использованием чужих фотографии и информации.

«Фейки» в информационном пространстве оказывают негативное воздействие на сознание людей. Это связано с тем, что из-за большого количества информации человек не может постоянно следить за поступающей информацией. Для этого нужно уделять время тому, чтобы научиться распознавать «фейковые новости» и правильно реагировать на них.

Для того, чтобы не попасть в ловушку фейковых новостей, необходимо научиться отличать правду от лжи. Как распознать такие новости?

- Не стоит доверять одной и той же новости в разных источниках, так как они могут не совпадать и новость изначально может быть сфальсифицирована
- Получать информацию следует только из проверенных источников.
- Не стоит доверять фотографиям и видео. Следует помнить о том, что в наше время существует огромное количество компьютерных технологий, с помощью которых можно подделывать телевизионную картинку или информацию из Интернета.
- Не стоит доверять сведениям, полученным из недобросовестных источников.
- Не стоит читать новости бегло, только по ярким названиям, так, как только после прочтения статьи можно понять её смысл.

- Если вы читаете новости, которые не успели сделать более яркими и продаваемыми, то можете быть уверены в том, что они правдивы.
- Не стоит читать новости, которые написаны эмоционально.
- В первую очередь нужно разобраться в том, что происходит на самом деле.

«Фейк» как социальное явление имеет глубокие корни, которые заставляют людей верить в их существование:

1. Чаще всего фейк-ньюс отличаются «громкими» привлекающими заголовками, потому что основное правило фейк-ньюс это зацепить внимание зрителя с первого слова, взгляда или кадра. Красочность и резкость в заголовках людей действительно привлекает и листая фейковые новости, просматривая контент, поднимают охват и увеличивают просмотры, что в свою очередь поднимает конкуренцию.
2. Существует множество фейков о том, что правительство или крупные корпорации скрывают от нас какие-либо факты.
3. В первую очередь вера в фейки связано с огромным количеством как самих фейков, публикуемых в интернет-среде, также и количеством их просмотра потребителями.
4. Часть граждан не доверяет официальной информации и верит фейкам. Не стоит забывать и о психологии человека, мозг человека постоянно находится в поиске опасности.
5. Ложные новости являются важным инструментом социального взаимодействия.
6. Зачастую люди не имеют достаточного уровня знаний для того, чтобы распознать ложь в том или ином вопросе.
7. У любого фейка есть определённая установка/цель – вызвать внимание потребителей информации, спровоцировать страхи, панику, интерес и понаблюдать за реакцией миллионной аудитории.
8. Основой «фейкомании» является психология потребности людей в эмоционально нагруженной, сенсационно-шокирующей информации [5].

Фейковая информация является сильнейшим, эффективным и в основном опасным средством влияния на общественное мнение, сознание и поведение людей. А от такого влияния зависит качество повседневной жизни человека и общества, а также их духовного состояния.

Распространение фейков, как целенаправленной, угодной кому-то искажённой информации в социальном пространстве, в рамках информационной безопасности должно быть урегулировано законом и соответствующими структурами.

Социальная сеть Facebook, запрещенная на территории России, стала одной из самых популярных среди «фейковых» новостей.

В зависимости от того, какой источник информации вы используете, необходимо проводить проверку полученной информации. В связи с тем, что в печатных и электронных СМИ часто публикуются «фейки», они также должны быть проверены на подлинность.

В отличие от государственных СМИ, у которых есть инвестор/владелец, они не могут быть объективными и объективно отражать ту или иную точку зрения [6].

Медиавоздействие на индивида. Потребление медиаконтента в современности достигло масштабов невообразимых по сравнению с периодом конца 1990х годов давности. Япония входит в число стран-лидеров по потреблению медиаконтента. Также находятся самые медиа-активные блогеры. Ежемесячно ими публикует-

ся контента более одного миллиона записей в блогах. К 2015 году три четверти мирового интернет-населения посетило YouTube, Wikipedia, Facebook или другие социальные сети и блоги. Индивид погружен в цифровое Интернет-пространство, в котором существует коммуникационное изобилие [7]. Объективно исследовать весь массив данных, являющийся базой для «эмпирического исследования» весьма затруднительно, поэтому попытка создать «объективное знание о насыщенном медиа мире обречено на избирательность фактов и их фильтрацию, по мнению М. Вебера [8]. Эдвард Бернейс один из крупнейших специалистов в области Public Relations в своей работе выдвигал концепцию, связанную с философией медиа. Если «народ» хочет быть «свободным от железных цепей» и во имя демократии слепо отказывается от «любви, почитания и покорности» правителям, тогда этот народ должен согласиться с «серебряными цепями», произведенными организованными механизмами соблазна и пропаганды, т.е. с тем, что Адорно и Хоркхаймер позже назвали «культурной индустрией» [9]. Пропаганда, как механизм, напрямую связана с общественным мнением. Суть механизма склонить аудиторию воздействия государственных СМИ к выражению мнения, которое удобно и необходимо государству. В тот момент, когда «мнение народа» выражено и оформлено благодаря воздействию государственной пропаганды, тогда государство имитирует подчинение общественному мнению. «Запрос масс» должен отражать то, что правительство планирует сделать. Данная концепция была актуальна до цифровизации коммуникации между Правительством и гражданами. Публичность, обращена сейчас на все сферы жизни известных людей, которые раньше считались приватными. В эпоху коммуникационного изобилия вопрос приватности личной жизни остается открытым не только у публичных личностей, но и у обычных индивидов поскольку их личные данные могут быть использованы против них самих. Эдмунд Гуссерль о Lebenswelt (понятие повседневной жизни) высказал предположение, что их социальное взаимодействие определяется эмпатией. Индивиды, по мнению, Гуссерля при взаимодействии между собой относятся друг к другу, исходя из веры в то, что их модус (от латинского—мера; способ; образ, вид) отношений к вещам и поступкам разделяется другими индивидами [10]. Отношение к вещам и поступкам, который содержится в модусе, есть объект, который является товаром на рынке цифровых услуг. «Цифровой след» в интернет-пространстве позволяет с помощью «cookie» – «печенье», (которое есть маленький фрагмент информации, отправленной веб-сервером и хранимой на компьютере Интернет-пользователя), понимать круг интересов и желаний пользователя. Собирая данные через cookie компании с помощью отслеженной информации, составляют демографический портрет пользователя и круг его интересов, предлагая ему товары исходя из его потребностей. Компании торгуют данными пользователей перепродавая её другим компаниям. Детализированные сведения о потребительских паттернах, этнической идентичности, финансовом благосостоянии, людей, заходящих в Интернет – все это является товаром на рынке информационных услуг [11].

Заключение

1. Таким образом, фейк, который есть поддельная, сфабрикованная, специально созданная для выгоды информация, является весьма эффективным и одновременно опасным социальным инструментом воздействия на общественное сознание, на психику личности, гражданскую позицию людей и повседневность человека. Несмотря

на то, что фейк-новости берут начало со времен фараонов, смысл и цель данного явления остаются неизменными, изменились лишь формы их создания, подачи и распространения, для этого благодатную почву создала эпоха цифровизации и интернетизации бытия.

2. Красочные, привлекающие по внешним формам поддельные фейк-новости, рассказывающие якобы «скрытое и тайное» или полезное, легко цепляет внимание читателей, что в свою очередь, быстро поднимает количество просмотров сайтов и тем самым растет конкуренция и вовлеченность бизнеса и рекламы в это пространство. Такие характеристики личности как страх, любопытство и неосведомленность порождает потребность в эмоционально нагруженную, сенсационную и шокирующую информацию. Все указанное есть причины, приводящие людей к вере в фейк-новости. Меняется повседневность человека, меняется его духовное состояние. А это уже есть яркое доказательство того, что фейк есть мощное средство влияния на человека и общество, а также манипуляции их поведением и жизнью.

Современный социум приходит к необходимости выработать медиа-грамотность и развивать так называемую медиа-философию. На наш взгляд, это уже, вместе с шагами создания мониторинговых институтов медиа, является делом дальнейшего развития демократии в стране.

Литература

1. Миниханова Ольга, «Умный потребитель». Информационные фэйки – как с ними бороться. URL: <https://sovcombank.ru/blog/umnii-potrebitel/informatsionnie-feiki-kak-s-nimi-borotsya> / 4 мая 2022. (Дата обращения 15.10.2023)
2. Шагалова Е. Самый новейший толковый словарь русского языка XXI века. – Litres, 2022
3. В Общественной палате РФ обсудили распространение фейковой информации // ПАЕК [эл. ресурс]: <https://raec.ru/live/branch/10393/> (дата обращения: 29.10.2022)
4. Прошина, М.В. Fake-news как новый тренд в политических коммуникациях / М.В. Прошина. – Текст: непосредственный // Дискурс-Пи. – 2019. – № 3 (36). – С. 164–171. – DOI: 10.24411/1817–9568–2019–10311
5. Барбук Р. Интернет-революция / Ад Маргинем Пресс, 2015. – 128 с.
6. Allcott H., Gentzkow M. (2017). Social media and fake news in the 2016 election // Journal of Economic Perspectives. Vol. 31. № 2. P. 211–236.
7. Friedman T.L. The World Is Flat: A Brief History of the Twenty-first Century. N.Y.: Farrar, Straus and Giroux, 2005 (рус. пер.: Фридман Т. Плоский мир. Краткая история XXI века. М.: АСТ, 2007).
8. Weber M. “Objectivity” in Social Science and Social Policy // Weber M. The Methodology of the Social Sciences. N.Y.: Free Press, 1949. P. 110 (рус. пер.: Вебер М. «Объективность» социально-научного и социально-политического познания // Вебер М. Избр. произвед. М.: Прогресс, 1990. (с. 412)
9. Dewey J. The United States, Incorporated // Dewey J. The Later Works, 1925–1953. Vol. 5. Carbondale, IL: Southern Illinois University Press, 2008. P. 61; Bernays E.L. Propaganda. N.Y., 1928. P. 48 (рус. пер.: Бернейс Э. Пропаганда. М.: Hippo Publishing, 2010. С. 14); Laswell H.D. Propaganda Technique in the World War. L., 1927. P. 227; Ellul J. Propaganda: The Formation of Men’s Attitudes. N.Y.: Vintage Books, 1965
10. Husserl E. The Crisis of European Sciences and Transcendental Phenomenology / transl. by D. Carr. Evanston, IL, [1936] 1970 (рус. пер.: Гуссерль Э. Кризис

европейских наук и трансцендентальная феноменология. СПб.: Владимир Даль, 2004)

11. Кин Д. Демократия и декаданс медиа. – Litres, 2021. С. 49

CAUSES AND CONSEQUENCES OF THE SPREAD OF “FAKE NEWS” IN THE GLOBAL TECHNOGENIC WORLD: SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS

Ioseliani A.D., Sokolov A.V.

Financial University under the Government of the Russian

The article analyzes the genesis and essence of the concepts fake and “fake news”; The history of the origin of the fake, the qualitative change in the mechanisms of its creation and application in the global technogenic world are explored.

Scientific analysis of the problems associated with fake news and practical life shows that the audience of the media and the Internet are not protected from the influence of “fake news”, which is created purposefully for entertainment and other purposes and mixed with truthful information, they are given “sensationalism”, and after coverage large audiences of readers turn into business. The types of fakes used in the information space are considered.

The work pays considerable attention to the analysis of the question of why people believe in fake news, what are the psychological and other reasons for such consumption of fake news. The nature of the fake is analyzed so that it is possible to create mechanisms for filtering fakes from true information.

According to the authors, the development of media literacy and media philosophy is necessary to protect individuals and society from “fake news.” The creation of media monitoring institutions is the next step for a democratic society

Keywords: “fake”, “fake news”, media literacy, sources of “fake”, reasons for believing in fakes, media communicator.

References

1. Olga Minikhanova, “Smart Consumer.” Information fakes – how to deal with them. URL: <https://sovcombank.ru/blog/umnii->

[potrebibel/informatsionnie-feiki-kak-s-nimi-borotsya /](https://potrebibel/informatsionnie-feiki-kak-s-nimi-borotsya/) May 4, 2022. (Access date 10.15.2023)

2. Shagalova E. The newest explanatory dictionary of the Russian language of the 21st century. – Litres, 2022
3. The Public Chamber of the Russian Federation discussed the spread of fake information // RAEK [digital resource]: <https://raec.ru/live/branch/10393/> (access date: 10/29/2022)
4. Proshina, M.V. Fake-news as a new trend in political communications / M.V. Proshina. – Text: immediate // Discourse-Pi. – 2019. – No. 3 (36). – pp. 164–171. – DOI: 10.24411/1817–9568–2019–10311
5. Barbuk R. Internet revolution / Ad Marginem Press, 2015. – 128 p.
6. Allcott H., Gentzkow M. (2017). Social media and fake news in the 2016 election// Journal of Economic Perspectives. Vol. 31. No. 2. P. 211–236.
7. Friedman T.L. The World Is Flat: A Brief History of the Twenty-first Century. N.Y.: Farrar, Straus and Giroux, 2005 (Russian translation: Fridman T. Flat world. A brief history of the XXI century. M.: AST, 2007).
8. Weber M. “Objectivity” in Social Science and Social Policy // Weber M. The Methodology of the Social Sciences. N.Y.: Free Press, 1949. P. 110 (Russian translation: Weber M. “Objectivity” of socio-scientific and socio-political knowledge // Weber M. Selected works. M.: Progress, 1990. (p. 412)
9. Dewey J. The United States, Incorporated // Dewey J. The Later Works, 1925–1953. Vol. 5. Carbondale, IL: Southern Illinois University Press, 2008. P. 61; Bernays E.L. Propaganda. N.Y., 1928. P. 48 (Russian translation: Bernays E. Propaganda. M.: Hippo Publishing, 2010. P. 14); Laswell H.D. Propaganda Technique in the World War. L., 1927. P. 227; Ellul J. Propaganda: The Formation of Men’s Attitudes. N.Y.: Vintage Books, 1965
10. Husserl E. The Crisis of European Sciences and Transcendental Phenomenology / transl. by D. Carr. Evanston, IL, [1936] 1970 (Russian translation: E. Husserl. The crisis of European sciences and transcendental phenomenology. St. Petersburg: Vladimir Dal, 2004)
11. Keen D. Democracy and decadence of media. – Litres, 2021. P. 49

Анализ концептов в политологии и социальных исследованиях: идеи Дж. Сартори и их развитие

Ушаков Евгений Владимирович,

к.ф.н., доцент кафедры государственного и муниципального управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Северо-западный институт управления)
E-mail: e_uszakow@mail.ru

Понятия в социальных науках часто отличаются нечеткостью, множественными и недостаточно определенными значениями. Это составляет фундаментальную методологическую проблему. В методологической литературе пока преобладает количественно-измерительный подход, в то время как на практике часто встает задача глубокого содержательного анализа социально-научных концептов. В статье рассматриваются различные подходы к концептуальному анализу, появление которых было вызвано проблемой понятийных растяжений в политологии. Прежде всего это идеи крупнейшего итало-американского политолога Дж. Сартори (которые стали основой своеобразной «сарторианской» традиции в политологии), а также более современные подходы Д. Коллиера и Дж. Махона (идеи семейных сходств и радиальных понятий). Отмечается, что базисная потребность в глубоком понятийном анализе связана со спецификой самого предмета социальных наук вообще.

Ключевые слова: методология социальных наук, методология политических исследований, научные понятия, логическая структура понятий, методологический анализ понятий.

В политологии и других социальных исследованиях постоянно уделяется внимание проблеме понятий, которые используются в этих областях. Один из важнейших аспектов этой проблемы состоит в известной нечеткости, многозначности социально-научных концептов, что является, по мнению многих авторов, одним из признаков отставания социальных наук от естествознания в отношении методологической строгости. Так, говорят, например, о «кластерных» понятиях в социальных науках, о понятийных «скоплениях», о «существенно спорных понятиях» (У. Галли) и др.[1]

В современной методологической литературе, посвященной понятиям социальных наук, преобладает количественно-измерительный подход, который ориентирован на операционализацию социально-научных концептов (введение шкал, индикаторов и т.п.). Соответственно, работ, которые отражают проблему содержательного понимания и анализа концептов *per se* гораздо меньше. Из наиболее значительных работ, включающих как фундаментальные, так и прикладные аспекты понятийного анализа в социальных науках, следует отметить прежде всего работы Г. Гёрца [2] и Дж. Герринга [3].

Между тем, на практике потребность в анализе социально-научных концептов на глубоком, содержательном уровне возникает довольно часто.

Так, в политологии и других социальных исследованиях нередко встает задача уточнения (или даже пересмотра) способа использования того или иного базисного понятия. В эту задачу входят, как правило, вопросы следующего вида. Что мы вообще понимаем под данным понятием? Какова область его применимости? В каких логико-структурных взаимоотношениях находятся разновидности (варианты) данного понятия? Адекватно ли устоявшееся понятие тем или иным конкретным исследовательским областям и темам? Обращение к подобным вопросам и стремление их прояснить означает выход в плоскость глубокого понятийного анализа.

Проблема адекватности концептов, используемых в социальных исследованиях, обострилась в политологии во второй половине XX века. Так, в 60-е годы появилось большое количество работ, посвященных новым явлениям в политической области: переходные демократии, новый корпоративизм (например, в Латинской Америке), модернизация в развивающихся странах и т.п. Формирование этого массива исследований было связано в том числе с динамичным развитием сравнительной политологии. При этом концептуальный аппарат, исходно предназначенный для описания западных политических структур и процессов, оказывался непригодным (или в лучшем случае спорным) при его расширении на новые области.

Огромную роль в развитии темы точности и строгости концептов в социальных науках сыграла знаменитая статья крупнейшего зарубежного (итало-американского) политолога Джованни Сартори «Искажение концептов в сравнительной политологии» (1970) [4]. Она сочетала фундаментальные аспекты анализа проблемы понятий *per se* с прикладной направленностью и стала в дальнейшем своего рода классикой в области методологии использования социально-научных концептов.

В данной работе Дж. Сартори отмечает, что при продвижении политических исследований в сторону новых предметных областей нередко возникают некие концептуальные растяжения (stretching) или напряжения (straining), т.е. аморфные, расплывчатые концептуализации [4, р. 1034]. В результате успехи в расширении понятийного охвата сопровождаются потерями в точности. Дж. Сартори предлагает в своей статье определенные средства для более строгого использования концептуального аппарата (в частности, для сравнительных исследований). К основным тезисам работы Дж. Сартори можно отнести следующие.

1. Формирование концепта в явном виде должно предшествовать методам его количественной оценки [4, р.1038]. До введения измерений мы должны прояснить: что же именно мы собираемся измерять? Вначале необходимо дать ответ по поводу того, что представляет собой то или иное явление, подлежащее изучению, в чем состоят его сущностные признаки. Если изначально не было проведена экспликация понятия, отражающего объект исследования, то в дальнейшем проявятся трудности в его изучении.

2. Не следует забывать основы традиционного логического мышления, в рамках которого понятие рассматривается с точки зрения смысла и содержания. В этой связи концепты социальных наук можно представлять как своего рода «контейнеры», вмещающие множество признаков того или иного понятия. Так, концепт «демократия» должен включать как минимум такие атрибуты, как «честные выборы» и «гражданские свободы».

3. При корректном упорядочении содержания концептов (с точки зрения их соподчиненности) возникает иерархия (или «лестница») абстракций, позволяющая уточнить место данного концепта в сравнении с другими понятиями (из одного концептуального ряда). Сравнительное положение каждого концепта определяется числом его вполне определенных атрибутов (существенных признаков). Чем более абстрактный характер имеет понятие, тем меньше число атрибутов, которыми оно обладает. И наоборот: более насыщенные, емкие понятия содержат или предполагают множество признаков, раскрывающих их сущность.

Для примера можно взять несколько понятий, связанных с институтом демократии. Понятие электорального режима (как более общее) содержит только одно свойство (наличие выборов), которое приложимо ко многим странам. Концепт демократии находится ниже в иерархии абстракций, поскольку предполагает еще наличие гражданских свобод, а также свободных и честных политических состязаний. Для описания же «новых демократий» потребуются дополнительные атрибуты, раскрывающие их смысл.

4. Для проведения компаративных исследований сравниваемые феномены должны подпадать под одну и ту же категорию. Точнее, должен существовать более общий концепт, который охватывает два или более эмпирических объекта. Из этого проистекает правило, позволяющее избежать понятийной натяжки при расширении сферы исходного концепта на новые явления. Если нам нужно сравнивать явления, относящиеся к разным понятийным областям, следует найти более общий, объединяющий концепт, то есть перейти на более высокий уровень абстракции.

5. Выбор уровня абстракции влечет ряд логических следствий. Чем более абстрактным является понятие, тем к более широкому классу явлений оно применимо; однако при этом в данном понятии обнаруживается довольно скудное содержание. Наоборот, чем более содержательным является концепт, тем меньше эмпирических

феноменов может быть им охвачено; при этом сокращается и сфера возможных сравнений.

Наиболее перспективным для научного исследования, по мнению Дж. Сартори, оказывается некий средний уровень, на котором концепт обладает достаточным содержанием, а также приложим к различным явлениям, что позволяет получать эмпирически и теоретически значимые результаты. Поэтому полезной стратегией для исследователя было бы нахождение баланса между шириной охвата изучаемых явлений и внутренним содержанием понятия.

Понимание и выбор этого среднего уровня относится к области высокого профессионального опыта.

Дж. Сартори полагает, что ученый не должен загонять себя в слишком строгие формальные рамки, которые исключают возможность творческого подхода. Но, с другой стороны, невнимание к правилам элементарной логики тоже не способствует получению значимых научных результатов.

Идеи Дж. Сартори были далее развиты в его последующих работах (с соавторами): «Вавилонская башня: об определении и анализе понятий в социальных науках» [5] и «Понятия социальных наук: систематический анализ» [6]. Более современный обзор «сарторианской» традиции, ее развития и расширения см. в: [7].

Однако при всей ценности идей Дж. Сартори, далее выяснилось, что традиционная логическая схема понятийного анализа не всегда пригодна; в частности, это относится к иерархическим правилам формирования концептов. Так, ряд специфических трудностей возник в политологии при изучении новых режимов правления (образовавшихся после завершения холодной войны). Эти режимы правления не соответствуют традиционным признакам демократии (например, они имеют отклонения в проведении выборов или в соблюдении гражданских свобод).

Парадоксальным образом новые виды демократического правления можно определить через *отсутствие* тех или иных традиционных атрибутов демократии. В результате в политической науке появились такие концепты, как неполная демократия, ограниченная демократия и т.п.

В статье 1993 г. «Пересмотр понятийных «растяжений»: адаптация категорий в сравнительном анализе» Дэвид Коллиер и Джеймс Махон разработали новые подходы к анализу понятий социальных наук – семейные сходства и радиальные концепты (базирующиеся на *неиерархических* отношениях между различными вариантами того или иного понятия) [8].

Семейное сходство может иметь место в тех случаях, когда наблюдается определенная совокупность явлений, явно родственных друг другу, однако не имеющих четко выраженного объединяющего их атрибута.

Так, в политических исследованиях корпоративизма в Латинской Америке было обнаружено, что данные формы, косвенно подпадающие под это понятие, настолько отличаются друг от друга в различных странах, что их невозможно подвести под единое основание.

Более точно, понятием семейного сходства можно охарактеризовать такие группы явлений, каждое из которых имеет нечто общее с каким-то другим явлением из данной совокупности, однако при этом отсутствует признак, который объединял бы *все* эти явления. Иными словами, уловить наличие общих признаков, или родства, можно лишь обратив внимание на все феномены одновременно.

Важное методологическое значение этой идеи состоит в том, что концепт, охватывающий паттерн семейных сходств, может оказаться потенциально полезным,

и поэтому не следует преждевременно отбрасывать его только потому, что он не соответствует чрезмерно строгим классическим принципам категоризации. [8, p.852]

Для радиальных категорий (которые ранее обсуждал, например, Дж. Лакофф [9]) характерна особая структура, включающая некое понятийное ядро (центральная или первичная субкатегория) и периферийные субкатегории. Центральная субкатегория соответствует некоторому «наилучшему» случаю или прототипу. В отличие от семейных сходств, какие-либо две периферийные субкатегории могут не иметь общих признаков друг с другом, но имеют их только с понятием-родоначальником. По сравнению с классическими категориями, вторичная категория в конечном итоге счете включает дополнительные элементы, выходящие за рамки первичной категории.

Например, понятие демократии (при его применении к разнообразным современным реалиям) можно рассматривать как радиальный концепт, в котором первичная категория имеет все существенные признаки демократии, а вторичные субкатегории могут обнаруживать те или иные нехватки или искажения. Такой подход позволил бы прояснить спектр разновидностей демократических режимов в современном мире. Однако, в свою очередь, это создает новые проблемы. С одной стороны, это может создать необходимую гибкость для применения понятия демократии в новых условиях. С другой стороны, нечеткость данного понятия может порождать споры по поводу того, насколько вообще данное понятие приложимо к разного рода особым случаям, отклоняющимся от первичной категории.

В своей статье Д. Коллиер и Дж. Махон приводят некоторые примеры использования радиальных понятий в научных работах с целью предотвращения концептных растяжений. Так, в работе Филипа Шмиттера и Терри Л. Карл вводятся такие субкатегории, как «популистская» и «корпоратистская» демократии, которые выступают как периферийные по отношению к центральной категории «истинной» демократии [10].

Д. Коллиер и Дж. Махон утверждают, что применение той или иной категориальной структуры зависит только от содержательного знания о тех или иных изучаемых явлениях. Где следует изменить прежние категории, а где – сформировать новые, нельзя решить заранее на каких-то формальных основаниях.

Здесь стоит отметить, что проблема выбора исходной концептуальной точки зрения в отношении исследований демократических и переходных режимов правления остается крайне актуальной. Так, в статье Д. Коллиера и С. Левицки «Демократия «с прилагательными»» (1996) приводится внушительный перечень терминов для обозначения разнообразных видов демократии, в том числе для «проблемных» демократий [11].

В центре проблематики, разрабатываемой Дж. Сартори, Д. Коллиером, Дж. Махоном и др., на самом деле отражается проблема специфики предмета социальных наук вообще. В качестве темы эмпирических исследований этот предмет представляет собой, как правило, некоторый переменный класс эмпирических явлений, причем переменный в двух основных аспектах.

Во-первых, это изменчивость самих социальных явлений. Так, при выборе достаточно крупного темпорального масштаба исследования можно обнаружить изменения, происходящие в самом изучаемом объекте. Например, понятие суверенитета в применении к странам Евросоюза сегодня – это совсем не то, что суверенитет этих стран еще несколько десятилетий назад.

Во-вторых, это вариабельность явлений, связанная с изменением (например, расширением или сужением –

в частности, территориальным) самого фокуса исследования, когда в поле зрения могут попасть новые объекты, связанные с новыми эмпирическими паттернами (как в случае с «новыми демократиями»).

Посредством концепта мы подводим под единую категориальную основу некий разнородный и изменяющийся класс явлений. (Например: понятие *глобализации* как семейство, в общем, различных явлений, которые, поскольку охватываются единым концептом, должны представлять собой некое связанное единое целое). Однако это разнообразие может оказаться столь значительным, что это может поставить под сомнение использование для его изучения данного понятия, что видно на примере проблемы понятийных растяжений.

Таким образом, во многих исследовательских ситуациях полезным будет вначале уточнить, что мы вообще понимаем под конкретным понятием (процедуры определения, экспликация).

Более глубокий вопрос состоит в том, насколько адекватно данное понятие (как правило, уже устоявшееся и имеющее вполне сформировавшуюся область применений) по отношению к данному кругу явлений. Является ли оно в достаточной мере релевантным для пограничных, смешанных и других «необычных» случаев? Нужно ли для них вводить новое понятие либо следует более точно фокусировать, специфицировать более традиционный концепт? Во многом здесь могут помочь аналитические соображения, рассмотренные выше. В целом же это является вопросом собственного методологического выбора исследователя, и решение этого вопроса зависит от множества конкретных обстоятельств.

Литература

1. Greene C. Nomadic Concepts, Variable Choice, and the Social Sciences. *Philosophy of the Social Sciences*, 2020, 50(1), 3–22.
2. Goertz G. *Social Science Concepts: A User's Guide*. Princeton: Princeton University Press, 2006
3. Gerring J. What Makes a Concept Good? A Criterial Framework for Understanding Concept Formation in the Social Sciences. *Polity*, Vol. 31, No. 3 (Spring, 1999), pp. 357–393
4. Sartori G. Concept Misformation in Comparative Politics. *The American Political Science Review* Vol. 64, No. 4, 1970, pp. 1033–1053.
5. Sartori G., Riggs F.W., Teune H. *Tower of Babel: On the Definition and Analysis of Concepts in the Social Sciences*. Pittsburgh: International Studies Association, 1975
6. *Social Science Concepts: A Systematic Analysis* / Sartori G. (ed.) Beverly Hills: Sage, 1984
7. *Concepts and Method in Social Science: The Tradition of Giovanni Sartori*. Collier D., Gerring J. (Eds.). London: Routledge, 2009
8. Collier D., Mahon J. Conceptual «Stretching» Revisited: Adapting Categories in Comparative Analysis. *American Political Science Review*, 1993. Vol. 87, No. 4, pp. 845–855
9. Lakoff G. *Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind*. Chicago: University of Chicago Press. 1987
10. Schmitter P. C., Karl T.L. The Types of Democracy Emerging in Southern and Eastern Europe and South and Central America. In: *Bound to Change: Consolidating Democracy in East Central Europe* / Volten P.M.E. New York: Institute for EastWest Studies, 1992
11. Collier D., Levitsky S. Democracy «with Adjectives»: Conceptual Innovation in Comparative Research. Work-

ANALYSIS OF CONCEPTS IN POLITICAL SCIENCE AND SOCIAL RESEARCH: THE IDEAS OF G. SARTORI AND THEIR DEVELOPMENT

Ushakov E.V.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management)

Concepts in the social sciences are often characterized by vagueness, multiple and insufficiently defined meanings. This constitutes a fundamental methodological challenge. In the methodological literature, the quantitative-measuring approach still prevails, while in practice the task of a deep meaningful analysis of socio-scientific concepts often arises. The article discusses various approaches to conceptual analysis, the emergence of which was caused by the problem of conceptual stretching in political science. First of all, these are the ideas of the largest Italian-American political scientist G. Sartori (which became the basis of a kind of "Sartorian" tradition in political science), as well as more modern approaches by D. Collier and J. Mahon (ideas of family resemblance and radial concepts). It is noted that the basic need for deep conceptual analysis is related to the specifics of the subject of social sciences in general.

Keywords: methodology of social sciences, methodology of political research, scientific concepts, logical structure of concepts, methodological analysis of concepts.

References

1. Greene C. Nomadic Concepts, Variable Choice, and the Social Sciences. *Philosophy of the Social Sciences*, 2020, 50(1), 3–22.
2. Goertz G. *Social Science Concepts: A User's Guide*. Princeton: Princeton University Press, 2006
3. Gerring J. What Makes a Concept Good? A Criterial Framework for Understanding Concept Formation in the Social Sciences. *Polity*, Vol. 31, No. 3 (Spring, 1999), pp. 357–393
4. Sartori G. Concept Misformation in Comparative Politics. *The American Political Science Review* Vol. 64, No. 4, 1970, pp. 1033–1053.
5. Sartori G., Riggs F.W., Teune H. *Tower of Babel: On the Definition and Analysis of Concepts in the Social Sciences*. Pittsburgh: International Studies Association, 1975
6. *Social Science Concepts: A Systematic Analysis* / Sartori G. (ed.) Beverly Hills: Sage, 1984.
7. *Concepts and Method in Social Science: The Tradition of Giovanni Sartori*. Collier D., Gerring J. (Eds.). London: Routledge, 2009
8. Collier D., Mahon J. Conceptual «Stretching» Revisited: Adapting Categories in Comparative Analysis. *American Political Science Review*, 1993. Vol. 87, No. 4, pp. 845–855
9. Lakoff G. *Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind*. Chicago: University of Chicago Press, 1987
10. Schmitter P. C., Karl T.L. The Types of Democracy Emerging in Southern and Eastern Europe and South and Central America. In: *Bound to Change: Consolidating Democracy in East Central Europe* / Volten P.M.E. New York: Institute for EastWest Studies, 1992
11. Collier D., Levitsky S. Democracy «with Adjectives»: Conceptual Innovation in Comparative Research. Working Paper no. 230. Notre Dame, Ind.: The Kellogg Institute, University of Notre Dame, 1996

Социокультурные факторы формирования гражданской и этнической идентичности россиян: к постановке проблемы

Федотова Вера Александровна,

старший преподаватель факультета экономики, менеджмента и бизнес-информатики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
E-mail: VAFedotova@hse.ru

Черкасова Елена Владимировна,

д.м.н., доцент, Пермский государственный медицинский университет им академика Е.А. Вагнера
E-mail: CherkasovaEV@gmail.com

В условиях современной тенденции формирования российско-государственно-гражданского единства, этническая и гражданская идентичность выступают важнейшими индикаторами политических, социальных и культурных изменений. На текущий момент активно усиливается внимание ученых к исследованию связи двух видов идентичности, а также к факторам, влияющим на их формирование. Группы факторов, влияющих на процесс гражданской и этнической самоидентификации разнятся от культурных до исторических и от социальных до политических, в некоторых научных работах еще и ситуативных. На текущий момент одним из наиболее перспективных подходов выступает предложение ученого Дж. Берри выделять культурные, экономические, политические и исторические факторы. При этом вопрос критериев и содержательного наполнения данных показателей остаётся открытым и представляет собой обширное поле для исследования. В статье приведен результат теоретического обзора феноменов гражданской и этнической видов идентичности, их взаимосвязи, представлен новый взгляд на проблему социокультурных факторов, оказывающих влияние на их становление. К историческим факторам относят исторические события, влияющие на отношения между определенными народами, а также специфику развития народа с точки зрения общества. Политические факторы отражают отношение к власти и политическую активность. Культурные факторы связаны с трансформацией ценностных ориентиров. Экономический фактор связан с субъективным экономическим благополучием личности. В результате теоретического анализа доказано, что воспринимаемая дискриминация (исторический фактор), отношение к власти и политическая активность (политический фактор), ценности (культурный фактор), экономическое благополучие (экономический фактор) могут являться предикторами формирования этнической и гражданской идентичности, а также выступать модератором взаимосвязи между двумя видами идентичности. Проведенный анализ проблемы связи гражданской и этнической идентичности, а также факторов, влияющих на их взаимосвязь, создает большой потенциал для дальнейшего эмпирического исследования.

Ключевые слова: этническая идентичность, гражданская идентичность, социокультурные факторы, воспринимаемая дискриминация, отношение к власти, политическая активность, ценности, субъективно-экономическое благополучие.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23–28–01552 «Социокультурные факторы формирования гражданской и этнической идентичности россиян: межпоколенные, гендерные и региональные различия»).

Введение

Понятие идентичности в последние годы все чаще становится предметом теоретического и эмпирического изучения во многих социальных науках. Интерес ученых к данному феномену не случаен. Он обусловлен той ролью, которую выполняет идентичность в условиях нарастания глобализационных процессов. Гражданская и этническая идентичность являются видами социальной идентичности, частью Я-концепции человека, которая связана с осознанием своей принадлежности к той или иной группе. Гражданская идентичность личности определяется не столько фактом ее гражданской принадлежности, сколько ценностным отношением и характером переживания в отношении этой принадлежности. Этническое самосознание россиян подвержено трансформации в зависимости от социально-политических, экономических и культурных условий жизнедеятельности этноса.

Исторически Россия формировалась как страна с высоким уровнем культурного и этнического многообразия. В период кризиса государственности в 1990-х гг. этничность стала ценностным интегратором. Тенденция значимости этнической идентичности в общественной жизни россиян сохраняются и по сей день (Рыжова, 2020). Проблемы оценки этнокультурного разнообразия России и риски политизации этничности не теряют актуальности.

Проблема становления гражданской идентичности также находится в поле интересов научных деятелей, социологов, психологов, политологов и политических деятелей. Отметим, что задача формирования общероссийской гражданской идентичности в стратегии государственной национальной политики является приоритетной для Российской Федерации до 2025 года.

В настоящей работе представлен новый взгляд на проблему гражданской и этнической идентичности, а также к факторам, оказывающим влияние на их становление.

Этническая идентичность россиян

Феномен этнической идентичности изучали Л.М. Дробужева, В.Ю. Хотинец, Т.Г. Стефаненко, R.N. Mendoza, H. Tajfel и др. Фундаментальной основой этнической идентичности является осознание причастности к группе людей своей национальности, эмоциональное отношение к культуре своего народа (Рыжова, 2020). Этническая идентичность – это продукт социализации личности и следствие усвоения языка и культуры своего народа (верований, ценностей, норм, достижений и т.д.) (Моторина и др., 2022).

Т.Л. Смолина, рассматривая данный вид идентичности как продукт социализации и изучая вопрос формирования этнической идентичности на примере биографического метода «Этническая автобиография», выделила несколько этапов формирования идентичности (Смолина, 2022). В дошкольном возрасте этнические представления еще нестабильны. Большую роль играют семья и дошкольные учреждения. В младшем школьном возрасте представления об этнической идентичности носят

диффузный характер, а главными агентами социализации выступают одноклассники и школа. В подростковом возрасте наблюдается более глубокое и осознанное понимание своей этнической идентичности, истории и религии, наиболее выраженный аффективный компонент. В юношеском возрасте происходит осознание своей идентичности на основе этнодифференцирующих признаков. В этот период появляется целостная система установок о себе как о представителе конкретной этнической общности. При этом, вопрос этнической принадлежности возникает и на других жизненных этапах человека (Смолина, 2022).

Гражданская идентичность россиян

В науке изучению гражданской идентичности посвящены как работы зарубежных авторов Дж. Тернер; Г. Тэджфел; С. Московичи и др., так и отечественных ученых Ю.А. Левада, О.В. Попова, Н.Л. Балич, Т.В. Водолажская и др. Гражданская идентичность определяется, как результат осознания себя членом гражданской общности в процессе усвоения ценностей, норм, ролей и качеств, типичных для гражданской общности, к которой принадлежит индивид (Дьякова, 2016). В интерпретации Е.А. Гришиной, гражданская идентичность тождественна обществу с определенными социокультурными измерениями. Ценности, ментальность, язык, норма-типические паттерны поведения свидетельствуют о том, что гражданская идентичность выражается через такие ценностно-смысловые атрибуты, как страна, государство, Родина и которые наполняются определенным содержанием через социально-культурный контекст¹. А.Г. Асмолов определяет гражданскую идентичность как осознание принадлежности к обществу граждан конкретного государства на общекультурное основание. По мнению автора данный вид идентичности имеет личностную окраску и детерминирует отношение к природному и социальному миру (Асмолов, 2008).

Гражданская и этническая идентичность: проблема взаимосвязи и взаимовлияния

В условиях современной тенденции формирования российского государственно-гражданского единства, этническая и гражданская идентичность выступают важнейшими индикаторами политических, социальных и культурных изменений. Наличие взаимосвязи и взаимозависимости этнической и гражданской идентичностей становятся очевидными при рассмотрении их содержания. Структурными компонентами данных видов идентичностей являются когнитивный, эмоционально-оценочный, деятельностный, ценностно-ориентировочный.

Когнитивный, он же познавательный отражает наличие знаний о принадлежности к той или иной социальной общности. Эмоционально-оценочный, он же коннотативный связан с принятием своей принадлежности. Ценностно-ориентировочный, он же аксиологический выражает отношение к принадлежности. Деятельностный или поведенческий компонент связан с самореализацией, характерной для представителя конкретной социальной общности (Кожанов, 2013).

Ученые отмечают, что гражданская идентичность представляет собой более сложное и комплексное понятие, так как соотносится с понятием «нация». Этническая идентичность может быть фундаментом гражданской идентичности. Э.Д. Смит – английский фило-

соф и социолог пришел к тому, что различные этнокультурные основания идентичности, такие как культурная однородность и историческая преемственность, являясь показателями коллективной солидарности, участвуют в формировании гражданско-политических наций (Smith, 1986). Этническая идентичность может выступать фактором формирования общероссийской гражданской идентичности (Бетильмерзаева, 2022) и может выступать базовым маркером исторического и культурного компонента российской идентичности, поскольку обеспечивает связь с прошлым, с культурными ценностями (Дробужева, 2017; Тишков, 2019; Холодковский, 2017, стр. 157–162; и др.). По мнению Л.М. Дробужева этническая и государственно-гражданская идентичности россиян не противоречат друг другу. Оба вида идентичности совмещаются у людей различных национальностей (Дробужева, 2013). Этническая идентичность для большинства россиян является основой российской государственно-гражданской идентичности (Рыжова, 2020).

В науке предпринимались попытки выявить связь между двумя видами идентичности. Учеными из Алтайского государственного университета было проведено исследование, направленное на выявление взаимосвязи гражданских и этнических компонентов в структуре национальной идентичности представителей приграничных регионов России (Омельченко, 2016). Исследование было реализовано в Забайкальском и Алтайском краях, Республике Алтай, Оренбургской, Омской и Кемеровской областях в 2015–2016 гг. Было опрошено 2400 респондентов в возрасте от 15 до 75 лет. Установлено, что 96% опрошенных ассоциировали себя с общностью граждан России, что свидетельствует о том, что гражданская идентичность занимает главное место. Также более 95% россиян отмечали ощущение близости с жителями своего села, города и края. Другими словами, региональная и локальная идентичность также развиты достаточно сильно. В дополнении к этому, этническая идентичность не менее значима для опрошенных россиян. Для русских наиболее важную роль играют язык, нормы и ценности, территория проживания.

Социокультурные факторы формирования идентичности

Исследователями предпринимались попытки описать факторы, влияющие на формирование идентичности. Например, были выделены исторические, политические, социальные, ситуативные и культурные. К историческим факторам относят исторические события, влияющие на отношения между определенными народами или выступающие символами в условиях межэтнических отношений. Политические факторы отражают угрозу потери территориальной целостности, политические кризисы и кризисы власти. Политический фактор связан с ощущением того, что государство является институтом, который может предоставить социальную защищенность своим гражданам. К социальным факторам относятся этнический статус, межэтнические контакты, этническая однородность и др. Ситуативные влияют на становление идентичности и отражают события, которые могут способствовать ее осознанию и проявлению. Культурные факторы связаны с утратой или восстановлением этнической культуры, трансформацией этнической идентичности (Гаглоева, 2020).

Джон Берри с коллегами, изучая представителей 26 групп мигрантов 13 стран выявили профили взаимосвязи гражданской и этнической идентичности (Berry et al., 2006). Формирование двух видов идентичности проис-

¹ 1 Гришина Е.А. Гражданская идентичность российской молодежи: опыт мониторинговых исследований 90-х гг.: Автореф. дисс. ... д-р социол. наук. – М., 2000. – 48 с.

ходит в процессе социализации под влиянием различных факторов социокультурного контекста – культурного, исторического, политического и экономического. При этом вопрос критериев и содержательного наполнения данных факторов остаётся открытым и представляет собой обширное поле для исследования.

Итак, *фактор культуры* является комплексным и самым сложным для описания. Культура – это, прежде всего, ценности (Hofstede, 1980). Следовательно, культура реализуется через ценности, которые в свою очередь являются основой любой культуры. Ценности определяют отношения личности с обществом, природой, окружением. Роль ценностей в формировании этнической и гражданской идентичности россиян выступила предметом исследования в ряде научных работ. Например, учеными из Астрахани была изучена ценностная составляющая в процессе формирования гражданской идентичности россиян на примере жителей Астраханской области. Проведенный анализ продемонстрировал, что представителям поколения X более близки демократические и либеральные ценности. 76,1% Астраханцев поколения X считают себя патриотами, гордятся своим Отечеством и своим народом, уважительно относятся к культуре страны и ее историческому прошлому (Дьякова, 2016).

Л.Г. Почебут, Г. Хофстед, Э. Берджесс, А. Фэрнхем и другие ученые считают, что при анализе процесса становления этнической идентичности следует уделять внимание культурным измерениям, а именно – социальной и культурной дистанции. Данные показатели отражают осознание различия культур этнических общностей (Почебут, Шмелева, 2005).

Учеными из ДНР было реализовано исследование, в рамках которого пытались определить уровень этнической и гражданской идентичности студентов ДНР и взаимосвязь между двумя видами идентичности со смысловыми ориентациями. В ходе реализации исследования было выявлено, что на формирование позитивной гражданской идентичности оказывают влияние наличие целей в жизни, осмысленность жизни, готовность принимать ответственность за свои действия. Смысловые ориентации влияют на формирование позитивной гражданской идентичности, однако, не оказывают влияние на становление позитивной этнической идентичности. В свою очередь наличие целей и осмысленность жизни связаны с выраженностью этнической идентичности студентов ДНР (Трофимова, 2017).

Целью исследования ученых из Ярославского государственного педагогического университета было проведение политологического анализа социокультурных факторов формирования гражданской идентичности представителей молодого поколения россиян. Авторы отмечают, что предикторами становления гражданской идентичности выступают образование, семья, общественные институты, молодежная политика, которые направлены на сохранение культуры, традиций и исторической памяти (Бугайчук, 2022).

В.Н. Галяпиной было реализовано исследование, направленное на изучение взаимосвязи ценностей и идентичностей у представителей постсоветского и советского поколений россиян из Краснодарского края. Результаты продемонстрировали, что этническая идентичность наиболее значима для представителей советского поколения, а гражданская идентичность – для постсоветского поколения. Выявлено, что у представителей постсоветского поколения установка мультикультурной идеологии обусловлена ценностями «Открытости изменениям», «Самопреодоления» и «Сохранения», а у россиян советского поколения данная установка повышается при

значимости ценностей «Самопреодоления» (Галяпина, 2021).

Таким образом, *ценности* могут выступать предиктором становления идентичности личности. Вторым предиктором является *политический фактор*.

По мнению ученых, политические факторы отражают угрозу потери территориальной целостности, политические кризисы и кризисы власти. Данный фактор связан с ощущением того, что государство является институтом, который может предоставить социальную защищенность своим гражданам (Гаглоева, 2020). Такие факторы, как роль государства в определении направления развития общества, наличие традиций и доверия между социальными группами, участие граждан в политической активности, механизмы разрешения различных социальных конфликтов оказывают влияние на процесс формирования гражданской идентичности (Шакурова, 2014). В одной из работ отмечено, что этничность, маркируя общественное пространство, является одним из индикаторов политических изменений (Рыжова, 2020).

Влияние политических событий и политических установок на становление идентичности было рассмотрено в ряде научных работ. Например, И.Н. Ефремкиной было проведено исследование взаимосвязи политических событий и изменений в структуре гражданской и этнической идентичности (Ефремкина, 2015). Перед ученой стояла цель выявить изменения в структуре этнической и гражданской идентичности в связи с присоединением Крыма к России и санкциями США и Европы. Исследование было реализовано в два этапа: в октябре 2013 г. и в мае 2014 г. При проведении повторной диагностики возросла доля опрошенных с преобладанием этнофанатизма, который выражается в готовности идти на любые действия во имя тех или иных этнических интересов. Также возросло число тех, кто ощущает себя россиянином и количество тех, кто испытывает позитивные чувства от ощущения принадлежности к своему народу и своему государству. Большинство опрошенных воспринимают присоединение Крыма к России и вводимые санкции как свидетельство того, что Россия «поднимается с колен». Взрослые респонденты отмечали, что достаточно долго ждали этого (Ефремкина, 2015).

Целью иного исследования было выявление связи этнической идентичности, политического поведения и политического доверия у представителей молодого поколения россиян. В ходе научного исследования установлено, что россияне в возрасте от 18 до 35 лет испытывают наибольшее доверие к судебной системе, а к правительству и президенту – наименьшее. У 64% респондентов отмечена слабовыраженная этническая самоидентификация. При этом, этническая самоидентификация больше выражена у жителей сельской местности, чем у городского населения. Обнаружено, что этническая идентичность оказывает влияние на общий уровень доверия к власти, но не влияет на политическую активность (Федотова, 2022).

В одном из зарубежных исследований было установлено, что доверие к власти (губернатору и правительству) не связаны с этнической принадлежностью личности. Однако доверие к президенту и национальному собранию частично детерминировано этнической идентичностью (Brigevich & Oritsejafor, 2022).

Далее будут рассмотрены предпосылки изучения *исторического и экономического факторов* формирования идентичности.

Исторический фактор представляет собой отражение истории взаимодействия групп в конкретном сооб-

ществе. В истории России, к примеру, были периоды, когда возвышались одни этносы и подавлялись другие (Соблирова, 2009). Как отмечают ученые, в настоящее время показателем или критерием такого отношения можно обозначить воспринимаемую дискриминацию. Это чувство личность может испытывать из-за событий прошлого, однако, важно то, что переживание существует и в настоящем времени. Другие же научные деятели отмечают, что к историческим факторам следует относить исторические события, влияющие на отношения между определенными народами или выступающие символами в условиях межэтнических отношений, а также специфика развития народа с точки зрения политики и общества (Гаглоева, 2020).

В одном из исследований было установлено, что воспринимаемая гражданская дискриминация как элемент исторического фактора, усиливает взаимосвязь между этнической и гражданской идентичностью (Дробовцева, Котова, 2016).

Зарубежными учеными отмечено, что этническая дискриминация может способствовать росту этнической идентичности (Branscombe et al., 1999), а также выступать мотивирующим фактором для социальных изменений (Wright & Tropp, 2002). Кроме этого этническая дискриминация может влиять на сплоченность представителей этнической общности и влиять на их стремление искать поддержки друг у друга (Arat & Bilgili, 2021).

Относительно роли *экономического фактора* в становлении идентичности стоит отметить, что научных работ по проблеме связи экономического фактора с идентичностью достаточно мало, что создает большой потенциал для дальнейшего исследования.

В имеющихся научных работах ученые сходятся во мнении, что под данным фактором можно понимать совершенно различные процессы в современном обществе, однако, в рамках социально-психологического исследования, в первую очередь, следует рассматривать субъективно-экономического благополучие (Хашченко, 2011; Дробовцева, Котова, 2016). Отмечено, что экономическое благополучие личности положительно воздействует на межгрупповые отношения и межгрупповые контакты (Segrin, 2005; Peiró, 2006).

В ходе одного российского исследования было установлено, что такой компонент экономического фактора, как «экономический оптимизм» является модератором взаимосвязи гражданской и этнической идентичности. Авторы пришли к выводу, что данная переменная является отражением чувства защищенности и надежности, что приводит к усилению взаимосвязи между двумя видами идентичности (Дробовцева, Котова, 2016).

Таким образом, культурный, исторический, политический и экономический факторы являются предикторами формирования этнической и гражданской идентичности россиян. При этом ценности могут выступать критерием культурного фактора, воспринимаемая дискриминация – исторического фактора, политические установки – показателем политического фактора, а экономическое благополучие – экономического фактора.

Заключение

Отношение к своей этнической и гражданской принадлежности выступает важным компонентом сознания личности, от которого в значительной степени зависит деятельность, общение, поведение и взаимодействие как конкретных людей, так и социальных общностей. Отличия гражданской и этнической идентичности касаются субъективного восприятия личностью этих видов идентичности. Этническая идентичность рассматривается как данная

с рождения, изменить которую крайне сложно, в то время, как страну пребывания легче сменить.

В представленной работе были рассмотрены теоретические предпосылки изучения проблемы взаимосвязи двух видов идентичности, а также факторов, оказывающих влияние на их формирование. Ценности, политическая активность, отношение к власти, воспринимаемая этническая и гражданская дискриминация, субъективно-экономическое благополучие являются предикторами формирования этнической и гражданской идентичности россиян.

Литература

1. Рыжова С.В. Этническая идентичность в общественном измерении // Социологическая наука и социальная практика. 2020. Т. 8. № 3. С. 165–181.
2. Моторина П.А., Джембек Ю.И., Ефремова А.В., Басалаева Н.В. Факторы и механизмы формирования этнической идентичности // Перспективы науки. 2022. № 10(157). С. 273–275.
3. Смолина Т.А. К вопросу о формировании этнической идентичности // Психология образования в поликультурном пространстве. 2022. № 4(60). С. 40–48.
4. Дьякова В.В. Гражданская идентичность современного российского поколения X (на примере Астраханской области) // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2016. Т. 37. № 3. С. 28–31.
5. Асмолов А.Г. Стратегия социокультурной модернизации образования: на пути к преодолению кризиса идентичности и построению гражданского общества // Вопросы образования. 2008. № 1. С. 65–85.
6. Кожанов И.В. Гражданская и этническая идентичности личности: проблема взаимосвязи и взаимовлияния // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 3. С. 193.
7. Smith A.D. The ethnic origins of nations. – Oxford: V. Blackwell., 1986.
8. Бетильмерзаева М.М. Этническая идентичность как фактор формирования гражданской идентичности // Общество: философия, история, культура. 2022. № 8(100). С. 193–197.
9. Дробижева Л.М. Общероссийская идентичность и уровень межнационального согласия как отражение вектора консолидационных процессов // Социологические исследования. 2017. № 1. С. 25–36.
10. Тишков В.А. Российская идентичность: внутренние и внешние вызовы // Вестник Российской академии наук. 2019. № 4. С. 408–412.
11. Холодковский К.Г. Российская идентичность: исторический путь // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / отв. Ред. И.С. Семененко / ИМЭМО РАН. – М.: Издательство «Весь Мир», 2017.
12. Дробижева Л.М. Исчезает ли этничность в городской среде? Некоторые ответы на загадки большого города // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2013. Т. 27. № 3. С. 73–83.
13. Омельченко Д.А. Взаимосвязь и взаимовлияние гражданских и этнических компонентов в структуре национальной идентичности жителей приграничных регионов России // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. 2016. № 4–1. С. 86–94.
14. Гаглоева А.Б. Факторы формирования гражданской и этнической идентичностей // Проблемы совре-

менного педагогического образования. 2020. № 66. С. 348–351.

15. Berry J.W., Phinney J.S., Sam D.L., Vedder P. Immigrant youth: Acculturation, identity, and adaptation // *Applied Psychology: An International Review*. 2006. Vol. 3. № 55. P. 303–332.
16. Hofstede G. *Culture's consequences: International differences in work related values*. Beverly Hills, 1980.
17. Почебут Л.Г., Шмелева И.А. Кросс-культурная психология: актуальные проблемы. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та., 2005.
18. Трофимова В.С. Исследование взаимосвязи развития позитивной этнической и гражданской идентичности и системы смысло-жизненных ориентаций студентов ДНР // *Гуманитарный вестник (Горловка)*. 2017. № 5. С. 167–171.
19. Бугайчук Т.В. Политологический аспект становления гражданской идентичности и особенности социокультурной трансформации в современной России // *Мир русскоговорящих стран*. 2022. Т. 11. № 1. С. 5–22.
20. Галяпина В.Н. Взаимосвязь ценностей, идентичности и установки на поддержание мультикультурной идеологии у русских в Краснодарском крае: межпоколенный анализ // *Психологические исследования*. 2021. Т. 14. № 78. С. 1–21.
21. Шакурова М.В. Формирование российской гражданской идентичности личности: проблема педагога // *Педагогика*. 2014. № 3. С. 83–91.
22. Ефремкина И.Н. Исследование взаимосвязи политических событий и изменений в структуре гражданской и этнической идентичности // *XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс*. 2015. Т. 1. № 23. С. 54–58.
23. Федотова В.А. Доверие к власти и политическая активность российской молодежи: роль этнической самоидентификации // *Общественные науки и современность*. 2022. № 2. С. 126–136.
24. Brigevech A., Oritsejafor E. Ethnic versus national identity and satisfaction with democracy: The decline of the ethnic cleavage in Nigeria // *Regional and Federal Studies*. 2022. P. 1–31.
25. Соблиров Х.Х. Исторический дискурс о России: «Многонациональная империя» или национальное государство // *Научные проблемы гуманитарных исследований*. 2009. № 10. С. 100–104.
26. Дробовцева М.В., Котова М.В. Взаимосвязь гражданской и этнической идентичности россиян: факторы социокультурного контекста // *Психологические исследования*. 2016. Т. 9. № 47. С. 1–27.
27. Branscombe N.R., Schmitt M.T., Harvey R.D. Perceiving pervasive discrimination among African Americans: Implications for group identification and well-being // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1999. Vol. 1. № 77. P. 135–149.
28. Wright S.C., Tropp L.R. Collective action in response to disadvantage: Intergroup perceptions, social identification, and social change. In I. Walker & H. Smith (Eds.), *Relative deprivation: Specification, development, and integration* (pp. 200–236). Cambridge University Press., 2022.
29. Arat E., Bilgili O. Transnational and local co-ethnic social ties as coping mechanisms against perceived discrimination – A study on the life satisfaction of Turkish and Moroccan minorities in the Netherlands // *Frontiers in Sociology*. 2021. № 6.
30. Хащенко В.А. Субъективное экономическое благополучие и его измерение: построение опросника

и его валидизация // *Экспериментальная психология*. 2011. № 4. С. 106–127.

31. Peiró A. Happiness, satisfaction and socio-economic conditions: Some international evidence // *Journal of Socio-Economics*. 2006. Vol. 35(2). P. 348–365.
32. Segrin E. Communication and the study of personal well-being // *Gazette: the International Journal for Communication Studies*. 2005. Vol. 6. № 67. P. 547–549.

SOCIO-CULTURAL FACTORS FORMING CIVIL AND ETHNIC IDENTITY OF RUSSIANS: THEORETICAL PREREQUISITES1

Fedotova V.A., Cherkasova E.A.

High School of Economics, Perm State Medical University named after Academician E.A. Wagner

In the current trend towards the formation of Russian state-civil unity, ethnic and civil identity are the most important indicators of political, social and cultural changes. At the moment, scientists are actively paying attention to the study of the connection between two types of identity, as well as to the factors influencing their formation. Groups of factors influencing the process of civil and ethnic self-identification vary from cultural to historical and from social to political, and in some scientific works they are also situational. At the moment, one of the most promising approaches is the proposal of the scientist J. Berry to highlight cultural, economic, political and historical factors. At the same time, the question of criteria and content of these indicators remains open and represents an extensive field for research. The article presents the result of a theoretical review of the phenomena of civil and ethnic types of identity, their relationship, and presents a new look at the problem of sociocultural factors influencing their formation. Historical factors include historical events that influence relations between certain peoples, as well as the specifics of the development of a people from the point of view of society. Political factors reflect attitudes toward government and political activity. Cultural factors are associated with the transformation of value orientations. The economic factor is associated with the subjective economic well-being of an individual. As a result of theoretical analysis, it has been proven that perceived discrimination (historical factor), attitude towards power and political activity (political factor), values (cultural factor), economic well-being (economic factor) can be predictors of the formation of ethnic and civic identity, and also act as a moderator the relationship between the two types of identity. The analysis of the problem of the connection between civil and ethnic identity, as well as the factors influencing their relationship, creates great potential for further empirical research.

Keywords: ethnic identity, civic identity, sociocultural factors, perceived discrimination, attitude towards authorities, political activity, values, subjective economic well-being.

References

1. Ryzhova S.V. Ethnic identity in the social dimension // *Sociological science and social practice*. 2020. Vol. 8. No. 3. pp. 165–181.
2. Motorina P.A., Dzhebek Yu.I., Efremova A.V., Basalava N.V. Factors and mechanisms of ethnic identity formation // *Science Perspectives*. 2022. No. 10(157). pp. 273–275.
3. Smolina T.A. On the issue of the formation of ethnic identity // *Psychology of education in a multicultural space*. 2022. No. 4(60). pp. 40–48.
4. Dyakova V.V. Civil identity of modern Russian generation X (on the example of the Astrakhan region) // *Vector of science of Tolyatti State University*. 2016. T. 37. No. 3. pp. 28–31.
5. Asmolov A.G. Strategy for sociocultural modernization of education: on the way to overcoming the identity crisis and building a civil society // *Issues of Education*. 2008. No. 1. P. 65–85.
6. Kozhanov I.V. Civil and ethnic identity of a person: the problem of interrelation and mutual influence // *Modern problems of science and education*. 2013. No. 3. P. 193.
7. Smith A.D. *The ethnic origins of nations*. – Oxford: B. Blackwell., 1986.
8. Betilmerzaeva M.M. Ethnic identity as a factor in the formation of civil identity // *Society: philosophy, history, culture*. 2022. No. 8(100). pp. 193–197.

9. Drobizheva L.M. All-Russian identity and the level of interethnic harmony as a reflection of the vector of consolidation processes // *Sociological Research*. 2017. No. 1. pp. 25–36.
10. Tishkov V.A. Russian identity: internal and external challenges // *Bulletin of the Russian Academy of Sciences*. 2019. No. 4. pp. 408–412.
11. Kholodkovsky K.G. Russian identity: historical path // *Identity: Personality, society, politics*. Encyclopedic edition / resp. Ed. I.S. Semenenko / IMEMO RAS. – M.: Publishing house “Ves Mir”, 2017.
12. Drobizheva L.M. Is ethnicity disappearing in the urban environment? Some answers to the mysteries of the big city // *News of higher educational institutions. Volga region. Social Sciences*. 2013. T. 27. No. 3. P. 73–83.
13. Omelchenko D.A. Interrelation and mutual influence of civil and ethnic components in the structure of national identity of residents of border regions of Russia // *Social integration and development of ethnic cultures in the Eurasian space*. 2016. No. 4–1. pp. 86–94.
14. Gagloeva A.B. Factors in the formation of civil and ethnic identities // *Problems of modern pedagogical education*. 2020. No. 66. pp. 348–351.
15. Berry J.W., Phinney J.S., Sam D.L., Vedder P. Immigrant youth: Acculturation, identity, and adaptation // *Applied Psychology: An International Review*. 2006. Vol. 3. No. 55. P. 303–332.
16. Hofstede G. *Culture's consequences: International differences in work related values*. Beverly Hills, 1980.
17. Pochebut L.G., Shmeleva I.A. *Cross-cultural psychology: current issues*. – St. Petersburg: St. Petersburg Publishing House. Univ., 2005.
18. Trofimova V.S. Study of the relationship between the development of positive ethnic and civic identity and the system of life-meaning orientations of DPR students // *Humanitarian Bulletin (Gorlovka)*. 2017. No. 5. pp. 167–171.
19. Bugaychuk T.V. Political science aspect of the formation of civil identity and features of sociocultural transformation in modern Russia // *World of Russian-speaking countries*. 2022. T. 11. No. 1. P. 5–22.
20. Galyapina V.N. The relationship between values, identity and attitudes toward maintaining a multicultural ideology among Russians in the Krasnodar region: intergenerational analysis // *Psychological Research*. 2021. Vol. 14. No. 78. pp. 1–21.
21. Shakurova M.V. Formation of Russian civil identity: the problem of a teacher // *Pedagogy*. 2014. No. 3. pp. 83–91.
22. Efremkina I.N. Study of the relationship between political events and changes in the structure of civil and ethnic identity // *XXI century: results of the past and problems of the present plus*. 2015. T. 1. No. 23. P. 54–58.
23. Fedotova V.A. Trust in power and political activity of Russian youth: the role of ethnic self-identification // *Social sciences and modernity*. 2022. No. 2. pp. 126–136.
24. Brigevich A., Oritsejafor E. Ethnic versus national identity and satisfaction with democracy: The decline of the ethnic cleavage in Nigeria // *Regional and Federal Studies*. 2022. P. 1–31.
25. Soblirov Kh. Kh. Historical discourse about Russia: “Multinational empire” or national state // *Scientific problems of humanitarian research*. 2009. No. 10. P. 100–104.
26. Drobvtseva M.V., Kotova M.V. The relationship between the civil and ethnic identity of Russians: factors of the sociocultural context // *Psychological Research*. 2016. Vol. 9. No. 47. pp. 1–27.
27. Branscombe N.R., Schmitt M.T., Harvey R.D. Perceiving pervasive discrimination among African Americans: Implications for group identification and well-being // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1999. Vol. 1. No. 77. P. 135–149.
28. Wright S.C., Tropp L.R. Collective action in response to disadvantage: Intergroup perceptions, social identification, and social change. In I. Walker & H. Smith (Eds.), *Relative deprivation: Specification, development, and integration* (pp. 200–236). Cambridge University Press., 2022.
29. Arat E., Bilgili O. Transnational and local co-ethnic social ties as coping mechanisms against perceived discrimination – A study on the life satisfaction of Turkish and Moroccan minorities in the Netherlands // *Frontiers in Sociology*. 2021. No. 6.
30. Khashchenko V.A. Subjective economic well-being and its measurement: construction of a questionnaire and its validation // *Experimental psychology*. 2011. No. 4. pp. 106–127.
31. Peiró A. Happiness, satisfaction and socio-economic conditions: Some international evidence // *Journal of Socio-Economics*. 2006. Vol. 35(2). P. 348–365.
32. Segrin E. Communication and the study of personal well-being // *Gazette: the International Journal for Communication Studies*. 2005. Vol. 6. No. 67. P. 547–549.

Хачатрян Агаси Аванесович,

доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и истории, Казанская государственная академия ветеринарной медицины им. Н.Э. Баумана

Шафигуллин Василий Абдуллович,

кандидат философских наук, доцент, кафедра философии и истории, Казанская государственная академия ветеринарной медицины им. Н.Э. Баумана
E-mail: shafigullin@inbox.ru

В статье рассмотрена проблема отсутствия четкого понимания роли и положения социальной философии как отдельной отрасли научного знания. Сделан вывод о необходимости развития терминологического и методологического аппарата социальной философии. Подчеркивается пересечение социальной философии с предметными областями других наук – философией, культурологией, религиоведением, социологией, психологией и проч., что, впрочем, не лишает социальную философию статуса самостоятельной дисциплины. Авторы приходят к выводу о перспективности исследований соотношения природного фактора и социального бытия человека, а также социально-философской подоплеку экологической проблематики. В современной социальной философии наблюдается недостаток исследований, посвященных глобализационной динамике современной цивилизации. Сделан вывод об изучении повседневной реальности в социально-философском контексте. Обыденный уровень функционирования общества позволяет ответить на фундаментальные вопросы социального бытия.

Ключевые слова: социальная философия, глобализация, экология, методология, философия, социология.

Многие проблемы, связанные с предметной областью, методологией, ролью и функциями социальной философии, остаются нерешенными. В рамках данной статьи мы предпримем попытку очертить основные проблемные области социальной философии и, по возможности, пути их разрешения.

Особенно актуально изучать проблемы социальной философии в нашей стране, где долгое время доминировала коммунистическая идеология, запрещавшая «девиантные» формы социальных наук и философии [4, с. 36]. На протяжении многих десятилетий политические, социальные, философские, идеологические параметры советского общества выстраивались исключительно в контексте идей марксистско-ленинской социальной философии, и при деструкции советской системы социальную философию пришлось восстанавливать практически с нуля.

Проблема 1. Место, роль, функции и предмет социальной философии

Ключевой проблемой современной социальной философии выступает отсутствие четкого понимания роли и положения социальной философии как отдельной отрасли научного знания и академической дисциплины. Неопределенность положения и места социальной философии, указывает Т.Х. Узденов, обусловлено рядом причин: недостаточный теоретико-методологический базис данной науки, непроработанность основных постулатов и теорий, высокая доля междисциплинарных исследований и малая часть исследований, выполненных непосредственно в русле социальной философии, а также «нежелание нахождения связи философии с другими научными предметами» [8, с. 36].

Если обобщить существующие точки зрения на место социальной философии среди других наук гуманитарного цикла, можно выделить два основных подхода. В рамках первого из них предполагается, что социальная философия есть не что иное, как дополнение к «основным» социально-гуманитарным дисциплинам. В этом случае возводить социальную философию в разряд «полноценных» научных отраслей едва ли целесообразно: «другие науки смогут обойтись без социальной философии, они найдут дополнения в других, более крупных дисциплинах» [8, с. 37].

Приверженцы второго подхода постулируют, что социальная философия представляет собой отдельный вектор научных изысканий, которому, тем не менее, еще предстоит выработать и развить собственный терминологический и методологический аппарат. Основанием для выделения социальной философии в отдельную науку является специфический, присущий только ей предмет исследования – онтология общества. Только в рамках социальной философии возможно переосмыслить концепции социальности и историчности, процессуальности и корпоративности, обозначить сущность многих социальных и гуманитарных проблем и тенденций, рассмотреть взаимозависимость между социальным и индивидуальным.

Т.Х. Узденов говорит о том, что социальная философия, направленная на рассмотрение социальной, этнической, цивилизационной динамики зачастую нужда-

ется в истории, но, при этом, отождествлять ее с исторической наукой нельзя, ведь социальная философия рассматривает особенности общественной формы существования государств, цивилизаций, народов и социальных групп в наиболее общих, предельных понятиях [8, с. 38].

Множество противоречий вызывает вопрос о соотношении социологии, социальной философии и философии. Сама по себе терминологическая категория «социальная философия» указывает на то, что эта наука является формацией, производной от социологии и философии. При этом рассматривать ее как сумму методологий и знаний, накопленных в двух отраслях, нельзя, как и нельзя относиться к социальной философии как усредненной, промежуточной версии социальной науки и философии.

Как мы отметили выше, социальная философия рассматривает социум и происходящие в нем процессы, но, в отличие от социологии, она рассматривает общество «как бы сверху, с позиции более высоких уровней иерархически устроенной действительности» [10, с. 851]. Кроме того, социальная философия, в отличие от социологии, рассматривает не только общество как нечто целое, но и как совокупность индивидуальностей, а также вопросы двойственной природы личности. Речь идет о наличии двух форм бытия человека – внутреннее («человек для себя») и внешнее («человек для человека»). Система «человек», как отмечает В.Г. Шолохов, включает в себя несколько уровней иерархии, и каждый из этих уровней обладает своим назначением и механизмом реализации, а в совокупности «все эти уровни служат для обеспечения надежности существования и продолжения рода человеческого» [10, с. 851].

В.Г. Федотова отмечает наличие «некоторой растерянности в понимании социальной философии», но, тем не менее, в большинстве случаев она все же трактуется в качестве дисциплинарно самостоятельной области научного знания [9, с. 23].

Необходимость закрепления за социальной философией статуса полноправной науки обусловлена радикальными социальными трансформациями и сменой парадигм социального бытия, изучить которые лишь посредством инструментария социологии не представляется возможным. Если проводить исследования общецивилизационной динамики, изменчивости систем ценностей, глобализации, цифровизации и иных глобальных феноменов современной эпохи только в контексте социологии, культурологии, истории, то результаты подобных исследований окажутся фрагментарными и не смогут дать целостное представление о сути происходящего. Этим, собственно и занимается, на наш взгляд, социальная философия. Методология социальной философии устроена не так, как у экономики, социологии, психологии или культурологии, а ее предмет «не выкраивается и не выделяется из какого-то общего объектного поля» [3, с. 28]. По мнению В.Н. Шевченко, социально-философское знание об обществе имеет другую модальность, отличающуюся от других социальных наук. Социальная философия, по мнению автора, сфокусирована на поиске и обосновании «должного общественного устройства», на стремлении идентифицировать и обосновать высшие ценности, идеалы и цели, которые могли бы стать базисом для построения совершенного общества [11, с. 63].

Тем не менее, искусственно отделять или дистанцировать социальную философию от других наук также не представляется рациональным. Социальная философия может и должна вступать во взаимодействие с другими науками. Социальная философия может дать

другим областям обобщенный взгляд на определенные частные проблемы, соединить разрозненные, фрагментарные сведения в целостную мировоззренческую формуацию.

Проблема 2. Природа и социальное бытие человека

Интерес представляют попытки современных исследователей найти межпредметные связи между социальной философией и естественно-научными дисциплинами. Первые попытки связать философскую сущность общественного бытия и естественную среду обитания человека были предприняты еще в рамках русского космизма, а также в работах Н. Федорова («Философия общего дела»), К.Э. Циолковского, А.Л. Чижевского («Земное эхо солнечных бурь»), В.И. Вернадского (учения о биосфере и ноосфере), В.В. Докучаева (учение о почве) и др.

Соединение философии, социологии, экономики и географии наблюдается в работах Н. Баранского (основоположник советской экономической географии) и М. Гросвальда. Н. Баранский, в частности, неоднократно поднимал вопрос о роли географической среды в истории цивилизаций. По мнению Н. Баранского, человечество априори не способно избавиться от влияния географической среды. Несмотря на иллюзорную тенденцию снижения роли природных стихий в функционировании общества, фактически географическая среда продолжает оказывать непосредственное влияние на человека и общество. Многие из умозаключений Н. Баранского стали применяться в исследованиях по социальной философии, а также в ряде частных прикладных дисциплин. Исследователи-урбанисты, как отмечает Н.А. Бенедиктов, подвергают географической экспертизе «всякий серьезный социальный проект», ведь только в рамках комплексного подхода, учитывая физические, экономические, политические и социальные факторы, можно оценить реальные последствия реализации крупной и социальной значимой инициативы [2, с. 105].

На современном этапе социальная философия все чаще обращается к постулату о непосредственном влиянии географического фактора на социальное бытие. В большинстве случаев размышления о корреляции этих двух факторов приводят к изучению социально-философской подоплеку экологической проблематики. Уже во второй половине XX в. угроза глобального экологического кризиса заставила многих исследователей в области социальной философии и смежных областей обратить внимание на конфликт между обществом и природной средой. Начали формироваться т.н. натуралистические доктрины, в рамках которых постулировалась необходимость немедленной реакции на обострение экологической ситуации и резкое ограничение преобразовательной активности человека и, что самое важное, изменение мировоззренческих установок общест-венности.

Исследователи, прибегшие к методологии социальной философии, стали говорить о противоречии: с одной стороны, человеку свойственно преобразовывать мир – именно это свойство и потребность отличает его от других существ; с другой стороны, едва ли человек имеет право преобразовывать мир таким образом, что преобразованная им среда не будет способна к восстановлению для следующих поколений. Трансформация биосферы в ноосферу – сферу господства разума – стала, скорее, не прорывом, а глобальным фиаско для всего человечества. Причиной этого стал некорректный «деформационный» подход к преобразованию. Как отмечает В.Н. Самченко, социум берет «вещество природы как

сырье, относительно малую часть его перерабатывает в полезный продукт, а большую часть возвращает в природу в неприемлемом для нее виде» [6, с. 287].

Изначально в решении экологической проблемы стали применяться консервативные способы: точечное внедрение безотходных технологий, рационализация потребления ресурсов, утилизация отходов, рекультивация почв и проч. Все это, как можно убедиться на примере последней статистики экологических ведомств, не имеет существенной результативности. Имеет смысл, пожалуй, лишь изменение способа мышления, воспитание «экологического человека» и «экологического общества». Путь решения данной проблемы лежит, таким образом не через биохимические и инженерные инновации, а через социально-философское переосмысление целей производства и потребления. Техническая экология, справедливо отмечает В.Н. Самченко, представляет собой лишь «паллиативное лечение» [6, с. 287]. Можно ли предположить, что социальная философия представит миру действенное лекарство?

Проблема 3. Глобализационная динамика в развитии общества

Одной из проблем, наблюдаемых в современной социальной философии, является недостаток исследований, посвященных глобализационной динамике современной цивилизации и формированию, в т.ч. в виртуальном пространстве, единой «макроцивилизации». Тенденция возрастания плотности контактов и конфликтов в современном мире стала наблюдаться уже в середине XX в., но к сегодняшнему дню глобализация становится не одной из текущих социальных тенденций, а, пожалуй, доминирующим процессом, определяющим ход дальнейшего развития любого общества.

В.Е. Кемеров отмечает, что изучать социальные процессы нужно исключительно при учете динамики «сдавливания», пересечения территорий и стран. Государства, народы и социальные группы живут «в тени Больших структур и Больших теорий»; формальные государственные границы перестают выполнять свои функции [3, с. 33].

Глобализация, пишет П.А. Петров, становится «общим фоном и общим контекстом» любых общественных процессов, но, при этом, целостного представления о сущности и последствия глобализации пока не выработано [5, с. 81]. В рамках различных исследовательских парадигм термин «глобализация» наполняется разными смыслами, по-разному трактуются ее механизмы и предпосылки; существуют как оптимистические, так и скептические точки зрения на глобализационную динамику. Существует, помимо прочего, точка зрения, согласно которой роль глобализации в современном мире существенно преуменьшается. По мнению многих ученых, глобализация представляет собой «идеологический миф», введенный в медийный дискурс с целью осуществления политических и экономических манипуляций, либо «ловушкой для ума» – концепцией, изобретенной учеными и не имеющей прикладного значения.

Чаще всего в смысловый спектр категории «глобализация» включаются такие понятия, как интернационализация, вестернизация, унификация. Ассоциативно глобализация связана с противостоянием миров Запада и Востока, где Запад необоснованно позиционирует себя как доминирующую силу. Все подобные исследования проводятся в рамках политологии и призваны, скорее, обосновывать идеологию конкретных стран и правительств. Общего, универсального понимания глобализации пока не выработано и представить его будет

целесообразным именно в рамках социальной философии.

Предпринимаются попытки предложить альтернативные модели мироустройства – вместо двухполярного мира глобальное сообщество представляется, к примеру, в виде гексагональной структуры (полюсы – Североатлантический, Тихоокеанский, Евразийский и Южный регионы, а также территории Нового Севера и Глубокого Юга). Некоторые исследователи отмечают, что понимание мира как совокупности множества центров силы позволит предотвратить гомогенизацию человеческой цивилизации и формирование единого экономического, политического и культурного пространства. С другой стороны, ряд исследователей называют такие концепции утопическими, а тенденцию к глобализации в рамках биполярной модели – необратимой. В любом случае, как указывает С.М. Адыгезалова, человечество рано или поздно начнет прислушиваться к «голосу антиглобалистов» [1, с. 48].

Безусловно, в современных условиях требуется разработка новых областей социальной философии, способных объяснить происходящие изменения в жизни общества, обусловленные глобализацией, «глокализацией» и сопутствующими процессами.

Проблема 4. Социальная философия повседневности

Несмотря на то, что социальная философия обращается к высшим уровням мироустройства и мировосприятия, крайне важно рассматривать социально-философские аспекты повседневной реальности. Социально-философская наука не должна быть обращена исключительно к устоявшимся, глубинным, абстрактным установкам, ценностям и процессам – напротив, чтобы понять сущность социогенеза на его современном этапе, требуется обращаться к фактам, событиям и по крупицам «расколдовывать повседневность» [3, с. 33]. Именно обыденный уровень позволяет ответить на фундаментальные вопросы социального бытия, духовности, религиозных воззрений. Следует согласиться с А.А. Стерховым и Е.В. Гузиной в том, что «содержание мира обыденности, обустройство своей повседневности, дома, семьи – являются сложнейшей философской проблемой, как и пути и способы коммуникации» [7, с. 26]. Именно повседневность, обыденное состояние личности, «перманентная погруженность сознания в мир обыденности» [7, с. 26] формирует важнейшие мировоззренческие проблемы, миропонимание и самоосознание личности, группы и нации.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

- 1) Основной проблемой современной социальной философии выступает отсутствие понимания роли и положения социальной философии как отдельной отрасли научного знания. Безусловно, социальная философия представляет собой самостоятельный вектор научных изысканий, но, при этом, его терминологический и методологический аппарат еще находится на стадии развития. Существенное пересечение социальной философии с предметными областями других наук – философией, культурологией, религиоведением, социологией, психологией и проч. не лишает социальную философию статуса отдельной дисциплины.
- 2) Интерес представляет соотношение природного фактора и социального бытия человека. Исследователи, находясь на межпредметном «стыке» между социальной философией и естественно-научными

- дисциплинами, предпринимают попытки связать философскую сущность общественного бытия и естественную среду обитания человека. Актуально, помимо прочего, изучение социально-философской подоплеку экологической проблематики.
- 3) Одной из проблем, наблюдаемых в современной социальной философии, является недостаток исследований, посвященных глобализационной динамике современной цивилизации и формированию общепланетарного общества. Предпринимаются попытки предложить на смену двухполярному миру альтернативные модели мироустройства.
 - 4) Крайне важно рассматривать социально-философские аспекты повседневной реальности. Для того, чтобы понять сущность социогенеза на его современном этапе, требуется обращаться к фактам, событиям, наполняющим повседневность. Обыденный уровень функционирования общества позволяет ответить на фундаментальные вопросы социального бытия.

Литература

1. Адыгезалова, С.М. Культура как объект современной социальной философии / С.М. Адыгезалова // *The Scientific Heritage*. – 2022. – № 87–2. – С. 46–48.
2. Бенедиктов, Н.А. Проблемы социальной философии / Н.А. Бенедиктов // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. Серия: Социальные науки. – 2012. – № 1 (25). – С. 104–106.
3. Кемеров, В.Е. Позиции и пути современной социальной философии / В.Е. Кемеров // *Logos et Praxis*. – 2011. – № 2. – С. 28–34.
4. Павлович, А.А. Современность социальной философии / А.А. Павлович // *Технологос*. – 2014. – № 2. – С. 36–46.
5. Петров, П.А. Концепции глобализации в социальной философии / П.А. Петров // *Terra Linguistica*. – 2018. – № 1. – С. 80–89.
6. Самченко, В.Н. Социальная философия и экологическая проблема / В.Н. Самченко // *Вестник КрасГАУ*. – 2012. – № 6. – С. 284–288.
7. Стерхов, А.А. Социальная философия современной молодежи / А.А. Стерхов, Е.В. Гущина // *Философская школа*. – 2020. – № 11. – С. 25–33.
8. Узденов, Т.Х. Современная социальная философия: проблемы, позиции и пути / Т.Х. Узденов // *Педагогика, психология, общество: от теории к практике: Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Чебоксары, 20 сентября 2022 года* / Гл. редактор Ж.В. Мурзина. – Чебоксары: Общество с ограниченной ответственностью «Издательский дом «Среда», 2022. – С. 36–38.
9. Федотова, В.Г. Социальное в социологии и в социальной философии сегодня / В.Г. Федотова // *Знание. Понимание. Умение*. – 2018. – № 3. – С. 22–38.
10. Шолохов, В. Г. К вопросу о социальной философии / В.Г. Шолохов // *Исследовано в России*. – 2003. – № 3. – С. 847–878.
11. Шевченко, В.Н. Цивилизация и общество как категории социальной философии / В.Н. Шевченко // *Проблемы цивилизационного развития*. – 2021. – № 1. – С. 57–80.

KEY ISSUES OF MODERN SOCIAL PHILOSOPHY

Khachatryan A.A., Shafigullin V.A.

Kazan State Academy of Veterinary Medicine named after. N.E. Bauman

The article examines the problem of the lack of a clear understanding of the role and position of social philosophy as a separate branch of scientific knowledge. The conclusion is made about the need to develop the terminological and methodological apparatus of social philosophy. The intersection of social philosophy with the subject areas of other sciences is emphasized – philosophy, cultural studies, religious studies, sociology, psychology, etc., which, however, does not deprive social philosophy of the status of an independent discipline. The authors come to the conclusion that research into the relationship between natural factors and human social existence is promising, as well as the socio-philosophical background of environmental issues. In modern social philosophy there is a lack of research devoted to the globalization dynamics of modern civilization. A conclusion is drawn about the study of everyday reality in a socio-philosophical context. The ordinary level of functioning of society allows us to answer fundamental questions of social existence.

Keywords: social philosophy, globalization, environmental studies, methodology, philosophy, sociology.

References

1. Adygezalova, S.M. Culture as an object of modern social philosophy / S.M. Adygezalova // *The Scientific Heritage*. – 2022. – No. 87–2. – pp. 46–48.
2. Benediktov, N.A. Problems of social philosophy / N.A. Benediktov // *Bulletin of the Nizhny Novgorod University*. N.I. Lobachevsky. Series: Social Sciences. – 2012. – No. 1 (25). – pp. 104–106.
3. Kemerov, V.E. Positions and paths of modern social philosophy / V.E. Keemerov // *Logos et Praxis*. – 2011. – No. 2. – pp. 28–34.
4. Pavlovich, A.A. Modernity of social philosophy / A.A. Pavlovich // *Tekhnologos*. – 2014. – No. 2. – P. 36–46.
5. Petrov, P.A. Concepts of globalization in social philosophy / P.A. Petrov // *Terra Linguistica*. – 2018. – No. 1. – P. 80–89.
6. Samchenko, V.N. Social philosophy and environmental problem / V.N. Samchenko // *Bulletin of KrasGAU*. – 2012. – No. 6. – pp. 284–288.
7. Sterkhov, A.A. Social philosophy of modern youth / A.A. Sterkhov, E.V. Gushchina // *Philosophical school*. – 2020. – No. 11. – P. 25–33.
8. Uzdenov, T. Kh. Modern social philosophy: problems, positions and ways / T. Kh. Uzdenov // *Pedagogy, psychology, society: from theory to practice: Materials of the IV All-Russian scientific and practical conference with international participation, Cheboksary, 20 September 2022* / Ch. editor Zh.V. Murzina. – Cheboksary: Limited Liability Company “Publishing House “Sreda”, 2022. – P. 36–38.
9. Fedotova, V.G. Social in sociology and social philosophy today / V.G. Fedotova // *Knowledge. Understanding. Skill*. – 2018. – No. 3. – P. 22–38.
10. Sholokhov, V.G. On the issue of social philosophy / V.G. Sholokhov // *Researched in Russia*. – 2003. – No. 3. – pp. 847–878.
11. Shevchenko, V.N. Civilization and society as categories of social philosophy / V.N. Shevchenko // *Problems of civilizational development*. – 2021. – No. 1. – P. 57–80.

Постижение России: прорывы и тупики в развитии отечественной гуманитарной мысли (XVIII – начала XXI вв.)

10.34823/SGZ.2023.11.52031

Аванесова Галина Алексеевна,

д.ф.н., профессор
E-mail: gal-09@list.ru

Мионов Анатолий Васильевич,

д.с.н., профессор, заслуженный работник высшей школы,
почетный работник ВПО РФ

Авторы анализируют, как осмыслили некоторые направления отечественной гуманитарной мысли особенности России – ее истории, общества и культуры Нового времени. Основное внимание уделено консервативной мысли. Эти процессы научно-философского самопознания прослеживаются, во-первых, по ходу взаимодействий России с западноевропейской цивилизацией, с ее гуманитаристикой и теорией познания, во-вторых, в контексте внутренних трансформаций культурно-цивилизационного и парадигмального характера в империи, в советское и постсоветское время.

Ключевые слова: эпистемология/гносеология, отношения между знанием и реальностью в науке, теоретический рационализм, познавательные субстанции разных цивилизаций, парадигма изучения России русской консервативной мыслью, ракурсы понимания России советским марксизмом, теория отражения, наука и политика, понимание научной истины и правды, псевдонаука в период Постмодерна.

4.5. Актуальность парадигмального анализа исторической и современной России (1991–1999 гг.)¹

От когнитивного кризиса к подъему патриотических настроений и к пониманию современной России

Авторы продолжают исследовать аналитический потенциал научно-гуманитарной среды РФ, а также эффективность общественных форм познания в условиях острой стадии цивилизационного кризиса 90-х гг. XX в. Выше мы отмечали, что в это время наиболее болезненно и сложно проходили массовые процессы повседневного познания/понимания. Граждане осознавали, что, описывая западный посткапитализм, многие СМИ необъективны, что официальные лица в публичных выступлениях уходят от реалистического анализа положения в стране. Погруженные в повседневные заботы, люди пребывали в состоянии когнитивного шока, обсуждая между собой погром советского уклада, расхищение общественных ресурсов, пытаясь сохранить свой жизненный мир. Но массовые слои не могли самостоятельно продумать выход страны из кризиса. Утратив религиозную веру и навыки социальной самоорганизации, не владея приемами объективного анализа, граждане понимали, что власть готовит им незавидное будущее.

В обществе нашлось немного квалифицированных специалистов разных сфер деятельности, в т.ч. ученых-гуманитариев, которые могли через патриотические СМИ объяснять в общих чертах, что происходит со страной, российским государством. Основная же часть этих слоев к публичному разговору с согражданами оказалась не готова. Специалисты далеко не всегда могли прояснить, как развиваются государства Запада, страны других континентов, каковы результаты их модернизации, какие цели ставят они по отношению к РФ. Мало, кто из наших исследователей достоверно знал, что западные формы развития серьезно отторгают власти и население стран разных континентов, в т.ч. Китая, Индии, мусульманского и латиноамериканского мира. Далеко не все специалисты понимали, что Запад подчиняет многие страны своей деструктивной политике, перекладывая издержки собственного развития на другие народы.

В отсутствии подлинных знаний о современной России на первый план выдвигались беспомощные аналитики, псевдоученые, специалисты, забывшие об интересах отчизны. Особо скажем о гуманитариях либерального направления, которые пытались в условиях кризиса придать своим проектам нормативно-прикладной или догматический статус, как это было с марксизмом в СССР. Одни из них проектировали переход РФ к капитализму за 500 дней, другие обосновывали успех в стране

¹ Продолжение. Начало см. в № 3, 4, 5, 6–2021 г., № 1, 2, 4–2022 г., № 1, 4, 6–2023 г.

псевдорелигиозных коммерческих сект и т.п. Столь неприглядные процессы делали очевидным крах не только 70-летнего доминирования марксистской науки, советской идеологии, высшего образования, включая его ученые звания, но и подрывали попытки быстро распространить в РФ американские стандарты научного анализа и понимания мира. Подобные процессы рождали в РФ стратегическую неопределенность.

Во второй половине 90-х гг. в массах стали проявляться национальные интересы, патриотические настроения, меняя ситуацию не в пользу власти и олигархов РФ. Дефолт перекрыл возможность возврата как к советскому укладу, так и к попыткам верхов встроиться в американский однополярный мир. Для высших слоев этот поворот стал холодным душем, хотя десоверенизация РФ и перевод экономических ресурсов за рубеж продолжались. Но с этого периода в обществе стало больше специалистов, начавших поиск своих форм развития РФ.

Рассмотрим ситуацию в научно-гуманитарной среде, абстрагируясь от либералов, позицию которых мы уже охарактеризовали; но и в этом случае среда была весьма неоднородной. Говоря о доминирующих в ней общественно-мировоззренческих ориентациях, выделим: а) сторонников советского социализма; б) патриотов России, отвергавших и марксизм, и либеральный анализ; в) тех, кто обращался к приемам интуитивного или обдуманного эклектизма, объединяя принципы разных методологических направлений; г) тех, кто не смог определиться с профессионально-аналитическими ориентирами в новых условиях; д) тех ученых из национальных субъектов федерации, которые обосновывали или повышение статуса, или необходимость выхода из РФ своих административных единиц.

Вместе с тем к середине 90-х гг. эта часть научной среды одна из первых стала понимать Россию, как активного субъекта мировой истории, а также неизбежность появления в науке обоснованных идей о ее нынешнем и будущем состоянии. Основная масса аналитиков-гуманитариев начинала признавать, что бессмысленно ждать от западных ученых теорий, раскрывающих суть России. Что касается отдельных западных идей и поворотов анализа (о роли в культуре габитуса, о конструировании реальности обыденным мышлением и др.), то российские исследователи могли со временем до этих аспектов познания прийти самостоятельно. Таким образом кризис в обществе и застой в науке одинаково теряли влияние на здравых, активных ученых, желающих понять ситуацию в стране, чтобы изменить ее к лучшему. Подчеркнем: похожая потребность давала о себе знать в России не впервые; она осмыслилась в империи в 30–60-х гг. XIX в.

Раздвоение когнитивных позиций в понимании России XIX в.

В первой половине XIX в. развитие государства, общества и культуры в империи не могли осмысливаться российскими аналитиками без новых подходов в их изучении. Архаисты и славянофилы выясняли лишь отдельные аспекты России, связанные с православием, государством, с русским народом, развитием русского языка. Между тем в известном споре между А.С. Пушкиным и автором «Первого философического письма» П.Я. Чаадаевым были вскрыты не проясненные аспекты развития российского государства и общества. Ныне эти аспекты для нас важны, ибо никто до этого не поднимал проблемы России в глубоких метафизических ракурсах, в исторически значимых масштабах. Позиция Чаадаева все сводила к тому, что власти и народ не хотели менять Россию к лучшему по европейским нормам; тем самым массовым

слоям приписывали когнитивную виновность, отчуждая их от понимания отечества и самих себя.

Пушкин, прочитав статью Чаадаева, стал полемизировать с автором, владеющим философским анализом¹. Поэт в споре не выглядел учеником; скорее наоборот – он глубже мыслил, оспаривая идеи Чаадаева. Так, в судьбах России Пушкин видел более фундаментальные основы нашей истории и конструктивные свойства русского сознания. Он был уверен, что выбор веры зависит от провиденциальных сил, ибо не всё в этом мире могут изменить разум, воля человека. Поэт учитывал также реальные цели властей, практические стремления народов страны. Его позиция в целом была консервативной, хотя он допускал умеренные инновации. Главное, что поэт не отчуждал население от прошлого, от государства и насущных проблем, но мотивировал читателей любить Россию, а если надо, то и защищать ее.

Разница мнений философа и поэта в трактовке отечества становилась устойчивой тенденцией в высших слоях, в образованной среде. По степени активности здесь доминировали сторонники Чаадаева – аристократы, интеллигенция, учащаяся молодежь. В ходе XIX в. эта среда, намереваясь спасти Россию, увлекалась самыми разными идеями и проектами Запада – от либерализма, буржуазной благонамеренности до анархизма и радикального марксизма. Сторонники Пушкина были в основном патриотами. Именно для них русские писатели, поэты создавали чарующие образы отчизны, не скрывавшие при этом невзгоды, культурные контрасты в обществе. Однако отображение разных издержек не было для авторов самоцелью. Скорее литература спланивала читателей, мотивируя их трезво смотреть на жизнь, любить родину, сохранять душевную отзывчивость.

Но наступало время, когда только литература и публицистика уже не могли удовлетворить запросы любознательной среды в понимании отечества. В середине XIX в. философы И.В. Киреевский, Н.Н. Страхов, поэт, литературный критик А.П. Григорьев углубляли идею народности (на языке Модерна – идею национальности), как альтернативу космополитизму. Понимая, что немалая часть населения смутно представляла имперское общество в целом, они призывали развивать философию и научный анализ России в фокусе народности. По их мнению, такой синтез позволит сблизить русское и нерусское самопознание, усилит умственную самостоятельность разных сословий, консолидирует народы империи [1]. Патриотическая среда рождала запрос на целостное, доступное грамотной аудитории понимание России с помощью науки, философии и на базе народного, т.е. одухотворенного чувства отчизны. На этот запрос отозвался Н.Я. Данилевский теорией о локальных цивилизациях, где парадигмально-консервативный анализ России был проработан весьма основательно [2].

Анализ империй и крупных сообществ учеными Западной Европы

В Новое время в ряде стран Европы велось изучение крупных государств, а также их культурной интеграции на сопредельных пространствах. Эти исследования стали возможными на основе национального осмысления консолидированной жизни данных сообществ. Анализ проводился с помощью философско-теоретических, исторических идей о сложных структурах: масштабных государствах, имперских народах, которые создавали новые культурные системы. В период Модерна значение столь сложного анализа росло, ибо позволяло осознать на-

¹ Чаадаев был учеником французского философа-консерватора Ж.де Местра.

селению многих стран свою роль в макрорегиональных взаимодействиях. Ученые же, изучая такие структуры, учитывали древние смыслы, народные ценности, национальные символы, позволявшие понять европейские этносы и государства, как культурно-историческое единство. Такой анализ особо вдохновлял немецких мыслителей, которые в XVIII–XIX вв. были обеспокоены, что их земли оставались разрозненными, в то время, как в Европе существовали сильные империи.

Уже тогда было известно, что первичные гетерогенные системы появлялись на базе государств Древнего и Средневекового мира, где они обретали форму мощных империй (как Византия, затем Россия и др.). Позже рождение осевых цивилизаций было сопряжено с появлением мировых религий, конфессиональных систем – даосизма, конфуцианства, буддизма, христианства, ислама. История создавала уникальный пример Древней Индии, где разнородные сообщества объединялись трудно и долго через войны, кастовые размежевания, опираясь на местные низовые религии. Так появилась индуистская цивилизация, которая и ныне не имеет аналогов своим уникальным формам в других культурных типах. Чаше цивилизации возникали на базе одной из мировых религий и центрального государства (или группы стран). К нему с его религией начинали тяготеть сопредельные сообщества, осваивая его основные культурные достижения. Таковы дальневосточная (во главе с Китаем), европейская/христианская, арабо-мусульманская цивилизации и др. Ныне в мире существуют 6 цивилизаций, которые охватывают не все население планеты [3].

Парадигмальные основы россиеведения в теории Данилевского; их сопоставление с принципами марксизма

В середине XIX в. Данилевский переосмыслил указанный материал ученых Европы. Он распознавал в имперских народах, в полинациональных союзах прошлого локальные цивилизации. Теоретик и его сторонники учитывали предпосылки появления цивилизаций как масштабных и сложных по структуре культурных систем; но научных материалов у них было недостаточно. Сам Данилевский изучал особенности романо-германской (европейской), а также, по его мнению, «всеславянской» (русской) цивилизации, затрагивая исчезнувшие из истории культурные типы. Во второй половине XIX в., консерваторы, дополняя анализ славянофилов государства, православия, русского народа, развернули масштабное изучение отечества, как империи, полиэтнического, поликонфессионального сообщества, как цивилизационной системы.

Русский мыслитель обосновал неизбежность принципиального разнообразия культурно-цивилизационных форм жизнедеятельности крупных сообществ на планете, в то время как ученые Европы признавали прогрессивным лишь свой культурно-исторический тип, полагая, что все народы повторяют в истории его этапы и формы развития. В сбалансированной гетерогенной России ученый видел расширение ее возможностей к современному динамичному развитию; диспропорциональное многообразие страны, беспорядочное копирование достижений других цивилизаций напротив, создавали, по его мнению, препятствия на таком пути. Эти подходы к пониманию России, стран Запада были важной особенностью анализа Данилевского.

Другая особенность сводилась к тому, что цивилизационно-парадигмальный подход усложнял анализ России; но при этом он позволял изучать состояние государства, общества в их структурной неоднородности, целостности, в исторической динамике. Проследивая эти состояния в неразрывной связи со стадиями их эволюции, предыстории, ученые могли оценивать конструк-

тивный потенциал новшеств, создаваемых, как в России, так и в Европе, разрабатывать реформы на базе отечественных реалий, заимствуя те достижения Запада, которые в адаптированном виде укрепляли бы безопасность государства, общества. Наконец третья особенность парадигмы сводилась к созданию разветвленной методологии изучения России, которая заключала в себе структурно-смысловые процедуры гуманитарного анализа XX в. В парадигме апробировались фундаментальные подходы, междисциплинарные методы, новые понятия, а также прояснялись глубинные фокусировки анализа, которые прозревал Пушкин, но которых не было у классиков марксизма и в советской науке.

Парадигма заключала в себе критерии истины, правдоподобия, заблуждения при объяснении фактов, исторических процессов. Критерии истины Данилевский не сводил к практической эффективности, ибо в этом случае истина могла носить локальный или краткосрочный характер. Она не являлась также зеркальным отражением реальности в мышлении человека. Критерии истины в цивилизационной эволюции связывались ученым с формами адаптации всего сообщества к историческим переменам и с его сохранением. Разработанный в парадигме анализ страны/цивилизации, не всегда позволял понять проблемы, неразрешимые на той или иной фазе истории. Фиксируя их, сами ученые порой не понимали Россию; но со временем трудности рождали новые пороги анализа, разрешая проблемы.

Из сказанного следует, что парадигмальный жанр в гуманитаристике специфичен. Парадигма понимания той или иной страны могла опираться, например, на статью Конституции. Но ее не следовало смешивать с историей, с политическими программами, с воззрениями на народ или государство даже высших сословий или компетентных слоев. Этот жанр отличен от богословского анализа (хотя и учитывает его отдельные принципы, выводы). Научная парадигма далека и от политической идеологии, столь важной для власти; но в империи не было идеологии современного типа; самодержцы властвовали, исходя из ситуативной прагматики, отдельных норм идеологии, из традиций, в т.ч. религиозных. Ими был принят невятный императив «православие, самодержавие, народность». Но все в империи знали, что православие расколото, а смысл «народности» оставался размытым для образованных и массовых слоев населения. В СССР, напротив, доминировала марксистская идеология, подчиняя себе науку.

Личные когнитивные качества ученых нередко приобретали в россиеведении немалую значимость, как это было и с Данилевским, зоологом, ботаником по образованию, профессии. В этом сказались его врожденные задатки, опыт работы с теоретическим аппаратом естествознания и то, что он был квалифицированным ученым-прикладником Министерства государственных имуществ. Выезжая в научные экспедиции, наш аналитик изучал отрасли сельского хозяйства, промыслы, наблюдая бытовые и трудовые традиции людей в империи, иных странах. В Персии, Норвегии он отслеживал использование природных ресурсов. Одновременно он развивал у себя умение распознавать социальные, культурно-духовные противоречия, кризисные коллизии разного характера и масштаба. При этом он не сближал общество с закономерностями развития животного мира, хотя в целом исходил из того, что люди, животные, растения являются неотъемлемой частью земной природы.

Теоретический инструментальный парадигмы россиеведения

Рассмотрим теоретический инструментальный и методы, задействованные Данилевским в парадигме россиеведе-

дения. Сначала укажем методологические направления, междисциплинарные области, аналитические приемы, используемые русским ученым. Уточним: мы применяем прежние и нынешние их названия. Во второй половине XIX в. ряд направлений, методов не имели наименований в науке; аналитики только начинали с ними работать. Так, Данилевский оттачивал приемы анализа, исходя из широкого понимания термина «культура». В науке РФ лишь в 90-х гг. XX в. официально оформилась междисциплинарная область культурологии с ее дисциплинами, методами, тезаурусом, к отработке которых ученый прилагал усилия сто лет назад. В гуманитарных науках Запада и ныне отсутствует эта область анализа; в какой-то мере ее заменяет культурная антропология.

В изучении России автор применял историософский, онтологический, экзистенциальный, гносеологический, социальный, социологический и другие подходы анализа, которые позволяли обосновать новое, более многоаспектное цивилизационное направление. Данилевский стал в нашей науке начинателем прикладных форм знания и делал первые шаги в разработке междисциплинарных областей – политологии, геополитики, госуправления, науковедения, страноведения, антропологии, культурологии, этнической психологии и др. Ученый развивал системно-функциональный метод, впервые используя приемы цивилизационной компаративистики, сравнивая этнические, национальные уклады жизни народов; при этом учитывались и общечеловеческие качества их развития. Многие когнитивные ракурсы применялись по отдельности или в логике поливекторного изучения объекта, что было внове для аналитиков и читателей России, Запада. Позже гуманитаристика в СС-СР не располагала столь широким диапазоном методологических направлений, прикладных форм знания, междисциплинарных областей. Ее ядром была принятая классиками марксизма в XIX в. упрощенная дисциплинарно-смысловая структура гуманитарной мысли – политэкономия, диамат, истмат и др.

Содержательные аспекты изучения России

Скажем о сферах общественной жизни в их содержательно-организационных аспектах, с помощью которых ученый исследовал цивилизации. Он выделял в теории 4 ведущие сферы: религиозную активность; культурную в узком смысле (искусство, мораль, наука, образование); политическую и общественно-экономическую активность. В анализе становилось ясно, что все сферы тесно переплетаются между собой в истории, в жизни. Так, военная активность подчинена политике; при этом у военной среды были свои образовательные центры; военная среда отображалась в искусстве, изучалась в науке. Автор учитывал эти пересечения, взаимосвязи, не выделяя лидерство какой-то одной сферы (например, экономики), как ключевой для понимания других.

Ученый также анализировал те виды активности, которые нельзя отнести лишь к одной из сфер. Межэтнические взаимодействия пронизывали все сферы. Известно, что и связь людей с окружающей природой осуществляется не только через экономику/труд, но и через рекреацию, через эстетические чувства. Помимо этого, Данилевский предвидел новые сферы науки и практики, которые появятся в будущем; в его время начиналось их развитие. Так, он ратовал за создание общественно-политической пропаганды, которую внедряли в то время страны Европы. Имперскую пропаганду ученый видел нацеленной на популяризацию русско-российских идей, смыслов развития (в т.ч. Всеславянского союза), адресованных населению России и Европы. В итоге в цивили-

зационной модели ученого каждый вид активности, любая сфера деятельности по-своему, прямо или косвенно взаимодействовали с остальными, создавая в обществе сложные сети связей, которые «распутать невозможно», о чем ниже мы еще скажем.

Данилевский изучал государственное управление, его издержки, связанные с подготовкой преобразований в стране. По мнению ученого, реформы изначально следовало наделять сугубо российским характером – по замыслу, целям, способам и субъектам воплощения, итогам, что расходилось с либерализмом, с марксизмом. Реформы должны проектировать и реализовать отечественные политики, ученые с глубоким пониманием различий России и стран Запада. Вначале сложные инновации апробируются в практике активных социальных групп, что позволило бы скорректировать возможные ошибки, издержки. Вслед за этим преобразования охватывают широкие круги населения. В этом цикле технологии и цели европейцев адаптируются к российским условиям, создавая межцивилизационный синтез.

Применение культурно-мировоззренческого подхода

Рассмотрим культурно-мировоззренческий подход, используемый в анализе связей между властью и народными слоями. Аналитик исходил из цивилизационного принципа самосохранения отечественной государственности и народа, когда изучались возможности выхода из подчинения Золотой Орде. Но после религиозного раскола, по мере присоединения новых народов и территорий Московия становилась Россией-империей цивилизационного типа. Прежнее мировоззренческое, т.е. соборно-духовное единение властей с церковью, православными верующими ослаблялось, а затем становилось невозможным. Главный фактор отъединения власти от верующих ученый связывал с чуждой мировоззренческой и культурной основой восприятия России и мира, с изменением образа жизни высших слоев, интеллигенции, предпринимателей, т.е. с их «европейничанием». В этом случае в обществе возникали необратимые социальные разногласия, этнические конфликты, духовная вражда и раскол. Ученый был первым в стране, кто обосновал эту опасность на языке научной теории.

Последователи Н.Я. Данилевского в изучении России Н.Н. Страхов, К.Н. Леонтьев, принимая его теорию, углубляли ведущие ее направления – критику издержек западной цивилизации и «европейничания» высших слоев империи, обоснование важной роли российского взгляда на мир и на свою страну, укрепление народных форм познания/понимания и т.п. Но по ряду концептуальных аспектов единомышленники Данилевского выдвигали альтернативные оценки, новые смыслы, которые, развиваясь в жизни, не нашли отражения в его теории. Так, они отвергали политику власти, вызвавшую раскол православия; Данилевский специально не изучал этот вопрос. Леонтьев «приглядывался» к идеям социализма на Западе [4]; Данилевский к трудам Маркса не обращался. Леонтьев, Страхов не видели оснований для включения в империю славян Западной Европы, на чем настаивал Данилевский. Позиция ученого в последнем вопросе, пожалуй, одна из ключевых в его теории; однако она не подтверждена историей до сего времени. Между тем Данилевский не возражал, чтобы сторонники развивали доктринальные аспекты его теории; это рождало научные дискуссии вокруг нее, в т.ч. ее прикладных ее проблем.

Раскрывая последний вывод, сошлемся на статью Н.Н. Страхова о поляках, поневоле оказавшихся в России в конце XVIII в. [5] Автор фиксирует факт: поляки-католики в середине XIX в. так и не адаптировались

к имперскому обществу; здесь они бунтуют, презируют правителей и коренные народы. Их поведение ослабляет единство гетерогенной империи. Автор настаивает: в этой ситуации общество, власть должны дать полякам право выбора своего цивилизационного статуса – европейского или российского. Выбор первого варианта потребует предоставить им свободу выхода из империи. За такие идеи автора крепко ругали «просвещенные» россияне, которые «европейничали»; его перестали печатать журналы. Но публикация труда Данилевского показала, что позиция Страхова обрела теоретическую основу в понимании цивилизационно-мировоззренческих процессов в России.

Польский вопрос остро обозначил не только проблему критериев, которые в свое время мотивировали власть интегрировать в православную империю часть крупной католической страны Западной Европы. Н. Страхов затронул в критическом ключе межнациональные, межконфессиональные отношения в империи. В любой цивилизации эти отношения обрели предельно сложный, конфликтный характер. Но по ходу эволюции одни цивилизационные сообщества учились преодолевать их конфликтность, другие распадались.

Устойчивость и уязвимость российского культурного типа

Данилевский изучил структуру российской культуры/цивилизации – государственности, систему безопасности (в т.ч. армии и боевых форм активности), хозяйственно-трудовых занятий людей, их социально-общественные, межэтнические, природно-экологические, бытовые связи, духовно-религиозные, научные, художественные запросы и др. Все эти аспекты выражали парадигмальную полноту и сложность имперской жизни XIX в. Более того, ученый констатировал, что в этой структуре разные стороны, компоненты, многочисленные субъекты и их отношения «имеют свои корни, свой ход и темп развития; множество этих сторон идут параллельно, переплетаются, и взаимно действуют друг на друга... Этой сложности распутать невозможно» [2, с. 398]. Тем самым наш мыслитель не умножал рациональных теорий об универсальных законах исторического развития человечества, спрос на которые в странах Запада был в XIX в. весьма высок. Он обосновал рождение на определенной стадии эволюции локально-цивилизационных систем, каждая из которых самобытна, самодостаточна, взаимодействуя в своем режиме с остальными. Мыслитель имел смелость признать сверхсложность строения и динамических процессов каждой системы, а также трудность их научного анализа.

Глубина авторского вывода о сверхсложном характере каждой цивилизации была оценена учеными Запада во второй половине XX в., когда аналитики с помощью новых когнитивных подходов, а также технических приемов обработки цифровых данных пытались понять эти запутанные взаимодействия внутри цивилизаций и в межцивилизационных связях. Они убеждались, что во всей полноте эти многомерные связи и отношения остаются малодоступными для рационально-теоретического анализа. В наше время рождается методология создания простых моделей в рамках теории сложности, в основу которых заложены особые методы разработки, не специфицирующие эти модели полностью, а гибко адаптирующие их к внешним требованиям [6].

Ныне мы можем сделать еще один важный вывод: сверхсложная структура российской цивилизации, а также ее системные механизмы саморазвития придавали глубокое своеобразие коллективному ее субъекту – историческим поколениям российского сообщества, сохранявшими в разных формах отечественной государственности свою жизнеспособность, самобытность

по ходу тысячелетия. Вместе с тем их совместная жизнедеятельность заключала в себе и потенциалы скрытой деструкции, масштабной неустойчивости. Такие потенциалы могли по разным причинам пробуждаться, сливаясь с ситуативными трудностями, казалось, с забытыми обидами народов, с антипатиями сословий и страт друг к другу. Одна из таких скрытых форм неустойчивости связана с гетерогенными этноконфессиональными, расовыми анклавами, интегрированными российской властью вместе с территорией. Так, власть присоединяла к стране народы или по их просьбе (малороссов в XVII в. и др.), или насильственно (поляков в XVIII в, западных украинцев в XX в.). Анализ Н. Страховым польской проблемы вскрывал, сколь непредсказуемыми и опасными могли стать в будущем подобные присоединения.

Сам Данилевский обосновывал условие единства гетерогенного сообщества: изначально цивилизации зарождаются спонтанно, затем развиваются народами, живущими рядом, и при этом предрасположенными друг к другу, близкими по духу, психике, способными трудиться и жить вместе. Через сто лет Л.Н. Гумилев назвал эту психо-душевную, слабо осознаваемую предпосылку консолидации комплиментарностью [7]. В империи/СССР было, кроме поляков, немало таких некомплементарных народов, что, конечно, сказалось на двойном распаде страны в XX в. Однако в империи власть не интересовалась этими процессами. В поздний советский период аналитикам позволялось открыто, но в догматическом ключе марксизма изучать межэтнические отношения; в то же время межконфессиональные, межтерриториальные связи анализировались в закрытом режиме. В том и в другом случае допускалось вскрывать лишь отдельные недостатки этих процессов, абстрагируясь от целостного их состояния.

Судьба парадигмы россиеведения в империи

При жизни Данилевского его труд был позитивно оценен авторитетными для национального сознания писателями, поэтами – Ф.М. Достоевским, Ф.И. Тютчевым, А.Ф. Писемским, А.А. Фетом и др. Ряд крупных ученых-гуманитариев тоже активно поддержали воззрения мыслителя на Россию [8]. Немаловажно и то, что сразу после выхода книги автор обрел сторонников в науке, о чем выше мы упомянули. Однако в обществе были аналитики, неубедительно критиковавшие Данилевского с либеральных позиций; его российский патриотизм они считали реакционным, ненаучным (Вл.С. Соловьев, П.И. Миллюков и др.).

Более драматичными факторами, негативно повлиявшими на судьбу исследования «Россия и Европа», были другие обстоятельства. На рубеже XIX–XX вв. множились явные признаки грядущих перемен в стране и мире, что могло пробудить общественный интерес к труду Данилевского; но не пробудило. В России появились политические партии, религиозные организации, разные по целям, программам. Между ними сохранялась мировоззренческая поляризация – прозападная, задававшая тон, и пророссийская, «пушкинская», начинавшая утверждаться в политике и общественном мнении. Но программы монархических, народнических партий, казачьих организаций, по-разному отражали российский патриотизм, не опираясь на ведущие идеи Данилевского. Теоретические представления ученого по своей новизне и сложности в целом были недоступными для освоения порой и образованным людям. Не случайно в империи этого времени не оказалось гуманитариев, которые смогли бы конвертировать семантику, инновационные повороты в понимании российской проблем на язык политических дискуссий, массовой пропаганды.

На рубеже XIX–XX вв. руководители партий, чьи цели, задачи базировались на принципах западной мысли – либеральных, социал-демократических, соглашательского или радикального марксизма и др. – обходили вопрос о России, как цивилизации, о возможности ее самобытного развития. Враждебные силы Запада активно пытались нейтрализовать в империи массовые про-российские позиции, продвигая к власти прозападные партии с европейскими целями, методами. Сторонникам этих партий удалось добиться отречения от власти Николая II. Государство возглавило временное правительство, утвердив республиканское правление. Но из-за полной некомпетентности его быстро свергли радикалы из РСДРП(б), захватив власть. Поэтому признание научных достижений Данилевского не состоялось в империи и в период правления временного правительства.

Советский марксизм не был парадигмой понимания России; политика Сталина в отношении исторической России

Взявшая власть партия большевиков готова была впервые в мире начать реализацию проекта Маркса, нацеленного на уничтожение частной собственности, классового неравенства, на создание справедливого социального устройства. Однако в следующие 10–15 лет внутри партии шла борьба группировок за лидерство, за разные варианты строительства социализма – по Марксу, по Ленину, Троцкому или по Сталину. Единого, конструктивного подхода к преобразованию общества у членов партии не было, хотя объединяло их общее негативно-уничужительное отношение к населению и в целом к России. Сам проект социализма/коммунизма не годился на роль парадигмы россиеведения; он оставался отвлеченно препарированным европейским продуктом «на вынос» в другие страны и цивилизации; население же Западной Европы, США утопию Маркса отвергло.

Мы не беремся осмыслять тему «мировой системы социализма», от которой ныне сохранились отдельные страны-участники. Для нас важно уточнить, что советский марксизм, теория социализма в СССР из-за их чуждого происхождения и генезиса принципиально были не в состоянии долгосрочно мотивировать активность народных масс Евразии в труде, защите отчизны, повседневной жизни. Лишь отдельные компоненты марксистской мысли и советской политической практики пересекались с исторической моралью, картиной мира, трудовыми нормами граждан СССР. В условиях индустриализации 30-х гг. политика Сталина, не отказываясь от утопии Маркса, стимулировала в массах трудовые традиции, а в период ВОВ она опиралась на русскую отвагу, боевой настрой, народную веру в победу. Партийная пропаганда утверждала, что политика партии эффективна. Но никто не имел возможности объяснить, что в безвыходных ситуациях вождь цинично воспользовался укорененным трудолюбием народов Евразии, их патриотизмом, непримиримостью к врагам, которые развивались веками, задолго до марксизма.

Подчеркнем, что демонстративно ориентированная на народы политика вождя в 30–40-е гг. была для большевиков единственной возможностью сохранить власть и советское государство. Сталин в это время поддерживал патриотизм народа, его историческую память, ненависть к врагам, хотя это не совмещалось с каноническим марксизмом, с ленинизмом, левыми взглядами Троцкого. Но спонтанным или сознательным сторонником исторической России, поклонником идей Данилевского, как ныне характеризуют вождя некоторые его приверженцы, Сталин не являлся; он всегда был предан социализму Маркса и Ленина. В СССР труд Данилевского оставал-

ся недоступным для масс. После смерти вождя первой скрытно начала отторгать марксизм/социализм основная часть партийной и государственно-хозяйственной номенклатуры. Это идейное предательство верхов, их желание присвоить общественные ресурсы раскрывало заведомую обреченность советского проекта. Однако проект имел и конструктивный потенциал, ибо в 30–40-е гг. массы с энтузиазмом воплощали и защищали его своим трудом и жизнями.

Идеи консерваторов в восприятии российской аудиторией 90-х гг. XX в.

В первой половине 90-х гг. XX в. в РФ книга Данилевского начала публиковаться разными издательствами, немалыми для этого периода тиражами и раскупалась. Вскоре были изданы и главные труды Н. Страхова, К. Леонтьева, на идеи которых тоже был спрос. Тем не менее, мы полагаем, что история выбрала для встречи парадигмы понимания России с массовой аудиторией весьма сумбурное и противоречивое время, когда сочинялось, помещалось в информационное пространство и читалось в нем всё, что кому заблагорассудится. Этому способствовали такие важные и при этом неоднозначные для любого общества социально-политические, медийно-познавательные факторы, как свобода слова и информации, освоение Интернета, компьютерных технологий, массовая аудитория печатной и медиа-продукции и др.

В первой половине 90-х гг. новое информационно-когнитивное пространство РФ создавалось отчасти на базе рыночных принципов, при том, что скрытые приемы его жесткой, политической корректировки для всех были очевидными. В завалах «умных» или пошлых текстов, непроверенных данных, мусорной информации труды Н. Данилевского и в целом консерваторов империи поначалу терялись, были старомодными, не рождали бурных полемик. Отчасти это было закономерно; после падения монархии общество в Российской республике/СССР/РФ стремительно менялось, в то время как консервативные идеи, созданные в XIX – начале XX вв., утрачивали актуальный аналитический потенциал, обретая сугубо историческую значимость. Вместе с тем консервативная парадигма России Данилевского оказалась способной сберечь в будущем (т.е. в нашем настоящем) свою аналитическую роль, но применительно к пониманию отдельных аспектов россиеведения. Поэтому так важно в РФ внимательное прочтение работ Н. Данилевского, Н. Страхова, К. Леонтьева; они во многом сохранили свою эвристику применительно к современной России.

Тот факт, что поначалу в РФ читательский интерес был в большей мере проявлен к другим формам науки, публицистики империи и русского зарубежья, можно назвать явлением закономерным. Массовая аудитория обращалась к тем авторам и книгам, которые были ей понятны, вызывали ответные идеи, чувства (например, Н.А. Бердяев «Истоки и смысл русского коммунизма», Н.Н. Берберова «Курсив мой», «Люди и ложи. Русские мasons XX столетия» и др.).

Если посмотреть на темы книг авторов-патриотов РФ, то и они в это время прорабатывали вопросы развития российских регионов, причины распада СССР (в т.ч. о роли американских спецслужб), проблематику русской идеи, русского характера и др. Темы вполне уместные в новых условиях; но сам анализ отражал поверхностный интерес авторов и читателей прежде всего к кризисным процессам, к запретным в советской науке вопросам, к сенсационным проблемам прошлого и настоящего. Мало кто из постсоветских авторов мог раскрыть эти темы достаточно глубоко, объективно, даже если он занимался до этого их анализом специально.

Вместе с тем ситуация в условиях кризиса постоянно и заметно обновлялась, в т.ч. и в понимании России. Авторы, еще недавно вызывавшие ажиотаж, к концу 90-х гг. утрачивают читателей; их книги уже не обсуждаются, интерес к ним упал. Между тем, труды авторов-консерваторов начинают изучаться с большим вниманием; то, что читатели недавно считали в их книгах неважным, ошибочным, вдруг становилось актуальным в современной России. Была еще одна причина, которая стимулировала массовый интерес граждан к целостному и объективному пониманию России. В нашем обществе появляются ученые-гуманитарии, которые открыто заявляют о своем намерении продолжать традиции отечественной консервативной мысли XIX в. в понимании прошлой, современной и будущей России. Как раз эту тему мы продолжим анализировать в следующем разделе.

Литература

1. Ильин Н.П. Трагедия русской философии. – М., 2008. – С. 235–544.
2. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. – М., 2003.
3. Сравнительное изучение цивилизаций. Хрестоматия. Сост., ред., вступ. ст. Б.С. Ерасов. – М., 1998.
4. Леонтьев К.Н. Славянофильство и грядущие судьбы России. – М., 2010.
5. Страхов Н.Н. Роковой вопрос // Н. Страхов. Борьба с Западом. – М., 2010.
6. Буданов В.Г. Методология проектирования и прогнозирования в контексте синергетики и теории сложности // Философия науки. Вып.16. / Отв. ред. В.И. Аршинов, В.Г. Горохов. – М.: ИФ РАН, 2011.
7. Гумилев Л.Н. Конец и вновь начало. – М., 2001. С. 43–45.
8. Ефремов А.В. Концепция Н.Я. Данилевского в оценках современников: 1870–1890-е годы: Автореферат дисс. ... канд. истор. наук: 07.00.02 / МПГУ. – Москва, 2006. – 16 с.

UNDERSTANDING RUSSIA: BREAKTHROUGHS AND DEAD ENDS IN THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN HUMANITARIAN THOUGHT (XVIII – EARLY XXI CENTURIES)¹

Avanesova G.A., Mironov A.V.

Higher Education, Higher Education Institution of the Russian Federation

The authors analyze how the peculiarities of Russia – its history, society, and culture of Modern times-have interpreted some areas of Russian humanitarian thought. The main focus is on conservative thought. These processes of scientific and philosophical self-knowledge are traced, first, in the course of Russia's interactions with Western European civilization, with its humanitarianism and theory of knowledge, and secondly, in the context of internal transformations of cultural and civilizational and paradigmatic nature in the empire, in the Soviet and post-Soviet times.

Keywords: epistemology/epistemology, relations between knowledge and reality in science, theoretical rationalism, cognitive substances of different civilizations, the paradigm of studying Russia by Russian conservative thought, perspectives of understanding Russia by Soviet Marxism, reflection theory, science and politics, understanding of scientific truth and truth, pseudo-science in the Post-modern period.

References

1. Ilyin N.P. The Tragedy of Russian Philosophy. – M., 2008. – pp. 235–544.
2. Danilevskiy N.Y. Rossiya i Evropy [Russia and Europe]. – M., 2003.
3. Comparative Study of Civilizations. Reader. Sost., ed., vst. .B.S. Erasov. – M., 1998.
4. Leontiev K.N. Slavophilism and the Coming Destiny of Russia. – M., 2010.
5. Strakhov N.N. Rokovoy vopros [Fatal question]. Fight with the West. – M., 2010.
6. Budanov V.G. Methodology of Design and Forecasting in the Context of Synergetics and Theory of Complexity. Vyp.16. / Otv. Eds. V.I. Arshchinov, V.G. Gorokhov. – M.: Institute of Physics of the Russian Academy of Sciences, 2011.
7. Gumilev L.N. The End and the Beginning Again. – M., 2001. – pp. 43–45.
8. Efremov A.V. Kontsepsiya N.Y. Danilevskogo v otsenki sovremennikov: 1870–1890-e gody: Avtoreferat diss. ... Cand. History. Sci.: 07.00.02 / MPGU. – M., 2006. – 16 p.

¹ Continuation. For the beginning, see Nos. 3,4,5,6 (2021, Nos. 1, 2, 4–2022, Nos. 1, 4, 6–2023).

Анализ философско-исторической траектории становления религиозного экстремизма в России в период с 862 по 1917 год

Лонский Ярослав Александрович,

старший преподаватель кафедры философии, социологии и истории Российского университета транспорта (МИИТ)
E-mail: Ya_Lonskiy@mail.ru

Целью работы является анализ философско-исторической траектории развития явления религиозного экстремизма в России с 862 по 1917 год. Делается вывод, что в целом государственно-религиозные отношения, взаимоотношения основных социальных групп (национально-религиозных) носили стабильный и устойчивый характер. В многоконфессиональной и полирелигиозной стране не было религиозных войн и конфликтов, характерных для средневековой Европы. Однако на историческом поле России можно выделить несколько реперных точек, повлиявших в будущем на становление религиозного экстремизма в современном его понимании.

Ключевые слова: религиозный экстремизм, секта, ересь, раскол.

Экстремизм как вид деструктивной деятельности известен с древнейших времён и свойственен каждой исторической эпохе, так как при любом государственном строе, где в той или иной степени допускаются элементы принуждения, возникали конфликты интересов между представителями различных социальных групп. Российская история не является исключением. Необходимо подчеркнуть, что историческая траектория становления религиозного экстремизма взаимосвязана и взаимообусловлена сущностью и содержанием конкретной исторической эпохи, во многом зависящей от характера отношений и способов деятельности, особенностей религиозного сознания, порождённого уровнем культуры и цивилизации.

Первые случаи религиозного экстремизма можно отнести к X веку, что зафиксировано в древнерусском источнике начала XII века – «Повесть временных лет». Монах-летописец Нестор рисует картину насильственного принесения в жертву язычниками христиан: для совершения жертвоприношения старцы и бояре языческой веры, бросая жребий, выбирали жертву. Жребий пал на мальчика, отец которого исповедовал христианскую веру. Отец пытался защитить сына. Но несмотря на все уговоры, и мальчик, и его отец были принесены в жертву богам [1].

Противостояние языческого и христианского мировосприятия продолжалось до принятия Киевской Русью христианства. После приобщения к христианскому миру стали запрещаться человеческие жертвоприношения (в особенности ритуальные убийства жён и рабов на тризне).

Однако сторонники христианизации опирались на применение силы для обращения язычников в православную веру. По свидетельству «Повести временных лет», в течение XI века факты сопротивления народа христианизации имели место в Суздале, Новгороде, Ростове, на Волге и Шексне.

В то же время сложно утверждать, что эти действия являются явным проявлением религиозного экстремизма, так как в общественном сознании данные ситуации именно в этот исторический отрезок времени, думается, не воспринимались как экстремистские.

Вполне определённые проявления религиозного экстремизма наблюдались в период возникновения и развития ересей на Руси, на рубеже XIV–XVI веков.

К первым проявлениям крайних религиозных отношений в среде верующих можно отнести события, происходящие в Великом Новгороде в XIV–XV веках, связанные с распространением ереси «стригольников» и ереси «жидовствующих». Под ересью в христианстве понимаются течения, отклоняющиеся от официальной церковной доктрины в области догматики и культа. Ересь «стригольников», возникшая в конце XIV века в Пскове, и распространившаяся в Новгороде, приобрела довольно массовый характер. «Стригольники», выделившись из церковной среды, стали обличать пороки Церкви

и некоторые постулаты православного вероучения. Они отвергали церковную иерархию и вселенские соборы, выступали против недостойных священников, покупавших себе должности, вводили свои обряды и т.д. Для того чтобы не подрывать устоявшиеся обычаи, нормы жизни еретиков – «стригольников» в 1375 году казнили, ликвидировав дальнейшее распространение нового вероучения.

Другое религиозное движение под названием ересь «жидовствующих» зародилась в Новгороде во второй половине XV века. В основе данного религиозного течения лежало учение, проповеданное иудеями. Для того чтобы добиться распространения своего вероучения среди простых граждан, еретики потакали разным человеческим порокам, заигрывали с прихожанами, пытались проводить на священнические места своих единомышленников. Характерной особенностью данной ереси была её популярность среди высших слоёв общества – духовенства, некоторой части княжеского окружения. В конечном итоге было создано два церковных собора 1490 и 1504 годов. На первом еретиков предали анафеме и отлучили от Церкви. А на втором еретиков казнили путём сожжения. И более чем полтора века религиозные конфликты не вспыхивали в Российском государстве.

Но и здесь однозначных суждений быть не может. Можно ли считать элементами религиозного экстремизма широкое распространение ересей, а также сект в средние века? Сторонники ересей (другого толкования текстов) никого не убивали, не сжигали, еретики же преследовались официальной церковью. В этой связи религиозный экстремизм возможно был со стороны церкви, которая варварски боролась со сторонниками ересей. Но в действительности для культуры того времени насилие являлось скорее нормой, а не деструкцией. Так, например, форма смертной казни через сожжение была закреплена в правовых документах того времени [5]. Интересно, что еретиками были и сами священнослужители, отрицающие каноны Русской православной церкви. Очевидно, людей не удовлетворяла та духовная жизнь, которую им предлагала официальная церковь. По своей простоте, неграмотности, а возможно из-за слишком высоких духовных запросов люди искали свои пути к богу.

Таким образом, можно констатировать, что одним из самых эффективных способов борьбы с ересями и расколами на Руси в XV–XVI веках были публичные акты применения легитимного насилия со стороны государственной и церковных властей, а именно лишение жизни через казнь. Делалось это для сохранения собственной власти, угрозу которой они видели со стороны еретиков.

Не смотря на различные суждения, склоняемся к такому мнению, что возникновение многочисленных ересей, борьба с ними в XV–XVI вв. можно отнести к проявлениям религиозного экстремизма.

Такие черты, как обострённое чувство поиска правды, отрицание предыдущего религиозного опыта, религиозных традиций и обычаев, собственная картина мира, борьба и отрицание священнослужителей, попытка современного толкования священных писаний, роднят современных религиозных экстремистов и религиозных экстремистов прошлых веков. Пользуясь тяжёлым экономическим положением большинства населения, подменяя политические, социально-экономические положения религиозными, религиозные экстремисты способны быстро завоевывать сердца и умы простых людей. Стремление к достижению социальной справедливости, чистоты веры, построению политической, юридической и экономической сфер на религиозных началах часто находило отклик у определённой группы людей. Рефор-

мирование религиозной системы чревато кровавыми столкновениями и конфликтами. Поэтому, сохраняя существующий социальный порядок, власти прибегали к силовым методам решения проблемы.

Например, после того, как Иван Грозный завоевал Казанское Ханство и присоединил Башкирию к Московской Руси, предпринимались попытки обращения мусульман в христианскую веру. Так, после взятия Казани часть населения (в основном татарская знать) была крещена преимущественно ненасильственными методами, однако большинство населения отказывалось креститься и тогда по приказу царя были снесены все мечети, запрещено строительство мусульманских культовых сооружений [4; с. 45–48]. И только Екатерина II, закрыв в 1764 году Новокрещенскую контору в Казани, предприняла меры к законодательному оформлению веротерпимости в отношении ислама [4; с. 51].

В целом попытки российской власти и РПЦ прозелитизма в отношении мусульман не дали ожидаемых результатов, вызвав лишь целую череду восстаний с 1681 по 1755 г., а антимусульманская политика, таким образом, потерпела крах [4; с. 48–50].

Один из самых трагических этапов проявления религиозного экстремизма наблюдался в России в период раскола Русской православной церкви, начавшегося в 1653 году. События 1666–1667 годов предопределили его окончательное оформление. Мотивы поступков старообрядцев и преследовавших их властей были обусловлены бедственным социально-экономическим положением большинства населения страны. А поскольку жизнь русского общества была пропитана религиозным духом, и религия определяла все сферы бытия человека, то любые, даже незначительные религиозные изменения, могли вызвать народные волнения с непрогнозируемыми последствиями.

Религиозный конфликт, носивший подчас характер религиозной войны, стоил десятков тысяч человеческих жизней. Раскол начался в период царствования Алексея Михайловича и патриарха Никона во время проводимой ими церковной реформы по унификации богослужебного чина РПЦ в соответствии с греческими образцами того времени. Характер реформы носил радикальный характер. Огромная часть населения и священства реформу не приняла, что в итоге привело к внутренней братоубийственной войне на религиозной основе. Патриарх Никон, решительно проводивший нововведения в церковную жизнь, несогласных отлучал от Церкви или устранил физически.

Тех, кто оставался сторонниками старой веры, подвергали остракизму, преследованиям и убийствам. Поэтому большая часть верующих, придерживавшихся старого обряда, именуемых раскольниками, вынуждена была бежать от преследований в Сибирь. Они были ограничены в правах и занятиях гражданских должностей. В итоге, церковная реформа патриарха Никона и царя Алексея Михайловича привела к тому, что были уничтожены десятки тысяч людей; нанесён ущерб материально-духовным ценностям; в рядах старообрядцев (раскольников) появилось много различных направлений. Поэтому с уверенностью можно сказать, что Церковный раскол XVII века – это первая религиозная братоубийственная война в истории русского народа.

В период правления Петра I религиозная жизнь подверглась новым испытаниям¹. Именно во времена Рос-

¹ Укрепив свой авторитет, Русская Церковь стала оказывать огромное влияние на общественно-политическую и культурную жизнь страны. Такое положение вещей не устраивало светскую власть. После смерти патриарха Андриана Пётр I упраздняет патриаршество, создав напрямую подчиняющийся

сийской империи православие стало государственной религией, а сама империя – православно-христианским государством. Юридически закреплённый в Основных законах государства статус православной веры делал акцент на роли православия в жизни государства и его правителя: «первенствующая и господствующая в Российской империи вера есть христианская православная католическая восточного исповедания», а «Император, Престолом Всероссийским обладающий, не может исповедовать никакой иной веры, кроме Православной» [2].

В законах империи существовал раздел «Устав о цензуре и печати», направленный на защиту православного вероисповедания. Согласно статьям 214 и 216 «Устава о цензуре и печати», вводилась и духовная цензура, касающаяся духовных книг, относящихся к православному вероисповеданию, для чего был создан специальный Духовный Цензурный Комитет, подчиняющийся Святейшему Синоду, рассматривавший «все духовные сочинения на российском языке и переводы на сей язык, кем бы оные ни были составлены, а из сочинений и переводов на иностранных языках те, которые издаются по ведомству Православного исповедания» [2].

Существовавшая на законодательном уровне Российской империи в XIX веке цензура, касавшаяся духовных вопросов, связанных с религией и прежде всего с православным вероисповеданием, позволила избежать конфликтов, недопонимания в вопросах веры, затрагивающих все основные слои общества; предотвратить печатание книг религиозно-экстремистского содержания, разжигающих вражду между конфессиями или внутри определённого вероисповедания; обеспечить защиту духовной безопасности общества, заключающуюся в защищённости духовных ценностей и духовной культуры, а также общественного сознания и мировоззрения своих граждан от внутренних и внешних угроз.

Важно отметить, что в законах Российской империи существовали статьи, которые предусматривали наказание за богохульство, смену веры, публичное оскорбление священнослужителя или вероисповедания и т.д. В статье 178 «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных» говорится, кто в публичном месте дерзнёт с умыслом порицать христианскую веру или православную церковь, тот подвергнется «лишению всех прав состояния и ссылке в каторжную работу на время от 6 до 8 лет» а лицо, отступившее от «христианской веры православного или другого вероисповедания в веру магометанскую, еврейскую или иную нехристианскую» будет приговорён «к лишению всех прав состояния и ссылке в каторжную работу от 8 до 10 лет» [3].

Кроме того, российская власть боролась с религиозными учениями, культовые нормы которых противоречили принятым в обществе морально-нравственным устоям. Скопцам, к примеру, не разрешалось принимать к себе в семейство чужих детей [2]. Ограничения, которые накладывало государство распространялись

императору Священный Синод, и запускает процесс секуляризации. В истории России это был один из сильнейших ударов, нанесённых Церкви государством. На последующие два столетия институт Церкви был обезглавлен. Церковными делами занимался обер-прокурор – светский чиновник, подчинявшийся и назначаемый напрямую монархом. Действия Петра I, с одной стороны, носили оттенок экстремизма, поскольку использовались крайние меры в отношении к Церкви как социальной организации, многие указы были жёсткие, противоречиво воспринимаемые разными слоями общества. Но с другой стороны, как руководитель государства Пётр I провёл комплекс мер по снижению влияния церкви, её независимости, встраиванию института церкви в государственный аппарат, получив тем самым возможность верховного распоряжения церковными делами.

и на отдельные проявления какого-нибудь культа. Так, язычникам запрещались человеческие жертвоприношения или нанесение каких-либо увечий, вытекающих из сектантских учений.

В целом государственно-религиозные отношения в период существования Российской империи носили стабильно устойчивый характер. В многоконфессиональной и полирелигиозной стране не было религиозных войн и конфликтов, характерных для средневековой Европы. Даже в период активного территориального роста в XVIII–XIX веках, когда в состав империи вошли территории со значительным количеством проживающих на них иудеев, униатов, мусульман, католиков и протестантов, благодаря грамотной национально-религиозной политики, в основу которой положен принцип религиозной терпимости, удалось избежать кровавых конфликтов.

Литература

1. Повесть временных лет/ пер. Д.С. Лихачева. – URL: <http://www.hrono.info/dokum/1000dok/povest2.php> (дата обращения: 19.10.2023).
2. Свод Законов Российской Империи. Том XIV. 1890 г. [Электронный ресурс]. – URL: <http://civil.consultant.ru/reprint/books/169/16.html>. (дата обращения: 01.11.2023).
3. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Ст. 178. 1886 г. – URL: <https://www.prlib.ru/item/459770> (дата обращения: 01.11.2023).
4. Фаизов Г.Б. Ислам и государство: единство, противоборство, конвергенция: монография. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2010.
5. Соборное уложение 1649 года; Указ Алексея Михайловича 1653 года; Воинский устав Петра I 1716 года.

ANALYSIS OF THE PHILOSOPHICAL AND HISTORICAL TRAJECTORY OF THE FORMATION OF RELIGIOUS EXTREMISM IN RUSSIA IN THE PERIOD FROM 862 TO 1917

Lonskiy Y.A.

Russian University of Transport (MIIT)

The purpose of the work is to analyze the philosophical and historical trajectory of the development of the phenomenon of religious extremism in Russia from 862 to 1917. It is concluded that, in general, state-religious relations, relationships between the main social groups (national-religious) were stable and sustainable. In a multi-confessional and multi-religious country, there were no religious wars and conflicts characteristic of medieval Europe. However, on the historical field of Russia, several reference points can be identified that influenced the future development of religious extremism in its modern understanding.

Keywords: religious extremism, sect, heresy, schism.

References

1. The Tale of Bygone Years / trans. D.S. Likhacheva. – URL: <http://www.hrono.info/dokum/1000dok/povest2.php> (date of access: 10/19/2023).
2. Code of Laws of the Russian Empire. Volume XIV. 1890 [Electronic resource]. – URL: <http://civil.consultant.ru/reprint/books/169/16.html> (date of access: 11/01/2023).
3. Code of Criminal and Correctional Punishments. Art. 178. 1886. – URL: <https://www.prlib.ru/item/459770> (access date: 01/11/2023).
4. Faizov G.B. Islam and the state: unity, confrontation, convergence: monograph. – Ufa: BSPU Publishing House, 2010.
5. The Council Code of 1649; the Decree of Alexei Mikhailovich of 1653; the Military Regulations of Peter I of 1716.

Концепция «мягкой силы» во внешней политике Китая и России: особенности и перспективы

Лю Цзя,

аспирант кафедры политологии Казанского Федерального университета
E-mail: wwitty@yandex.ru

В статье рассматриваются особенности и перспективы применения «мягкой силы» в политике России и Китая. Показано, «мягкая сила» России и Китая основывается на богатом культурном наследии, экономическом влиянии, гуманитарных миссиях, а также влиянии средств массовой информации и образовательных систем. Выявлено, что в обоих государствах средства массовой информации играют ключевую роль в формировании общественного мнения, распространении информации о внешней политике и поддержке национальной идентичности. Сделан вывод о том, что перспективными направлениями использования политики «мягкой силы» в России и Китае являются усиление экономического влияния, развитие культурных программ, расширение международной помощи и гуманитарной деятельности с целью формирования позитивного восприятия проводимой политики и защиты своих интересов в сфере международных отношений. Развитие средств массовой информации и в России, и в Китае выступает одним из приоритетных направлений реализации концепции «мягкой силы», где странам необходимо стремиться к достижению баланса между свободой информации, обеспечением общественной стабильности и государственной безопасности.

Ключевые слова: концепция мягкой силы, мягкая сила, национальные интересы, внешняя политика, Россия, Китай.

Введение

Концепция мягкой силы во внешней политике подразумевает применение ненасильственных методов и инструментов достижения геополитических и дипломатических целей. В отличие от традиционной «жесткой силы», которая воплощается в применении военной мощи и экономического давления, «мягкая сила» основана на убеждающей силе идеалов, культуры, политической системы, экономики и дипломатического влияния государства [11].

Глобализация, цифровизация мировой экономики, снижение эффективности «жесткой силы», а также растущее влияние средств массовой информации (СМИ) и общественного мнения в политических процессах обуславливают высокую значимость применения «мягкой силы» во внешней политике с целью достижения геополитических целей. В современных условиях авторитет суверенных государств во многом определяется их способностью экспортировать собственные культурные ценности и национальные идеи [6]. Следовательно, роль «мягкой силы» во внешней политике характеризуется тенденцией к усилению, а исследование ограничений данной политики имеет теоретическую значимость.

Анализ особенностей использования концепции «мягкой силы» во внешней политике России и Китая представляет актуальную тему исследования, поскольку оба государства обладают сильным экономическим и политическим влиянием, а также активно взаимодействуют с другими странами посредством использования «мягкой силы», оказывая влияние на их политику, экономику, культуру и общественное мнение.

Целью статьи является анализ особенностей и перспектив применения политики «мягкой силы» в продвижении национальных интересов на примере России и Китая.

Обзор литературы

Сущность и особенности применения концепции «мягкой силы» как инструмента внешней политики рассматриваются в научных статьях современных авторов: И.Е. Бражниковой, А.Э. Джанаевой, Е.В. Кузнецовой, О.Ю. Шибаршиной и Т.А. Грачевой и др.

И.Е. Бражникова рассматривает сущность понятий «мягкой силы» и «жесткой силы», которые отражают разные методы и инструменты, используемые современными государствами для защиты своих интересов в сфере международных отношений. «Мягкая сила» основывается на влиянии культуры, политики, экономики, образования и других факторов. «Мягкая сила» убеждает, вдохновляет и устанавливает нормы и идеалы, необходимые для достижения внешнеполитических целей. «Жесткая сила» основывается на военной мощи, экономическом давлении, санкциях, блокадах и других формах физического воздействия. Она часто используется в ситуациях, когда дипломатические и мягкие методы

не дают желаемых результатов или возникают прямые угрозы государственной безопасности [1].

Согласно подходу А.Э. Джанаевой, во внешней политике большинства современных государств наблюдаются компоненты силового и несилового влияния, то есть «мягкая сила» и «жесткая сила» используются совместно в зависимости от конкретных обстоятельств и целей. Эффективная внешнеполитическая стратегия может включать и использование «мягкой силы» для создания благоприятных условий, привлечения союзников и создания влияния, а также при необходимости применение жесткой силы для защиты интересов и обеспечения безопасности своей страны [4]. Однако, с точки зрения О.Ю. Шибаршиной и Т.А. Грачевой, результаты экономического развития современных государств в условиях глобализации и цифровизации во многом зависят от имиджа, то есть от эффективности использования политики «мягкой силы» в контексте международных отношений [3; 9].

В статье Е.В. Кузнецовой рассматриваются особенности использования «мягкой силы» в России и Китае. Показано, что особенностью китайской политики является акцентирование на деятельности государственных организаций, а негосударственные организации, не имеющие устойчивых связей с системой государственных органов, исключаются из данного процесса. В Китае Министерство культуры и туризма, Министерство информации, а также Министерство национального образования играют важную роль в планировании и реализации культурных и информационных программ, проведении культурных мероприятий и развитии туризма [6].

В России основные функции «мягкой силы» исполняются преимущественно государственными организациями, которые активно привлекают культурных деятелей, академических и научных работников, представителей бизнес-сообщества и дипломатов для реализации геополитических целей. Примерами таких организаций могут служить Россотрудничество, Российский культурный центр, Российский фонд прямых инвестиций и дипломатические представительства. Однако наряду с государственными организациями, в России некоммерческие организации, такие как культурные фонды, вузы, а также бизнес-сообщество, могут участвовать в культурном, образовательном и экономическом обмене [6].

Согласно материалам, опубликованным The Economist, большая часть «мягкой силы» возникает из общественных сил, неподконтрольных правительству, таких как отдельные лица, гражданское общество и частный сектор. Однако в Китае внешнеполитическая экспансия входит в противоречие с системой государственного устройства, основанной на всепроникающем государственном контроле [10]. С. Walken в своей статье, опубликованной в журнале Foreign Policy, указывает на то, что и Россия, и Китай не могут в полной мере реализовать потенциал «мягкой силы» во внешней политике, поскольку высокая степень контроля над гражданским обществом и наличие контроля над средствами массовой информации (СМИ) ограничивают возможности обмена культурой и идеями, создают преграды для эффективной дипломатии, а также для независимой информационной деятельности и распространения информации о стране [12].

Анализ научных статей и материалов СМИ показал, что несмотря на обширные возможности использования «мягкой силы», в условиях контроля над информационным пространством потенциал данной политики в России и Китае не реализован. Следовательно, теоретическую и практическую значимость приобретают исследования, направленные на поиск путей повышения эффективности политики «мягкой силы».

Результаты и обсуждение

«Мягкая сила» позволяет государству добиваться собственных целей на основе собственной привлекательности, симпатии, а также добровольного участия в отличие от «жесткой силы», предполагающей достижение государственных целей через механизмы агрессивного принуждения, такие как война или санкции. На рисунке 1 представлены основные элементы политики «мягкой силы», а именно: культурная дипломатия, экономическое влияние, международная помощь и гуманитарная деятельность, образование и обмен культурными ценностями, медиа и информационное пространство.

Культурная дипломатия	• Популяризация культуры, искусства, языка, образования и ценностей страны с целью усиления влияния на другие государства
Экономическая мощь	• Использование экономических инструментов, таких как инвестиции, торговля, помощь в развитии и финансовая поддержка для достижения политических целей и повышения влияния государства
Международная помощь и гуманитарная деятельность	• Оказание помощи в различных формах, таких как гуманитарная помощь и помощь в кризисных ситуациях с целью улучшения имиджа государства на внешнеполитической арене
Образование и обмен культурой	• Использование программ академического обмена и студенческих для создания позитивного восприятия страны
Медиа и информационное пространство	• Использование средств массовой информации, социальных сетей и других коммуникационных платформ для формирования общественного мнения

Рис. 1. Основные элементы концепции «мягкой силы»

Источник: составлено автором по данным [1; 3; 4].

Китай и Россия активно применяют «мягкую силу» в своей внешнеполитической деятельности. Китай активно продвигает свою культуру и экономическое влияние, стремясь к международной репутации и признанию своего лидерства. Россия, помимо культурных и экономических аспектов, уделяет большее внимание поддержке своих политических интересов и укреплению своей геополитической позиции.

Для того, чтобы определить особенности применения «мягкой силы» в России и Китае, необходимо произвести сравнительный анализ основным элементам данной концепции. Результаты анализа представлены в таблице 1. Показано, что и Россия, и Китай обладают значительным экономическим влиянием, придают важность собственному культурному наследию, расширяя его в мире, а также участвуют в гуманитарной деятельности, предоставляя помощь странам в кризисных ситуациях.

Проведенный анализ позволяет выявить отличительные особенности применения «мягкой силы» Россией и Китаем. Так, можно прийти к выводу, что в основе культурной дипломатии Китая находится привлечение иностранных студентов для обучения в китайских университетах, повышение квалификации преподавателей и усовершенствование методик преподавания, а также финансируемые языковые стажировки [6]. Россия также предлагает образовательные программы для международного обмена, но фокус внимания реализуемой политики смещен на распространение русского культурного наследия и произведений искусства. Например, по линии Россотрудничества в Китае проводятся выставки детского творчества, акция «Бессмертный полк» в Пекине, День славянской письменности и культуры и др. [8].

Китай и Россия во внешней политике по-разному подходят к организации медиа и информационного пространства. Китай стремится укрепить свое присутствие в интернете и социальных сетях, одновременно контро-

лируя и фильтруя информацию, предоставляемую внутренними источниками. Россия активно развивает медиа, однако акцент делается на телевидение и тради-

ционные формы информационного воздействия. Сравнение роли и влияния средств массовой информации в России и Китае представлено в таблице 2.

Таблица 1. Особенности реализации «мягкой силы» во внешней политике Китая и России

Элемент «мягкой силы»	Характеристика политики России	Характеристика политики Китая
Культурная дипломатия	Богатое культурное наследие России является инструментом культурной дипломатии: русская литература, классическая музыка, балет, театр и живопись широко признаны и пользуются популярностью во многих странах мира	Богатое культурное наследие Китая выступает инструментом культурной дипломатии: китайская культура, включая китайскую литературу, искусство, кухню, традиции и язык, привлекает внимание международного сообщества
Экономическая мощь	Россия входит в число крупнейших мировых экономик и обладает значительными запасами нефти и газа. Ресурсная обеспеченность России позволяет оказывать значительное влияние на другие государства в сфере международной торговли	Экономика Китая является второй по величине в мире. Китай, выступая в роли крупного экспортера, активно развивает торговые отношения с другими странами и инвестирует в различные отрасли по всему миру. Экономическая мощь Китая способствует достижению высокой влияния на международной арене
Международная помощь и гуманитарная деятельность	Россия оказывает поддержку странам в кризисных ситуациях, отправляет гуманитарные конвои, предоставляет медицинскую помощь и помощь при стихийных бедствиях, что позволяет улучшить образ России и усилить позиции в международном сообществе	Китай предоставляет помощь развивающимся странам в борьбе с бедностью и стихийными бедствиями, отправляет медицинские миссии, активно участвует в международных инициативах, таких как «Один пояс, один путь», что позволяет ему улучшить свою репутацию и усилить геополитическое влияние
Образование и обмен культурой	Россия предлагает образовательные программы для иностранных студентов, активно поддерживает международный обмен студентами и учеными, что способствует распространению русской культуры, языка и ценностей в других странах	Китай активно развивает образовательные программы для обучения иностранных студентов в китайских университетах, что позволяет распространить китайскую культуру и язык, а также улучшить дипломатические отношения с другими странами
Медиа и информационное пространство	Российские медиа, включая телевидение, радио и онлайн-платформы, являются важными инструментами мягкой силы. Они распространяют российскую точку зрения и информацию о событиях в России и в мире. Российские медиа также активно используются для пропаганды российской культуры, идеологии и политики	Китай активно развивает свои медиа и информационное пространство. Китайские государственные и независимые медиа предоставляют информацию о китайской культуре, развитии страны и мировых событиях. Китай также усиливает свое присутствие в сфере социальных сетей и интернета, привлекая аудиторию со всего мира

Источник: составлено по данным [2; 6; 10; 12].

Таблица 2. Роль и влияние СМИ в России и Китае

Признак сравнения	Россия	Китай
Государственный контроль	Государство имеет существенное влияние на СМИ, особенно на телевидение, которое является основным источником информации для большинства населения. Государственные СМИ отражают официальную позицию Правительства России и представляют единую точку зрения на международные события	В Китае государственный контроль над СМИ является прочным, а СМИ тесно связаны с Правительством и Коммунистической партией Китая. Государственные СМИ стремятся поддерживать официальную линию и представлять позицию правительства
Альтернативные и независимые медиа	В медиа пространстве России существуют альтернативные независимые СМИ, которые критически относятся к внутренней и внешней политике. Независимые СМИ обеспечивают разнообразие мнений и предоставляют возможности для обсуждения вопросов, связанных с внешней политикой России	Китай активно развивает свое присутствие в сфере интернета и социальных сетей. Однако правительство строго контролирует информацию и применяет цензуру для ограничения доступа к некоторым запрещенным веб-ресурсам и социальным сетям

Источник: составлено по данным [5; 7].

Таким образом, в России и Китае средства массовой информации играют ключевую роль в формировании общественного мнения, распространении информации о внешней политике и поддержке национальной идентичности. Однако, влияние государства на СМИ ограничивает свободу выражения и разнообразие мнений, что не позволяет в полной мере реализовать потенциал реализации политики «мягкой силы» и понимание внешнеполитических действий обеих стран.

Можно предположить, что частичное ослабление государственного контроля над гражданским обществом и средствами массовой информации позволит усилить «мягкую силу» за счет свободного обмена мнениями, а также открытости и прозрачности в информационном пространстве. Необходимо отметить, что полное освобождение медиа и гражданского общества от государственного контроля может также к таким проблемам как дезинформация и угрозы кибербезопасности. В связи

с этим, необходимо достигать баланса между свободой выражения и необходимостью защиты от деструктивного влияния распространения ложной информации.

Заключение

В результате проведенного исследования были получены следующие выводы.

1. «Мягкая сила» России и Китая основывается на богатом культурном наследии обеих стран, экономическом потенциале, оказании гуманитарной помощи, а также на влиянии средств массовой информации и системы образования. Реализация политики «мягкой силы» позволяет России и Китаю усиливать свое присутствие и влияние в международном сообществе.

2. Китай в процессе реализации внешней политики стремится усилить свое присутствие в интернете и социальных сетях. Власти Китая придают большое значение цифровым коммуникациям и информационным технологиям, в связи с чем они осуществляют контроль и фильтрацию информации в медиа пространстве с целью поддержания политической стабильности и управления общественным мнением. Контроль над СМИ проявляется в использовании цензуры, блокировке некоторых зарубежных интернет-ресурсов и мониторинге социальных сетей. Россия активно развивает медиа, однако акцент делается на традиционные формы информационного воздействия, такие как телевидение и печатные издания. Российские государственные СМИ играют значительную роль в формировании публичного мнения и поддержании определенного политического курса. Вместе с тем, Россия также активно использует интернет и социальные сети, но в меньшей степени, чем Китай, и не применяет такие жесткие формы контроля и фильтрации информации.

3. Значительная часть мягкой силы возникает из общественных сил, неподконтрольных правительству, таких как отдельные лица, гражданское общество и частный сектор. Таким образом, ослабление контроля средствами массовой информации может способствовать разнообразию и свободному обмену идеями в обществе, что в конечном счете способствует формированию мнения о стране и ее ценностях. Частичное ослабление государственного контроля над гражданским обществом может привести к усилению роли независимых неправительственных организаций, ассоциаций, а также активного гражданского участия, то есть к усилению роли источников возникновения «мягкой силы».

4. Перспективами использования политики «мягкой силы» и в России, и в Китае являются усиление экономического влияния, дальнейшее развитие культурных программ, расширение международной помощи и гуманитарной деятельности с целью формирования позитивного восприятия России и Китая. Развитие медиа в России и Китае также является одним из приоритетных направлений реализации концепции «мягкой силы» и должно происходить в рамках национальных интересов и правовых норм, то есть стремиться к достижению баланса между свободой информации, а также обеспечением общественной стабильности и безопасности.

Литература

1. Бражникова И.Е. Политика «Мягкой силы». Соотношение понятий «жесткая и мягкая сила» // Актуальные научные исследования в современном мире. 2021. № 3–5(71). С. 167–170.
2. Владимиров Д.А., Журбей Е.В., Карловская А.А. «Мягкая сила» во внешней политике России и Ки-

тая: особенности национальных стратегий // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2020. № 1 (52). С. 123–137.

3. Грачева Т.А. Особенности использования «мягкой силы» в современном сетевом пространстве // Форум молодых ученых. 2021. № 6 (58). С. 241–243.
4. Джанаева А.Э. Национальные модели «мягкой силы»: индексы в сравнительном анализе // Социально-гуманитарные знания. 2020. № 2. С. 303–309.
5. Кто владеет СМИ в России: ведущие холдинги. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.bbc.com/russian/russia/2014/07/140711_russia_media_holdings (дата обращения: 12.06.2023).
6. Кузнецова Е.В. «Мягкая сила» и национальные интересы России и Китая // Гуманитарные чтения «Свободная стихия»: материалы III Международной научно-практической конференции, Севастополь, 13–15 сентября 2018 года / ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»; под ред. Е.А. Барминой, О.А. Москаленко. Севастополь, 2018. С. 364–371.
7. Люлина А.Г., Ефименко Е.С. Интернет-цензура в современном Китае: жесткий контроль и гибкая система урегулирования // Вестник РУДН. Серия: Всеобщая история. 2022. № 2. С. 175–188.
8. На территории Пекинской выставки прошла акция «Бессмертный полк». [Электронный ресурс]. – URL: <https://kulturomania.ru/news/item/na-territorii-pekinskoy-vystavki-proshla-aktsiya-bessmertnyy-polk/> (дата обращения: 09.06.2023).
9. Шибаршина О.Ю. Концепция «мягкой силы» во внешнеполитической стратегии государств // Эпоха науки. 2022. № 31. С. 177–181.
10. China is spending billions to make the world love it. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.economist.com/china/2017/03/23/china-is-spending-billions-to-make-the-world-love-it> (дата обращения: 08.06.2023).
11. Kivimäki T. Soft Power and Global Governance with Chinese Characteristics // The Chinese Journal of International Politics. 2014. № 7(4). pp. 421–447.
12. Russia and China Can't Get Anyone to Like Them. [Электронный ресурс]. – URL: <https://foreignpolicy.com/2022/10/06/russia-china-soft-power/> (дата обращения: 11.06.2023).

THE CONCEPT OF «SOFT POWER» IN THE FOREIGN POLICY OF CHINA AND RUSSIA: FEATURES AND PROSPECTS

Liu Jia

Kazan Federal University

The article examines the features and prospects of the use of “soft power” in the politics of Russia and China. It is shown that the “soft power” of Russia and China is based on a rich cultural heritage, economic influence, humanitarian missions, as well as the influence of mass media and educational systems. It is revealed that in both states the mass media play a key role in shaping public opinion, disseminating information about foreign policy and supporting national identity. It is concluded that the promising directions of using the policy of “soft power” in Russia and China are strengthening economic influence, developing cultural programs, expanding international aid and humanitarian activities in order to form a positive perception of the policy and protect their interests in the field of international relations. The development of mass media in both Russia and China is one of the priorities for the implementation of the concept of “soft power”, where countries need to strive to achieve a balance between freedom of information, ensuring public stability and state security.

Keywords: soft power concept, soft power, national interests, foreign policy, Russia, China.

References

1. Brazhnikova I.E. The policy of «Soft power». Correlation of the concepts of «hard and soft power» // Actual scientific research in the modern world. 2021. No. 3–5(71). pp. 167–170.
2. Vladimirova D.A., Zhurbey E.V., Karlovskaya A.A. «Soft power» in the foreign policy of Russia and China: features of national strategies. Regional studies. 2020. No. 1 (52). pp. 123–137.
3. Gracheva T.A. Features of the use of «soft power» in the modern network space // Forum of Young Scientists. 2021. No. 6 (58). pp. 241–243.
4. Dzhanaeva A.E. National models of «soft power»: indices in comparative analysis // Socio-humanitarian knowledge. 2020. No. 2. pp. 303–309.
5. Who owns the media in Russia: leading holdings. [electronic resource]. – URL: https://www.bbc.com/russian/russia/2014/07/140711_russia_media_holdings (accessed: 12/06/2023).
6. E. Kuznetsova.V. «Soft power» and the national interests of Russia and China // Humanitarian readings “Free Element”: Materials for the III Scientific and Practical International Conference, Sevastopol, September 13–15, 2018 / Sevastopol State University; edited by E.A. Barmina, O.A. Moskalenko. Sevastopol, 2018. pp. 364–371.
7. Lyulina A.G., Efimenko E.S. Internet censorship in modern China: strict control and flexible settlement system // Bulletin of the RUDN. Series: Universal History. 2022. No. 2. pp. 175–188.
8. The action «Immortal Regiment» was held on the territory of the Beijing Exhibition. [electronic resource]. – URL: <https://kulturo-mania.ru/news/item/na-territorii-pekinskoy-vystavki-proshla-aktsiya-bessmertnyy-polk/> (date of address: 19/06/2023).
9. Shibarshina O.Y. The concept of «soft power» in the foreign policy strategy of states // The age of science. 2022. No. 31. pp. 177–181.
10. China spends billions to make the world love it. [electronic resource]. – URL: <https://www.economist.com/china/2017/03/23/china-is-spending-billions-to-make-the-world-love-it> (accessed: 08/06/2023).
11. Kivimiyaki T. Soft power and global governance with Chinese specifics // Chinese Journal of International Politics. 2014. No. 7(4). pp. 421–447.
12. Russia and China cannot please anyone. [electronic resource]. – URL: <https://foreignpolicy.com/2022/10/06/russia-china-soft-power/> (accessed: 11/06/2023).

Выход Франции из военной организации НАТО в 1966 г. Причины и последствия

Осипов Евгений Александрович,

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Института всеобщей истории РАН (Москва)
E-mail: eaossipov@gmail.com

В статье на основе материалов архива МИД Франции, а также французской и отечественной историографии, показаны причины и последствия выхода Франции из военной организации НАТО в 1966 г. – решения, ставшего одним из центральных событий международных отношений 1960-х гг. и сегодня воспринимающегося как символ политики голлизма и разрядки международной напряженности. Особое внимание уделено анализу меморандума 1958 г., в котором генерал Шарль де Голль сформулировал свои предложения по реформированию альянса, и документа МИД Франции от 10 марта 1966 г., в котором де Голлем изложена мотивация принятого решения. Также в статье показано, что, несмотря на радикальность решения о выходе из военной организации НАТО, в действительности, отношения между США и Францией улучшились еще в период президентства де Голля. И в последующие годы неоднократно поднимался вопрос о реинтеграции Парижа в структуру альянса.

Ключевые слова: Франция, НАТО, Шарль де Голль, Пятая республика, разрядка.

Развитие франко-американских отношений в период президентства генерала Шарля де Голля (1958–1969 гг.) стало одним из определяющих факторов в формировании голлистской внешней политики и одной из точек отчета к началу разрядки международной напряженности. После Второй мировой войны Франция сделала однозначный выбор в пользу западного блока, став одним из участников американского плана Маршалла и получив по нему кредитов и товаров на общую сумму в 3,2 млрд долларов. В 1949 г. Франция вступила в НАТО, а штаб-квартира организации расположилась в Париже. Изначальный выбор в пользу США и НАТО объяснялся началом холодной войны, а также необходимостью получить средства на восстановление разрушенной после войны экономики.

Возвращение де Голля к власти и образование Пятой республики в 1958 г. изменило характер франко-американских отношений. Голлистская концепция строилась прежде всего на идее «свободы рук», возвращении стране собственной роли в мире и самостоятельности в принятии решений. Проведение же подлинной независимой политики было невозможно в условиях подчинения Вашингтону. Уже к 1958 г. у де Голля сложилось четкое представление о развитии отношений с США, Франция, оставаясь неотъемлемой частью Запада, должна была освободиться от американской зависимости. НАТО должно было сохраниться, но в реформированном виде. В начале президентства де Голля речь шла именно о необходимости реформирования НАТО, а не выхода из интегрированных структур.

17 сентября 1958 г. де Голль изложил свое представление о будущем НАТО в специальном меморандуме, адресованном президенту США Дуайту Эйзенхауэру и премьер-министру Великобритании Гарольду Макмиллану. Главная идея меморандума заключалась в увеличении роли Франции внутри НАТО до уровня Великобритании, привилегированного партнера США. Де Голль требовал допуска к выработке ключевых политических и стратегических решений альянса, а также выдвигал идею «трипартизма», то есть распределения ответственности за ядерную политику НАТО между Вашингтоном, Лондоном и Парижем. Иными словами, президент Франции предлагал установить «директорат» трех держав внутри НАТО. В последовавших за меморандумом переговорах наиболее тяжелой стала именно тема ядерного сотрудничества. На тот момент Франция еще только собиралась стать ядерной державой. США же, активно вовлеченные вместе с СССР в переговорный процесс по разоружению [8], не были заинтересованы в появлении четвертой ядерной державы в мире.

Требования де Голля были чрезмерными и не соответствовали реальному весу Пятой республики на тот момент. И он это хорошо понимал. В 1963 г., в открытом разговоре с Аленом Пейрефитом он сказал, что в меморандуме «попросил луну», сделав его «средством дипломатического давления» и «способом вернуть свободу» [11, р. 351–352].

Планировал ли изначально генерал выход из военной организации НАТО или нет – вопрос дискуссионный, требующий дальнейших исследований. В любом слу-

чае в меморандуме были сформулированы максимальные требования Парижа, ставшие основой для франко-американских переговоров на последующие годы. Первым следствием меморандума стало возвращение Средиземноморского флота Франции под полный контроль Пятой республики в 1959 г. В 1960 г. Франция провела первое испытание ядерной бомбы, что значительно повысило вес Франции в международных отношениях и дало ей реальные основания к проведения самостоятельной политики.

В феврале 1966 г. де Голль объявил о выходе Франции из военной организации НАТО. Такое решение объяснялось провалом французской попытки реформирования организации, нарастанием напряженности в отношениях между Парижем и Вашингтоном, а также общим изменением контекста международных отношений. Некоторая нормализация обстановки вокруг Берлина и завершение Карибского кризиса [4], в котором Франция заняла солидарную с Западом позицию, способствовала укреплению доверия между противоборствующими блоками, а достижение военно-стратегического паритета между сверхдержавами делало новую глобальную войну маловероятной. Таким образом, по мнению, де Голля, исчезали условия, побудившие в 1949 г. создать НАТО. Снижение вероятности войны, а также подписание Эвианских соглашений 1962 г. и окончание боевых действий в Алжире позволили Франции проводить более активную внешнюю политику на разных направлениях. Ярким проявлением этого стало установление дипломатических отношений между Парижем и Пекином [6, 7], встретившее резкое недовольство в США.

Большую роль в принятии решения о выходе из военной организации НАТО сыграла интервенция США во Вьетнам в 1965 г. Учитывая, что во Франции находились американские войска, возникала «перспектива» втягивания в чужой конфликт, что было неприемлемо для Парижа, осудившего действия США во Вьетнаме. Отметим также, что решение о выходе из интегрированных структур НАТО стало известно примерно через месяц после объявления о подготовке визита де Голля в СССР [2, с. 383–389; 5, с. 261–274]. Такое хронологическое совпадение, конечно, не случайно. Выход из военной организации альянса стал фундаментом, на котором впоследствии успешно развивались советско-французские отношения.

Еще до официального объявления в МИД Франции рассматривались разные варианты развития событий. В частности, изучалась возможность не просто выхода из интегрированных структур, но и полноценного выхода из НАТО, хотя этот вариант был крайне маловероятен. Во-первых, де Голль был сторонником сохранения Франции в качестве члена альянса. Во-вторых, согласно 13 статье договора 1949 г. об учреждении НАТО выйти из альянса можно было не раньше 1969 г., уведомив о своем решении за год до этого срока. Трехлетнее же ожидание не входило в планы французского президента.

Что же касается выхода Франции из военной организации НАТО, то он был ограничен хронологически. Самым острым вопросом в данном контексте была проблема американского присутствия во Франции, против которого выступал де Голль. Когда в конце 1950-х гг. США выступили с инициативой увеличения контингента американских войск в Пятой республике, реакция генерала была резко отрицательной. Он даже сравнивал это с «оккупацией» [12, р. 113].

В действительности, американское присутствие во Франции было не очень значительным. По соглашению сторон французы осуществляли территориальное командование, а США – оперативное. При этом по се-

кретному соглашению Вашингтон мог использовать военные базы во Франции для военных операций только с согласия французской стороны. Таким образом, возможность осуществления оперативного командования своими базами у США была сильно ограничена. Что касается, авиационных баз, то из 22 аэродромов на территории Франции, изначально находившихся на французской территории, к февралю 1966 г. американцами использовались только восемь [10]. В целом, проблема американского военного присутствия во Франции, несмотря на политическую остроту, была решаемой в практическом смысле.

Мотивация Франции при принятии решения о выходе из военной организации НАТО лучше всего объяснена в специальном документе МИД Франции от 10 марта 1966 г.: «В действительности, угрозы, довлывшие над западным миром, и особенно над Европой, и которые стали причиной заключения договора 1949 г., изменили свою природу. Они более не являются непосредственными... Во-вторых, европейские страны восстановили свои экономики и с тех пор обрели силу. В особенности, Франция, развившая национальные ядерные силы, характер которых исключает интеграцию. В-третьих, ядерный паритет между СССР и США... изменил общие условия построения обороны Запада. Наконец, очевидно, что Европа больше не является центром международных кризисов. Они переместились в другие места, прежде всего а Азию, где не затронуты интересы многих стран НАТО.

Эта эволюция ни в коей мере не ставит под сомнение договор, подписанный 4 апреля 1949 г. в Вашингтоне... Однако появляется структурная проблема. Речь идет о соглашениях, дополнениях, решениях, имевших место после заключения договора 1949 г., подписанных либо на многосторонней, либо двусторонней основе. Правительство Франции считает, что эта структура больше не отвечает реальному положению дел. Без сомнения, можно было бы организовать переговоры и общим соглашением изменить ситуацию. Правительство Франции было бы радо инициировать подобные переговоры, если бы были основания считать, что они приведут к положительному результату. К сожалению, все показывает, что эта инициатива была бы обречена на провал. Партнеры Франции являются сторонниками сохранения статус-кво или даже укрепления того, что есть сейчас, что, с французской точки зрения, отныне неприемлемо» [10].

Выход Франции из военной организации НАТО, как и визит де Голля в СССР в 1966 г., считается одним из самых ярких проявлений голлистской политики и показателем того, что Франция смогла вернуть себе самостоятельную роль во внешней политике, что, безусловно, соответствует действительности. Однако, долгосрочные последствия этого шага обычно преувеличиваются.

Еще в период президентства де Голля отношения между Францией и США начали меняться к лучшему. В посольстве СССР в Париже в 1967 г. отмечали, что в научных учреждениях Пятой республики постепенно происходит замена руководящего звена. Вместо выступавших за конструктивное сотрудничество с Москвой специалистов на высокие должности ставили тех, кто был ориентирован на американский вектор развития [1]. Более четко позитивные изменения во франко-американских отношениях наметились после чехословацких событий августа 1968 г. и избрания Ричарда Никсона на пост президента США в 1969 г. Тогда же, в 1969 г., Никсон совершил официальный визит во Францию, что было воспринято в обеих странах как важный символический шаг.

Улучшению климата двустороннего сотрудничества способствовало и изменение национальной доктрины Пятой республики. После вхождения в ядерный клуб

во Франции была принята так называемая концепция обороны «по всем азимутам», ставшая одним из символов голлизма. В ней, во-первых, СССР не был назван в качестве потенциального противника, а, во-вторых, она была направлена на максимальную независимость от НАТО. Однако, в 1969, во Франции была принята новая концепция, в которой восточное направление было указано в качестве основного. Позднее, уже после отставки де Голля, в генеральном штабе Франции открыто называли СССР в качестве потенциального противника [9, с. 30] и подчеркивалось стремление к совместным действиям с партнерами по НАТО в случае возникновения опасных ситуаций [3, с. 233].

Таким образом, решение генерала де Голля о выходе из военной организации НАТО в 1966 г., безусловно, можно считать одним из самых значимых событий в истории международных отношений 1960-х гг. Дистанцирование от НАТО позволило Пятой республике проводить более самостоятельную внешнюю политику и создать благоприятный климат для развития советско-французского сотрудничества. Франция в итоге превратилась в одного из главных акторов разрядки международной напряженности и смогла претендовать на роль моста между Западом и Востоком.

Однако, Франция всегда оставалась частью западного блока, что было отчетливо видно в кризисные моменты, как, например, в период Карибского кризиса 1962 г. или событий в Чехословакии 1968 г. Еще до ухода де Голля в отставку в 1969 г. во франко-американских отношениях наметились позитивные тенденции. Впоследствии неоднократно будет подниматься вопрос о возвращении Парижа в интегрированные структуры Североатлантического альянса. Снова, как и в начале президентства де Голля, французское руководство будет выступать за реформирование западного блока и усиление в нем европейской составляющей. В 2009 г., при президенте Николя Саркози, этот процесс завершится возвращением Пятой республики в военную организацию НАТО.

Литература

1. АВПРФ. Ф. 136. Оп. 54. П. 18. Д. 20. Л. 118.
2. Арзаканян М.Ц. Великий де Голль. М., 2012.
3. Колосков. И.А. Внешняя политика Пятой Республики. Эволюция основных направлений и тенденций. М., 1976.
4. Корсакова Н.Л. Французская дипломатия и Кубинский кризис. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006.
5. Липкин М.А. Визит Шарля де Голля в Советский Союз и вопросы внешнеполитической стратегии Москвы в 1966–1969 гг. // *Quaestio Rossica*. 2016. Т. 4. № 4. С. 261–274.
6. Осипов Е.А. Развитие отношений между Францией и КНР в контексте разрядки (1964–1974) // *Вопросы истории*. – 2016. – № 9. – С. 110–120;
7. Осипов Е.А. Установление дипломатических отношений между Францией и Китайской Народной Республикой в 1964 г. По материалам архива МИД Франции // *Honoris causa: сборник научных статей, посвященный 70-летию профессора Виктора Владимировича Сергеева*. – Санкт-Петербург: Общество с ограниченной ответственностью «Нестор-История», 2016. – С. 186–192.
8. Осипов, Е.А. Франция и вопросы разоружения (1958–1974 гг.) / Е.А. Осипов // *Вестник Московско-*

го государственного областного университета. Серия: История и политические науки. – 2018. – № 5. – С. 101–115. – DOI 10.18384/2310–676X-2018–5–101–115.

9. Червяков А.И. Военная политика Франции. 1958–1993 гг. М., 1994.
10. Archives du ministère des affaires étrangères. Pacte atlantique nord. 1961–1966. № 261.
11. Peyrefitte A. C'était de Gaulle. T.1. Paris, 1994. P. 351–352.
12. Vaisse M. La grandeur. Politique étrangère du général de Gaulle. Paris, 2013. P. 113.

FRANCE'S WITHDRAWAL FROM THE NATO MILITARY ORGANIZATION IN 1966. CAUSES AND CONSEQUENCES

Osipov E.A.

Institute of World History of RAS

The article, based on materials from the archive of the French Foreign Ministry, as well as French and Russian historiography, shows the reasons and consequences of France's leaving NATO military organization in 1966 – a decision that became one of the central events in international relations of the 1960s. and today perceived as a symbol of the policy of Gaullism and détente of international tension. Particular attention is paid to the analysis of the 1958 memorandum, in which General Charles de Gaulle formulated his proposals for reforming the alliance, and the French Foreign Ministry document of March 10, 1966, in which de Gaulle outlined the motivation for the decision.

The article also shows that, despite the radical nature of the decision to withdraw from the NATO military organization, in fact, relations between the United States and France improved during the presidency of de Gaulle. And in subsequent years, the question of reintegrating Paris into the structures of the alliance was repeatedly raised.

Keywords: France, NATO, Charles de Gaulle, Fifth Republic, détente.

References

1. Archive of foreign policy of the Russian Federation. Fund 136. Inventory 54. Folder 18. File 20. Sheet 118.
2. Arzakanyan M. Ts. The Great de Gaulle. M., 2012.
3. Koloskov. I.A. Foreign policy of the Fifth Republic. Evolution of main directions and trends. M., 1976.
4. Korsakova N.L. French diplomacy and the Cuban crisis. – M.: "Russian Political Encyclopedia" (ROSSPEN), 2006.
5. Lipkin M.A. Charles de Gaulle's visit to the Soviet Union and issues of Moscow's foreign policy strategy in 1966–1969. // *Quaestio Rossica*. 2016. Т. 4. No. 4. P. 261–274.
6. Osipov E.A. Development of relations between France and China in the context of detente (1964–1974) // *Questions of history*. – 2016. – No. 9. – P. 110–120;
7. Osipov E.A. Establishment of diplomatic relations between France and the People's Republic of China in 1964. Based on materials from the archive of the French Foreign Ministry // *Honoris causa: a collection of scientific articles dedicated to the 70th anniversary of Professor Viktor Vladimirovich Sergeev*. – St. Petersburg: Limited Liability Company "Nestor-History", 2016. – pp. 186–192.
8. Osipov, E.A. France and disarmament issues (1958–1974) / E.A. Osipov // *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: History and political sciences*. – 2018. – No. 5. – P. 101–115. – DOI 10.18384/2310–676X-2018–5–101–115.
9. Chervyakov A.I. French military policy. 1958–1993 M., 1994.
10. Archives du ministère des affaires étrangères. Pacte atlantique nord. 1961–1966. No. 261.
11. Peyrefitte A. C'était de Gaulle. T.1. Paris, 1994. P. 351–352.
12. Vaisse M. La grandeur. Politique étrangère du général de Gaulle. Paris, 2013. P. 113.

Взаимодействие языка и мышления от ребенка к взрослому

Осетрова Марина Григорьевна,

старший преподаватель кафедры французского языка,
Московский государственный институт международных
отношений МИД Российской Федерации
E-mail: mosetrova268@gmail.com

Чемоданова Елена Георгиевна,

старший преподаватель кафедры французского языка,
Московский государственный институт международных
отношений МИД Российской Федерации

В статье излагаются вопросы, касающиеся определения дефиниций и констатации взаимодействия языка и мышления ребенка, подростка взрослого человека, обосновывается их влияние на степень ситуативной и общей коммуникации, социализации, развитие умственных способностей и интеллекта. Исследование выявляет, как развитие языковых способностей у детей влияет на структуру и глубину мышления при переходе к взрослому этапу. Авторы анализируют, как формирование языковых концепций отражается на способности абстрагироваться и решать когнитивные задачи в различных возрастных группах. Исследование подчеркивает важность языка как инструмента формирования абстрактного мышления и анализирует, как эти процессы сопутствуют развитию личности от детства к взрослению.

Ключевые слова: язык, мышление, речь, коммуникация, интеллект, социализация, обучение, возраст, подросток, навыки, диалоговая речь, взаимодействие, влияние, соотношение, менталитет, этнос, развитие, вербальная коммуникация.

Научно-методологическая проблема взаимодействия языка и мышления является традиционно привлекательной для исследований в различных отраслях знания: философии, педагогики, юриспруденции, социологии. Как обоснованно отмечает А.Д. Палкин: «Эту проблему невозможно обойти стороной, когда решается вопрос о значимости идеального и материального в жизни человека и устройстве мироздания» [5].

Важнейшей компонентой формирования интеллекта, менталитета и просто общего развития ребенка выступают речевые средства, появление которых возникает на базе довербального периода к концу первого, началу второго года жизни. Именно в этот период экспрессивно-мимические и предметно-действенные средства достигают высокого развития и значительной сложности [8], начинает сообразно возрастному статусу «созревать» и функционировать нервная система, малыш начинает активно осваивать пространство, познавать мир, стремится к общению. И решающим фактором в этом процессе выступает человеческое окружение (ближнее – родители и другие родственники, случайное (ситуативное), постоянное, вынужденное (врач-педиатр, медицинская сестра) и т.п.).

Язык – межличностное образование, состоящее из системы знаков, непосредственным образом взаимодействующее с мышлением, под которым в обобщенном виде принято понимать «психический процесс опосредованного и обобщенного отражения действительности в ее существенных и объективных признаках и закономерных связях» [7].

Путь взаимодействия языка и мышления в процессе социально- вербальной коммуникации у ребенка не избирателен, и в этом заключается его особенность. Ребенок в силу возраста не только любознателен, но и активен, открыт для обобщения без каких-либо серьезных предпочтений (приблизительно к двум годам он стремится «оторваться» от материнской опеки, проявляет интерес к расширению круга своего общения, охотно вступает в некое подобие диалога с незнакомыми людьми). Но для этого ему необходимы вербальные навыки, т.е. способность в доступной для него (пусть и не всегда понятной для окружающих) форме изъясняться, обосновывать свои потребности, выражать эмоции, заявлять требования и т.п.

Л.С. Выгодский, обосновывая значимость речи для развития и воспитания ребенка, писал: «Общение, не опосредованное речью, делает возможным общение самого примитивного типа и в самых ограниченных размерах. В сущности, это общение с помощью выразительных движений не заслуживает даже названия общения. Испуганный гусак, видящий опасность и криком поднимающий всю стаю, не столько сообщает ей о том, что он видел, а скорее заражает ее своим испугом» [2].

Формирование взаимодействия языка и мышления в развитии человеческой личности происходит в несколько этапов. Примечательно, что в возрасте восьми – десяти месяцев интеллект ребенка имеет сенсомоторную

природу, т.е. располагает только восприятием и движениями[6], но именно в этом возрасте ребенок начинает постигать лингво-логическую сущность языка, на котором с ним общаются его близкие либо иные лица. Это постижение красной нитью проходит через воображение, имитацию поведения (радость, смех, огорчение, воспроизведение отдельных звуков – до отчётливого «мама») и жестов, подражание, символическую игру и т.п.

Взрослым, общающимся с ребенком от восьми – девяти месяцев до двух-трех лет важно помнить, что в этот период нужно постепенно, но уверенно переходить от «от уси-пуса, ляпонька какая» к общепринятой речи, литературным выражениям, ориентируясь на возраст и мыслительные способности ребенка: от «сорока-воровка кашку варила» к «зайку бросила хозяйка, под дождем остался зайка» и уже более сложным стихам, фразам, тем более, что способность выражаться двух-словными предложениями формируется приблизительно в двухлетнем возрасте.

Важно помнить, что любые нарушения и отклонения в процессе развития вербальных навыков ребенка могут привести к серьезным проблемам, которые в лучшем случае удастся устранить, прибегнув к помощи специалиста в области логопедии, а в худшем – не только в раннем, но и подростковом возрасте сохраняется неспособность к диалогической речи, которая негативным образом влияет на мышление и интеллектуальные способности.

От взрослого к ребенку в процессе общения переходит язык не только как набор слов и составляющая этнокультурного наследия, но и как дух народа, величайшее достижение человеческого разума. Подчеркивая значимость языка в развитии человека, Вильгельм фон Гумбольдт – философ, живший в XIX в., утверждал, что «язык есть орган, образующий мысль» [3]. Разумно предположить, что стройные и правильные мысли формирует грамотный и четкий язык, и в общении даже с ребенком любого возраста об этом не следует забывать.

Можно с уверенностью утверждать, что методологически продуманный и просто разумный путь передачи вербальных навыков от взрослого к ребенку является одной из основ формирования личности на пути от «ребенка к взрослому человеку».

Основой процесса формирования речевой культуры как необходимого компонента общения выступает диалог ребенка со взрослым, который происходит поэтапно: вначале ситуативно-личностное общение, а затем внеситуативное с более развернутым форматом диалога, который отражает не только социальную сущность, но и индивидуальную потребность, реализуемую на основе биологических и социальных предпосылок.

Науке известны истории существования реальных детей-маугли: мальчик, которого два года «воспитывала» укравшая его самка леопарда (Индия 1912 г.); похищенная людьми и брошенная в джунглях Амазонки девочка, которую подобрали и вывели обезьяны-капуцины (1954 г.); самый известный случай, произошедший в Индии в 1920 г., – индийские охотники и полицейские забрали из стаи волков двух девочек, приблизительно восемь и двенадцати лет, которым впоследствии дали имена Камала и Амала. Существование вне социума дало всем этим детям навыки диких животных, но лишило способности общаться с людьми, поэтому и возвращение их к полноценной человеческой жизни оказалось неразрешимой задачей. Безусловно, это – исключительные ситуации, но они подтверждают (пусть и в «неклассической» форме) значимость вербальной социальной коммуникации для полноценного развития личности в контексте влияния этой коммуникации на мышление и интеллект.

В наивысшей степени интенсивное развитие ребенка происходит в период раннего детства – от одного года до трех лет. В этом возрасте основным видом его деятельности является предметная, а определяемое различными ситуативными факторами общение со взрослыми выступает формой ее организации, т.е. «взрослый становится не просто «источником предметов» и помощником в манипуляциях ребенка, но участником его деятельности и образцом для подражания. Важнейшим приобретением возраста становится развитие речи, которая понятна другим и используется как средство общения с другими и управления собой» [1].

Дошкольный возраст «является периодом активного усвоения ребенком монологической речи, происходит становление и развитие всех ее сторон – фонематической, лексической и грамматической» [10]. На этом этапе полноценное владение языком общения определенной социальной группы, составляющей окружение ребенка, очень важно для него, особенно в нестандартных и неклассических ситуациях (усыновление иностранцами, эмиграция вместе с родителями, переезд в регион Российской Федерации, жители которого говорят на многих языках, и т.п.).

В дошкольном возрасте речь как форма языкового общения выполняет коммуникативную, знаковую и планирующую функции, затем этот процесс усложняется – взаимодействие языка и мышления приводит к тому, что ребенок начинает планировать высказывания, составляя план действия и оречевлять его[9].

В дальнейшем взаимосвязь языка и мышления вступает в особую стадию развития, сопровождающуюся умственным, нравственным, культурным и эстетическим воспитанием ребенка, подростка, а затем и взрослого человека в процессе обучения в школе, колледже, вузе, а также посредством самообразования.

Взаимосвязь языка и мышления проявляется, прежде всего, в том, что язык, будучи средством получения информации и обмена ею, опосредует мышление как высший познавательный процесс, позволяя найти ответы на вопросы, которые невозможно постичь благодаря интуиции (тем более, что она приходит с возрастом) или посредством чувственного познания.

Влияние языка и мышления на формирование интеллекта и повышение уровня социализации (социальной адаптированности) личности проявляется в том, что язык, обеспечивая возможность запрашивания и получения сведений разнопланового характера, расширяет информационную основу мышления, создавая возможность для человека в любом возрасте ориентироваться в окружающей действительности, постигать самое себя и окружающий мир, а уже в процессе взросления и во взрослом возрасте – планировать будущее, оценивая свои способности и возможности.

Язык во взаимодействии с мышлением постепенно, сообразно возрастным особенностям, формирует у человека способность к восприятию (перцепции), представляющему собой процесс обработки информации, результатом которого является отражение окружающего нас мира как совокупности предметов и событий[4].

Резюмируя изложенное, можно отметить, взаимодействие языка и мышления представляет собой непрерывный процесс развития, социализации и самосовершенствования личности.

Литература

1. Ваниева В.Ю., Гатчиева М.М. Особенности речевого развития детей раннего возраста // Современное образование: опят прошлого, взгляд в будущее:

об. статей II Всероссийской методико-практической конференции (Петрозаводск, 20 марта 2021 г.). Петрозаводск: «Новая наука», 2021. С. 112–117.

2. Выгодский Л.С. Избранные психологические исследования. Мышление и речь. Проблемы психологического развития ребенка. М.: АПН РСФСР, 1956. 519 с.
3. В. – фон Гумбольдт. Избранные труды по языкознанию / пер. с нем. Г.М. Рамишвили. М.: Прогресс, 2000 // [Электронный ресурс]. URL: https://4italka.su/nauka_obrazovanie/yazykoznanie/325096/fulltext.htm.
4. Диагностика и учет в образовательном процессе индивидуальных свойств обучающегося: учебное пособие / под ред. К.В. Макаровой, В.Д. Шадрикова. М.: МПГУ, 2022. 277 с.
5. Палкин А.Д. Трактровка взаимосвязи языка и мышления: исторический экскурс // Вестник Московского института лингвистики. 2014. № 1. С. 54–65.
6. Пиже Ж. Генетический аспект языка и мышления // [Электронный ресурс]. Сайт: «Материалы по филологии». URL: <https://www.psychology-online.net/articles/doc-1525.html>.
7. Семенова А.А., Писаревская М.А. Психолого-педагогические основы образовательного процесса: учебное пособие. Ч. 1. Новороссийск, 2021. 488 с.
8. Ступак Л.В. Онтогенез диалогической речи // Специальное образование. 2012. № 3. С. 109–113.
9. Усольцева Н.К. Формирование предпосылок диалогического общения у детей старшего дошкольного возраста с общим недоразвитием речи: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1996. // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dissercat.com/content/formirovanie-predposylok-dialogicheskogo-obshcheniya-u-detei-starshego-doshkolnogo-vozrasta>.
10. Ушакова А.В. Развитие монологической речи у детей дошкольного возраста в процессе реализации ФГОС // Вестник научного сообщества студентов, аспирантов и молодых ученых. 2020. № 3. С. 94–100.

THE INTERACTION OF LANGUAGE AND THINKING FROM CHILD TO ADULT

Osetrova M.G., Chemodanova E.G.

Moscow State Institute of International Relations

The article outlines issues related to defining definitions and stating the interaction of language and thinking of a child, teenager, adult, and substantiates their influence on the degree of situational and

general communication, socialization, development of mental abilities and intelligence. The study reveals how the development of language abilities in children affects the structure and depth of thinking during the transition to adulthood. The authors analyze how the formation of language concepts affects the ability to abstract and solve cognitive problems in different age groups. The study emphasizes the importance of language as a tool for the formation of abstract thinking and analyzes how these processes accompany personality development from childhood to adulthood.

Keywords: language, thinking, speech, communication, intelligence, socialization, learning, age, teenager, skills, interactive speech, interaction, influence, correlation, mentality, ethnicity, development, verbal communication.

References

1. Vanieva V. Yu., Gatsieva M.M. Features of speech development of young children // Modern education: honey mushrooms of the past, a look into the future: collection. articles of the II All-Russian Methodological and Practical Conference (Petrozavodsk, March 20, 2021). Petrozavodsk: "New Science", 2021. pp. 112–117.
2. Vygotsky L.S. Selected psychological studies. Thinking and speech. Problems of child psychological development. M.: APN RSFSR, 1956. 519 p.
3. V.–von Humboldt. Selected works on linguistics / trans. with him. G.M. Ramishvili. M.: Progress, 2000 // [Electronic resource]. URL: https://4italka.su/nauka_obrazovanie/yazykoznanie/325096/fulltext.htm.
4. Diagnostics and taking into account the individual characteristics of the student in the educational process: textbook / ed. K.V. Makarova, V.D. Shadrikova. M.: MPGU, 2022. 277 p.
5. Palkin A.D. Interpretation of the relationship between language and thinking: a historical excursion // Bulletin of the Moscow Institute of Linguistics. 2014. No. 1. pp. 54–65.
6. Piaget J. Genetic aspect of language and thinking // [Electronic resource]. Website: "Materials on Philosophy." URL: <https://www.psychology-online.net/articles/doc-1525.html>.
7. Semenova A.A., Pisarevskaya M.A. Psychological and pedagogical foundations of the educational process: textbook. Part 1. Novorossiysk, 2021. 488 p.
8. Stupak L.V. Ontogenesis of dialogical speech // Special education. 2012. No. 3. pp. 109–113.
9. Usoltseva N.K. Formation of prerequisites for dialogical communication in children of senior preschool age with general speech underdevelopment: dis. ...cand. legal Sci. M., 1996. // [Electronic resource]. URL: <https://www.dissercat.com/content/formirovanie-predposylok-dialogicheskogo-obshcheniya-u-detei-starshego-doshkolnogo-vozrasta>.
10. Ushakova A.V. Development of monologue speech in preschool children in the process of implementing the Federal State Educational Standard // Bulletin of the scientific community of students, graduate students and young scientists. 2020. No. 3. pp. 94–100.